

Сказки
армянских
писателей

Сказки
армянских
писателей

ЕРЕВАН
«СОВЕТАКАН ГРОХ»
1988

ББК 84 Ар
С 421

Перевод с армянского

Составление и предисловие
СЮЗАННЫ ГУЛЛАКЯН

С 421 Сказки армянских писателей: Сборник — [Пер. с арм. Э. Налбандян и др., сост. и предисл. С. Гуллакян] — Ер.: Совет. грох, 1988. — 352 с.

В книгу вошли лучшие сказки, созданные армянскими писателями-классиками.

С $\frac{4702080201 (87)}{705 (01) 88}$ 93.88

ББК 84 Ар.

ISBN 5—550—009—7

© Издательство «Советакан грох», перевод, составление, предисловие, оформление, 1988

АРМЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ И НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Сказка — один из популярнейших жанров народного творчества. Берущая своё начало в дописьменной культуре человечества, она дошла до наших дней, сохранив неизменными свои основные черты — красочную изобразительность, увлекательность вымысла, определённую этических оценок, чёткость сюжетной структуры. Именно эти черты делали сказку неизменно привлекательной не только для слушателей и читателей, но и для писателей, обращающихся к миру народной фантазии в поисках живого слова, яркого образа, острого сюжета.

Литературная сказка по сравнению со сказкой народной молода, если под литературной понимать сказку авторскую, отмеченную индивидуальностью её создателя и в то же время сохраняющую основные жанровые признаки народного источника.

Армянская литературная сказка появилась в середине XIX века.

Основоположителем её является выдающийся писатель, педагог, публицист и общественный деятель Газарос Агаян (1840 — 1911), автор многих литературных сказок. В 1881 г. вышла его первая сказка «Анаит», за ней последовал ряд других. Литературные сказки Г. Агаяна, наряду с изданиями Г. Срвандзтяна, Т. Навасардяна, С. Айкуни, составили круг народного чтения, а некоторые его обработки («Анаит», «Одзаманук и Аревахат») получили более широкое распространение, чем их фольклорные источники.

Высказывания Г. Агаяна (а их немало) о сказках носят довольно специальный характер. В центре его внимания не источники сказочных образов, не сходство их со сказками других народов, а художественная и воспитательная функция фольклорного произведения. Об этом в первую очередь говорит характер обработки фольклорных источников. В своих сказках — «Анаит», «Арегназан», «Ехегнуи», «Одзаманук и Аревахат», «Занги-Зранги» и др. — Г. Агаян подчёркивает мужество, благородство, доброту героев, стремясь дать им значение образца, примера для подражания.

«Моей целью было и есть сказкой ввести ребёнка в сказочный мир, и в этом мире дать ему не пассивную роль, а **активную**, чтобы ребёнок своим **воображением** вошёл в роль героя, делал бы то, что делает герой, был бы как и он храбр сердцем, как и он самоотвержен, изобретателен, благороден и честен»¹.

Особенно высоко ценит Г. Агаян роль сказки в развитии воображения ребёнка. «Ростки гения, таланта человека надо искать в слышанных им сказках. Если бы я знал, какие сказки развили воображение Шекспира, Сервантеса, Гёте, Шиллера, Колумба и им подобных, я бы дал читать те же сказки своим дорогим маленьким читателям, будь они даже... страшными и ужасными», — писал он в статье «Мой полуответ ежемесечнику “Мурч”»², который объявил его сказки антипедагогическими. Указывая на гиперболизацию, фантастику, как на основные свойства сказки, Г. Агаян в то же время подчёркивает её связь с действительностью: «Мир сказки — самая верная картина реального мира», — писал он в той же статье.

В настоящем сборнике опубликованы наиболее популярные и интересные в художественном отношении сказки. Они позволяют судить о том, как Г. Агаян обрабатывает народные источники. Некоторые его сказки очень близки оригиналу, в точности повторяют его сюжетные ходы («Айцатур», «Ехегнуи», «Занги-Зранги»), другие представляют собой свободную контаминацию известных сказочных мотивов («Одзаманук и Аревахат», «Аслан-

¹ Г. Агаян. Собр. соч. в IV томах. «Айпетрат», Ереван, т. III, 1963, с. 213 (на арм. яз.).

² Там же, с. 214.

Бала»). Есть и обработки, в которых фольклорная основа обрастает таким количеством вставных эпизодов, психологических подробностей и деталей, что они начинают походить на сказочные повести. К ним относятся «Анаит» и «Арегназан».

Сказка «Анаит» имеет источником известный во множестве вариантов сюжет под названием «Ремесло дороже золота», которое вполне выражает его нравоучительный смысл. Агаян также преследует нравоучительную цель, но стоит повествование не на элементарной дидактике сюжетной схемы, а на развёрнутых характеристиках персонажей, острых психологических ситуациях и живом диалоге. В центре сказки — идеальный образ девушки из народа, мудрой правительницы, преданной и любящей жены, храброй воительницы.

По сходному принципу обработан сюжет сказки «Перемена пола», названной Агаяном «Арегназан». В эту сказку автор вводит большие стихотворные куски, которые окрашивают повествование тонким лиризмом.

Лиризм вообще свойствен литературным обработкам Г. Агаяна. И не случайно, что главными героями ряда сказок являются девушки — прекрасные, нежные и одновременно мужественные («Ехегнуи», «Одзаманук и Аревахат», «Азаран-Блбул»),

Сказки, в которых Г. Агаян строго следует схеме сюжета, сохраняя даже типичную для армянского репертуара контаминацию (например, сказка «Занги-Зранги», где сюжет о сестре-вишапе традиционно соединяется с сюжетом о том, как слепые муж и жена приютили юношу), также несут печать его авторской индивидуальности и целевой установки: создать яркое красочное повествование, в котором присутствуют точные этические оценки. Только такого рода сказки, по мнению Агаяна, могут иметь воспитательное значение. Так, в пространной и занимательной сказке «Азаран-Блбул» восхваляется мужество, бесстрашие и благородство двух царевичей и их сестры, обличается низкое коварство старших сестёр царицы. Читателю, знакомому с армянскими сказками, быть может, покажется, что название этой сказки не соответствует её содержанию, поскольку широкую популярность получил другой сюжет под этим названием (см. сказку Ст. Зорьяна «Азаран-Блбул»). Г. Агаян обработал сюжет «Чудесные дети» и именно ту его версию, которая часто встречается в армянском репертуаре, — о поющем дереве, о говорящей птице Азаран-Блбуле и златоструйной воде.

Значение сказок Газароса Агаяна, написанных на литературном языке, в том, что они ввели в круг народного чтения многие сюжеты из армянского сказочного репертуара, сделали их достоянием широких читательских масс.

Великий армянский поэт Ованес Туманян (1869 — 1923) является автором 22 обработок армянских народных сказок. Среди них сказки волшебные, новеллистические, бытовые, анекдоты. Туманян, используя многочисленные варианты как армянских сказок, так и сказок других народов, создаёт как бы сводный текст, в котором присутствуют мотивы, эпизоды из разных вариантов. Известно, что работая над поэмой «Азаран-Блбул», он имел под рукой более 60 вариантов сказки. Об этом своём подходе к обработкам фольклорных источников он написал в статье «Нелитературные ничтожества в роли критиков» (1909), и привёл список использованных им вариантов сказок «Воробей» и «Царь Чахчах». В первом случае упомянуто 7 названий, во втором — 13, среди них сказки не только армянские, но и русские, имеретинские, чеченские, татарские, аварские и др. «...Народные произведения, — пишет он, — сказки, легенды, басни, анекдоты бродят из края в край, из страны в страну, из языка в язык, не имея паспорта»¹. Ту же мысль он высказывал по поводу сказки Г. Агаяна «Анаит». «Агаян взял этот материал из народной сказки, которая восхваляет ремесло.

¹ Ов. Туманян. Собр. соч. в VI томах. «Айпетрат», Ереван т. IV, с. 99 — 100.

Сказка, которую имеют все народы, по существу одна и та же, со своим особым оттенком и жизнью в подробностях, как почти все сказки»¹.

Создавая свои сказки, Туманян не олитературирует оригинал, хотя пишет на литературном языке, используя всё богатство народного языка (а не какого-либо одного диалекта)². Сам Туманян так писал об этом: «Как в отношении материала, так и в отношении языка я считаю себя совершенно свободным и беру отовсюду»³. Эта свобода, естественность, простота, отсутствие какой-либо выпренности или нарочитого опрощения — вот что характерно для сказок Туманяна. Они лаконичны, сжаты, сюжет развивается в них динамично, диалог естественный, бытовой, изобилующий народными пословицами, поговорками, присловьями. Туманян сохраняет композицию народного оригинала, формульные зачины и концовки, не усложняет психологическую характеристику персонажа, мотивы его поступков, оставаясь верным природе фольклорного жанра.

Ов. Туманян выступает не как перелagатель, не как интерпретатор, а как подлинный сказочник, великий сказочник. Поэтому сказки Туманяна, взятые у народа, снова вернулись в народ, приобрели распространение и популярность бóльшую, чем фольклорные оригиналы. Кто ныне помнит сказку о Джико, трусе и лентяе, который благодаря случаю стал царём? А сказка о Храбром Назаре, гениальная сказка Ов. Туманяна, созданная на основе ервандзтяновской записи о Джико и других вариантов, бытующих в фольклоре разных народов, стала фактом национального сознания, прочно вошла в национальную народную культуру, сама послужив источником последующих литературных обработок. Версии Ав. Исаакяна, Ст. Зорьяна, Д. Демирчяна сюжета о трусе и бездельнике, возвысившемся благодаря везению и глупости людской, несомненно, исходят из туманяновской традиции.

Возвращение литературной сказки в фольклор (явление бумеранга)⁴ — свидетельство высокого мастерства писателя, истинной народности его созданий. Сказки Туманяна демократичны составом персонажей (цари и царевичи встречаются в одной-двух сказках), описанным в них крестьянским укладом, простонародным юмором. В них поистине торжествует народный взгляд на вещи. Об обработках Туманяна можно сказать словами Горького о Пушкине: «Он сохранил их (народных сказок — С. Г.) смысл и силу, украсив блеском своего таланта».

Есть свидетельства современников, что Туманян имел намерение написать исследование о сказках. С этой целью он собрал большую специальную библиотеку — все издания сказок бр. Grimm, сказки А. Н. Афанасьева, сборники сказок разных народов. Исследование это, судя по заметкам, сохранившимся в архиве писателя, должно было охватить и содержание сказок, и их поэтику. Глубина и значительность сказочного смысла издавна привлекали внимание Ов. Туманяна. «Сказки, — говорил он, — это пропасти, глубокие, бездонные, безграничные... богатый, роскошный мир! Сказка — это высшее творение, даже гениальные писатели не могут создать сказки, но стремятся к этому...». «Самый великий творец — народ, и самое его великое творение — сказка»⁵.

Понимание Туманяном жанра сказки выходило за пределы фольклоризма литературы и приближалось к современным научным представлениям. Примечательно, что Туманян пришёл к ним не как исследователь-теоретик, а как писатель, имеющий богатый художественный опыт обработки фольклорных источников, т. е. как подлинный знаток сказки, её жанровой специфики.

¹ Там же, с. 208.

² См.: **А. Вартамян.** «Вопросы языка и стиля сказок Ов. Туманяна». В кн.: «Туманян. Исследования и публикации», кн. 4. Изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1985, с. 51 — 68 (на арм. яз.).

³ Там же, с. 402.

⁴ См.: **Д. Н. Мендриш.** Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980, с. 117.

⁵ «Туманян в воспоминаниях современников», Айпетрат, Ереван, с. 233, 795.

Стефан Зорьян (1889 — 1967), выдающийся армянский писатель, автор исторических романов, рассказов и повестей на современную тему, обратился впервые к жанру литературной сказки в начале 20-х годов, став продолжателем традиции, которая сложилась в конце XIX — начале XX вв. в армянской литературе благодаря обработкам Г. Агаяна и Ов. Туманяна. Хорошо был известен Ст. Зорьяну и опыт западноевропейских писателей в области обработки фольклорных сюжетов.

Ст. Зорьян очень высоко ценил народную сказку, считая её «основой народного творчества и литературы». В сказках отражается «творческая энергия народа, его психология, его мечты о лучших днях, — писал Зорьян. — Уж не говоря о том, сколько материала дают сказки для изучения родного языка, прошлого народа, его быта и уклада. А наши сказки с этой точки зрения богаты необыкновенно. Сведущий читатель увидит в них отзвуки нескольких эпох. Есть сказки, в которых ощущается биение сердца нашего народа, его тоска по лучшим дням, по справедливости и правде»¹.

Писатель очень бережно относился к фольклорной основе. Прежде чем приступить к обработке какого-либо сюжета, он собирал его варианты, стремясь выявить лучший, тот, в котором наиболее полно выразился смысл народного повествования (см. его воспоминания об Ов. Туманяне).

О том, как он работает над фольклорным оригиналом, какой избирает способ его обработки, он пишет в статье «О сказке» (1941). Статья эта была ответом на критический разбор его сказок А. Ганалаяном в журнале «Советакан граканутюн» (1941 г., №№ 5 — 6, с. 112 — 117). А. Ганалаян упрекал Ст. Зорьяна в отходе от фольклорной основы, в замене диалекта литературным языком, в использовании пространных пейзажных зарисовок, психологических характеристик персонажей (и то, и другое чуждо фольклору), в утяжелении диалогов, а иногда их сокращении и т.д. Ст. Зорьян в своём ответе А. Ганалаяну, который не был тогда напечатан, объясняет свой подход к литературной обработке сказки. «Известно несколько приёмов обработки сказок, — писал он. — Есть авторы (бр. Гримм, Ов. Туманян, А. Толстой), которые, обрабатывая сказку, остаются верны сказочному сюжету, стилю, композиции и вообще всем его фольклорным особенностям. Но есть писатели (интерпретаторы) другого рода (Андерсен, Оскар Уайльд, Ан. Франс), которые берут лишь зерно сказки и развивают его по своему вкусу и пониманию, выражают в сказках свои взгляды на жизнь, свои мысли, иногда превращая сказку в острую сатиру, как это сделали, например, Андерсен (“Новое платье короля”), Анатолий Франс (“Белая рубашка”), в языке сказки вовсе не сохраняют народную речь, как Агаян в “Анаит” и “Арегназан”. Так поступил и Туманян в “Капле мёда” и в “Храбром Назаре”. Я сторонник такого метода, последователи которого сознательно вводят в сказку пейзаж, сокращают пространные диалоги оригинала, уж не творя о том, что они совершенно отходят от фольклорной основы сказки. Взамен они заостряют идею, делают композицию более стройной, а иногда и меняют её, превращая сказку в рассказ, сохраняя только волшебный элемент...»²

Зорьяном обработана 21 сказка. В основе их — сюжеты, имеющие международное распространение. Бытуют они и в армянском репертуаре сказок. Писатель, обрабатывая тот или иной сюжет, стремился сохранить, подчеркнуть его национальную специфику, показать, какой «своеобразный колорит и философию приобретают эти кочующие сюжеты на армянской почве». С этой целью Ст. Зорьян вводит в повествование исторических лиц (например, армянского царя Гагика Арцруни), использует армянские имена, делает местом действия города на территории Армении. Однако принципиально отказывается от диалекта, от просторечных выражений, прибегая к ним изредка, не использует и сказочных формул. Установка Зорьяна — создать именно литературную сказку.

¹ Ст. Зорьян. Собр. соч. в XII т., Ереван, т. V, с. 571 (на арм. яз.).

² Там же, т. VI, с. 573 (на арм. яз.).

Помещённые в настоящем сборнике семь сказок — наиболее удавшиеся обработки Ст. Зорьяна. Сказка «Азаран-Блбул» создана им на основе сюжета, очень распространённого в армянском репертуаре — о спасении царевичем трёх девушек и добыче чудесной птицы Азаран-Блбула (Тысячеголосого соловья). Писатель сохраняет структуру фольклорного источника, основные мотивы, троекратные повторы. Написанная в 1923 г., сказка отмечена подчёркнуто социальными акцентами (см. характеристики царя, финал сказки). Но в целом в ней сохранён исконный смысл волшебной сказки о торжестве добра, красоты и справедливости над злом и коварством.

В основу сказок «Светящаяся шкура», «Чудесная свирель», «Любовь», «Дубинка», «Филос», «Сердце» также легли популярные сюжеты. В одних («Светящаяся шкура», «Любовь», «Дубинка», «Филос», «Сердце») автор следует за фольклорным оригиналом, в других («Чудесная свирель», «Пастух-судья») более свободно контаминирует известные мотивы, но во всех случаях остаётся верен народной философии, народному взгляду на вещи. И всё же печать литературности лежит на всех сказках Зорьяна. Как уже отмечалось, для Зорьяна это имеет принципиальное значение, поэтому он вводит в повествование развёрнутый диалог, картины пейзажа, подробно описывает психологическую ситуацию — всё то, мимо чего проходит народная сказка. Особенно «зорьяновскими» выглядят сказки «Любовь» и «Сердце», хотя именно здесь писатель не нарушает структуру оригинала, повторяя его сюжетные ходы («Любовь» основана на сюжете «Кто великодушнее?», «Сердце» — на сюжете о верной жене, которая согласилась отдать свою душу вместо души мужа). Это по сути маленькие лирические этюды о любви и верности женщины. В них присутствует особый эмоциональный фон, который создаётся за счёт детальной мотивации поступков персонажей, созвучного их настроению пейзажа, экспрессивного диалога.

Надо отметить ещё одну принципиальную особенность сказок Ст. Зорьяна — они подчёркнуто армянские. Национальный колорит создаётся в основном посредством имён персонажей (Арин, Сиран, Захар, Анток), их обозначений (нахарар, а не визирь; гусан и др.), предметного мира, географических названий (Двин). Так, сюжеты, имеющие международное распространение, под пером армянского писателя воссоздают картину народной жизни.

Если на обработках Ст. Зорьяна лежит печать литературности при в общем бережном отношении к фольклорной основе, то сказки Вртанеса Папазяна и Аветика Исаакяна являются чисто литературными, если под ними подразумевать произведения, в которых использованы отдельные фольклорные мотивы и присущие фольклору художественные приёмы воспроизведения действительности, но сюжет является плодом свободного вымысла.

Известный армянский писатель Вртанес Папазян (1864 — 1920), прозаик, драматург, не раз на протяжении своей творческой деятельности обращался к фольклору, не только армянскому, но и всего ближневосточного региона. В его творчестве значительное место занимает жанр, который писатель назвал **зруйц** (զրույց).

Всего им было создано около 50 сказок. Жанровая характеристика их не очень чётко определена. Среди них есть произведения, приближающиеся к рассказам, есть обработки народных легенд и преданий, есть свободные контаминации литературных и фольклорных мотивов. У Врт. Папазяна иная задача, чем, например, у Г. Агаяна или Ов. Туманяна, задача — не ввести фольклорный сюжет путём обработки в литературу, а использовать народно-поэтическое творчество, его содержание и художественные средства для создания произведений, обращённых к проблемам современности. Во многих из них поднимаются «вечные» темы жизни, смерти, добра, зла, власти денег и т.п., но писатель не предаётся в них отвлечённому философствованию, он стремится найти ответы на самые животрепещущие вопросы дня. Поэтому сказки Врт. Папазяна лишены конкретной локальной окраски, они

прежде всего несут общечеловеческое содержание¹. Помещённые в настоящем сборнике 8 сказов Папазяна различны по своему характеру. В «Вишапе» известный сказочный мотив о вишапе (драконе), закрывшем источник воды, получает откровенно социальную окраску. Так же социально интерпретирован мотив, заимствованный из «Шахнаме» Фирдоуси о деспоте-правителе, на плечах которого выросли два ненасытных вишапа. Только в борьбе сплотившегося под общим знаменем рабочего люда видит Папазян спасение от векового угнетения.

Сказ «Круглые боги» — аллегория, повествующая о власти золотого тельца над людьми.

Поэтическая легенда «Лур-да-лур» рассказывает о любви бедного пастуха курда к дочери богача и об их гибели. Любопытно, что сюжет этой легенды перешёл в армянский фольклор, где бытует в виде сказки (см. «Армянские народные сказки», изд. АН Армянской ССР, т. V, с. 87).

«Деревянный меч» — настоящая сказка. Сюжет её более известен в обработке Ов. Туманяна под названием «Բեֆ տնդիւնը քեֆ չի ցալուիլ». Читателю будет интересно сравнить две версии одного сюжета, созданные двумя столь разными писателями.

Дело не только в различии имён (у Папазяна — Шах-Аббас и Ахмед, у Туманяна — Гарун-аль-Рашид и Гасан), не в расхождении некоторых сюжетных ходов, а в различных принципах обработки.

Туманян пишет сказку, поэтому избегает длиннот, подробных описаний обстановки, пространного диалога. Папазян создаёт одну из своих сказок: начинает повествование с подробной экспозиции, строит развёрнутый диалог, мотивируя поступки персонажей и т.д. И всё же сказочный сюжет не разрушен, это и выделяет «Деревянный меч» из всех сказок Врт. Папазяна, являя собой примечательный образец литературного варианта народно-поэтического творчества.

Великий армянский поэт Аветик Исаакян (1875 — 1957), творчество которого связано с устной словесностью народа глубокими корнями, — автор нескольких литературных сказок. В сборнике помещены четыре из них. Так же, как и сказы Врт. Папазяна, это свободная контаминация известных фольклорных мотивов.

Мотив поисков солнца стал основой лирического рассказа о бездомном мальчике-сироте («К солнцу»).

«Сказка» соединяет в себе несколько сказочных мотивов, но в целом не повторяет ни один из известных сюжетов о поисках юношей никогда не виданной им красавицы. Всё повествование овеяно тонким исаакяновским лиризмом, даже мотивы, заимствованные из фольклора (обращение героя к цветам, к волнам, к ветру), обретают особый поэтический оттенок.

«Умники города Нукима» — одна из очень распространённых сказок о глупцах, известных в фольклоре многих народов.

Пять разных писателей, пять различных творческих индивидуальностей, несходные принципы обработки фольклорных сюжетов. Собранные вместе, сказки армянских писателей знакомят русского читателя с лучшими страницами народно-поэтического творчества армянского народа. Переводы сделаны специально для этого сборника.

Сюзанна Гуллакян

¹ О сказках Врт. Папазяна см. в кн.: **А. Оганян**. «Вртанес Папазян». Изд. АН Армянской ССР, Ереван, 1976, с. 174 и далее (на арм. яз.).

Тазарос Азиян

АНАИТ

1

Когда-то стольным городом страны агванов был Партав, который сейчас разрушен и называется Барда. Он находился между нынешним Гандзаком и Шушой, на реке Тартар. Здесь, в густой роще, раскинувшейся вдоль берегов Тартара, стоял великолепный дворец царя Ваче. Эта старинная насаженная роща превосходила естественный лес своими исполинскими чинарами и тополями, за вершинами которых не были видны даже самые высокие башни города. Прочная ограда вокруг рощи не стесняла быстроногих лёгких ланей и серн, которые бегали и резвились здесь стаями, как на воле.

Однажды единственный сын царя Ваче юный Вачаган стоял на балконе дворца, облокотившись на перила, и смотрел на рощу. Было раннее весеннее утро. Певчие птицы всего мира, словно сговорившись, слетелись на эти деревья, чтоб устроить концерт и посостязаться друг с другом. Одни будто играли на свирели, другие на дудочке, но победу всегда одерживал голосистый певец. Этим певцом был соловей — блбул Агвана, единственный утешитель влюблённых сердец. Когда он начинал играть на своей многострунной лире, тотчас же все птицы умолкали и вслушивались в переливчатые соловьиные трели, учились у него кто щебетать, кто раскатисто свистеть, а кто трелить, и вдруг все птичьи голоса сливались в одну звонкую заливную песню.

Быть может, это их слушал Вачаган так сосредоточенно и молча?.. Нет, иная забота, иная боль была в его сердце, и пение птиц лишь усиливало её, вызывая глубокую тоску.

Из грустных раздумий Вачагана вывела его мать, царица Ашхен, она подошла к нему и, сев рядом, спросила:

— Вачик, я вижу, на душе у тебя какая-то боль, но ты скрываешь от нас. Сын мой, скажи мне, почему ты так грустен?

— Ты права, мать, — ответил сын, — слава и роскошь потеряли в моих глазах всякую цену. Хочу удалиться из мирской жизни, уйти в монастырь. Говорят, вардапет Месроп вновь приехал в Хацик и в построенном им монастыре основал братию. Я хочу пойти туда. Мать, ты не представляешь, какое это прекрасное место село Хацик. Там и юноши и девушки так остроумны, так красивы! Если ты их увидишь, придёшь в восторг.

— Значит, ты хочешь пойти в Хацик, чтобы видеть свою остроумную Анаит?

— Мать, откуда ты знаешь её имя?

— Соловьи нашего сада принесли мне эту весть. Почему ты, дорогой Вачик, забываешь, что ты сын агванского царя? Сын царя должен жениться либо на дочери царя, либо великого князя, но не на простой крестьянке. У грузинского царя три дочери, можешь выбрать любую из них. У гугаркского бдешха¹ очень красивая дочь. Она единственная его наследница, владелица всех его богатых поместий. У Сюникского царя также красавица-дочь. Наконец, чем не невеста Варсеник, дочь нашего азарапета²? Она выросла на наших глазах, воспитана нами.

— Мать, я уже сказал, что хочу удалиться в монастырь. Но если вы желаете, чтобы я непременно женился, то знайте — я женюсь только на Анаит...

Сказав это, Вачаган зарделся от смущения и убежал в сад.

¹ Бдешх — князь, владетель пограничной области.

² Азарапет — тысяцкий.

Вачагану недавно исполнилось двадцать лет, он вытянулся, подобно тополям, что росли в их саду, но был очень изнеженным, бледным и болезненным юношей. Получив духовное образование у учеников великого Месропа, он хотел последовать примеру своих учителей и удалиться в один из монастырей, стать, как и они, проповедником. Но это противоречило воле его родителей, ибо он был их единственным сыном, единственным наследником агванского царства.

— Вачаган, сын мой, — много раз говорил ему отец, — ты знаешь, что моя единственная надежда — это ты. Ты должен сохранить огонь нашего очага, продолжить наш род. Значит, ты должен жениться.

Слушая эти слова отца, сын лишь краснел, не зная, что сказать в ответ: ведь он не думал и не хотел думать о женитьбе. Но отец не давал ему покоя и по несколько раз в неделю возвращался к этому разговору. Чтобы реже видеть отца и не слышать его наставлений, Вачаган отдался охоте, хотя и не любил её, а предпочитал проводить время дома за чтением книг. Рано утром он уходил из дома, бродил по горам, по долам и возвращался поздно вечером. Иногда он отсутствовал по три-четыре дня, вызывая недоумение у родителей. Сыновья многих князей хотели подружиться с ним, ходить вместе на охоту, но он избегал их. Он брал с собой своего преданного и храброго слугу Вагинака — мужчину крепкого сложения и здоровья, и верного пса Занги. Люди, которые видели их, не догадывались, что один из них сын царя, а другой его слуга, потому что оба они были в простой охотничьей одежде, у обоих были одинаковые лук и стрелы, кинжалы с широким лезвием, и лишь котомку с припасами нёс Вагинак. Нередко они останавливались в сёлах, и Вачаган исподволь знакомился с жизнью крестьян, с их каждодневными заботами и нуждами, примечал, кто делает добро, а кто чинит беззаконие. И неожиданно судьи-взяточники отстранялись от должности, а взамен назначались новые, честные, многие воры оказывались в тюрьме, несли заслуженное наказание, а семьи бедняков вдруг получали помощь от царя, хотя о ней не просили. Словно какая-то неведомая сила видела всё и творила добро. И народ стал верить, что царь Ваче, подобно богу, знает всё: и что кому нужно, и кто достоин кары, а кто — награды. Вскоре в стране не стало воровства и несправедливости, но никто не знал, что эти перемены происходили благодаря сыну царя.

Странствия Вачагана принесли пользу и ему самому. Он стал здоровее и бодрее, набрался силы и ловкости. А близко узнав жизнь народа, его нужды, он понял, как много благодеяний может сделать царь для своего народа, и поэтому всё меньше и меньше думал об уходе в монастырь. В его сердце готово было вспыхнуть яркое пламя любви, для этого нужен был лишь повод, который вскоре и представился.

Однажды во время охоты Вачаган и Вагинак оказались в одном селе и, усталые, сели у родника отдохнуть. К роднику подходили крестьянские девушки, они поочерёдно наполняли водой кувшины и крынки. Вачагану страшно хотелось пить. Он попросил воды, одна из девушек наполнила кувшин и протянула его Вачагану, но другая вырвала кувшин из её рук и вылила воду. Она снова наполнила кувшин и снова опорожнила его. У Вачагана во рту пересохло, он с нетерпением ждал, когда дадут ему напиться. Но девушку это не заботило, она словно затеяла игру: наполняла кувшин и тут же выливала воду. И лишь наполнив кувшин в шестой раз, она подала его незнакомому охотнику.

Напившись и протянув кувшин Вагинаку, Вачаган заговорил с девушкой и спросил, почему она не подала ему воду сразу, быть может, ей захотелось подшутить над ним, рассердить его. Девушка ответила:

— У нас не принято подшучивать над незнакомым юношей, особенно когда он просит воды. Но я подумала: вы очень устали, вспотели, и холодная вода может вам сразу повре-

дить, поэтому я умышленно медлила, чтобы вы немного отдохнули и поостыли.

Умный ответ девушки удивил Вачагана, но красота её поразила ещё больше. Глаза у неё были большие, чёрные и лучистые, брови, нос и рот словно нарисованные, длинные косы струились по спине, лоб — высокий, чистый. Никаких украшений на ней не было. Одета она была в красное шёлковое платье, покрывавшее её стройный стан до пят, вышитая безрукавка обхватывала её тонкую талию и высокую грудь. Белые ноги её были босы. Таков был внешний облик девушки. В её лице, в её глазах было нечто столь привлекательное, манящее, что сразу же обворожило Вачагана.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Анаит, — ответила девушка.

— Кто твой отец?

— Мой отец пастух нашего села — Аран. Но почему ты спрашиваешь, как меня зовут и кто мой отец?

— Просто так. Разве спрашивать грешно?

— Если спрашивать не грешно, то и я прошу сказать, кто ты такой и откуда ты?

— Сказать правду или солгать?

— То, что считаешь достойным себя.

— Конечно, достойным я считаю правду, а правда такова: я сейчас не могу сказать тебе, кто я, но обещаю, что дам о себе знать через несколько дней.

— Очень хорошо, верни мне кувшин, и если хочешь ещё воды, я принесу.

— Нет, благодарю, ты нам дала хороший совет, его мы будем помнить всегда, и тебя не забудем.

3

Когда наши охотники отправились в обратный путь, Вачаган спросил Вагинака:

— Вагинак, ты в нашем городе встречал девушку такой красоты?

Вагинак ответил:

— Я как-то не заметил её красоты, узнал лишь, что она дочь сельского пастуха.

— Ты не заметил, но услышал. Это потому, что слух у тебя острее, чем зрение, но всё же твои уши плохо слышат.

— Нет, не плохо, девушка сама сказала, что её отец пастух.

— Ну и что? Я считаю, что это ни на волос не умалило её удивительной красоты, но придало ей больше достоинства.

— Если так, то, когда ты станешь царём, учреди пастуший орден, и этой наградой отмечай своих князей.

— Это настолько высокая награда, Вагинак, что её не достоин ни один князь. Этот орден могут носить только цари и патриархи. Разве ты не знаешь, что посох, вручаемый царям и патриархам, — символ пастырства?

— Символ пастыря, но не пастуха.

— А чем отличается пастух от пастыря? Ведь пастух пасёт всевозможных животных: овец, коз, коров, буйволов, мулов, ослов и даже верблюдов. И ведь царь больше схож с пастухом, потому что его паства состоит из разных людей. Разве тебе не известно, что бог больше всего любил пастухов? Кем были Авраам, Моисей, Давид, если не пастухами? Помоему, пастухами были все праведные люди мира, начиная с Авеля и кончая пастухом этого села, у которого такая красивая и умная дочь.

— С тобой невозможно спорить, царевич, если спор наш продолжится ещё немного, то ты начнёшь читать мне проповеди вардапета Месропа. Пусть дочь пастуха будет красива, говорят же «та, что любя глазу, не может быть уродливой». Но я думаю, если бы эта де-

вушка была дочерью землепашца, ты бы не говорил, что Каин был землепашцем, но ты бы сказал «землепашцами были все хорошие люди, начиная с Адама и кончая землепашцем этого села, у которого такая красивая и умная дочь».

— Вагинак, оставь на минуту свои остроты и скажи мне правду: кто красивее — Анаит или дочь нашего азарапета Варсеник?

— Я считаю, что, как княжна, красива дочь азарапета, а как дочь пастуха — эта крестьянка. Одна не может заменить другую.

— А которая умнее — Анаит или Варсеник?

— Я не испытывал ум ни одной из них, но думаю, что Варсеник очень хорошо знает, что вода нашего Тартара никому ещё не вредила и, попроси ты у неё воды, не стала бы подобно твоей Анаит ломаться, когда у тебя во рту пересохло.

— Вагинак...

— Приказывай, царевич.

— Вагинак, ты меня не любишь...

— Я понимаю тебя. Я увидел, что ресницы этой волшебницы Анаит подобно стрелам вонзились в твоё сердце, и сожалею, что эта рана может стать неизлечимой...

Вачаган погрузился в глубокое раздумье. Умолк и Вагинак. Лишь Занги прыгал веселее обычного, словно почуял запах дичи.

4

Через несколько дней после этого случая между царём и Вагинаком произошёл долгий разговор. Говорили они о Вачагане.

— Вагинак, — сказал царь, — ты был маленьким ребёнком, когда пришёл в наш дом, я тебя вырастил как родного сына. Сейчас ты сам имеешь сына и знаешь, что значит отцовская любовь. Наш Вачаган не отличает тебя от брата и одному тебе вверяет свои сердечные тайны. Ты должен узнать, что у него на уме, и сообщить нам, чтобы мы смогли сделать всё, что в наших силах.

— Царь, отец наш, — ответил Вагинак, — Вачаган настолько скрытен, что даже мне не открывает своего сердца, но в последние дни я замечаю в нём большую перемену. Я думаю, что он влюблён в девушку по имени Анаит.

— Кто такая эта Анаит?

— Дочь пастуха из села Хацик.

— Пастуха?

— Да.

— Эта Анаит, должно быть, богиня, если смогла так околдовать Вачагана и смягчить его каменное сердце.

— Царь, отец наш, я стараюсь бранить эту девушку, высмеиваю Вачагана, но мои усилия напрасны и, думаю, ни к чему они не приведут. Эта девушка поистине богиня, красота её восхитительна, а об её уме рассказывают чудеса. Говорят, что даже старейшины села во всех затруднительных случаях обращаются за советом к ней. Ни один юноша не обладает её храбростью, ни у одной девушки нет таких умелых рук, как у неё. Её называют «царицей лесов». Если из стада её отца пропадает скотина, Анаит, оседлав коня, скачет по горам и долам, находит, пригоняет её. Эти сведения я собрал в тайне от Вачагана и ничего ему не говорил, чтобы не распалить ещё больше, но я вижу, что он от неё не откажется. Я надеюсь, что если он не откроется вам, то от матери-царицы скрывать ничего не станет.

— Если так, то я скажу обо всём царице. Спасибо, что ты предупредил меня.

Вагинак действительно хорошо подготовил царя. По его мнению, похвалы в адрес Анаит он преувеличил, но сделал это вот почему: мол, если не будет уступок со стороны

сына, то пусть уступят хотя бы родители, чтобы заветное желание Вачагана исполнилось. Вот после этого разговора и узнала мать причину грусти сына.

5

Об окончательном решении Вачагана жениться только на Анаит царица сообщила царю. Эта весть вскоре распространилась по всему дворцу, узнали об этом все слуги и служанки. На следующий день весь город бурлил от слухов. Крестьяне радовались, что царица будет из селян, и при ней они станут счастливыми. Князья же досадовали: почему сын царя ставит пастуха выше них. Купцы издевались, мол, царевич, видно, сошёл с ума, если вместо того, чтобы жениться на богатой невесте с большим приданым, выбрал бедную девушку. Немало было остряков, которые выдумывали по этому поводу всевозможные байки и рассказывали их повсюду.

Вот что они говорили:

— Бабик, говорят, сын нашего царя сватает дочь пастуха, ты слышал?..

— Это не так, дорогой Саак, ты слышал не всё. Этот пастух в действительности не пастух, а царь, но так как он царствует над скотиной, то его называют пастухом. Сват нашего царя очень мудрый человек, он знает язык всех животных. Таким был только один мудрый Соломон.

— Что ты говоришь?.. Неужели у скотины тоже есть царь?

— Почему ты удивляешься? Разве ты не слышал, ведь говорят же: царь саранчи, царь змей, царь муравьёв, царица пчёл. И люди имели царей ещё в то время, когда они были не умнее животных.

— Я это знаю, но никогда не слышал, что животные тоже имеют царей. И потом, скажем, царь змей — змея, но неужели царь скотины — человек?

— Но если бы он не был человеком, как он мог иметь дочь, и на ком бы тогда женился сын нашего царя? Значит, это человек, раз имеет дочь, и знаешь какую дочь? Очень красивую и очень мудрую. Говорят, эта девушка не хочет выходить замуж и ещё неизвестно, пойдёт она за нашего царевича, или нет.

— Что ты говоришь?!

— А что ты думал...

6

Царь и царица не смогли переубедить Вачагана и однажды вечером, посоветовавшись, решили согласиться с выбором своего сына.

Сам царь был человеком добрым, он нисколько не противился желанию сына, даже обрадовался, что его сын ко всем подданным относится одинаково, никого не ставит выше других. Он лишь опасался, как бы этим поступком сын не настроил против себя надменных князей. Но когда он узнал, что крестьяне рады выбору царевича, что Анаит пользуется у них большой любовью, он сам стал уговаривать царицу дать своё согласие на этот брак.

На следующий день родители вызвали Вачагана, сообщили о своём решении, и Вагинака с двумя почтенными князьями, с богатыми дарами послали в Хацик сватать Анаит.

Когда они прибыли в дом пастуха, Аран их радушно приветствовал. Анаит дома не было. Гости расселись в просторной комнате на новом ковре, разостланном Араном, сам он сел рядом с ними.

Этот ковёр привлёк внимание гостей своими замечательными узорами, яркостью красок и тонкостью исполнения.

— Какой прекрасный ковёр, — сказал Вагинак. — Его, наверное, соткала хозяйка дома.

— Нет у меня жены, она умерла пять лет назад. Этот ковёр выткала наша Анаит. Но ей он не нравится, говорит, получилось не то, что хотела. Начала ткать новый, вон он на станке покрыт холстом.

— Даже во дворце нашего царя нет такого украшения, — сказал один из князей и, обратившись к Арану, добавил: — Мы рады, что твоя дочь такая мастерица. Слава о ней дошла до нашего царя. И вот он послал нас к тебе сосватать Анаит. Царь желает, чтобы ты отдал свою дочь за его единственного сына Вачагана — наследника престола.

Сказав это, князь ожидал, что Аран либо не поверит, либо подпрыгнет от радости. Но Аран не сделал ни того, ни другого, а опустил голову и в задумчивости стал водить пальцем по узору на ковре. Из раздумья его вывел Вагинак.

— Почему ты загрустил, Аран? Мы принесли тебе радость, а не печаль. Мы насильно не увезём твою дочь. Это зависит лишь от твоей воли: захочешь — отдашь дочь, не захочешь — не отдашь. Нам только нужно, чтобы ты сказал прямо: согласен ты или нет.

— Мои почтенные гости, — ответил Аран. — Я очень благодарен, что наш владыка царь украшение для своего роскошного дворца хочет взять из бедной хижины своего слуги. Может быть, такого украшения, как вы сказали о ковре, нет в его дворце, но я скажу вам правду: я не волен отдать или не отдать дочь. Вот придёт она, спросите её: если согласится, мне нечего будет сказать.

Как раз во время этого разговора пришла Анаит с корзиной, полной винограда, персиков, груш и яблок. Поклонилась гостям, о приходе которых ей уже дали знать, переложив фрукты на медный поднос, подала им. Сама же подошла к станку, откинула холст и стала ткать начатый ковёр. Князья смотрели, как работает Анаит, и были изумлены ловкости её быстрых пальцев.

— Анаит, почему ты ткёшь одна? — спросил Вагинак. — Я слышал, у тебя много девушек-учениц.

— Да, есть у меня человек двадцать, — ответила Анаит, — но сейчас время сбора фруктов, я отпустила их. Да если б даже они были здесь, я бы не дала им ткать этот ковёр. Его должна соткать я одна.

— Слышал, что ты обучаешь своих учениц чтению...

— Да, обучаю. Сейчас каждый человек должен уметь читать. На днях снова приезжал старец Месроп и строго наказал, чтобы все научились грамоте, сами могли читать и понимать евангелие. Теперь даже наши пастухи умеют читать, обучают друг друга во время пастыбы. Если сейчас пройтись по нашим лесам, то можно увидеть, как исписана кора на толстых деревьях. Третьего дня на одном дереве я прочла десять стихов из псалмов. Все стены крепостей, все скалы исписаны углём. Один пишет несколько строк из евангелия, а другие продолжают. Вот так наши горы и ущелья заполнились письменами.

— У нас ученье не так распространено, наши люди ленивы, но я надеюсь, что когда мы увезём тебя в наш город, ты наших ленивцев сделаешь усердными и трудолюбивыми. Оставь на минуту свою работу, Анаит, подойди, нам надо с тобой поговорить. Вот, посмотри, что тебе прислал наш царь.

Говоря это, Вагинак раскрыл свёрток и достал из него золотые украшения и шёлковые наряды.

Анаит этим драгоценностям не удивилась, как невидали, а скромно спросила:

— Можно ли узнать, почему царь оказал мне такую честь?

— Сын нашего царя, Вачаган, видел тебя у родника, ты дала ему напиток, и очень ему понравилась. Теперь царь послал нас, чтобы мы сосватали тебя за его сына. Вот это кольцо, это ожерелье, этот браслет — всё для тебя.

— Значит, тот охотник был царевичем?

— Да.

— Он, видно, хороший юноша, но знает ли он какое-либо ремесло?

— Он сын царя, Анаит, зачем ему ремесло? Он властелин всей страны, все жители её — его слуги.

— Да, это так. Но кто знает, что может случиться в жизни. Сегодняшний хозяин завтра сам может стать слугой, даже если он и был царём. Ремесло должен знать каждый человек, будь то слуга или хозяин, царь или князь.

Услышав эти слова, князья переглянулись. Посмотрели они на Арана и увидели, что он одобряет слова дочери. Затем они спросили Анаит:

— Значит, ты не выйдешь замуж за сына царя только потому, что он не знает ремесла?

— Да, и всё то, что вы принесли мне, возьмите обратно и скажите царевичу, что он мне очень понравился, но пусть он извинит меня — я дала обет не выходить за человека, не владеющего ремеслом. Если он хочет, чтобы я стала его женой, пусть сначала обучится какому-либо ремеслу.

Князья поняли, что Анаит непреклонна в своём решении, и не стали настаивать. Эту ночь они провели в доме Арана. Анаит им оказала гостеприимство и рассказала сказку об одном царе, который владел многими ремёслами, обучил и своих подданных и очень обогатил свою страну. Видя, что слова Анаит разумны, князья устыдились, что они не знают никакого ремесла. Лишь Вагинак с гордостью сказал, что он хорошо знает ювелирное дело, обучился этому у дворцового ювелира. На следующий день они ушли и обо всём, что увидели и услышали, подробно рассказали царю. Царь и царица, узнав об ответе Анаит, очень обрадовались, подумав, что Вачаган не примет её условия и откажется от неё. Но когда его позвали и поведали обо всём, он сказал:

— Анаит права, каждый человек должен знать какое-либо ремесло. Царь тоже человек, и он также должен владеть ремеслом.

— Значит, ты согласен обучиться ремеслу? — спросила мать.

— Да.

— Но скажи правду, зачем ты хочешь обучиться ремеслу: затем, что понял его необходимость, или чтобы стать достойным Анаит.

— И то и другое... К чему скрывать? — ответил Вачаган и сразу удалился, чтобы родители не увидели, как он зарделся.

Убедившись, что его сын хочет обучиться какому-либо ремеслу, царь позвал к себе нескольких князей на совет. Они сошлись на том, что достойное царевича ремесло — умение ткать парчу, которой нет в их стране и которую привозят из дальних стран за очень дорогую цену. Послали в Персию людей, привезли оттуда опытного мастера. За год Вачаган так овладел ремеслом, что из тонких золотых нитей соткал для Анаит кусок парчи и через Вагинака послал ей в подарок.

Получив этот дар, Анаит сказала:

— Сейчас мне уже нечего сказать: «Нужда заставит — и ткачом станешь».

— Передайте царевичу, что я согласна, и в дар от меня отвезите ему новый ковёр.

Начались приготовления к свадьбе. Семь дней, семь ночей длилась эта свадьба и стала невиданным праздником для всей страны. Радость крестьян была безмерна. У них было много причин для этого: во-первых, они очень любили царя и его сына, во-вторых, Анаит среди них пользовалась хорошей славой, и они очень надеялись на её доброту, в-третьих, в день свадьбы царь приказал на три года освободить крестьян от всяких налогов. Поэтому крестьяне ещё долгое время пели:

Как на свадьбе Анаит

солнце золотом горит,

как на свадьбе Анаит

ливень золото струит.

Раззолочены поля и амбары до краёв,
мы избавились от бед, от налогов и долгов.
Мать-царица, благодарствуй,
златорукая, да здравствуй!¹

7

На пышной свадьбе Анаит не было Вагинака. Однажды царь послал его с каким-то поручением в город Перож, находившийся недалеко от Барда. Вагинак ушёл и больше не вернулся. Расспрашивали всех, искали, но Вагинак пропал, словно в воду канул.

Люди, посланные на поиски Вагинака, привезли царю весть, что бесследно пропавших людей много и никому не известно, как и куда они исчезают.

Царь подумал, что, видимо, есть какие-то разбойники-работорговцы. Они похищают людей и продают диким племенам, обитающим в кавказских горах. Он послал в те страны смелых людей, они объехали города и сёла, но никаких следов Вагинака не нашли и, отчаявшись, вернулись обратно.

Это бесследное исчезновение Вагинака причинило царю большое горе. Он горевал не только потому, что любил его, как сына, но и потому, что в его стране происходили такие странные вещи, а он не мог найти выхода.

Вскоре после этого случая царь и царица, дожившие до глубокой старости, умерли. Вся страна сорок дней была в трауре. А через сорок дней собрались все горожане и возвели на престол Вачагана.

Заняв престол своих предков, Вачаган решил так благоустроить страну, чтобы не было ни одного недовольного человека, чтобы все были радостны и счастливы. Его ближайшим советником была Анаит. Он всегда сначала советовался с нею, а затем приглашал на совет мудрых людей из народа и сообщал им о своих намерениях. Но Анаит считала, что этого недостаточно, и однажды сказала ему:

— Государь мой, я вижу, что у тебя нет достоверных сведений о своей стране. Приглашаемые тобою люди не всегда говорят правду. Чтобы успокоить и обрадовать тебя, они твердят, что всё хорошо, всё в порядке, что жители страны довольны жизнью. Кто знает, что в эту минуту творится в твоей стране, о чём эти люди тебе не говорят. Время от времени ты должен, переодевшись, бродить по стране, то под видом нищего просить милостыню, то заниматься торговлей, то батрачить. Словом, ты должен всё испытать, чтобы лучше узнать жизнь и людей. Бог за всё потребует у тебя отчёта, ты его наместник в своей стране, и должен всё видеть и всё знать.

— Ты совершенно права, Анаит, — сказал царь, — мой покойный отец так и делал, но в старости это было ему не по силам. Во время охоты я поступал почти так же. Но как мне быть сейчас? Если я уйду, кто будет править страной?

— Я буду править сама и сделаю так, что никто не узнает о твоём отсутствии.

— Очень хорошо. Я могу отправиться в путь завтра же. И если через двадцать дней я не вернусь, знай, что меня нет в живых, или я попал в беду.

8

Переодевшись простым крестьянином, царь Вачаган отправился в отдалённые края своей страны. Много он повидал, многое услышал, но то, что он узнал по возвращении в городе Пероже, превзошло всё виденное им ранее.

¹ Переводы стихов в сказках Г. Агаяна сделаны Н. Кремневой.

Город Перож, который теперь уже исчез с лица земли, стоял на берегу реки Куры. Жителями его были персы-идолопоклонники. Жили там и армяне-христиане, но их было мало, и не было у них ни церкви, ни священника.

В центре города находилась площадь, где был городской рынок. Возле него расположились лавки ремесленников и купцов.

Однажды Вачаган на этой площади увидел, как группа людей сопровождает почтенного седобородого старца с поднятыми руками. Старец ступал очень осторожно, перед ним расчищали путь и подкладывали под ноги кирпичи. Вачаган подошёл к одному человеку и спросил, кто этот старец, тот ответил:

— Это наш верховный жрец. Неужели ты его не знаешь? Посмотри, он так свят, что не ступает на землю, чтобы случайно не раздавить какое-либо насекомое.

В конце рынка расстелили ковёр, верховный жрец сел на него отдохнуть. Вачаган подошёл и стал напротив него, чтобы видеть, что будет делать или говорить этот человек. У жреца был очень острый глаз, он взглянул на Вачагана и, видя, что тот не местный и ему незнаком, поманил его к себе. Вачаган подошёл.

— Кто ты такой, чем занимаешься? — спросил жрец.

— Я из чужих краёв, рабочий, — ответил Вачаган, — пришёл в этот город на заработки.

— Пойдёшь со мной, я дам тебе работу и хорошо заплачу.

Вачаган поклоном головы выразил согласие и стал в сторону рядом с сопровождавшими жреца людьми.

Верховный жрец шепнул что-то своим жрецам, и они разошлись в разные стороны, а через несколько минут вернулись с носильщиками, навьюченными разной кладью.

Когда все собрались, верховный жрец поднялся и с той же торжественностью направился к своему жилищу. Вачаган молча последовал за ним, движимый любопытством. Не мешало бы узнать, чем занимаются эти жрецы и что за человек этот верховный жрец, какие он совершил благодеяния и почему его почитают как святого. Так они дошли до окраины города.

Здесь верховный жрец, благословив провожающих его ревностных идолопоклонников, вернул их обратно, остались только жрецы, носильщики и Вачаган. Они продолжили свой путь и удалились от города почти на две версты. Достигнув какого-то огороженного строения, они остановились перед железной дверью. Верховный жрец достал из кармана огромный ключ, отпер дверь и, впустив всех, снова запер её. Тут Вачаган понял, что выйти отсюда по своей воле он не сможет. Пришедшие с Вачаганом носильщики тоже были здесь впервые. Они переглянулись и начали перешёптываться, не понимая, куда их привели. Наконец, миновав сводчатый проход, они вышли на просторную площадь, в центре которой стояло капище с куполом, окружённое маленькими кельями. Носильщикам велели оставить кладь перед этими кельями, а их вместе с Вачаганом верховный жрец повёл за капище, там отпер ещё одну железную дверь и сказал:

— Входите, вам дадут работу.

Растерянные, они молча вошли внутрь, и жрец запер за ними дверь. Тут только наши чужестранцы пришли в себя и увидели, что стоят перед входом в какое-то подземелье.

9

— Братья, не знаете, куда это мы попали? — спросил Вачаган.

— Я знаю, что мы попали в ловушку, и уже отсюда не выберемся, — сказал один.

— Но ведь этот старец святой человек, неужели он способен на такое? — сказал другой.

— А почему бы нет? Наверное, этот святой человек знает, что мы в чём-то виновны, поэтому привёл и бросил нас в это чистилище, чтобы мы искупили свои грехи.

— Не время шутить, — сказал Вачаган. — Я думаю, что этот жестокий старик — страшный дэв, скрывающийся под личиной святого, и теперь мы стоим на дороге в ад. Посмотрите, какой здесь мрак, и кто знает, какие ещё муки уготованы нам. Но почему мы стоим, как окаменелые? Эта дверь никогда уже не откроется, пойдём вперёд, посмотрим, куда ведёт эта дорога.

Пройдя порядочное расстояние, они вдруг увидели вдали слабый свет лампы. Пошли на свет, и перед ними открылась широкая, выложенная камнем площадь. Отовсюду раздавались ужасающие крики. Взглянув наверх, они поняли, что находятся в искусственной пещере. Она была построена наподобие зернохранилища: скалу начали долбить сверху и, постепенно опускаясь, всё больше расширяли яму, и таким образом в цельном камне был сделан просторный куполообразный зал.

Потрясённые пленники оглядывали эту темницу и напряжённо вслушивались, чтобы узнать, откуда раздавались вопли. И вдруг перед ними появилась какая-то тень, которая, медленно приближаясь и сгущаясь, обрела чёткие очертания.

Вачаган пошёл навстречу этой тени и громко спросил:

— Кто ты, сатана или человек? Подойди к нам поближе и скажи, где мы находимся.

Призрак приблизился и, весь дрожа, стал перед Вачаганом. У него были впалые глаза, провалившиеся щёки, выпавшие волосы. То был настоящий скелет, все кости которого можно было пересчитать. Этот живой труп, едва шевеля губами, всхлипывая и заикаясь, произнёс:

— Идите за мной, я вам покажу, куда вы попали.

Он повёл их по узкому проходу в помещение, где они увидели валявшихся на холодной земле голых людей. Люди эти умирали, исторгая душераздирающие вопли и стоны. Вагинак и его спутники пошли дальше и увидели огромные котлы, в которых несколько истощённых людей варили еду. Вачаган подошёл к этим котлам, чтобы посмотреть, что в них варится, и в ужасе отпрянул, не сказав своим товарищам, что же он там увидел. Затем они пришли в просторный зал, где при тусклом свете работали сотни мертвенно-бледных людей. Одни вышивали, другие вязали или шили, некоторые занимались ювелирным делом.

Показав всё это, человек-призрак привёл их обратно в первую пещеру и сказал:

— Тот дьявол старик, который обманул вас и завёл сюда, когда-то так же поступил и с нами. Сколько времени я тут нахожусь, мне неизвестно, потому что здесь нет дней и ночей, здесь лишь бесконечный мрак. Знаю только, что все люди, попавшие сюда до меня и вместе со мной, уже погибли. Сюда пригоняют разных людей, знающих ремесло и не знающих его. Ремесленников заставляют работать до самой смерти, а тех, кто не знает никакого ремесла, сгоняют на бойню, а оттуда на ту кухню, которую вы видели. Вот какое это ужасное место. Старый дьявол не одинок, у него сотни помощников — все они жрецы. Их жилище находится над этим адом.

— Скажи, что они теперь сделают с нами? — спросил Вачаган.

— То же, что и с другими. Кто из вас знает ремесло, будет работать до самой смерти, а тех, кто не знает — отправят на бойню. Я уже живу в мертвецкой, потому что сказал им, что у меня больше нет сил работать. Но бог не берёт мою душу, наверное, хочет вывести меня отсюда на белый свет. И знаете, я верю в это, потому что видел во сне женщину, которая в короноподобном шлеме с обоюдоострым мечом в руке сидела на огненном коне. Она мне сказала: «Не отчаивайся, Вагинак, я скоро приду и всех вас освобожу». Я бы давно умер, если бы эта чудо-царица не вселила в меня надежду. Эта надежда питает мою душу, и насколько я слаб телом, настолько силен духом. Ах, мой Вачаган, где ты, почему ты забыл своего Вагинака?..

Вачаган находился в таком оцепенении, что рассказ этого человека лишь долетал до его слуха, но не доходил до сознания, однако при последних словах он вздрогнул, будто

очнулся от глубокого сна. «Значит, это наш Вагинак», — подумал он. Придя в себя, он хотел броситься к Вагинаку, обнять его, хотел сказать ему, что он Вачаган, но, не поверив своим ушам, вновь спросил его, кто он и как сюда попал.

Вагинак начал свой рассказ издали. И Вачаган решил, что если он вдруг сообщит ему, кто он такой, то эта весть может подобно острому мечу оборвать тонкий волосок, на котором висела жизнь Вагинака. Поэтому он прервал его рассказ:

— Твоё имя, как мне слышалось, Вагинак?

— Вагинак, да, Вагинак... я когда-то был...

— Брат Вагинак, тебе вредно много говорить. Живи, пока твой сон исполнится. Я верю в твой сон и благодарен тебе, что ты рассказал о нём. Теперь мы будем жить этой же надеждой. Хорошо бы тебе поведать о своём сне другим своим товарищам. Я толкователь снов, и уверяю тебя, что твой сон исполнится в точности. Но вот слышны чьи-то шаги, иди на своё место.

10

Спутников Вачагана было шестеро. Он спросил их, знают ли они какое-либо ремесло. Один сказал, что умеет ткать полотно, другой — шёлк, третий — портняжить, а остальные трое не знали никакого ремесла.

— Не беда, — сказал Вачаган. — Я скажу, что все вы мои собратья по ремеслу, а я знаю очень хорошее ремесло.

Звуки шагов, отдаваясь эхом, постепенно приближались, и перед ними встал жрец со свирепым лицом, а с ним группа вооружённых людей.

— Это вы новоприбывшие? — спросил жрец.

— Да, мы твои слуги, — ответил Вачаган.

— Кто из вас знает ремесло?

— Все мы знаем ремесло, — сказал Вачаган, — мы умеем ткать очень дорогую парчу. Одна мера нашей ткани стоит сто мер золота. У нас была большая мастерская, но случайно она сгорела, мы сильно задолжали и разорились. Приехали в город, чтобы найти какую-нибудь работу, встретили верховного жреца, и он привёл нас сюда.

— Хорошо, но неужели и вправду так дорого стоит ваша ткань?

— В наших словах нет лжи, ведь вы можете проверить.

— Конечно, я вскоре узнаю, насколько правдивы ваши слова. А сейчас скажите, какие нужны вам материалы и инструменты.

Вачаган подробно перечислил всё, что было нужно. Через несколько часов всё было готово. Жрец велел им отправиться в мастерскую, где они будут работать и там же пообедают вместе с другими.

— Там мы не сможем работать, — сказал Вачаган, — нам необходимо отдельное просторное помещение. Самое удобное место здесь. Наша тонкая работа требует много света, при тусклом свете ничего сделать нельзя. А что касается нашей пищи, вам надо знать, что мы не едим мяса. Мы не привыкли к этой еде. Если мы съедим мясо, то умрём, и вы лишитесь большой выгоды. Я говорю правду: одна мера нашей парчи стоит сто мер золота.

— Хорошо, — сказал жрец, — для вас я пришлю хлеб и растительную пищу, у вас будет также много света. Но если ваша работа окажется не такой, как вы говорите, я всех вас отправлю на бойню и, прежде чем убить, подвергну страшным пыткам.

— В наших словах нет лжи, и если вы хотите получить обещанную выгоду, то должны выполнить нашу просьбу.

Жрец сдержал своё обещание. Он посылал им белый хлеб, овощи, молоко, мацун, сыр и всевозможные свежие и сухие фрукты. Вагинаку тоже доставалась доля из этой пищи, да и другим узникам тайком раздавали кусочки белого хлеба, как просвиру во время прича-

стия, которое, подобно живой воде, возвращало их к жизни. От этой пищи Вагинак стал поправляться, приходить в себя. Вачаган вместе со своими товарищами принялся за работу. За короткий срок изготовил кусок превосходной парчи с такими узорами, в которых можно было прочесть историю этого ада.

Жрец, увидев готовую парчу, пришёл в восторг. Вачаган сложил ткань и, вручая жрецу, сказал:

— Я сначала говорил, что одна мера нашей ткани стоит сто мер золота, но теперь я должен сказать, что эта парча стоит вдвое дороже, на ней талисманы, которые принесут радость и счастье её обладателю. Но простые люди не смогут её оценить. Цену ей знает только царица Анаит, да кроме неё никто и не осмелится носить такую драгоценную парчу.

Когда жрец узнал настоящую цену ткани, его глаза заблестели от алчности. Он ничего не сообщил обо всём этом хитрому верховному жрецу, он даже не показал ему эту парчу. Жрецу хотелось одному поехать к царице и самому получить от неё золото.

11

Во время отсутствия Вачагана Анаит очень хорошо управляла страной. Никто не знал, что правит страной не Вачаган, а Анаит. Но она была сильно встревожена, потому что сверх условленных двадцати дней прошло ещё десять, а царь не вернулся. Анаит не знала покоя ни днём ни ночью. Ей снились кошмарные сны, она в страхе вскакивала. Всё вокруг изменилось, казалось зловещим. Занги, прильнув к ногам царицы, беспрестанно выл, скулил, жалобно повизгивал и ещё больше усиливал её беспокойство. Конь Вачагана, подобно жеребёнку, потерявшему мать, тоскливо ржал, почти ничего не ел и тощал со дня на день. Куры кричали по-петушиному, а петухи, вместо того чтобы петь на рассвете, клохтали, как фазаны, по вечерам. Соловьи перестали петь, и в саду по ночам раздавалось лишь уханье совы. Больше не плескались весело волны Тартара, а тоскливо катились вдоль садовой ограды, шепча: ваш-виш-ваш-виш. Мужественную Анаит охватил непривычный страх, даже тень казалась ей вытянувшимся перед нею вишапом. Она вздрагивала от любого стука, от обычного шума. Временами ей хотелось вызвать князей, сказать им об исчезновении Вачагана, но она боялась, что в стране начнутся беспорядки.

Однажды утром, очень грустная, она гуляла в саду, когда пришёл слуга и сообщил, что прибыл какой-то чужеземный купец и говорит, что у него есть замечательный товар для царицы. Сердце Анаит беспокойно забилося. Она приказала ввести купца.

Вошёл человек свирепого вида, низко поклонился царице и положил перед нею кусок золотой парчи на серебряном подносе. Анаит взяла парчу, рассмотрела её и, не обратив внимания на узор, спросила цену.

— Одна её мера стоит триста мер золота, милостивая царица. Во столько обошёлся мне лишь материал, а плату за труд оставляю на твою милость.

— Неужели так дорого?

— Долгих лет жизни тебе, царица! В этой парче есть такая сила, которой нет цены. Её узоры не простые рисунки, а талисманы, а сила этих талисманов в том, что они приносят радость и счастье её обладателю. Тот, кто наденет её, не будет знать печали.

— Вот как!

Анаит развернула парчу и стала внимательно рассматривать узоры, которые оказались не талисманами, а тайнописью. Анаит молча прочитала следующие слова:

«Моя бесподобная Анаит, я попал в кошмарный ад. Тот, кто доставит тебе эту парчу, один из его стражей. Здесь оказался и Вагинак. Ад находится к востоку от города Перожа, в подземелье обнесённого оградой капища. Если ты срочно не придёшь на помощь, мы погибнем. Вачаган».

Анаит прочитала эти слова во второй и третий раз: она не верила своим глазам и читала снова и снова, в то же время она думала, как ей быть. После долгих раздумий, не отрывая глаз от письма, она, радостная, обратилась к жрецу:

— Ты говоришь правду, узоры твоей парчи приносят радость. Я сегодня была очень грустна, но сейчас я чувствую какую-то особую непередаваемую радость. По-моему, этой парче цены нет. Если бы ты за неё попросил половину моего царства, я бы не пожалела. Но знаешь, мне кажется, ни одно творение не идёт в сравнение с его творцом. Не так ли?

— Долгих лет жизни тебе, царица, ты, конечно, права: творение не может сравниться с творцом.

— Если ты согласен со мной, то должен привести ко мне её создателя, чтобы я вознаградила его, так же, как и тебя. Ты, наверное, слышал, что я очень ценю ремесло и готова любого хорошего ремесленника вознаградить наравне с моими храбрыми воинами.

— Милостивая царица, я не видел и не знаю того, кто сделал эту ткань. Я купец. Купил её в Индии у одного еврея, а тот — у одного араба, а араб — неизвестно у кого, в какой стране.

— Но ты, кажется, сказал, что материал обошёлся тебе во столько-то, ты не говорил, что купил эту ткань, из этого видно, что ты сам заказал соткать её.

— Милостивая царица, мне так сказали в Индии, а я...

— Постой, постой, где твоя Индия? До неё, как отсюда до Перожа?

— Нет, милостивая царица, Перож рядом с нами, а до Индии три-четыре месяца пути.

— Но знаешь, если я захочу, то твоя Индия окажется в Пероже. Можешь ли ты сказать мне, кто ты такой, откуда ты, какой национальности, какой веры, где ты родился, где ты живёшь, каким занят делом?

— Милостивая царица...

— Слушай, я тебя не помилую, привезённые тобою талисманы поведали мне о тебе. Слуги, схватите этого человека и бросьте в темницу.

12

Вачаган больше не сомневался в том, что он будет освобождён. Желая и в своих товарищах поддержать надежду, он обратился к Вагинаку:

— Знаешь, Вагинак, мне приснился точно такой же сон, как и тебе. И я надеюсь, что мы вскоре будем освобождены. Но я хотел предупредить вот о чём. Если мы сразу выйдем из этого мрака на свет божий, то яркий свет может ослепить нас. Поэтому при выходе отсюда не забудьте зажмуриться. Потом постепенно привыкнете к свету. Об этом мне говорили люди, вышедшие из тюрьмы.

— Дай бог нам выйти из этого ада. Даже если глаза наши ослепнут, не беда, но сказанное тобой, мастер, напомнило мне один случай, о котором не могу не рассказать. Однажды я и сын царя во время охоты, очень усталые, спешили у одного родника. Девушки ближайшего села стояли у родника и по очереди наполняли водой свои кувшины. Царевич попросил напиться. Одна из девушек наполнила кувшин, чтобы дать ему, но другая взяла у неё кувшин и опорожнила его. Затем сама начала наполнять его и выливать воду и повторила это двадцать или тридцать раз — врать не буду, плохо помню. Я очень разозлился, но царевичу понравился поступок девушки, особенно когда, дав ему наконец воды, она сказала, что поступила так не по злomu умыслу. Увидев, какие мы усталые и потные, она решила дать нам холодной воды не сразу, чтобы мы немного отдышались и поостыли. То, что ты сейчас сказал, напомнило слова той девушки. А знаешь, быть может, та девушка и стала нашей царицей. Увидев её, царевич не захотел жениться на другой и решительно сказал: или она, или никто. Царь вынужден был послать меня к её отцу свататься, но девушка от-

казала: мол, я не выйду замуж за человека, не знающего ремесла. Тогда это рассмешило меня, но царевич понял разумность её слов и за год научился ткать прекрасную парчу, точь-в-точь такую, как твоя. А я только тогда понял значение её слов, когда попал в этот ад.

— Но скажи мне, брат Вагинак, почему мы во сне видим не царя, а царицу?

— Кто знает? Ты это должен знать лучше меня, потому что ты толкователь снов, и прости меня за то, что я сейчас скажу тебе в лицо — в словах моих нет лицемерия, — ты мне кажешься очень мудрым человеком. Если ты смог в этом аду получить человеческую пищу, то ты можешь сделать и многое другое. И я удивляюсь, что ты не совершаешь чуда, не уничтожаешь эту преисподнюю и не спасаешь всех нас. Если бог даст, и мы выйдем из этого ада, я уверен, царь сразу же призовет тебя к себе и сделает своим ближайшим советником.

— И это произойдет, конечно, благодаря тебе, потому что я не знаком с царём. Но кто знает, в каком положении находится сейчас сам царь, быть может, он попал в какой-то другой ад и, подобно мне, ткёт парчу. Для чего же он выучился ремеслу ткача?

— Твои слова мне кажутся загадочными... но нет... не дай бог, чтобы я видел моего Вагагана в таком положении, как мы. Пусть лучше я умру сию же минуту.

— В моих словах нет ничего загадочного, брат Вагинак, я говорю то, что думаю. По моему, царь такой же смертный, как и мы. Мы боеем — он тоже болеет, нас убивают, берут в плен — с ним может случиться то же самое. Он, как и мы, в воде тонет, в огне горит, ест такой же хлеб, а может, ещё более горький...

— Всё это верно, мастер. Но, мне кажется, царь должен быть настолько благоразумным, чтобы не пойти из праздного любопытства, подобно мне, за верховным жрецом и не попасть в этот ад.

— Это несчастный случай, брат Вагинак. Разве царь может знать, что святой верховный жрец — это страшное чудовище? Разве он может знать, что есть люди, которым ужасное злодеяние доставляет удовольствие? Нет, Вагинак, ни один смертный на свете не может избежать внезапной беды. Сегодняшний счастливец не ведает, какое его завтра ждёт несчастье. Другое дело, если опасность встала перед тобой в своём подлинном облики. Умный человек, встретившись с бурлящей рекой, не бросится, очертя голову, в неё, а станет искать брод. Что ни говори, а наш сон говорит о том, что царь попал в какую-то беду, и сердце моё чует, что он будет спасён тогда же, когда спасёмся мы.

— И, конечно, он спасёт нас благодаря своему умению ткать парчу. А моё сердце говорит мне, что в эту минуту я слышу голос моего царя, этот голос, с той первой минуты, как я его услышал, пронзил моё сердце. Но верить ли мне моим ушам? Ну, что скажешь ты?

— Нет, нет, не верь! Но поверь тем звукам, которые услышишь снаружи. Прислушайтесь, вот слышен шум и грохот, словно сотрясаются ворота ада, наверное, спаситель уже близко. Дайте знать всем, чтобы собрались здесь и были готовы...

13

Анаит, заточив в темницу жреца, тотчас же приказала трубить тревогу. Внезапные резкие звуки огромных военных труб были знаком того, что над страной нависла грозная опасность. Не прошло и часа, как все жители города собрались перед дворцом, толпа бурлила подобно водовороту, никто не знал, что случилось, все взволнованно спрашивали друг друга, но ответа не получали. Вдруг на балконе появилась вооружённая с ног до головы Анаит и, обращаясь к народу, сказала:

— Жизнь вашего царя в опасности. Только что я узнала, где он находится. Он отправился в путешествие по стране, чтобы увидеть своими глазами нужды и заботы народа. Он встретил злых людей и попал в страшный ад. Больше мне сообщить пока нечего. Времени

терять нельзя. Тот, кто любит своего царя, кому дорога его жизнь, должен пойти за мной. Мы должны до полудня дойти до города Перожа. Я уже готова и жду вас. Идите, готовьтесь.

В одно мгновение народ разошёлся с возгласами: «Да здравствует царь, да здравствует царица!». И не прошло и часа, как все, вооружившись, были готовы. Отважные девушки и женщины, узнав, что войско возглавит сама царица, также вооружились и верхом на конях окружили её.

В одеянии спарапета Анаит была прекрасна. Она сидела на огненном коне в золочёных доспехах, с собранными под шлемом волосами, с широким мечом на боку, со щитом за спиной. Лицо её пламенело, глаза сверкали, вид у неё был воинственный.

Когда вышли из города, Анаит объехала войско и, давая приказания, за несколько минут привела в порядок конницу. Воскликнув: «Вперёд!», она пришпорила коня и в одну секунду скрылась из виду. Через два часа она на своём огненном коне была уже на площади города Перожа. Горожане-идолопоклонники, приняв её за сошедшую с неба новую богиню, толпами падали перед ней на колени и склоняли головы до самой земли.

— Где ваш градоначальник? — крикнула Анаит грозно.

Один из стоявших на коленях дрожащим голосом сказал:

— Я здешний градоначальник, твой слуга...

— Значит, это ты настолько беспечен, что не ведаешь, что происходит в храме твоих богов?

— Я, твой слуга, ничего не знаю.

— Может быть, ты не знаешь, где находится ваше капище?

— Как не знать, твой слуга прекрасно знает.

— Тогда веди вперёд...

Не прошло и получаса, как Анаит, сопровождаемая толпами высыпавших на улицу горожан, подъехала к ограде капища. Жрецы решили, что это толпы паломников, и сразу открыли ворота. Но когда народ ворвался во двор и они увидели прекрасное грозное лицо вооружённого рыцаря, их охватил непривычный страх. Анаит в одну минуту нашла дверь в преисподнюю и, обращаясь к градоначальнику, приказала:

— Откройте вот эту дверь!

Пока по приказу градоначальника несколько человек готовились взломать дверь, появился верховный жрец в своём священном одеянии — он надеялся ввергнуть верующих в ужас и заставить отступить. Когда он вышел в белой ризе, с высокой двурогой короной верховного жреца на голове, с посохом в руке, народ в страхе отпрянул, расступился перед ним. Он подошёл к Анаит и грозно крикнул:

— Чего ты хочешь, кто ты? Уйди отсюда!

Едва сдерживая гнев, Анаит сказала:

— Я приказываю открыть эту дверь!

— Кто может здесь приказывать, кроме меня? Это дверь в наше святилище. Здесь находится прах наших предков, здесь наш негасимый жертвенник, посмотрите на дым, поднимающийся до самого неба. Не гневите богов! Разойдитесь, уходите, убирайтесь! Как вы смеете своими нечестивыми ногами ступить в это священное место!

Страшные угрозы верховного жреца вселили ужас в идолопоклонников. Опустив головы, они отпрянули назад. Но среди них были христиане, они продолжали твёрдо стоять на своих местах, подозревая, что за этой дверью скрывается ужасная тайна. Они в один голос кричали:

— Откройте, откройте дверь!

Верховный жрец, увидев, что люди не покоряются ему, повернулся лицом к капищу и, возводя руки, воскликнул:

— О, всемогущие боги! Ваш священный храм оскверняется, помогите!..

При этих словах дверь капища открылась и оттуда высыпала группа рассвирепевших вооружённых людей. Это были жрецы. Верховный жрец приказал им охранять дверь и никому не позволять подходить к ней.

Терпение Анаит иссякло. Оглянувшись, она увидела тучи пыли над городом и поняла, что подоспело её войско. Это придало ей силы, и она решила одна покончить со всем этим и минутой раньше увидеть своего Вачагана. В левую руку она взяла щит, правой вытащила меч и, обращаясь к жрецам, крикнула:

— В последний раз приказываю вам бросить оружие и отпереть дверь в этот ад.

Жрецы приготовились к сопротивлению. Умный конь Анаит понял намерение своей владычицы и, почувствовав лёгкое прикосновение шпор, сбил с ног верховного жреца и бросился на других. С молниеносной быстротой Анаит снесла головы трём жрецам и оттянула коня назад. Жрецы окружили её и ранили коня. Анаит стала защищаться, а конь продолжал нападать, он наносил удары копытами и спереди, и сзади, жрецы сражались отчаянно и яростно. Жизнь Анаит была в опасности. Заметив это, на жрецов сзади напали христиане. Жрецы растерялись и повернулись, чтобы отбиться от них. Воспользовавшись этим, Анаит снова устремилась на жрецов, ещё троим снесла головы, а нескольких раздавила конём. Видя, что христиане помогают Анаит, язычники решили, что это религиозная война, и сейчас же присоединились к жрецам и стали забрасывать камнями христиан. Камнем сбили шлем с головы Анаит, и её густые и длинные волосы рассыпались по плечам и укрыли её — видны были только её огненные глаза. Её вид вселил в толпу новый страх, град камней прекратился. Тогда Анаит вновь напала на жрецов и, нанеся некоторым смертельные раны, повалила их наземь. В эту минуту подоспели передовые копьеносцы её войска вместе с девушками и женщинами и, увидев отчаянную борьбу своей царицы, с криками бросились на жрецов. Через минуту оставшиеся в живых жрецы обратились в бегство. Толпа распилась, и на открытой площади осталась Анаит, окружённая отважными девушками и женщинами. Один из христиан принёс её шлем, отнятый у толпы. Анаит, живая, здоровая, сошла с коня, привела в порядок свои волосы и надела шлем. Она приказала подошедшим войскам окружить храм, в котором укрылись жрецы, заперев изнутри дверь. Затем обратилась к толпе:

— Подойдите сюда и посмотрите, что скрывается в святилище вашего верховного жреца! — И приказала взломать дверь.

Перед народом открылось ужасающее зрелище. Из адского логова стали выползать люди, похожие на восставших из могил мертвецов. Многие были при последнем издыхании и не могли стоять на ногах. Их радостные вопли, крики и плач раздирали душу. Последними вышли Вачаган и Вагинак с опущенными головами. Царица узнала Вачагана и сделала знак своим людям, чтобы его отвели в приготовленный для него шатёр. Вачаган вёл за руку Вагинака, который следовал за ним с закрытыми, как у нищего слепца, глазами. Усадив всех спасённых на площади, Анаит приказала своим воинам войти в подземелье и вынести всё, что там осталось. Воины вынесли трупы недавно умерших людей, отрезанные головы, корзины, наполненные человеческими телами, котлы, полные человеческого мяса, различные инструменты и предметы ремесла...

Увидев это страшное злодеяние, идолопоклонники, охваченные чувством стыда и ужаса, закричали: «Велик бог христиан, капище — это ад, идолы — это дэвы¹, жрецы — дьяволы, убьём, уничтожим, истребим их!».

— Нет, нет, — воскликнула царица, — подождите, не подходите, не прикасайтесь к жрецам, наказатъ их имею право только я. Нам прежде всего надо позаботиться об этих несчастных.

¹ Дэв — сказочный великан.

И она стала расспрашивать каждого в отдельности, кто он и откуда. Один сказал, что он Арнак, сын Бабука. Эти имена громко повторил градоначальник, и тогда подошёл старик, весь дрожа и всхлипывая, спросил: «Где мой сын?». Ко второму подошла мать и без чувств упала на грудь единственного сына, у третьего была сестра, у четвёртого — брат. А тех, у кого не было близких, царица взяла под своё покровительство, среди них оказались и люди, работавшие с Вачаганом.

Позабывшись обо всех несчастных, царица пожелала лично осмотреть застенки жрецов. Вместе с градоначальником и несколькими воинами она вошла в бойню, осмотрела здесь каждый закоулок. Везде были следы крови и груды человеческих костей.

— Эта ужасная преисподняя была создана не за короткий срок, — сказала она градоначальнику, — годами многие люди строили её и, попав сюда, уже никогда не видели белого света.

— Милостивая царица, я виноват в том, что не было у меня строгого надзора. Но чтобы обнаружить это, надо было обладать твоей мудростью. Каждый год из нашего города исчезало самое меньшее сто человек, но я всегда считал, что они попадали в плен к горцам. Этим подлым жрецам мы не только почитали как святых, но считали очень трудолюбивыми и знающими ремёсла людьми, живущими трудом своих рук, а не за счёт народа и его крови. Кто мог предположить, что те дорогостоящие рукоделия и ткани, которые они ежедневно продавали на рынке, — изделия не их рук? Кто мог подумать, что верховный жрец, которого мы боготворили, был дэвом в облики человека, жаждущим крови невинных людей?

Наконец, они вышли из подземелья и пошли к храму. Постучали в дверь капища, предложив жрецам сдаться, но ответом было молчание. Воины взломали дверь и вошли, но внутри никого не было. Взглянув вверх, они увидели страшную картину: верховный жрец и все остальные жрецы повесились и ещё качались перед почитаемыми ими идолами. Когда об этом сообщили царице, она сказала:

— Для них это очень лёгкая смерть. Но что поделаешь! Оставьте их висеть, но разрешите народу войти и поклониться своим святым.

Столпившиеся у храма возбуждённые люди бурным потоком устремились внутрь и яростно набросились на идолов, разбили на куски ещё вчера почитаемые ими божества. «Как легко они разбиваются, а мы думали, что они недоступны и неприкосновенны», — говорили они. Вытащили всю утварь и амфоры, разрушили ризницы и тайники, нашли несметное количество золота и серебра.

Царица приказала всё богатство жрецов раздать освобождённым из ада. Когда в храме всё было разгромлено, люди свой справедливый гнев обрушили на повесившихся жрецов. Служителей преисподней спустили наземь, изрубили на куски и швырнули за ограду на съедение хищникам.

Поручив дела одному из своих сотников, царица пошла в шатёр, где её с нетерпением ждал Вачаган. Любящие супруги сели рядом и не могли насмотреться друг на друга. Вагинак подошёл к царице, поцеловал её руку и стал плакать, как ребёнок, нашедший мать.

— Ты спасла нас не сегодня, моя бесподобная царица, а много дней тому назад, когда я увидел тебя во сне именно в этом одеянии.

— Ты ошибаешься, Вагинак, — сказал Вачаган, — царица спасла нас тогда, когда спросила у тебя: «Знает ли сын царя какое-либо ремесло?». Помнишь, тогда ты посмеялся вдоволь.

— Ах, это правда, мне нечего сказать. Если я раньше многому не верил, то сейчас стал верить тому, что слышал давно. Вардапет Месроп в своих проповедях говорил: «Если бы Христос не спустился в ад, ад бы не рухнул». Над этими словами я тоже смеялся, но сейчас мой царь лично доказал, что Месроп говорил правду.

— Успокойся, Вагинак, об этом мы поговорим позже, — сказала царица, лишь теперь почувствовав, как сильно она устала.

— Я вижу, что тебе также надо отдохнуть, — сказал Вачаган царице. — Теперь ты отдохай, а об остальном позабочусь я.

Царица удалилась в другую часть шатра, где для неё девушки приготовили мягкое ложе. Здесь она сняла свои доспехи и отослала их Вачагану, а сама прилегла, чтобы отдохнуть, но её воображение было так расстроено, её сердце настолько возмущено, что она не могла успокоиться: ей чудилось, что она окружена разъярёнными жрецами, которые то защищаются, то нападают на неё. Когда ей виделись скатывающиеся наземь головы жестоких жрецов, ей казалось, что её справедливая жажда мести удовлетворена, но вдруг перед нею представали полные человеческого мяса котлы, и она содрогалась всем телом от ужаса и гнева... Все эти сумбурные впечатления мучили её, не давали покоя.

Вачаган хорошо знал, что Анаит настолько же добра, насколько отважна. Знал, что она из жажды мести безжалостно уничтожила жестоких жрецов, но это не могло не оставить следа в её нежном сердце. Поэтому он поспешил взять у Анаит её доспехи, переоделся, надел кольчугу, опоясался царским мечом, выйдя из шатра, предстал перед ожидавшим его с нетерпением войском. Воины встретили его радостными криками. Вачаган приветствовал воинов и выразил им свою благодарность. Появился градоначальник, припал к ногам царя, поздравил его с освобождением и сообщил, что на поляне приготовлено угощение для царского войска. Царь пожелал воинам весёлого пиршества, а сам пошёл в шатёр к Анаит, где был накрыт роскошный стол и ждали прихода царя, чтобы приступить к трапезе. Здесь был и Вагинак, сменивший лохмотья на красивую одежду. Он был счастлив как никогда в жизни. Девушки затеяли такое веселье, что зачарованному Вагинаку казалось, будто он находится в раю и предаётся радости в окружении ангелов.

Вскоре после пиршества трубы возвестили о том, что уже время собираться в путь. Впереди ехали царь и царица, рядом с ними девушки и женщины, а сзади — воины. Все пели победную песню. Когда достигли площади города Перожа, все горожане от мала до велика в один голос закричали:

— Да здравствует царь, да здравствует царица! Пусть сгинут жрецы, пусть рухнут капища, мы хотим быть христианами!

Царь им ответил, что скоро приедет патриарх и окрестит их. И действительно, через два дня прибыл католикос Агвана Шупхагише с большим числом епископов и священников и повёл перожцев на берег Куры, где все они разделись и, завернувшись в белые покрывала, вошли в воду с малыми детьми на руках. Католикос совершил обряд крещения и приказал всем трижды окунуться в воду. Так на перожцев снизошёл свет христианства. Но мы вернёмся к нашему рассказу.

14

Когда царь и Вагинак живыми и невредимыми вернулись домой, их встретил Занги, с весёлым визгом бросаясь к ногам то одного, то другого, словно всё знал, всё понимал.

На следующий день из темницы вывели жреца, торговавшего парчой, чтобы судить и наказать его при всём народе. Когда собрались судьи, к царю подошёл Вагинак и попросил жизнь и смерть этого жестокого верить ему.

— Как ты хочешь наказать его? — спросил царь.

— Об этом подумаем я и Занги, — ответил Вагинак. — Те мерзавцы легко отделались, но этот не удостоится их судьбы.

— Но ты забываешь, Вагинак, что недостойно христианина быть жестоким. Я вижу, ты хочешь его замучить.

— Нет, я хочу лишь его чёрную душу отдать на милость Занги, пусть отнимает её у злодея, как хочет.

— Уведи его, уничтожь, как собаку, — в один голос сказали судьи.

Царь не захотел отказывать Вагинаку в просьбе. Тот отвёл жреца со связанными руками в ущелье и, отпустив его, сказал, обращаясь к Занги:

— Занги, посмотри, это тот человек, который несколько лет мучил меня страшными пытками, он кормил меня тем, чего ты не ел никогда. Занги, истерзай этого человека, чтобы успокоить моё сердце. Это зверь, Занги, хватай его, рви на части...

Занги одним прыжком набросился на жреца, впился в его горло, задушил и, рыча, сразу же отпрянул от него.

— Ах, Занги, как ты облегчил смерть этого чудовища. Разве я этого у тебя просил? Даже самый добрый палач не поступил бы так, как ты.

Слух о злоключении царя распространился по всем городам и сёлам. Об этом говорили даже в чужих странах и всюду восславляли Анаит и Вачагана. Народные певцы, обходя сёла и города, в песнях рассказывали эту историю. Жаль, что эти песни не дошли до нас. Но о том, что сделали Анаит и Вачаган для своей страны, повествуется в сказке до сих пор. Главный смысл сказки в том, что «жизнь царю спасло ремесло». Это хорошая мысль. И от того, какое значение придаёт народ ремеслу, трудолюбию, зависит его счастье. Это счастье более надёжно, когда царь сам служит примером для народа и становится покровителем и защитником ремесла.

И действительно, наши деды, которые и раньше были очень трудолюбивы и ценили ремёсла, после этого случая стали уделять им ещё больше внимания. Во всей стране не осталось ни одной души, не владеющей каким-нибудь ремеслом. И многие ремёсла в нашей стране достигли наивысшего совершенства. Девушки учились рукоделию: из шерсти ткали ковры и шали, из хлопка — полотна, из шёлка — тонкие ткани. Шить, кроить и вязать умели все. Каждый земледелец сам изготовлял свои орудия: свой плуг и арбу, медную и глиняную посуду, утварь, строил свой дом. Летом работал в поле, зимой занимался ремеслом. И работали не поодиночке, а группами. Надо было видеть, как ловко юноши села орудовали огромными молотами в кузнице, делая из железа лемех или топор, меч или ещё что-то. Они вместе пахали свои поля и вместе собирали урожай.

Духовенство тогда не было сословием дармоедов. Каждый храм был мастерской, где выделяли отборный пергамент, писали на нём, переплетали и, кроме того, шили свою одежду, своими руками изготовляли всю утварь. Священники говорили: «Учёба и ремесло должны быть так сплетены друг с другом, как парча царя Вачагана и его таинственные письма». Можете себе представить, каким был народ при таком духовенстве, и особенно при таком царе как Вачаган, который был сыном, отцом и братом народа, каким был народ при такой царице как Анаит, которая стала для своей страны родной матерью. Вот что говорил народ об Анаит: «Она возвела на наших реках мосты, построила корабли и лодки, покрыла наши поля каналами и арыками, в городах и сёлах построила родники. Она проложила для наших арб ровные дороги, дала нашим плугам просторные земли. Она разрушила ад и превратила нашу страну в Эдем. Да здравствует Анаит, да здравствует навеки!»

ОДЗАМАНУК И АРЕВАХАТ

Была зима. Пожилые люди собирались в ода¹, беседовали, говорили о каждодневных заботах, обсуждали своё житьё-бытьё. А внуки Гюльназ, рассевшись вокруг курси², просили бабушку рассказывать сказки.

Однажды вечером бабушка Гюльназ рассказала им сказку про Одзаманука и Аревахат. Эту сказку дети ещё не знали и приготовились слушать её, широко раскрыв глаза.

— Ну, дети, слушайте, — начала бабушка Гюльназ. — В очень древние времена, в далёком государстве по ту сторону горы Масис, жил царь. Он был очень богат. Золота и серебра у него было не перечесть, войска у него были несметные, он владел многими городами, но детей у него не было и поэтому его неисчислимые сокровища и богатства не были ему в радость.

Сколько знахарей, сколько гадалок, сколько лекарей приходило, приносили они зелья, снадобья, но ничего не помогало. Были также предсказатели и колдуны, но никто ничего сделать не смог.

Царь, видя, что от людей помощи ждать нечего, уповал уже только на бога. Ежедневно совершал жертвоприношение, раздавал нищим милостыню, семь раз в день, став на колени, читал молитвы, просил бога помочь ему, — но всё напрасно.

Однажды, когда потерявший всякую надежду, погружённый в свои мысли, царь грустно ходил по своему саду, он увидел, как красивая змея-василиск разлеглась на скале и грелась на солнце, окружённая своими детёнышами, а те затеяли с матерью игру — один обвил шею матери, другой подполз под её брюшко, третий тыкался головой, обнюхивал, лизал её.

Видя это, царь остановился как вкопанный, долго смотрел на них и, глубоко вздохнув, сказал:

— Слава тебе, о всесильный господь, ты и в сердце змеи вселил любовь, чтоб любила и ласкала своих детёнышей. И ты знаешь, что и во мне есть эта любовь, дарованная тобой, но почему ты не даёшь мне хотя бы змеёныша, чтобы и я его любил, лелеял, утешался им?

Оказывается, в это время врата божьи были открыты, слова царя долетели до слуха бога.

Не прошло и года, как жена царя родила — как вы думаете, кого? — змеёныша.

— Ну, что ты, бабушка, что ты говоришь? — воскликнули дети.

— Да, да, дети, змеёныша. Но какого! Как только он родился, с каждым вздохом стал расти, превратился в огромного, гигантского вишапа³. Роженица, повитуха и слуги в ужасе бросились бежать, оставив его одного.

Увидев, что он остался один, змеёныш начал плакать. Но как плакать! Он так громко вопил и визжал, что сотрясался весь царский дворец.

Царю не сказали, что его жена родила змея, но когда до него донеслись вопли змеёныша, он стал спрашивать, и тут, пав к его ногам, дворовые воскликнули: «Долгих лет жизни тебе, государь, да будет тебе известно, что царица родила змеёныша, он превратился в огромного вишапа, и это он так кричит и визжит».

Царь сразу же вспомнил свою мольбу и всё понял! «Да, бог послал мне то, о чём я его просил».

Затем спросил своих придворных:

— Какой величины этот вишап, стал ли ростом с человека?

¹ Ода — комната рядом с хлевом.

² Курси — тахта над горячей жаровней, покрытая одеялом.

³ Вишап — дракон.

Ему ответили, что он ещё не дорос до человека, но так быстро растёт, что вскоре станет больше человека. Царь сказал:

— Что нам теперь делать? Случилось то, что должно было случиться: бог нам даровал его. Змей ли это, вишاپ ли — это моё дитя. Мы должны заботиться о нём, кормить, чтобы он не умер с голоду.

Люди бросили ему из ердика¹ еду, но змей не прикоснулся ни к чему и не переставая вопил.

Узнав об этом, царь созвал сведущих людей и спросил их:

— Что дать этому змею, чтобы он съел? Я не хочу, чтобы он умер от голода.

Самый мудрый из советников царя сказал:

— Он не будет есть ничего, кроме девушек. Испытайте, и вы увидите, что я говорю истину.

Царь сказал:

— На ком испытать? Давай первой отдадим ему твою дочь, а затем возьмём и у других.

На это мудрецы сказали:

— Долгих лет жизни тебе, государь! Ты правильно рассудил, решив первой бросить вишапу дочь того, кто произнёс эти слова, но знай — последствия будут очень дурными для тебя. Никто из нас не пожалеет свою дочь, отдаст вишапу, но когда очередь дойдёт до народа, всё обернется против тебя. Когда люди узнают, что их дочерей должны отдать вишапу, среди них начнутся волнения, они взбунтуются и свергнут тебя с престола. Лучше пошлём людей в другие страны, пусть они похитят девушек и привезут сюда.

Царь понял, что они говорят правду, и послал людей по ту сторону Масиса, чтобы они похитили и привезли девушек.

А теперь оставим пока вишапа голодным на несколько дней, а сами с посланцами царя отправимся в путь.

Здесь было одно большое село под названием Ареван. Все его жители были армяне, как и мы.

В этом селе жила семья, где и муж, и жена имели по одной дочери от первого брака.

Муж очень любил родную дочь, но и к падчерице не питал неприязни. Что до жены, то она была иного нрава: очень зла и завистлива. Она любила лишь свою дочь, а неродную ненавидела лютой ненавистью.

Дочь мужа звали Аревахат (крупинка солнца), дочь жены — Мамхи (терновник). Аревахат и была настоящей крупинкой солнца, её лицо было так красиво, что сверкало подобно солнцу. А вторая была настоящей мамхи — чёрной, как терновник, колючей и шершавой подобно его кустам.

Мачеха очень злилась: почему её дочь так безобразна, уродлива, а Аревахат столь мила и красива? Целыми днями она заставляла Аревахат работать: лепить кизяк, доить корову, печь хлеб, мыть посуду, таскать сено и солому, чтобы её белые руки сморщились, её нежное белоснежное лицо побагровело, её стройный стан ссутулился, чтобы она обессиленна, чтоб она поблекла, увяла. Но Аревахат, наоборот, делалась всё сильнее и красивее, а Мамхи, которая жила как царевна, с каждым днём всё хирела и становилась ещё уродливей.

Аревахат работы не чуралась, она так привыкла к труду, что не могла сидеть без дела ни минуты. Как только кончала свои дела, принималась за мужскую работу, закончив её, бралась за пряжу и вязание. Дома пряла на прялке, идя за водой, брала с собой веретено или недовязанный чулок, чтобы пока наступит её очередь или наполнится кувшин, не стоять без дела, не болтать попусту, а прясть или вязать.

¹ Ердик — свето-дымовое отверстие в потолке.

Всё спорилось в руках Аревахат: она могла пахать, сеять, ткать, кроить, шить, варить, печь, доить, чинить и мастерить. Одним словом, второй такой девушки не было. Но что поделаешь — оказалась она во власти злой мачехи. Чем лучше всё она делала, тем хуже обращалась с ней жестокая мачеха. Каждый раз, подобно злой волчице, она искала повода, чтобы оттащить за волосы Аревахат, избить её до крови. А мужа убеждала, что падчерица своим непослушанием и упрямством изводит её. Аревахат не умела оправдываться, как только хотела произнести слово, слёзы начинали душить её, а отец верил жене и сердился на дочь.

Аревахат всю свою боль выплакивала на могиле матери. Часто ходила она на кладбище, преклонив колени, проливая горькие слёзы, жаловалась на свою жизнь и, успокоившись, возвращалась домой. Много раз, положив голову на могилу, засыпала, видела свою мать во сне, обнимала её, ласкала, а мать утешала её и советовала быть доброй и терпеливой. «Бог не оставит невинного, — говорила она, — только ты веди себя так, чтобы понравиться богу, чтобы он любил тебя, тогда он не оставит тебя без защиты, вызовет из беды». Эти слова матери придавали ей силы, утешали, она забывала свои горести и с каждым днём расцветала, как бутон розы, как фиалка.

Аревахат была так чиста и невинна, что когда молилась, то верила, что душа её возносится на небо, долетает до бога и там, в его чертогах, вместе с ангелами восславляет его имя.

Милостыню она раздавала так, что даже самое мизерное её подаяние в глазах нищего казалось огромным, и бедный человек, возводя глаза к небу, со слезами молил его о долголетию, о солнце для Аревахат.

В том, что бог тоже очень любит Аревахат, я не сомневаюсь. Если бог кого-то любит, того и добрый любит, а злой ненавидит. Все невинные создания так любили Аревахат, что, завидя её, радовались, ликовали. Все домашние животные — корова и бык, овца и козёл, собака и кошка, встретив мачеху, убегали или показывали свою неприязнь: собака лаяла, кошка царапалась, корова брыкалась, лошадь и бык шарахались от неё, овца и козёл убегали прочь: Но эти же самые животные, увидев Аревахат, окружали её, расталкивая друг друга, ласкались к ней, лизали ей руки. Когда она доила корову, та становилась так, чтобы Аревахат было удобнее доить её. Когда девушка шла в сад или за водой, собака не отходила от неё, готовая защитить её, уберечь от опасности.

Вот такой красивой, такой доброй и всеми любимой была Аревахат. Но что поделаешь, если сердце её мачехи было каменным, ни стыда ни совести у неё не было.

В это время в селе распространился слух, что девушки, пасшие скот на выгоне, домой не возвращаются, их пожирает вишاپ.

Этот слух очень обрадовал мачеху. Она подумала: «Вот это хорошо, pošлю эту глупую девицу на пастбище, пусть попадёт в пасть вишапа».

Однажды она велела Аревахат погнать коров и овец на выгон пастись, дала ей один хлеб, чтобы та поносила его с собой, а вечером принесла обратно для мачехи (потому что хлеб, принесённый с пастбища, становится очень вкусным). Дала мачеха ей также много шерсти, чтобы она за день спряла её.

Аревахат погнала вперёд коров и овец, не зная, как далеко им надо идти. Наконец, дойдя до зелёной поляны, она села, стала прясть пряжу и оплакивать свою горькую судьбу, а овцы и коровы паслись в сочной траве.

К вечеру, на закате солнца, когда Аревахат хотела вернуться домой, вдруг увидела рядом с собой старуху. Девушка встала перед собакой, чтобы та не укусила старуху, но старуха сказала:

— Не бойся, Аревахат, собака меня не укусит, она знает, что я не злая, посмотри, как она радуется, виляет хвостом.

— Но кто ты такая, нани, я тебя никогда не видела, ты не из нашего села? — спросила Аревахат.

— Я не из вашего и не из другого села, я не из этого мира, я Мать Солнца. Твоя горькая доля, твоя невинность тронули меня, и я пришла, чтобы положить конец твоему несчастью. Встань передо мной на колени, я должна благословить тебя, чтобы исполнилось твоё заветное желание.

Слова старухи очень удивили Аревахат. Она всмотрелась в её лицо и увидела, что та не похожа ни на одну из знакомых ей женщин. Вся её одежда так сверкала, будто была соткана из золота. Её глаза сияли, светились подобно лучам солнца. Она говорила так нежно, голос её был так ласков и сладок, что Аревахат казалось, будто с нею говорит родная мать.

Как только старуха сказала: «Встань передо мной на колени», колени Аревахат согнулись, и она склонилась, желая поцеловать ноги Матери Солнца, но та подняла голову Аревахат и, возложив на неё руки, стала благословлять её:

Пусть под ногами твоими
розы цветут,
Путь устилают фиалки
пуха нежней...
Сбудутся грёзы девичьи,
страхи пройдут,
брачный венец засверкает
в шёлке кудрей.

Свежей улыбкой, как розой,
радуешь глаз,
жемчугом слёз осыпаешь
бедных людей...
Бог оградит тебя, дочка,
в благостный час
от скорпионов и гадов,
хищных зверей.

Пусть твоя хижина станет
царским дворцом,
пусть самоцветами вспыхнет
мрамор колонн,
золотом стены заблещут,
пол — серебром,
своды алмазами брызнут...
Сбудется сон!

Много других добрых слов говорила девушке Мать Солнца, увещевала и предостерегала её, предсказывала будущее. Затем она сказала: «Встань, красивая Аревахат, я тебя полюбила, я тебя благословила, я помолилась за тебя, чтобы больше не было у тебя бед, чтобы ни один волос не упал с твоей головы». Мать Солнца поцеловала Аревахат и сказала: «Этим поцелуем я к твоей красоте прибавила и свою». А потом дала ей маленький узелок. В нём было платье. Но какое платье! Всё расшитое драгоценными камнями и такое лёгкое, такое тонкое, что казалось, будто соткано оно не из хлопка или шёлка, а из лучей солнца.

И ещё она сказала: «Этот узелок храни за пазухой до дня твоей свадьбы, наденешь его только в тот день. Я уйду, мой сын ждёт меня». Сказав это, она исчезла, и солнце зашло.

Всё это так удивило Аревахат, что она не знала, спит она или бодрствует, во сне всё это видит или наяву. Она засунула руку за пазуху, нащупала узелок и сказала сама себе: «Значит, это не сон», — и так обрадовалась, что вся её грусть развеялась, лицо просияло, голод прошёл.

Она встала и, ласково поглаживая корову и овцу, рассказала им о своей радости и погнала их обратно домой.

Шла она, шла и вдруг увидела нескольких вооружённых до зубов всадников. Сердце Аревахат почуяло, что это плохие люди. Почувствовала это и собака, она стала беспокойной, словно хотела предупредить Аревахат об опасности. Девушка поняла, что убежать от этих людей не удастся, сразу же измазала лицо грязью, чтобы они не видели её красоты и не обратили на неё внимания. Настигнув её и увидев, что она очень некрасива, они сказали друг другу на своём языке: «Нам безразлично, красива она или уродлива, всё равно попадёт в пасть вишапу».

Теперь вы поняли, что это были за люди. Они сказали: «Девушка, не пытайся убежать от нас, садись на коня, мы должны увезти тебя».

Аревахат была ошеломлена. Она сказала себе: «Что я могу сделать? Пусть увозят меня, ведь хуже, чем дома, нигде быть не может, хоть избавлюсь от мачехи». Она поцеловала своих коров и овец, попрощалась с ними и села на коня. Бедные животные как будто понимали, что происходит, мычали и блеяли вслед за Аревахат, а собака не покинула её, скуля и повизгивая, побежала вслед за нею.

Всадники доехали до скалы и спешили. Они ввели Аревахат в пещеру. И что же она увидела? Здесь было более тридцати-сорока девушек из окрестных деревень. Несчастные боялись громко плакать, они всхлипывали и, подавив рыдания, проливали такие потоки слёз, что сердце разрывалось при виде их.

Аревахат стала их утешать: «Не бойтесь, нас поведут на продажу, а мы убежим обратно домой». Но многие знали, что их должны отдать на съедение вишапу, слух о котором разнёсся повсюду.

Когда стемнело, их вывели из пещеры и погнали через горы, ущелья к царю — отцу змеёныша.

В этом месте бабушка Гюльназ сказала: «Дети, я устала, мне хочется спать, остальное расскажу завтра вечером». Но дети кинулись к ней: «Так нельзя, ты должна досказать, чтобы мы узнали, чем всё это кончилось». Бабушка Гюльназ вынуждена была продолжить рассказ.

Девушки добрались до города, где собрались и стар и млад, чтобы посмотреть на них. И что они видят! Все девушки — армянки, одна красивее другой. Самой некрасивой среди них казалась Аревахат, потому что она измазала лицо грязью и сажей. Царь приказал поместить их в удобных домах, хорошо кормить и в день по одной бросать змею. Первой выбрали Аревахат, мол, она самая уродливая.

«Пойдём, — сказали Аревахат, — мы должны выдать тебя замуж, твой жених — сын царя, ты станешь царицей».

Так обманув её, повели Аревахат к жилищу змея, просторному помещению в царском дворце, окружённому садами и прекрасными бассейнами.

Когда они вошли в сад, Аревахат сказала:

— Прежде чем я пойду к царевичу, я хочу умыться в этом бассейне, причесаться, привести в порядок свою одежду, а то стыдно.

— Хорошо, — говорят, — делай что хочешь, мы удалимся, чтобы ты не стеснялась нас.

Оставшись одна, Аревахат умылась, причесалась, надела платье, подаренное Матерью Солнца. Когда она вышла такая нарядная и красивая, люди, которые её привели, оторопели, им показалось, что над садом взошло новое солнце, они не верили, что это та самая

девушка: «Она, наверно, сошла с неба, обернувшись бедной девушкой, а сейчас преобразилась, предстала в своём подлинном облике».

Аревахат подошла к ним и заговорила не униженно и покорно, а повелительно: «Что вы уставились? Покажите мне, куда нужно идти». Услышав её приказ, слуги в страхе задрожали, упали на колени, просили простить их: «Мы привели тебя не замуж выдавать за царевича, а отдать вишапу, который живёт в этом дворце. Если хочешь, мы отпустим тебя, даже если за это царь прикажет повесить нас».

Аревахат ответила: «Нет. Дайте мне ключи от этих дверей, я не боюсь вишапа».

Она взяла ключи, отперла дверь и, пройдя из одной комнаты в другую, вошла в прекрасный чертог и увидела огромного вишапа. Аревахат стала немного поодаль и сказала: «Здравствуй, царевич! Я пришла к тебе от Матери Солнца. Она приветствовала твоё рождение и пожелала тебе обильного солнца!»

Вишап поднял голову и вперил острый взгляд в Аревахат. Аревахат затрепетала, дрожь пробежала по её телу. Змей увидел, что она испугалась, повернул голову в сторону хвоста, но потом снова вперился в девушку.

Тут Аревахат вспомнила совет Матери Солнца, осмелела и сказала: «Сын царя, если ты должен съесть меня, то сразу проглоти, чтобы я не мучилась. А если нет, то именем Матери Солнца я приказываю тебе: «Выйди из своей шкуры!»

При этих словах вишап съёжился, сжался, задрожал, свернулся и вдруг лопнул. От страшного звука дворец пошатнуло так, что царь вскочил со своего места.

Со всех сторон сбежались люди, чтобы узнать, что случилось. И что они увидели! Кожа вишапа валялась на полу, а он, обернувшись красивым юношей, сидел укутанный в белое покрывало, а рядом с ним была вся сверкающая в шёлке и атласе, сияющая подобно солнцу девушка. Они сидели рядом, разговаривали и смеялись. Сейчас же люди помчались к царю с поздравлениями, мол, не поверишь, но змеёныш превратился в прекрасного юношу. Прибежали царь, царица и стали обнимать и целовать то своего сына, то Аревахат. Одели они его, нарядили и назвали Одзамануком — змеёнышем. Затем семь дней, семь ночей праздновали свадьбу Одзаманука и Аревахат.

Они достигли своего счастья, да достигнете и вы своего.

1883

ХИТРОУМНЫЙ ТКАЧ

(Легенда)

1

Во времена Шах-Аббаса из далёкой страны в город Исфаган прибыл один человек в одежде дервиша¹. В центре обширной городской площади этот дервиш начертил палкой большой круг, а сам молча сел рядом. Прохожие с удивлением спрашивали:

— Кто ты? Что это ты начертил? Может быть, это талисман, но добрый он или нет?..

Дервиш ничего не говорил. Город был в растерянности: что бы это могло означать? Наконец, сообщили Шах-Аббасу, что появился вот такой дервиш.

Шах-Аббас послал одного из своих мудрецов, чтобы он узнал, в чём там дело, чего хочет дервиш, почему он ввергает в смятение народ.

Мудрец пошёл к дервишу:

¹ Дервиш — мусульманский бродячий монах.

— О человек, я понимаю твою мысль. Твой круг означает небо. Внутри пустота. Это значит, что ты хочешь закрыть небо, чтобы в нём не было ни одной тучи, чтобы больше не было дождя, чтобы в нашей стране был голод. Знаю, знаю, что всё это ты можешь сделать, но пожалей нас, не делай этого, царь даст тебе всё, что ты захочешь...

Дервиш ничего не сказал и даже не посмотрел на мудреца. Но народ, услышав его объяснения, пришёл в ужас. Людям даже не приходило в голову, что это объяснение могло быть ошибочным. Сделав из мухи слона, они рассказывали друг другу: «Да знаете ли вы, что дервиш всесильный человек? На такую-то страну он нагнал потоп и град, уничтожил всех её жителей, в другом месте семь лет подряд держал небо закрытым, не было ни одной капли дождя, в стране начался голод, все люди съели друг друга»... На следующий день Шах-Аббас послал другого мудреца.

— Я знаю, знаю, кто ты, божий человек, — сказал тот дервишу. — Твой круг означает нашу страну. Он пустой. Этим ты хочешь сказать, что ты опустошишь нашу страну чумой. Смилуйся над нами, смилуйся ради всевышнего, не делай этого! Мы дадим тебе всё, что захочешь.

Дервиш опять не сказал ничего.

В городе стали распространяться всё новые и новые нелепые слухи.

Все мудрецы поочерёдно ходили к дервишу. И все они, вместо того, чтобы рассеять сомнения народа, ввергли его в ещё больший ужас.

2

Царь полагал, что загадка дервиша должна иметь простое объяснение, и огорчился, что не нашлось у него человека, способного разгадать эту загадку. Однажды в таких раздумьях он, переодевшись, прогуливался по армянскому кварталу Исфагана. На крыше одного дома сушилась пшеница для помола, рядом никого не было, но длинный шест, беспрестанно раскачиваясь, отгонял воробьёв.

«Тайну этого чуда надо искать в доме», — решил царь, вошёл в дом и увидел там ткача, который ткал полотно.

Когда царь вошёл и поздоровался, ткач сразу же встал и, низко поклонившись, ответил на его приветствие, затем продолжил своё дело. Справа и слева от ткача стояло по одной колыбели. Когда он начал ткать, колыбели стали качаться подобно самодвижущемуся шесту на крыше. Дети в колыбелях были внуками старика, их матери, сидя в углу комнаты, пряли нитки для полотна. Чтобы не отрывать своих невесток от работы, хитроумный ткач к шесту на крыше привязал верёвку, а другой её конец намотал на чесалку, которая своим движением вызывала колебание шеста. К колыбелям также были привязаны верёвки, концы которых ткач намотал на пальцы левой и правой руки. Когда он забрасывал правую руку с челноком, качалась колыбель, стоявшая справа, когда же забрасывал челнок левой рукой, качалась колыбель слева. Таким образом он одновременно выполнял три дела.

Царь заметил всё это и мысленно похвалил ткача за изобретательность. Но то, что ткач приветствовал его низким поклоном, вызвало у царя подозрение: не узнал ли он его. Чтобы выяснить, так ли это, царь спросил его:

— Никак?

— Ужель? — ответил ткач.

Говоря «никак», царь хотел сказать старику: «Никак, ты узнал меня? Смотри, не выдавай, пусть это останется между нами». А старик ответил: «Ужель...», мол, «Ужель я глуп, чтоб этого не понять».

— На скольких ступаешь, мастер? — спросил затем царь.

— Раньше на двух, теперь и на третью, — ответил ткач.

Этим вопросом царь хотел узнать возраст ткача. Ткач ответил, что уже не может ходить на двух ногах, теперь пользуется тростью, как третьей ногой, словом, постарел.

Царь задал ещё много туманных вопросов и на все получил ответы. Он убедился, что старый армянин очень находчивый и умный человек, и решил, что один он может разгадать загадку дервиша.

— Раз уж ты изобретателен, скажи, сможешь ли общипать гусей, которых я пришлю тебе? — спросил царь.

— Я большой мастер этого дела, — ответил ткач.

3

Получив этот ответ, царь ушёл. А немного погодя пришли к ткачу назир-везиры¹ царя. «Вот пришли царские гуси, действительно хорошие птицы для общипывания», — сказал ткач сам себе.

Вернувшись во дворец, царь страшно рассердился на мудрецов и пригрозил, что если они не найдут хотя бы одного человека, который сможет дать ответ дервишу, то всех их он вышлет из страны. Тогда мудрецы решили обратиться к хитроумному ткачу, слух о котором дошёл до одного из них.

— Братец мастер, не можешь ли ты дать ответ нашему странному гостю, который вверх народ в ужас? — спросили они ткача. И рассказали ему историю с дервишем, которая уже была известна ткачу.

— Почему бы нет?.. Я могу... но для этого потребуются большие расходы. Надо приобрести волшебный жезл, чеснок бессмертия и курицу, несущую золотые яйца.

Мудрецы опешили.

— Расходы на это мы оплатим, — сказали они, придя в себя, — но мы не сможем найти всё то, что ты перечислил.

— Мне нужны три вещи, и я сам их найду, но за каждую из них надо отдать полную шапку золота. Вас трое, каждый из вас принесёт свою шапку, наполненную золотом, а я приду и дам ответ дервишу.

Мудрецы вынуждены были согласиться. Принесли три полные шапки золота и отдали ткачу. Так, общипав их, как наказал ему царь, ткач встал, взял в руки палку из кизилового дерева, головку гнилого чеснока, одну хромую курицу и пошёл к дервишу.

Собрались все горожане, присутствовал здесь и царь со своими князьями.

Ткач не стал говорить с дервишем. Он молча концом своей палки провёл глубокую борозду через центр круга от одного края до другого, разделив таким образом круг на две равные части, и сел напротив него.

Дервиш надолго задумался, покачал головой и наконец достал головку лука и положил перед собой.

Ткач, недолго думая, достал свой чеснок и положил его перед собой.

Рассердился дервиш, выхватил из своего кармана горсть проса и рассыпал по всему кругу.

Ткач выпустил курицу, которая сразу же склевала просо.

Дервиш тотчас же встал с места и с ворчанием удалился...

Царь подошёл к ткачу и попросил его объяснить значение этой загадки.

— Долгих лет жизни тебе, государь, — сказал ткач. — Этот дервиш — безумец, который вообразил, что он могущественный и мудрый человек и может овладеть всей нашей страной. Своим кругом он хотел дать нам понять, что вся наша страна принадлежит ему. Я не

¹ Назир-везир — сановник.

стал убеждать его в том, что это безумие, а молча разделил круг пополам, желая сказать ему, что половина страны моя. Он рассердился и выложил лук, то ли объявил мне войну, то ли хотел предупредить, что между нами будет разговор, начнётся война. Я же чесноком дал ему понять, что я не стану бежать. Рассыпав просо, он угрожал мне своим несметным войском. А я своей курицей показал ему, что вот так разобью его войско. Тогда он понял, что больше не может держать нас в страхе, и убежал...

Горожане были очень рады, что наконец освободились от угроз дервиша, от ожидаемого голода и смерти, и все в один голос воскликнули: «Да здравствует ткач!»

Шах-Аббас, который высоко ценил ремёсла, похвалил ткача и затем спросил:

— Что ты сделал с моими гусями, хорошо ли ты их общипал?..

— Долгих лет жизни тебе, государь! Да, я их хорошо общипал, вот их перья, — ответил ткач и положил перед царём мешок золота.

— Ты заслужил это золото, — сказал царь. — Ты найдёшь ему более полезное применение. Столько же получи у моего казначея и открой большую фабрику — пусть расцветает твоё ремесло в моей стране. Отныне двери моего дворца всегда открыты перед тобой. И пусть моё покровительство распространится на твоих мудрых потомков и на твой народ.

1886

АРЕГНАЗАН, ИЛИ ЗАКОЛДОВАННАЯ СТРАНА

(Из древних армянских сказаний)

1

В давние времена, когда мир был полон чудес и когда добрые и злые духи постоянно вели между собой войну, у подножия Масиса жил один старый князь по имени Арман.

У Армана было трое детей, оставшихся без матери. Две девочки, одна красивее другой, а кем был третий ребенок, ещё более прекрасный, чем две сестры, добрые духи на какой-то срок утаили от людей. Сделали это добрые духи ради какой-то им одним известной цели. Лишь позже, когда пришло бы время, ребёнок должен был стать или девочкой или мальчиком. Арман не отделял его от девочек и всех трёх одевал в девичью одежду.

— Пусть и этот ребёнок считается девочкой, пока не исполнится воля добрых духов, — говорил он и назвал его Арегназан, для единообразия, потому что одну девочку звали Заназан, а вторую — Зарманазан.

Арегназан росла, как девочка, и хотя была уверена, что она девочка, и самая красивая среди сестёр, всей душой ненавидела всё то, что подобает девушкам. Она не любила чесать шерсть, прясть или кроить и шить, но когда видела хорошего коня или доспехи, теряла от восторга голову. Матери у неё не было, которая бы её учила хозяйничать, а отец, словно нарочно, не только не заботился об этом, но и брал Арегназан с собой на охоту, учил скакать на коне, пользоваться оружием.

Так прошло некоторое время, и однажды Арман позвал к себе своих детей и сказал:

— Я служил нашему доброму царю, и он очень меня любил. Все эти поля и леса, горы и ущелья, которые сейчас принадлежат нам, царь подарил мне за верную службу. Когда ваша мать умерла, я пережил страшное горе. Я переехал в эти тихие края и, чтобы забыться, предавался охоте. Теперь вы выросли, а я постарел. Вы здесь растёте, как дикие лани. Что будет с вами, когда останетесь без меня? Конечно, ничего хорошего. Чтоб избавить вас от будущих бед, я решил кого-нибудь из вас в одежде юноши послать на службу к царю. Царь

радушно примет моего наследника и определит его на службу. Тогда и остальные смогут устроиться во дворце. Кто из вас хочет поехать?

— Я поеду, отец, — сказала старшая дочь.

— Я тоже, отец, я тоже, — вмешалась средняя.

Арегназан молчала.

— А ты, Назаник, ты не хочешь ехать? — спросил отец у Арегназан, точно он хотел, чтобы поехала именно она.

— Конечно, хочу, отец. Но если этого хотят мои старшие сёстры, как я могу им мешать?!

— Для меня вы все равны, но я ещё не знаю, кто из вас больше подходит для этого.

— Больше всех подхожу я, отец, — сказала старшая, — потому что я самая старшая.

— Очень хорошо, но я без испытания ни одну из вас не пошлю. Пойди переоденься, выбери доспехи, рано утром оседлай коня и поезжай на охоту. Если вернёшься не с пустыми руками, к царю пошлю тебя.

На следующее утро старшая дочь, как и наказывал отец, отправилась на охоту. Когда она въехала в глубокое ущелье и хотела его пересечь, перед нею появился вооружённый с ног до головы всадник в маске. Увидев его, девушка так испугалась, что чуть не лишилась дара речи, встала как вкопанная, не смогла даже убежать. Всадник приблизился к ней и сказал:

— Эй, юноша, всадник прекрасный,
куда ты собрался чуть свет?
Что с тёплой постели поднялся,
другой тебе радости нет?

Девушка, заикаясь, ответила:

— Я еду... не знаю, куда...
Нет... никуда не еду...
Да, да, собираюсь в путь...
Мне нельзя назад повернуть.

Всадник сказал угрожающе:

— Куда же, куда же ты едешь,
бежишь из родного села?
Вернись, а не то пожалеешь,
покуда цела голова!..

Говоря это, всадник достал меч и поднял, чтобы ударить девушку, но она вскричала:

— Вай, вай, не бей, не бей, я девушка, девушка, сейчас же вернусь домой.

— Раз ты девушка, то возвращайся домой, корми кур. Недостаточно носить мужскую одежду, надо ещё иметь мужское сердце. Хорошо, что ты встретила меня, а не кого-либо другого, — сказал всадник и исчез.

Девушка, вся дрожа, вернулась домой.

— Ну... где же твоя дичь? — спросил отец. — Почему ты вернулась так быстро?

— В пути я почувствовала жар, отец, у меня болит голова, — ответила девушка.

На следующий день Арман послал среднюю. Она, как и её сестра, повстречалась с грозным всадником, испугалась, как и та, и прискакала домой.

На третий день отец послал Арегназан. И ей также повстречался тот же всадник и сказал:

— Эй, юноша, всадник прекрасный,
куда ты собрался чуть свет?
Что с тёплой постели поднялся,
другой тебе радости нет?

Арегназан ответила, рассердившись:

— Отстань от меня, незнакомец,
я знаю, куда мне идти,
я добрых людей не обижу,
не встану у них на пути.

— Ты хочешь сказать, я разбойник?
А ты бы подумал сперва.
Придётся с тобой расквитаться
за дерзкие эти слова!

— О том, что ты вор и разбойник,
сказало обличье твоё,
но трус ты иль храбрый мужчина,
пусть мне растолкует копьё.

С этими словами Арегназан напала на всадника, говоря:

— Отбрось маску, я хочу увидеть, что ты за человек. А не то сейчас же снесу тебе голову.

Всадник стал сопротивляться и нападать на Арегназан. Арегназан защищалась щитом и мечом наносила удары. Их бой длился целый час, и ни один из них не мог поразить другого. Но Арегназан становилась всё сильнее, а её противник — всё слабее. Наконец Арегназан ловко прыгнула с коня, схватила противника за ворот, сбросила наземь и хотела было ударом снести ему голову, как тот сорвал свою маску...

— Ах, отец, отец! — воскликнула Арегназан. — В какую беду ты должен был ввергнуть меня!.. Если бы ты чуть помедлил, я бы стала отцеубийцей.

Отец посадил Арегназан рядом с собой и, глядя на неё с любовью и нежностью, сказал:

— Ты умница, гордись, Арегназан,
расти, цветы, хорошая моя,
теперь я знаю, что достойна ты
сменить на троне старого царя.

Не зря тебя я, видно, научил
носить доспехи, и скакать в седле,
ведь я тебя сильнее всех любил,
ты для меня всех лучше на земле.

Сказал я: в люди выведу её,
ей сыном быть, наследником моим.
Подходит сердце храброе твоё
мужчине, что всегда невозмутим.

Отныне ты не девушка — боец,
отцовских слов в пути не растеряй,
добейся славы, счастье заслужи
и никому ни в чём не уступай.

Теперь иди, сыночек мой, иди,
благословляю твой нелёгкий путь.
Будь добр и честен и велик душой
и моего наказа не забудь.

2

Когда Арегназан явилась к царю и сказала ему, что она сын Армана, царь очень обрадовался.

— Я думал, — сказал царь, — что у нашего Армана нет взрослого сына. Как тебя зовут, юноша?

— Арег — слуга твой, государь.

— Арег... прекрасное имя и очень тебе подходит. Здесь тебе будет хорошо, сын мой. Я всегда помогу тебе, если с тобой случится беда или что-то тебе понадобится. А теперь пойди отдохни. Завтра мы собираемся на охоту, поедешь с нами.

У царя была единственная дочь по имени Нунуфар. Она была так красива, словно говорила солнцу: «Ты не восходи — взойду я».

Когда царь говорил с Арегназан, Нунуфар из-за занавески тайком смотрела на него и млела от восхищения.

«Это точь-в-точь тот юноша, которого я не раз видела во сне», — думала Нунуфар.

На следующее утро раздались звуки охотничьих рожков.

Более тысячи всадников выехали на охоту, все были вооружены тугими луками и длинными стрелами, железными копьями и другим оружием. С собой взяли овчарок, борзых, соколов... и всё необходимое для охоты.

Доехали до просторной лужайки, окружённой со всех сторон густыми лесами. Сюда согнали животных со всего леса, окружили и стали безжалостно убивать.

Арегназан не отходила от царя. Случилось так, что конь царя, испугавшись чего-то, встал на дыбы, сбросил царя на землю и ускакал. Царь остался невредимым, но неожиданно оказался перед медведем. Поднявшись на задние лапы, медведь с рёвом пошёл на царя и вот-вот должен был подмять его под себя. Арегназан увидела это, вмиг домчалась до медведя и одним ударом меча разрубила голову свирепому зверю. Царь был спасён, и Арег стал героем этого дня.

— Вот счастливый... Почему не я оказался рядом с царём, — говорили многие из охотников.

Весть о происшедшем событии и смелом поступке юного охотника молниеносно долетела до города.

Надо было слышать, с каким ликованием встречали горожане возвращающихся охотников.

— Да здравствует царь, да здравствует храбрый Арег! — в один голос кричали все и пели:

Кто царя от смерти спас,
от медвежьих когтей,
гей,
от медвежьих когтей?

Самый храбрый человек.
Наш Арег.
Это он, красавец наш,

защитил царя царей
от медвежьих когтей,
гей,
от медвежьих когтей...

Прямо в пасть копьё вонзил,
голову мечом срубил,
злого зверя повалил
и царя освободил
от медвежьих когтей,
гей,
от медвежьих когтей...

Славься, добрый человек,
здравствуй, доблестный Арег,
если б не было тебя,
кто б от смерти спас царя,
от медвежьих когтей,
гей, от медвежьих когтей...

Видя эти торжества, Арегназан думала про себя. «Ах, как хорошо быть мужчиной! Хоть бы я действительно была юношей! Разве могла бы девушка удостоиться таких почестей?..»

— Ты сегодня показал мне, Арег, на что способен, — сказал царь, — впредь ты будешь неразлучен со мной. Молодец, сын мой, молодец! Ты удивительное существо, ведь храбрость не очень-то в ладах с красотой и юностью, но Небо пожелало сделать для тебя исключение. Завтра выберешь себе самого быстрого из наших коней, самые лучшие доспехи. Со временем ты пополнишь ряды богатырей, ты и теперь уже юный богатырь.

Царь был очень рад, что нашёл такого храбреца, а радость Нунуфар не знала границ.

«Его мне послало Небо, — говорила она сама себе, — всё идёт так, как хотелось бы. Но как мне увидеть его лицом к лицу? Ах, как я хочу, чтобы вот в эту минуту он был рядом со мной, мы бы поговорили, я бы сказала... он бы мне сказал... Почему бы его не позвать, почему не поговорить с ним? Отец мой любит его, как сына, потому что он сын его друга, он имеет свободный доступ во дворец. Да, да, надо его позвать».

— Эй, кто там есть? — крикнула Нунуфар. Вошла одна из служанок.

— Сейчас же пойдёшь к Арегу и скажешь, чтобы пришёл повидать меня...

Служанка пошла к Арегу и передала слова царевны.

— Я не могу прийти, — ответил Арег.

— Почему, господин? Она приказала, — настаивала служанка.

— Мне нечего делать у неё...

— Господин, она говорит, чтобы вы пришли повидать её...

— Пойди скажи, что я не приду к ней...

Служанка ушла.

Когда Нунуфар узнала об отказе Арега, её стало бросать то в холод, то в жар, она то бледнела, то краснела.

Сердце Нунуфар готово было разорваться, голова раскалывалась. Она в беспокойстве металась по комнате, открывала то окно, то дверь, казалось, её жжёт огонь.

— Отказ... пренебрежение... мной, мной, о, голова моя, голова болит, болит, болит...

— Госпожа, что ты убиваешься из-за такого пустяка? Может быть, он стесняется тебя? Когда он услышал, что ты зовёшь его, смутился и покраснел, как роза. И как же он был красив!

— Говори, говори, продолжай... я не расслышала всех твоих слов... О, как я пала теперь в его глазах!..

Нунуфар долго страдала от душевных мук, ослабла и слегла в постель. Сообщили об этом царю, он навестил её, вызвал врачей. Собрались все врачи, обнадёжили царя, мол, болезнь не опасная, вскоре царица излечится. Но болезнь Нунуфар чем дальше, тем становилась опаснее, врачи потеряли надежду и прямо сказали царю, что не могут понять причины болезни и не знают, как её лечить.

Царь очень опечалился. Нунуфар была его единственным ребёнком, единственным утешением, единственной наследницей престола. Весь дворец, весь город были в печали. Один лишь Арег остался равнодушным. Ему и в голову не приходило, что это он является единственной причиной её болезни.

Нунуфар в какой-то мере утешал и развлекал царский шут, а ухаживала за нею и заботилась вдова визиря¹.

У вдовы визиря был взрослый сын. И она считала, что достойным зятем царя может быть лишь её сын и никто другой. Поэтому она ни днём ни ночью не отходила от Нунуфар, старалась вылечить её и вместе с тем заслужить её любовь.

— Госпожа, что ты дашь мне, чтобы я тебя вылечил? — спросил как-то вечером шут.

— Что я должна тебе дать, дурак? Если знаешь какое-нибудь средство, для какого же дня его бережёшь?

— Это ты хорошо сказала — такому дураку, как я, никто ничего не даст. Другое дело, если б я был глупым врачом. Погоди, я должен узнать, ты в здравом уме или твой ум рассорился с тобой и переселился в голову кого-либо другого?

— Как же ты должен это узнать?

— А вот как. Если из десяти возьмёшь два, можешь ли снова сделать десять?

— Почему нет? Из десяти отнимем два, станет восемь, к восьми прибавим два — снова станет десять.

— А как это возможно? Если от десяти оторвёшь два, как же сможешь склеить? Вот если отрезать тебе руку, затем снова её приложить, разве склеится?..

— Это не так, дурак. Если у тебя будет десять яблок и два из них ты съешь, не останется ли восемь? Теперь, если эта госпожа даст два яблока, ты прибавишь к остальным, и у тебя снова будет десять яблок.

— Да, теперь я понял. Значит, ты считаешь, что вместо съеденных яблок можно положить другие яблоки.

— Конечно, можно.

— А я считаю так: съеденное останется съеденным, потерянное — потерянным, умершее — умершим, они больше не вернуться. Знаешь, почему эта госпожа осталась одна? Она имела мужа, он умер. Раньше она и её муж составляли пару. Теперь, если к ней прибавим другого человека, снова будет пара. Но прежний был визирем, царство ему небесное, считался умным человеком, а новый пусть будет шутом, который считается дураком. Ведь это не помешает нашему счёту: госпожа, которая сейчас одна, снова будет в паре.

— Это не твоя забота, дурак, — сказала вдова визиря. — Если знаешь лекарство для своей повелительницы, вылечи её, а я пусть останусь одна...

— Госпожа, моя повелительница одна, у неё не убавилось никого, но она хочет быть с кем-то вдвоём... Я сейчас думаю, как мне найти для неё такого «одного», чтобы, будучи с ним в паре, она осталась нашей прежней Нунуфар.

Шут приложил палец ко лбу и, немного подумав, воскликнул:

¹ Визирь — титул министров и высших сановников во многих мусульманских государствах.

— Выведал я, в нашем дворце
юноша есть, дивный такой,
если девица встретит его,
то потеряет сон и покой.

Дурак я, дурак,
всё мне не так,
кто бы сказал, что царство
я обошёл и отыскал
для госпожи лекарство.
Ярайлали, шарайлали,
айда, дурак, вали...

Дурак спел и, подпрыгнув несколько раз, убежал.

Вдова визиря смекнула, что это значит, и расстроилась: «Только сейчас я поняла всё, — подумала она. — Дурак спутал все мои расчёты. Ну, хорошо, я твоего Арега отошлю в такое место, чтобы он сгинул безвозвратно»...

— Наш дурак не так глуп, как кажется, — сказала она Нунуфар.

— Да, но на этот раз он очень поглупел, — ответила Нунуфар.

На следующее утро вдова визиря раньше всех пришла к царю.

— Что нового, как здоровье моей дочери? — спросил царь.

— Всё так же, царь-государь, как ты видел. Я пришла сообщить тебе радостную весть.

— Какая весть? Говори скорее. Может быть, она касается моей дочери? Никакая иная весть не может меня порадовать.

— Да, да. Сегодня ночью мне приснилась наша царица и сказала мне, что единственное лекарство для Нунуфар — живая вода.

— Жи-ва-я во-да!.. — воскликнул царь. — Но кто может привезти эту живую воду, которую мы никогда не видели?

— Я спросила об этом царицу, и она сказала, что её может привезти только Арег...

— Арег?.. Хорошо, я пошлю Арега, пусть поедет и испытает своё счастье...

Царь позвал Арега и предложил ему поехать за живой водой.

— Поезжай, сын мой. Если сможешь привезти этой воды и вылечить мою дочь, я отдам её за тебя и вместе с нею половину моего царства.

— И без этого обещания, царь-государь, я готов выполнить твой приказ, — сказал Арег. — Ты только скажи мне, где находится эта живая вода.

— Кто может знать её место, сынок? Для этого нужен особый дар, особая благодать и сила, которыми добрые духи наделяют лишь своих избранных. Мы слышали, будто это родник, что его охраняют невидимые духи, что родник этот то появляется, то исчезает, но толком никто ничего не знает. Ты повернись лицом к востоку, ступай из страны в страну, из края в край, расспроси всех, и либо найдёшь, либо нет, это зависит от твоей судьбы, твоего счастья. Но что бы ни случилось — удача или неудача, ты многое увидишь и многому научишься. Моя казна открыта для тебя, возьми с собой золота и серебра, сколько понадобится.

3

Арегназан отправилась в путь.

Удивительным существом была Арегназан: всегда радостная и весёлая, всегда бесстрашная и беззаботная, даже попав в тяжёлое положение, она не теряла присутствия духа. Она поскакала на своём коне Базике, который двух-трёхдневный путь проходил за один

день. Она объездила несколько царств, всюду расспрашивала, многое повидала, смогла избежать многих бед, пока не доехала до заколдованного царства, где на каждом шагу встречала новое чудо, новое диво.

Однажды сильно припекало солнце. Когда жара изнурила Базика, Арегназан спешила на берегу одного озера, привязала коня в густой тени, и сама села рядом, достала свои дорожные припасы и стала есть. В эту минуту она увидела стаю голубей, — они опустились на берег озера недалеко от неё. Арегназан натянула тетиву, но вдруг увидела, что все голуби сняли свои перья и, обратившись в девушек, стали купаться.

Арегназан сначала опешила, но потом решила сыграть с ними шутку. Крадучись, чтобы её не заметили, она взяла оперение одной из голубок. Это были два больших крыла и перья.

Не прошло и нескольких минут, как все девушки вышли из воды, надели свои крылья и улетели, но одна, которая не нашла своих крыльев, чтобы не стоять нагой на берегу, снова бросилась в воду. Заметив это, Арегназан подошла с крыльями в руках к девушке. Не выходя из воды, девушка приблизилась к берегу и начала петь:

О, юноша прекрасный, не шути,
верни мне крылья, крылышки мои,
дай улететь мне в милые края,
что пожелаешь, всё исполню я.

Я не видала юноши стройней,
красивей и наряднее, чем ты,
наверное, и сердцем ты хорош,
оно твоей достойно красоты.

Ну пожалей меня, не уходи,
верни мне крылья, крылышки мои,
дай улететь мне в милые края,
что пожелаешь, всё исполню я.

Коль ты мужчина, девушкою стань
и насладись исполненной мечтой,
хочу, чтоб ты всех женщин превзошла
в своём роду умом и красотой.

Тебя благословляю, но верни,
верни мне крылья, крылышки мои,
дай улететь мне в милые края,
что пожелаешь, всё исполню я.

Девушка-голубка умолкла, и жалостливо, с нежнейшей улыбкой на устах глядела на Арегназан и ждала, когда та вернёт ей крылья.

Арегназан так понравилась мелодия песни, что она подумала: «Не есть бы, не пить, а слушать, как она поёт».

— Продолжай, продолжай, спой ещё, — попросила Арегназан. — Твоя песня мне очень нравится, ничего подобного мне не приходилось слышать никогда в жизни. Только одно мне непонятно, красивая девушка. Ты сказала: «Если ты юноша, хочу, чтоб стал ты девушкой». Разве это возможно?

Девушка продолжала петь:

Всё возможно на свете,
и реки воротятся вспять.
Если стала ты девушкой,
стань же женщиной опять.

Пусть пробьются усы,
и закроет лицо борода,
огрубеют черты
и проляжет на лбу борозда.

Ты меняешься, вижу,
верни мои крылья, верни,
дай мне в небо подняться,
исполню все просьбы твои.

На одно мгновение Арегназан потеряла сознание, потом её охватило блаженство. Она увидела, что в воде, как в зеркале, отражалось какое-то лицо, похожее на неё, но с усами и бородой. Этот облик сначала показался Арегназан немного чужим, но потом так понравился, что она не могла оторвать от него глаз.

«Это, наверное, я, — сказала она сама себе, — теперь я действительно Арег».

— Красивая девушка, ты дала мне то, что было моим единственным желанием, теперь ты свободна. Но раз ты смогла совершить это чудо, то, наверное, знаешь, где находится живая вода, ради которой я брожу вот уже сколько времени.

Девушка начала петь:

Пусть восторжествует Нунуфар —
до чего жених её хорош!
Наконец, сбылась твоя мечта —
девушкой пришла, юнцом уйдёшь.

Хочешь ты испить живой воды?
Так отдай мне крылья, чтоб могла
их надеть и в небо улететь,
чтобы воду в клюве принесла.

Помоги несчастным, помоги,
в камни душу вечную вдохни,
если хочешь навсегда для нас
юношей остаться, как сейчас.

А не хочешь, знай, что всё равно
в камень превратишься и замрёшь,
как войдёшь в окаменевший град
и к колдунье старой подойдёшь.

Ну отдай мне крылья, ну отдай,
ну отдай, прошу тебя, прошу,
полечу в далёкие края
и живую воду отыщу.

Из слов девушки Арег многого не понял, но, не желая больше её задерживать, отдал ей крылья. Надев их, она сейчас же превратилась в голубку и улетела. Не прошло и нескольких минут, как она вернулась с небольшой склянкой в клюве, наполненной живой водой, отдала её Арегу и снова улетела.

Арег оседлал коня и отправился в путь, разговаривая со своим конём:

— Базик, знаешь, теперь я юноша, я больше не девушка. Раньше я был девушкой, этого никто не знал, может быть, ты тоже не знал. Отец мой наказывал мне, чтобы я никому не говорил, что я девушка, но теперь я стал юношей. Ты этого не знаешь: быть девушкой тоже хорошо, но ей далеко до юноши. Теперь я не знаю, куда еду. Базик, ты вези меня куда хочешь, мне всё равно... Но подожди, я различаю верхушку какой-то башни, это, наверное, какой-то город. Поедем в ту сторону. Я удивительно беспечен, Базик, почему я не спросил у этой мудрой девушки: «О, красивая и мудрая девушка, по какой дороге мне надо вернуться в мою страну?» Хорошо ещё, что, не ожидая моей просьбы, она превратила меня в юношу. Не то так и остался бы я девушкой. Разве я мог подумать, что такое возможно? А когда это произошло, почему я не сказал: «Красивая девушка, раз ты превратила меня в юношу, то и Базика моего преврати в человека, а если нет, хотя бы надели его способностью говорить». Ну, что ты скажешь, Базик? «Ничего, ты стал юношей, а я остался конём». Право же, это получилось нехорошо. Порой я так увлекаюсь чем-нибудь, что обо всём остальном забываю. Вспоминаю, когда уже бывает поздно...

Вот так разговаривая с конём и отвечая самому себе, наш Арег направился к башне.

4

Когда Арег приблизился к высокой башне, постепенно стали вырисовываться другие дома, и перед ним открылся большой город. Он подошёл к городским воротам, увидел стоящих там людей и спросил их:

— Братья, что это за город и где здесь можно остановиться приедем?

Люди не издавали ни звука.

— Я у вас спрашиваю, братцы, не понимаете?

Ни звука.

«Наверное, они глухие», — подумал Арег, подошёл и коснулся их.

— О, небо, — воскликнул Арег, — что я вижу? Это прекрасные скульптуры, а я принял их за живых людей. Каким талантливым скульптором был их создатель!..

Решив, что это и впрямь не люди, а скульптуры, Арег вошёл в город, и перед ним открылись новые и новые картины и все из камня.

Огромный рынок, магазины и лавки, дома, кошки и собаки, еда и одежда, ковры и всевозможные украшения... всё, всё окаменело. Ни дыма, ни огня, ни звука, ни души, нет никакого следа и проблеска жизни...

— Только теперь я понял: это тот каменный город, о котором говорила девушка-голубка, — сказал Арег и стал бродить по городу. На каждом шагу встречались новые картины.

В одном месте стоит группа людей, словно беседующих друг с другом, у одного лицо разгневанное, рот открыт, словно он бранит другого, третий смеётся, четвёртый плачет, женщина с ребёнком на руках просит милостыню. В другом месте окаменело свадебное шествие — вот ведут невесту к жениху. Город находился в движении, в нём кипела жизнь, когда он вдруг в один миг окаменел. Продавец взвесил фрукты и уже пересыпал часть в корзинку покупателя, как вдруг все окаменели: и он, и весы, и покупатель, и фрукты.

— Бедные люди, — сказал Арег, — не удостоились даже прахом стать, а превратились в товар для продажи. Действительно, если бы сейчас кто-нибудь смог эти бесчисленные

скульптуры увезти в дальние страны и продать, то накопил бы несметное богатство. Вот за ту скульптуру новобрачной девушки, наверное, дали бы золота весом с неё. Но о чём это я? Тот, кто видит воочию это бедствие, может ли думать о богатстве? Вот где богатство предстало перед нами в своём подлинном облики... Ах, хоть бы кто-нибудь из них обрёл речь и рассказал мне, что с ними произошло. Дай-ка крикну, что будет, то будет.

— Эй горожане!.. Почему вы окаменели?.. — крикнул Арег.

— Окаменели... — откликнулись эхом все камни.

— О-к-а-м... — вдруг послышался новый голос.

— Вот я услышал голос, — сказал Арег и закричал ещё раз:

— Есть ли кто живой?..

— Ой, ой... — отозвался голос.

Арег пошёл в ту сторону, откуда доносился голос. Он увидел прекрасный дворец, перед ним обширный сад — всё окаменевшее. В небольшом цветнике нашёл окаменевшего человека с живой головой.

— Кто ты такой, о человек? — спросил Арег.

— Воды... воды... — ответила голова, едва выговаривая слова.

— Ты хочешь воды?

— Воды... воды... дай... дай...

— Отец, вода вашего города тоже окаменела, воды нет.

— Одну... одну... каплю... каплю...

— Чем тебе поможет капля воды? Твою жажду не утолит целый карас. У меня есть несколько капель воды, если удовлетворишься этим, не пожалею для тебя.

— Да... да... да...

Арег достал склянку с живой водой и несколько капель накапал в рот окаменевшему человеку. Живая вода не только полностью утолила его жажду, но и влила животворной силы во всё его тело, и человек заговорил:

— Добрый ангел, скажи,
ты откуда возник?
Уходи, уходи,
скройся с глаз хоть на миг.

Нет, постой, погоди,
за тобой по пятам
я пойду, я иду...
Посмотри-ка, что там!

Человек ожил и начал шагать сначала медленно, затем всё быстрее, быстрее, потом побежал, зовя за собой Арега:

— Беги, беги, сынок, следуй за мной. Нам надо бежать, вот-вот должна прийти старая ведьма, которая превратила всех в камень. Иди, иди, войдём во дворец, хоть ты спасись.

Арег растерялся, не знал, что делать, но в конце концов последовал за бегущим человеком. Завёл коня в помещение, привязал его в тёмном углу, а сам поднялся наверх к ожившему человеку.

— Я не знаю, что это за чудовище, которого ты так боишься, — сказал Арег.

— Это чудовище — старуха, сынок, это она заколдовала наш город. Каждый день в это время она приходит и любит своим злодеянием. Сейчас она придёт, и если нас увидит живыми, сразу же превратит в камень.

— Теперь я понял. Но как получилось, что она превратила тебя в камень не целиком?

— Чтобы мучить меня. Я царь этой страны, меня зовут царь Андас. Старая ведьма оставила мою голову живой, говоря: «Я оставляю твои глаза открытыми, Андас, чтобы ты видел ничтожность твоего царства перед моим могуществом, перед моей силой».

— В чём её могущество, или чем она сильна, не знаешь?

— Её могущество в её посохах. Её посохи повсюду сеют смерть. Она — орудие в руках злых духов. Впрочем, кто знает, может быть, она сама и есть злой дух в облики старухи?

— А что если отнять у неё посохи, лишить силы?

— Но как к ней подойти? Это могут сделать добрые духи или человек, который пользуется их покровительством.

— Мне кажется, что добрые духи защитят нас, — сказал Арег и рассказал о своей встрече с девушкой-голубкой.

— О, если так, то значит ты и есть добрый дух, посланный с неба, — воскликнул царь. — Сейчас я могу смело выйти. Когда она набросится на меня, ты сразу же схватишь её и разоружишь. Вон, вон, смотри, она уже появилась среди облаков, и, оседлав бочку, со змеиной плетью в руках мчится сюда.

— Я вижу, вижу... ты наберись храбрости, не бойся, я с ней рассчитаюсь.

С этими словами Арег ушёл в сад и укрылся за окаменевшим стариком.

Старуха спустилась на землю перед царём, взяла один из трёх посохов и с угрозой сказала:

— Что это такое?

Вижу я кого?

Кто своей душою

оживил его?

Поспешайте духи,
в полдень или в ночь,
мне, старухе бедной,
надобно помочь.

Отвечай-ка, посох,
что ты натворил,
как он встал из праха
и заговорил?

Я глазам не верю,
неужели сплю?
Дай-ка вновь проверю
силушку твою.

С посохом в руке старуха набросилась на царя.

— Был ты камнем, Андас,
камнем стань и сейчас!

В эту минуту Арег схватил её за волосы и так швырнул оземь, что она упала полуживая. Царь, который от страха словно вновь окаменел, собрался с духом и подошёл к старухе. Они отняли у неё посохи и связали руки и ноги.

— Какое теперь найти тебе наказание, мерзкая старуха? — спросил царь.

Старуха ответила:

— Как хотите, осудите,
всё равно уже.
Выбирайте наказание
по своей душе.

Нет, не ты, Андас, а дева
поборола всех,
та, что доблестным героем
стала мне на грех.

Выпал мне ужасный жребий,
тяжкий, как топор,
и начертан в книге духов
смертный приговор:

если девушка мужчиной
станет, так и быть,
то моей несчастной жизни
оборвётся нить.

— О... если это так, то я готов, — сказал Арег, — но ты сначала должна оживить этот город.

Да будет так. Пусть оживёт
заклятый город и народ,
а изобильем злобных чар
пусть захлебнётся Белиар.

Тучи, громыайте,
молнии, сверкайте,
родники, вскипайте,
реки, убегайте,
люди, звери, птицы,
пробил час,
встаньте, враз!

Едва успела старуха произнести эти слова, как глубокая тишина с грохотом разорвалась и город мгновенно ожил. Каждый тут же продолжил своё недоконченное дело, как будто никогда и не был окаменевшим. Петух, который окаменел во время пения, сразу же допел песню с середины, зурначи, окаменевший с зурной во рту, продолжил свою игру, а танцор, окаменевший с поднятыми руками, стал снова танцевать, повар довешивал мясо, — каждый снова делал своё дело... И ни один человек, кроме царя, не знал того, что когда-то был окаменевшим.

— Что же делать с этой злой старухой? — спросил царь.

— Бросим её посохи в море, — ответил Арег, — а старуху отпустим, пусть уходит, нет у неё больше силы.

Старуха не пожелала оставаться в живых и сказала им:

— И меня в глубоком море утопите,
где поблизости стоит Сандарамет,
и меня от смертных мук освободите,
Люцифер, избавь несчастную от бед.

Тыщу лет была орудьем Белиара,
зло творила и не ведала добра.
Пусть исполнится его святая кара.
Пробил час. Пора.

Старуха ещё не кончила говорить, как великий визирь и спарапет пришли и, низко поклонившись царю, сказали:

— Царь-государь, войско готово, ждём приказа твоего величества.

— Зачем же вы собрали войско? — спросил с удивлением царь.

— Мы исполнили твой приказ, противник приближается, надо противостоять ему.

— Постойте, постойте... да, да, я сейчас припоминаю... это было ровно сорок лет назад, в день нашего окаменения... вражеские войска подошли и, увидев нас окаменевшими, в ужасе бежали...

Визирь и спарапет переглянулись и стали шептаться:

— Царь сошёл с ума! Да, да, удивительная перемена. Ведь только вчера мы были у него, за один день он так постарел...

— Видите эту старуху? — спросил царь. — Это она превратила наш город в камень. Сорок лет подряд он оставался каменным.

Визирь и спарапет кивали головой, будто верят царю, но сами шептались: «Он точно сошёл с ума».

— Если бы не он, — продолжал царь, указывая на Арега, — если бы не он, мы бы навеки остались окаменевшими. Это он, чудом превратившийся из девушки в юношу, для которого девушка-голубка достала живую воду, то ли случайно, то ли по велению Неба, пришёл и оживил меня своей водой, а эту злую старуху схватил и обезоружил. Теперь уведите старуху и бросьте в море...

Визирь и спарапет, отойдя в сторону, снова стали шушукаться.

— Он точно сошёл с ума, — утверждал визирь.

— В этом нет сомнений, — вторил спарапет, — он говорит: «Он был девушкой, стал юношей, одна девушка стала голубкой, а сам он, мол, выпил живую воду, а мы вроде бы сорок лет были каменными. Разве человек в своём уме может говорить такое?»

Сомнение этих людей было естественным. Сорок лет назад визирь сидел за обеденным столом и окаменел с ложкой в руке, а сегодня донёс эту ложку до рта и, доев свой суп, пришёл к царю. Спарапет окаменел, когда вдев ногу в стремя, хотел вскочить на коня, а сегодня он оседлал коня и приехал сюда. Как же могли они вообразить, что долгие годы были обращены в камень?

— Знаешь что, царь? — тихо сказал Арег. — Эти люди не верят тебе и считают, что ты сошёл с ума. Это очень опасно, они могут действительно объявить тебя сумасшедшим и лишить престола. Теперь ты смотри, что я буду делать.

Затем обратился к визирю и спарапету и сказал:

— Идите, господа, идите,
не сомневайтесь, поглядите,
как злую ведьму накажу,
не пощажу.

Сказав это, он взял один из волшебных посохов и подошёл к старухе:

— По велению Белиара,
Уриела,
Садаела
стань, старуха,

камнем, камнем...

Сказал и ударил посохом. Старуха превратилась в ослицу и стала реветь.

— Вот тебе на! — воскликнул Арег. — Видно, каждый из этих посохов обладает особой силой. А может, я проклинаю по-ослиному и своим рёвом старуха смеётся надо мной? Попробуем второй посох.

— Грозным мечом Садаела,
великой темницею Тартара,
проклинаю тебя, проклинаю,
стань камнем, старуха,
камнем...

Старуха превратилась в чёрного ворона и захотела улететь, но ноги её были связаны...

— Погодите, попробуем третий посох.

Он взял третий посох и стал осыпать старуху ещё более страшными проклятиями:

— Каменный город,
кровавый дождь,
сизый туман,
ужас и дрожь,
мрачные сумерки,
трус земляной,
мор,
гром и молния,
огненный зной,
адский потоп
да настигнут тебя,
старая ведьма,
злая судьба.

Я ударяю тебя не перстом —
палкой,
дубиной,
хлёстким кнутом,
молнией звёздной,
скользкой змеёй,
стань же, проклятая,
камнем-скалой!

Сказал и ударил посохом, и старуха превратилась в каменное страшилище. Затем Арег обратился к визирю и спарапету:

— Лето припекает, зноем сушит губы,
только вы, бедняжки, кутаетесь в шубы,
ведь зимой холодной вы окаменели,
и совсем озябли, ни кровинки в теле.

Вы гонца пошлите в ближнее село,
пусть соседи скажут, сколько лет прошло.
Если ж не хотите, с мыслями прощайтесь
и в ослов безмозглых сразу превращайтесь,

или, как вороны, разлетайтесь каркать,
чтобы ненароком не пришлось вам плакать.
А иначе верьте, не дрожите зря,
ласковому слову вашего царя.

— О, теперь я верю, — сказал визирь. — Действительно, была зима, а сейчас... — лето, да, лето...

— Я тоже верю, я тоже... Я не хочу стать ни ослом, ни вороном, а окаменеть и вовсе нет желания... И правда, как сегодня жарко, ещё немного и я сгорю...

— Государь, наш царь, обед готов, царица вас ждёт, — сказал один из придворных, низко кланяясь царю.

— Пойдёмте пообедаем, — сказал царь. — Вот уже сорок лет, как не было у меня во рту ни крошки, но, по правде говоря, я и не чувствовал голода. Только иногда меня очень мучила жажда, и она усилилась ещё больше, когда я услышал голос Арега. Видимо, жажда у меня возникла тоже по воле Бога, через неё я должен был обрести своё спасение...

Царь Андас хорошо накормил как Арега, так и его Базику. Арега оставил у себя гостить двадцать дней. За это время приезжали послы многих царей и поздравляли с возрождением царя Андаса и его города.

Когда на город свалилось это ужасное бедствие, тысячи его жителей, которые находились в это время в чужих краях, из страха там и остались. Теперь они вернулись в окружении многочисленных детей и внуков, а ведь сорок лет в городе никто не рождался.

Узнав, что Арег — это тот добрый ангел, который победил зло и возродил жизнь там, где зло посеяло смерть, новоприбывшие оказывали ему почести, достойные бога, устраивали пышные угощения. Царь и сам устроил великий пир, на котором присутствовали тысячи людей. Сам задавал тон в веселье, сам предлагал тосты. Когда пили за здоровье Арега, царь поднял чашу и сказал:

— Кем вчера мы были?
Кто же мы сейчас?
Объясни несчастным,
мудрый царь Андас.

— Были мёртвым камнем
в скопище камней,
а теперь вы люди
среди живых людей.

Боже мой, как просто,
если б не кошмар —
сорок лет томиться
в муках злобных чар,

в каменной темнице,
где спасенья нет...
Кто узнал такое,
проживёт сто лет.

Из когтей жестоких,
гибельных когтей
и несокрушимых
каменных цепей

вырвал наши души
бескорыстный друг,
светоч нашей жизни —
благородный дух!

Вот он, благодетель,
чудо-человек,
вот он, победитель,
доблестный Арег!

Скорбь мою и слёзы
обратил он в смех.
Выпьем за здоровье
лучшего из всех!

При этих словах царя тысячи голосов, сотрясая дворец, закричали: «Да здравствует Арег!». Ашуги же, которые ждали лишь знака царя, заиграли на многострунных лирах и в один голос запели, славя Арега:

Прилетай, соловушка,
нет на свете зла.
Радуйся, соловушка,
роза расцвела,
наша государыня
розой расцвела.

С неба ясным солнышком
снизошёл Арег,
разом камни ожили,
и растаял снег,
Нет на свете зла —
роза расцвела.

Прилетай, соловушка,
нет на свете зла.
Радуйся, соловушка,
роза расцвела,
наша государыня
розой расцвела.

К нам на землю юношей
солнце снизошло,
не закатной милостью
дарит нам тепло.

Прилетай, соловушка,
нет на свете зла.
Радуйся, соловушка,
роза расцвела,
наша государыня
розой расцвела.

Ашуги ещё долго продолжали бы восхвалять Арега, если бы он из скромности не преврал их ответной речью:

— Я слабый человек, простое существо,
не стоит затевать пустое торжество.
Ни славы, ни наград, ни почестей иных
Арег не заслужил и проживёт без них.
Заискивает лев, как пёс, передо мной,
и ящеркой вишап петляет под ногой,
и серебристый ключ в сухой скале кипит,
а вековая топь ссыхается в гранит.
Арег не заслужил того, что совершил,
он из небесных рук земное счастье пил.
Благие небеса должны мы восхвалять
и, голову склоня, как старших, почитать
за то, что им одним дано судьбу вершить,
так будем только их вовек благодарить.

Чтобы возблагодарить небо за своё спасение, жители города, несмотря на скромность Арега, решили обессмертить его деяния.

Видя, что страшной каменной старухи боятся дети и многие взрослые, бросили её в море. Она упала прямо в ад и своим падением вогнала весь ад с его бесчисленными злыми духами в глубь моря ещё на несколько тысяч вёрст... Затем собрались все архитекторы и художники города, нарисовали портрет Арега верхом на Базике и вылили скульптуру из золота. Эту скульптуру установили в центре города в большом саду, любимом месте прогулок жителей, особенно детей, которые играли рядом с памятником и восторженно смотрели на него. Арег не видел своей скульптуры, к этому времени он уже уехал. Ему приснилось, что Нунуфар умирает, и он поспешил вернуться, чтобы спасти её.

5

Нунуфар была при смерти. На неё уже не действовали ни балагурство шута, ни забота жены визиря, ни мольбы и стенания отца.

Она уже не говорила, не могла двинуть рукой. Неотрывно смотрела вверх, то ли ждала своего спасения с Неба, то ли хотела поскорее вознестись на него.

Царь и все придворные в отчаянии смотрели на Нунуфар, бессильные чем-либо помочь ей.

В эту горестную минуту сообщили, что приехал Арег.

Служанка Нунуфар раньше всех побежала к Арегу и, прося его поспешить, сказала:

— Беги скорее, она умирает, ждёт не дожждётся тебя.

— Иду, иду, — ответил Арег, — сейчас приду к твоей госпоже...

Арег прошёл мимо безмолвно стоявших вокруг Нунуфар придворных, подошел к её ложу, достал склянку с живой водой, капнул на вату и протёр мертвенно-бледные губы царицы.

Глаза Нунуфар прояснились.

Арег заметил это и несколько капель влил ей прямо в рот.

Нунуфар двумя руками закрыла лицо...

Она увидела Арега и... узнала его.

Она почувствовала прилив новой жизни, жизни большой, полнокровной, расцвеченной воображением, закрыла лицо руками, чтобы сполна вкусить радость и восторг этой минуты.

«Арег приехал, — говорила она сама себе, закрывая лицо двумя руками, как двумя щитами, чтобы не уступить места другим впечатлениям. — Арег приехал, — повторила она, — и я здорова, совершенно здорова и... Я чувствую, чувствую, что я здорова... Я видела его, в эту минуту он стоит рядом со мной. Я чувствую его живое дыхание. Его лекарство даёт жизнь, бессмертие. Он сам бессмертный Дух. Как он повзрослел, как возмужал, какие пушистые усы, курчавая борода!.. Открою лицо, посмотрю ещё раз...»

Нунуфар открыла лицо, посмотрела на Арега таким взглядом, каким смотрит мать на своего малыша, когда он произносит первые слова, и снова закрыла глаза.

Этот нежнейший взгляд ожившей души заметили все и, словно сговорившись, радостно рассмеялись. Нунуфар также расхохоталась, словно ждала какого-то повода, чтобы посмеяться досыта.

Когда это увидели придворные, ещё минуту назад находившиеся чуть ли не в трауре, они успокоились и кинулись поочередно обнимать и целовать Арега. Царь заключил его в объятия и стал всхлипывать, как ребёнок. Радость царя была безгранична. В одно мгновение он вновь обрёл двух своих детей: без вести пропавшего Арега и уже умирающую дочь. У всех текли слёзы радости и умиления.

Воспользовавшись общей суматохой, Нунуфар, как птица, вспорхнула с места, побежала в другую комнату, быстро переоделась, принарядилась, надела достойные царевны украшения, и вновь вернулась, такая весёлая и жизнерадостная, что все были восхищены. Конечно, больше всех был ошеломлён Арег, для которого возшло новое солнце.

Если Арег в одно мгновение воскресил Нунуфар, то теперь Нунуфар своей красотой затронула такие тонкие струны сердца Арега, которых до этой минуты никто не касался. Арег ощутил в себе прилив новой жизни, какого-то неведомого бесконечно приятного чувства, но сам себе не мог отдать в этом отчёта и, чтобы сдержать это странное для себя волнение, начал говорить так, словно лишился разума:

— Я не чувствую себя, я уже не я.
Что со мною? Где же я? Кто спасёт меня?
Ты, Голубка, унесла мой девичий лик,
и на месте том Арег доблестный возник.

Ты в беспамятство меня ввергла, как в обман,
и столкнула в бездну вод тень Арегназан.
Сладким пеньем усыпив мой несчастный слух,
ты героя привела на цветущий луг.

Присутствующие слушали, опешив, и ничего не понимали из слов Арега.
— Жаль, бедный парень, видно, лишился рассудка, — говорили многие.
Наконец Нунуфар подошла к Арегу и жалобным голосом сказала:

— Свет очей моих,
что случилось вдруг?
Отчего твой взгляд,
как звезда, потух?
Я дурна лицом?
Не гневись, уйду,
век не омрачу
ясную звезду.

Как люблю тебя,
знают небеса,
но не подают
сверху голоса.
Видно, не хотят,
чтоб узнал меня,
а другою стать
не сумею я.
Чёрный день настал,
неурочный час,
горькая судьба
разлучает нас.

— Ты куда, постой,
бредишь наяву?
Без тебя и дня
я не проживу.
Пусть сольются твердь,
воздух и земля,
я — навеки твой,
ты — навек моя.
Повидал я мир,
дальние края,
на красавиц всласть
нагляделся я,
но такой, как ты,
нет на свете, нет,
ты — дитя небес,
несравненный свет.
Ты навек моя,
ангел Нунуфар,
жизнь мою прими,
бескорыстный дар.
Что ни попроси,
всё исполню вмиг
с дорогой душой,
свет очей моих.
Я совсем не тот,
кто тебя пленил
он пропал, как сон,
след его простыл.

— Если так, уйди,
ты — жених чужой,
подарил мне жизнь,
расплачусь душой.

— Жизни нет цены,
слишком хороша.
Ты одна мне жизнь,

сердце и душа.

— Не осталось сил
верить и терпеть.
Без Арега мне
лучше умереть.

— Нет, не умирай,
Я Арег, Арег,
не чужой — другой,
но родной навек.

— Как другого мне
полюбить опять?

— Этого и мне,
видно, не понять...

— Подождите, подождите, я положу конец вашему спору, — сказал царь. — Арег, скажи мне, душа моя, чей ты сын?

— Когда-то я был сыном князя Армана, но теперь не знаю — я всё ещё его сын, или кто-то другой?

— Вот этого твоего ответа мы и не понимаем, но тебя знаем хорошо. Ты наш Арег, тот же красивый Арег, прибавились лишь усы и борода.

— Подожди, подожди, сват-царь, — вмешался шут. — Поздравляю тебя, приехал твой зять, но от радости потерял себя, и теперь ищет, не может найти. Братец Арег, давай заключим с тобой договор: я стану «ты», а ты стань «я», а затем Нунуфар станет «моя», а дурак — «твой». Согласен ты?.. — сказал шут и начал петь:

До чего я глуп,
нет глупей глупца,
всё равно умней
этого юнца.

Если бы меня
девушка нашла,
я б ей не сказал
будто я не я.

Ярайлали, шарайлали,
айда, дурак, пляши...

Пока шут песней и танцем развлекал присутствующих, вошёл Арман.

Арег как только увидел отца, подбежал, обнял его и после нескольких радостных слов стал шептать ему на ухо:

— Знаешь, отец, сейчас я уже юноша, юноша, настоящий юноша, представляешь?

— Конечно, ты юноша, душа моя, кем же ещё ты должен быть?..

— Но ведь, отец, ведь...

— Ты и раньше был юношей, душа моя, но этого ты не знал, ты только сейчас познал себя, раньше ты был невинным как ангел, а теперь ты стал настоящим мужчиной...

— О, если это так, значит я — это я, побегу скажу Нунуфар...

Арман подошёл к царю и рассказал ему о сути происшедшего, а Арег побежал к Нунуфару.

Когда Арег подошёл к Нунуфар с ещё более весёлым и радостным лицом, Нунуфар взяла его за руку с такой нежной улыбкой, что Арег чуть снова не лишился рассудка.

— Ты наш Арег, не правда ли? — спросила Нунуфар.

— Конечно, душа моя, кем же ещё я должен быть? — ответил Арег.

— Значит, мы не разлучимся друг с другом. Если бы ты знал, как я измучилась от тоски по тебе... Теперь ты приехал и вдруг говоришь: «Я это не я». Но кто же ты, если не ты?..

— Нет, нет, теперь я — это я, дурак умнее меня... пойдём преклоним колени перед царём, чтобы он благословил нас... Но погоди, я не спросил отца, где же мои сёстры.

— Они здесь. После твоего отъезда я распорядилась привезти твоих родных, чтобы утолить тоску по тебе. Я уже послала за ними, они вот-вот придут...

— Как же я счастлив, что ты оказалась так добра!.. Значит, не надо спешить, пойдём переоденемся. Лишь сейчас вспомнил, что от царя Андаса я привёз свадебный наряд и для тебя, и для меня. Он подарил этот наряд и попросил, чтобы мы надели его во время нашей свадьбы, на которой, по его словам, будет присутствовать его душа. Я не принимал его дара, потому что тогда не мог представить сладость этой минуты. Много я видел, расскажу тебе позже. Не видел я лишь такого дивного создания, как ты... Как ты красива, Нуник!..

Вот так разговаривая, взявшись за руки, вышли Арег и Нунуфар.

Через несколько минут перед глазами предстала волшебная картина.

Просторный зал дворца заполнили мужчины, женщины в роскошных нарядах. Здесь же были сёстры Арега.

Когда в зал вошли Арег и Нунуфар, облачённые в подаренные царём Андасом одеяния, лучи несметных драгоценных камней подобно восходящему из пурпурного моря солнцу осветили разноцветными огнями весь зал. Они опустились перед царём на колени, чтобы он благословил их.

Несколько минут царь не мог говорить, едва сдерживая слёзы радости, наконец благословил новобрачных:

— О, небеса,
обитель звёзд,
я телом слаб, душою прост,
и я не ведаю, где зло,
где правда, где добро.
Но верьте сердцу моему,
а не словам моим,
и мерой высшего добра
воздайте счастье им.

Всё, что хорошего у вас
за пазухой лежит,
что не давалось никому,
пусть им принадлежит.

Вы щедро одарили нас
от века посейчас:
румяным солнцем,
ветерком,
живительным дождём
и звёздами, что в поздний час
сверкают ярче глаз,
благоуханной тишиной,

жемчужною росой,
ключом студёным
и рекой,
играющей волной,
великолепием цветов
и тяжестью плодов,
лесами, что покой хранят,
полями, что родят,
прохладой неприступных гор
и чистотой озёр,
ущельями в тени теснин,
просветами долин.
О, небеса,
иных щедрот
не просит человек.
Живите и сияйте нам
отныне и вовек!

Едва закончилось благословение царя, зал озарился каким-то необычным светом. Взошла радуга невиданная, чудесная, яркая. Кто мог это рассказать, какое перо могло это описать, какая кисть могла это изобразить?

Все смотрели на радугу и видели, как постепенно, словно из воздуха, составляются её цвета и, быстро бегая, неземные пальцы ткут новую радугу, ткут в небе свадебную многоцветную радугу Арега и Нунуфар. И действительно, эта радуга, казалось, сияла над залом очень высоко и далеко. И вот когда вся радуга была полностью соткана, по ней, как по лучезарной лестнице, спустились девять небесных цариц — каждая точь-в-точь солнце — в платье, сотканном из звёздных лучей и белоснежных облаков. Но какое солнце!.. Если бы был день и наше светило видело бы их, оно закрыло бы лицо пеленой из облака, отступило бы перед их сиянием.

Все небесные девы несли в руках по два венцеобразных букета. Эти букеты были из росы и аромата душистых красочных цветов, либо из кристаллизованных алмазов прозрачных родников, либо из благоуханного зефира и освежающей прохлады, либо из разноцветных частиц солнечного сияния... Своими белоснежными пальцами девы собрали в букет всю красу природы. Зал был объят живительным благоуханием этих букетов.

Первыми подошли к Арегу и Нунуфар Река, Росинка и Фиалка, и, протягивая им свои венки, сказали:

РЕКА

Я — журчащая река,
я вплела свой голосок,
брызги, свет и ветерок
в этот свадебный венок.

РОСИНКА

Я — алмазинка дорог
и жемчужинка лугов,
травка, мак и василёк
украшают мой венок.

ФИАЛКА

Я — фиалка, дар весны,
первой нежности цветок,
всех соцветий аромат
источает мой веночек.

Так подходили и другие и дарили свои венки Арегу и Нунуфар.

Это видение навеяло на присутствующих грусть, все как бы оцепенели. Больше всех загрустили девушки. Их красота померкла, потускнела, поблекла перед красотой ангелов. Юноши потеряли рассудок, от их уверенности не осталось и следа.

Один лишь Арег был весел, один он не поддался этому всеобщему оцепенению. Чтобы пробудить всех от этой душевной дремоты, Арег обратился к лучезарным гостям:

— О, небесные царицы, вы своим милостивым появлением чрезвычайно меня обрадовали. Но посмотрите, в какое оцепенение, в какую грусть погружены все. Не удивляйтесь. Мы, смертные, так хрупки и немощны, что не умеем наслаждаться чрезмерным добром, чрезмерной красотой. Мы — существа, лишённые вкуса к истинному добру и красоте. Вдохните в наши сердца возвышенное чувство и великую силу, чтобы мы могли сполна вкушать ваше небесное очарование. Прошу вас смеяться и веселиться на моём свадебном торжестве и радовать всех своей небесной радостью.

Оказалось, что наши лучезарные девы, хоть и обрели плоть, были чрезмерно скромными, застенчивыми и робкими, их надо было приободрить. Слова Арега придали смелости Фиалке, она вышла вперёд и, как заводила, затеяла танцы. Радуга, подобно небесной хрустальной арфе, запела, её тысячецветные струны затрепетали, и полилась такая музыка, которая зажгла в людях и даже в ангелах пламя веселья. Каждый от безграничной радости словно обрёл крылья для полёта. Плясали даже старики, смеясь над медлительностью молодых. Постепенно все разгорячились, шутили и развлекались на все лады. Росинка и Река так весело шутили, что все обессилели от смеха.

Танцую с Росинкой, Арег вдруг посмотрел на неё пристальным взглядом и зашептал:

— О, скромная, лучезарная дева, я, кажется, знаю тебя... Да, ты мне знакома, но я не уверен, боюсь ошибиться.

— Не ошибаешься, Арег, — ответила Росинка, — я и есть та самая...

— Девушка-голубка?

— Да. А все они мои сёстры...

— О... ты моя богиня... ты меня создала заново...

— Нет, Арег. Я просто знала, что ты ничего не ведаешь о себе. Всё это происходило по воле моей матери Баренан. У неё не было иной возможности стереть злую старуху с лица земли. Нужна была такая, как ты, невинная и чистая душа, которая даже не знала, кто она, — девушка или юноша. Когда ты в озере увидел своё лицо, увидел, что ты юноша, это показалось тебе шуткой, которую я сыграла с тобой так же, как ты сыграл со мною шутку, спрятав мои крылья. Лишь сегодня вечером ты почувствовал, что ты мужчина. Ты обвинял меня, бранил, мы тайком смотрели на тебя и смеялись...

От этих слов Арег впервые испытал чувство стыда и покраснел, как роза. Он хотел перевести разговор на другую тему, но в это время с противоположной стороны раздался такой громкий смех, что все обратили своё внимание туда.

Беседовали Заназан и Зарманазан: одна с сыном визиря, другая — с сыном спарапета. Фиалка давно заметила, что они приглянулись друг другу и хотели бы пожениться, но стеснялись заговорить об этом.

— Новая любовь, новая радость, — воскликнула Фиалка с громким смехом и, потащив невест к царю, сказала:

— Одной свадьбы мало, празднуйте сразу три.

Царь и Арман их благословили. Росинка возложила венец на Нунофар, Фиалка — на Заназан, а Река — на Зарманазан. Обряд свадебного благословения совершил царь под аркой радуги, которая придавала этому роскошному празднеству ещё больше пышности. Царь возложил свою корону на голову Арегу — он и обвенчал его и одновременно сделал царём.

После этого девы-ангелы поздравили новобрачных и приготовились уйти. Им поднесли много сладостей и медовой воды, но ангелы даже не прикоснулись к ним. У них были напитки, принесённые с собой. Они выпили сами и напоили новобрачных, которые, однако, не оценили их. Одному Арегу был дан дар оценить небесный вкус этих напитков. Под конец все стали в круг, и пока ангелы поднимались по радуге-лестнице, произнося слова прощания, собравшиеся желали им доброго пути и пели:

В добрый путь, красавицы,
ждём от вас вестей,
наши вы заступницы,
ангелы полей.

Превеликой милостью,
чудом из чудес
вы в девичьем образе
снизошли с небес.

Как истосковались мы
на земле без вас,
Навсегда остались бы...
С богом, в добрый час!

Как только девы-ангелы исчезли, появился шут, и началось новое веселье.

— Сват-царь, пусть будет вечен очаг твоего отца... поели, выпили досыта... — сказал шут и начал петь:

Ах, царь-государь,
как тебя поздравить?
Нет ни хлеба, ни вина,
нечем счастье славить.

Что за свадьба, не пойму,
отчего да почему...
Ярайлали, шарайлали,
что за свадьба, не пойму.

— И в самом деле, — сказал царь, — ведь мы ничего не едим и не пьём. Мы забыли обо всём, потому что потеряли рассудок, все, кроме шута, которому нечего было терять...

— Ты ошибаешься, царь, — ответил дурак, — я видел, что все вы отняли у меня мой кусок хлеба, и велел накрыть богатый стол, чтобы не остаться голодным.

С этими словами шут распахнул дверь в зал, где действительно был приготовлен роскошный ужин. Гости вслед за царём попарно направились к столу. Увидев, что он остаётся один, шут подбежал к знакомой нам вдове визиря и, склонив перед нею голову, спел:

Кому хватает ума,
тому не везёт в любви.

Кому хватает любви,
на хозяина не везёт.
Но всех глупее бедняк,
что друга себе не найдёт.
Давай поклянёмся с тобой,
прекрасная госпожа,
что я, мол, навеки твой,
а ты — навеки моя.

Сказав это, шут взял госпожу за руку и вместе с другими вошёл в гостиную.

На следующее утро началось свадебное торжество для горожан и крестьян, и продолжалось оно сорок дней и сорок ночей.

Было так весело, что каждый день пролетал как минута. Какие были игры, какие пляски, состязания и тысяча и одна забава...

Еды и питья было несметное количество. Закололи десять тысяч одних быков и коров, двадцать тысяч овец, а ещё и диких животных — оленей, ланей, кабанов, да ещё птиц, как домашних, так и диких. На плов ушло сорок тысяч мер риса, а сколько на это пошло масла, сколько изюма... Было выпито пятьдесят тысяч карасов одного лишь вина, не считая других сладких и горьких напитков...

Через сорок дней Арег с Нунофар совершили небольшое путешествие по озеру Ван. Когда они доплыли до самого глубокого места, Арег достал колдовские посохи злой старухи, которые были закалены адским огнём, и сказал:

— Провалитесь, посохи,
в бездну без следа!
Наважденья злобные,
сгиньте навсегда!
Чтобы сила чёрная
больше не могла
человека бедного
превратить в осла.
Пропадите начисто,
чтоб не стал вовек
камнем или вороном
добрый человек.
Пусть в природе царствует
правды торжество,
пусть над нами властвует
только божество!

Сказав это, он бросил посохи в воду и тем самым уничтожил могущество злых духов. И вот в это время с неба упало

ТРИ ЯБЛОКА

Небеса услышали
голос молодой,
сбросили три яблока
с ветки золотой.
Первое — зелёное,

листьев зеленой,
а второе — алое,
розы розовой,
ну а третье — белое,
как зимою снег.
Нунуфар воскликнула:
— Что это, Арег?
Почему у яблок
разные цвета?
Это так случайно
или неспроста?
— Право, я не знаю,
свет моих очей,
может, это символ
нашей жизни всей?
Яблоко зелёное —
детство и весна,
белое, сухое —
старость, седина.
А вот это спелое,
алое, как кровь, —
зрелость, совершенство
и сама любовь.
Нунуфар сказала:
— Раздели его,
алое, пожалуй,
мне милей всего.
И они вкусили
чудо красоты,
наяву свершили
лучшие мечты.
Юные красавицы,
храбрые сердца,
как мои герои,
бейтесь до конца,
чтоб достигнуть цели,
не жалейте сил,
а меня простите,
если скучен был.
Я для вас старался,
вам любви хотел,
рассказал, что знаю,
больше не сумел.
Думал, прочитают
сказку до конца
и добром помянут
бедного певца.

АЙЦАТУР

1

Жил когда-то богатый купец. Однажды он со своим караваном остановился у одного села. В полночь он встал, чтобы обойти караван и проверить, не спят ли охранники, как вдруг видит: вышли из села два человека, а навстречу им — третий. Этот спросил:

— Какую судьбу вы предназначали новорождённому младенцу?

Те двое ответили:

— Ему отдали счастье купца, который сделал здесь остановку.

После этих слов они исчезли.

Купец понял, что это были ангелы, решающие судьбы младенцев, очень расстроился, что его счастье отдали какому-то новорождённому, и в эту ночь больше не смог уснуть.

Как только рассвело, купец пошёл в село, расспросил людей и узнал, в каком доме этой ночью родился ребёнок. Вошёл туда, увидел красивого пухленького младенца и предложил родителям отдать ребёнка ему.

— Я очень богат, — сказал он, — у меня нет сына. Я усыновлю его, всё своё состояние отдам ему, позабочусь и о вашей семье.

Родителям очень трудно было пойти на это, особенно матери-роженице, но они были очень бедны и стали думать, отдать ребёнка или нет. Собрались соседи и начали уговаривать родителей не становиться поперёк дороги своему сыну.

— У вас и без того много детей, — сказали они, — и будет ещё больше. Вам трудно будет их прокормить. Отдайте новорождённого этому господину, пусть ребёнок станет богатым человеком и вас обогатит.

Наконец родители согласились и за несколько золотых отдали сына купцу.

Купец взял ребёнка, и караван двинулся в путь.

Много ли проехал он или мало — одному богу известно, но доехал до одной плодородной и красивой долины. Здесь остановились они на отдых.

— Более укромного места не найти, — подумал купец, — сейчас я велю зарыть младенца в землю. Посмотрим, как он отнимет у меня моё счастье.

Подозвал он к себе своего верного слугу и сказал:

— Возьми этого ребёнка и принеси его в жертву за меня, но его сердце и печень отдай мне.

Купец думал, что сердце и печень ребёнка вернут ему его счастье.

2

Слуга, отойдя с ребёнком достаточно далеко от каравана, стал говорить сам с собой:

— Нет, мой бессовестный господин, я твоё жестокое желание исполнить не могу.

Подумав так, он положил ребёнка под куст, поручив заботу о нём всевышнему.

Невдалеке пастухи пасли скот. Слуга попросил их продать ему маленького козлёнка, зарезал его, достал сердце и печень и отнёс своему господину. Купец изжарил их, съел и, успокоившись, продолжил свой путь.

3

Овцы разбрелись по всей долине и дошли до того куста, под которым лежал ребёнок. Одна дойная коза с наполненным до отказа выменем искала, кому бы отдать немного мо-

лока, чтобы ей полегчало. Увидев под кустом младенца, посапывающего подобно козлёнку, она подошла к нему и дала пососать молока. Здоровый и сильный малыш быстро опорожнил вымя козы. И коза, и ребёнок были довольны. С тех пор каждый день в одно и то же время, где бы ни паслась их отара, коза прибегала к ребёнку и кормила его, а домой шла без молока.

Хозяйкой козы была бедная старуха. Оставшись несколько дней без молока, она пошла ругаться с пастухами:

— Это вы доите мою козу, — обвинила она пастухов.

А пастухи ответили:

— Небо и земля свидетели, мы ничего не знаем. Если бы доили мы, то подоили бы не твою единственную козу, а коз тех крестьян, у которых их много. Но мы заметили, что у твоей козы появилась привычка вдруг исчезать. Смотрим — нет её, где она — неизвестно. Хочешь, приходи как-нибудь и убедись в этом сама.

И вот старуха пошла за козой на пастбище и не сводила с неё глаз. В полдень, когда вымя у козы наполнилось, она потихоньку направилась к ребёнку. Старуха стала следить за ней. Коза остановилась под одним кустом, довольно долго простояла там и вернулась с пустым выменем. Старуха подошла к кусту и увидела прекрасного младенца.

Радости старухи не было предела:

— Как хорошо! Хотя я несколько дней оставалась без молока, но взамен бог дал мне сына. Возьму его и позабочусь о нём, а он вырастет и станет мне подмогой.

Она понесла ребёнка к ближайшему ручью, хорошенько выкупала, завернула в чистую тряпку, и, целуя, понесла домой. Мальчик вырос и действительно стал опорой старухе, заботился о ней и оберегал. И так как он был вскормлен козой, она дала мальчику имя Айцатур¹.

4

Прошло семнадцать лет. Айцатур стал красивым, умным и трудолюбивым юношей. Как-то к этому селу подошёл купец с большим караваном и остановился на отдых. Гостеприимные крестьяне встретили его с почестями. Первым подошёл к нему Айцатур, взял его коня под уздцы, помог спешиться. Затем немного поводил коня, чтобы поостыл, привязал его и дал сена. После этого он позаботился о купце, угостил его обедом. Купцу очень понравился Айцатур, его вежливое обращение и разговор, его ловкость и сообразительность, и он решил взять его к себе. Купец стал расспрашивать его, и простодушный юноша рассказал свою историю, которую слышал не раз, а в доказательство привёл своё имя — Айцатур. «Х-м, — смекнул купец — это, должно быть, тот самый мальчик, именно здесь я приказал его убить, но, видимо, слуга не выполнил моего приказа. Да и по возрасту подходит».

— Сынок, — обратился купец к Айцатуру, — хочешь поехать со мной? Я тебя назначу управляющим всего моего состояния. Ты, видно, парень умный, тебя ждёт хорошее будущее.

— От такого счастья не откажусь, — ответил Айцатур — раз вы так милостивы и добры ко мне, я тоже постараюсь отблагодарить вас. Надеюсь, мне не придётся перед вами краснеть.

Откуда было ему знать, что купец замыслил зло, что он хотел не счастья, а смерти Айцатуру.

Пообещав старухе, что он не покинет её и вскоре вернётся, юноша попрощался и уехал с купцом.

¹ Айцатур — дословно: данный козой, т. е. вскормленный козой.

У купца было большое состояние. Тысячи верблюдов, лошадей и мулов везли его товары из одного города в другой. Каких только не было у него тканей, драгоценностей, фруктов, специй! Каждый, кто хотел что-либо продать или что-либо купить, ждал приезда этого купца. Когда он уезжал из дома, то годами не возвращался, бывало, месяцами он находился в пути — из Индии в Хорасан, из Хорасана в Тифлис, из Тифлиса в Астрахань. Дом его был подобен царским палатам. Шахи и султаны брали у него деньги взаймы, ждали от него богатых даров.

Была у него единственная дочь, столь же красивая, сколь добрая и умная. Звали её Гоарик и была она завидной невестой пятнадцати лет.

И вот купец со своим караваном возвращался домой — оставалось пять дней пути. Он вызвал Айцатура и вручил ему письмо жене, затем дал хорошего коня и сказал:

— Отвезёшь домой жене.

Айцатур только и искал какого-либо повода, чтобы проявить признательность своему благодетелю. Он спрятал письмо за пазухой и, сев на коня, понёсся во весь опор.

На следующий день к обеду он прискакал к дому купца. Был жаркий летний день. Он спешился, привязал коня в тени дерева, а сам подошёл к дому. Дверь была заперта, и он решил не беспокоить домовладельцев. Усталый, он присел под стеной и сразу же уснул.

Кто знает, что снилось в это время Айцатуру, но под лучами жгучего солнца лицо его разумянилось и покрылось каплями пота, подобно алой майской розе с жемчужными каплями росы. Напротив было окно Гоарик. И кто знает, что побудило её открыть окно? Когда она вдруг увидела прекрасное лицо Айцатура, словно окаменела: никогда в жизни не видала она такого красивого лица и смотрела не сводя с него глаз. Долго так смотрела Гоарик и вдруг заметила кончик письма, высунувшийся из кармана юноши, узнала отцовского коня и решила: «Его непременно прислал мой отец, чтобы сообщить о своём приезде». И недолго думая, вышла из дома, осторожно вытянула письмо и снова впорхнула в свою комнату. Гоарик вскрыла письмо и прочла следующее:

«Моя дорогая жена!

Как только этот юноша с моим письмом прибудет к тебе, прими его любезно, чтобы он ничего не заподозрил, а затем безотлагательно убей его мечом или огнём, ядом или верёвкой. Я через пять дней буду дома и не должен его видеть в живых.

Твой муж.»

Гоарик прочла это письмо вслух и не поверила ни глазам своим, ни ушам. «Нет, — подумала она, — мой отец, наверное, хотел написать совсем другое». И она написала:

«Моя дорогая жена!

Как только этот юноша с моим письмом прибудет к тебе, сейчас же мою Гоарик обвенчай с ним, чтобы до моего приезда всё было уже закончено.

Твой муж.»

Гоарик написала это письмо, вложила его обратно юноше в карман, потихоньку поднялась к себе в комнату и сожгла письмо отца, затем весело вбежала в комнату матери и сказала:

— Посмотри, мама, у наших дверей спит незнакомый юноша. Он прибыл на коне, а это конь моего отца, значит это его гонец. Надо его разбудить и пригласить в дом.

Слуги куда-то ушли, дома никого не было, кроме матери и дочери. Мать спустилась вниз и разбудила Айцатура.

Айцатур извинился перед госпожой и, достав письмо, вручил ей. Жена купца прочла письмо и обрадовалась.

— Ты знаешь, что написано в этом письме? — спросила она.

— Нет, мне это неизвестно, госпожа.

— Это и видно, что неизвестно, иначе тебе бы не спалось. Пойдём наверх, я скажу тебе, что здесь написано.

Жена купца хотела увидеть, какое впечатление произведут на дочь слова отца.

Любезный приём госпожи придал Айцатуре смелости, хотя всё равно он не мог бы изменить своей природной непосредственности — он не был ни застенчивым, ни развязным, как истинное дитя природы он был лишён этих крайностей.

Когда они вошли в дом, их встретила Гоарик и стала расспрашивать об отце, о его здоровье, а у матери спросила, что пишет отец.

Айцатур только из сказок знал о таких красавицах, как Гоарик, и был счастлив услужить девушке такой божественной красоты. Он не мог даже допустить мысли, что может быть для неё кем-либо, кроме слуги.

— Как твоё имя, сынок? — спросила госпожа.

— Аствацатур, — ответил юноша, постеснявшись назвать своё настоящее имя.

— Аствацатур? Знаешь, Аствацатур, мой муж пишет, чтобы сразу же, как только ты приедешь, я отдала за тебя нашу дочь. Я не могу пойти против его желания, и у меня нет возражений. Но если ты или она не согласны, то воля ваша.

Говоря это, жена купца отдала письмо дочери.

Айцатуре показалось, что всё это сон, он стоял как вкопанный, не произнося ни слова.

А Гоарик сказала:

— Я покоряюсь воле отца, но не могу насильно завладеть сердцем юноши, он, быть может, не согласен?

Айцатур понял, что всё это не сон, что над ним не насмеются, и, собравшись с силами, сказал:

— Я также покорен воле моего господина. Если он скажет «бросайся в воду» — я брошусь, но ведь он меня не в воду бросает, а из омута вытаскивает.

— Значит, всё решено, — сказала жена купца, позвала приходского священника и, показав ему письмо мужа, попросила поскорее совершить обряд венчания.

Через пять дней прибыл купец. Как только он вошёл во двор своего дома, увидел Айцатура, весело прогуливающегося по террасе с его дочерью.

«Что это значит? — подумал он. — Видно, вопреки моему письму он женился на моей дочери. Сделаю вид, будто такова была моя воля». Он вошёл в дом весёлый, улыбочивый, поздоровался со всеми и, повернувшись к юноше и дочери, спросил жену, можно ли поздравить их.

— Да, да, — ответила жена, — как ты написал в письме, чтобы я их обвенчала и всё было закончено до твоего приезда, так я и сделала, выполнив твою волю.

Тут муж сообразил, что содержание его письма было подменено, заподозрил в этом Айцатура и решил отомстить ему.

На следующий день он пошёл в свой сад и поручил садовнику вырыть глубокую яму и всю ночь разжигать в ней огонь. «Рано утром, — сказал он, — я пришлю сюда одного человека. Как только он явится, схватите его, бросьте в яму, снова подложите дров и сожгите».

Как сказал купец, так садовники и сделали.

Вечером во время ужина купец сказал Айцатуре:

— Хотя я написал, чтобы венчание произошло без меня, сейчас вижу, что слишком поспешил. Это я сделал потому, что ты мне очень понравился. Но что скажут горожане? Не скажут ли, что я поспешил и устроил венчание без торжеств? Завтра у нас будет большое

пиршество. Все приготовления сделаю я сам. Тебя же попрошу пойти утром в сад, собрать свежих фруктов к столу. Не забудь также поручить сделать букеты из свежих цветов.

Наутро Айцатур встал, направился в сад. Проходя мимо церкви, вспомнил, что сегодня воскресенье и все люди в этот день идут молиться.

— Пойду и я помолюсь, возблагодарю бога. Ещё успею приготовить к обеду всё, что надо.

Айцатур вошёл в церковь и надолго там задержался.

А у купца сердце разрывалось от беспокойства и нетерпения, час ему казался годом. И он поспешил в сад проверить, исполнен ли его приказ? Как только он вошёл в сад, его схватили садовники, бросили в пылающую огнём яму и сверху засыпали хворостом и дровами. Купец кричал, что он их хозяин, их господин, но никто его не слушал, словно все оглохли и ослепли.

Через некоторое время Айцатур пошёл в сад. Садовники встретили его как своего господина и сообщили ему, что его приказ исполнен. И Айцатур узнал, что купец попал в яму, которую заставил вырыть для другого.

На это сказители говорят, что Айцатур в этот день предстал перед садовниками как бы в обличии их господина, а купец — кого-то другого. Говорят и так: что написано да лбу, не сотрёшь, и роющий яму другому сам в неё и попадёт.

1889

ЕХЕГНУИ

1

Жил когда-то один царь. Он имел единственного сына. Когда сын вырос, отец сказал:

— Сын мой, пришло время тебе жениться. Есть ли у тебя кто на примете? Если есть, то пойдём сосватаем её, если нет, то дай нам право, мы сами выберем девушку, достойную тебя.

Сын ответил:

— Отец, у меня и в мыслях нет жениться, но если решусь на это, то женюсь на девушке, которая рождена не отцом и матерью.

Удивился отец и сказал:

— Это же невозможно.

Сын ответил:

— Ничего невозможного нет, отец, всё в руках бога, он может даже камень превратить в человека.

Каждый раз, когда отец предлагал сыну жениться, тот говорил одно и то же: мол, не женится на девушке, рождённой отцом и матерью.

Сын так настойчиво и уверенно говорил об этом, говорил, веря в свою мечту, что и отец поверил в это и стал искать девушку, какую желал сын. Многих расспрашивала отец, некоторые говорили, что слышали, будто где-то что-то такое было, но своими глазами не видели и не знают, как и где могут люди расти как деревья, не имея ни отца, ни матери.

Царь из любви к сыну стал ездить из страны в страну, из края в край, всюду интересовался, искал, но ничего не нашёл. По пути домой, в лесу, встретился царю старик, ему он тоже рассказал о желании своего сына. Старик сказал:

— Для этого не надо было ехать далеко. Близ твоего города течёт большая река, на её берегу растёт камыш. Туда ещё не ступала нога человека, ибо место это считается священным и недоступным, а многие говорят, что там обитают бесплодные души. Пойдёшь туда, выберешь самую стройную тростинку, срежешь ножом, которым ничего ещё не резали, бросишь тростинку в воду, и она тотчас же превратится в девушку.

Так царь и сделал. Тростинка превратилась в красивую девушку, но из воды не выходила, потому что стеснялась своей наготы.

— Подожди здесь, я пришлю слуг с одеждой, ты будешь моей невесткой, я сосватаю тебя для моего сына, — сказал царь и назвал девушку Ехегнуи — Тростинкой.

2

На берегу реки расположился цыганский табор. Когда царь удалился, одна цыганка подошла к тому месту, где он стоял, и увидела в воде девушку изумительной красоты. Цыганка спросила, кто она такая. Девушка ответила, что она невеста царевича и что сейчас приедут за ней.

Цыганка, видя, что девушка совсем наивна, решила подменить её, и обратилась к ней со словами:

— Выйди из воды, не стесняйся меня.

Как только девушка вышла на берег, цыганка задушила её, бросила в реку, а сама разделась и влезла в воду, чтобы её приняли за Тростинку.

Слуги пришли с богатыми нарядами, и что они видят?! Сидит в воде чёрная, некрасивая женщина.

— Разве ты Ехегнуи? — спросили они.

— Да, — ответила цыганка.

— Но почему ты чёрная и некрасивая? Ехегнуи должна быть необыкновенно красивой.

— Вы пришли слишком поздно, — сказала цыганка. — Солнце опалило меня и изменило мою внешность. Но это исправимо: если я буду жить в хрустальном царском дворце, через несколько дней стану такой же красивой, как прежде.

Поверили слуги, одели её в нарядное платье и повезли во дворец. Когда царь увидел её, удивился:

— Это не та девушка!

Когда же её увидел царевич, брезгливо отвернулся от неё и сказал:

— Это не моя наречённая. Она должна быть бела, как ангел, а эта черна, как сатана.

Стали расспрашивать девушку. Она повторила то же, что сказала слугам.

— Хорошо, — ответили ей и повели в роскошную хрустальную комнату, чтобы она вновь стала красивой. Её лелеяли и обхаживали, как царицу. Но царевич не приближался к ней. Он чувствовал, что тут не обошлось без злой силы, но как ему узнать, что произошло?

3

Царевич очень грустил. Дни шли, но красота не возвращалась к его невесте, наоборот: чем лучше за нею ухаживали, тем больше она лоснилась, как смола, и жирела, как свинья.

Чтобы рассеяться от мучительных и горестных дум, пошёл как-то царевич прогуляться по берегу реки. Там он увидел рыбаков, которые ловили рыбу:

Он подозвал их к себе и сказал:

— Бросьте невод вот в этом месте, хочу испытать своё счастье, то, что выловите, — моё.

Бросили рыбаки невод и вытащили чудесную серебристую рыбу с золотыми плавниками. Удивились рыбаки: о такой рыбе они не слыхали и не видали.

— Эта рыба достойна тебя, — сказали они царевичу. — Если бы мы поймали её без тебя, всё равно принесли бы тебе в дар.

— Спасибо, — сказал царевич и щедро вознаградил их. А рыбу отнёс, бросил в бассейн в своём цветнике и больше от неё не отходил.

Девушка-цыганка узнала, что царевич держит в бассейне чудо-рыбу, и сразу поняла, что это Ехегнуи, превратившаяся в рыбу. Цыганка лишилась сна. И однажды она сказала слугам:

— Как я могу стать красивой, если царевич брезгает мною и отдал свою любовь какой-то рыбе? Если вы поймаете эту рыбу, и дадите мне поесть, красота сразу же вернётся ко мне.

Она так упорно говорила об этом и убеждала всех, что придворные вынуждены были поймать рыбу и отдать её цыганке.

4

Цыганка съела рыбу, косточки дала служанкам и приказала съесть их до единой. Служанки, надеясь стать красивыми, съели все косточки, но одна косточка упала на пол и вместе с мусором оказалась в саду. Здесь из неё выросло дерево — удивительно красивое, вечнозелёное и плодоносящее. Аромат его цветов можно было вдыхать без конца, жадно, а плод его был подобен жемчугу. Царевич теперь влюбился в это дерево, стал жить под его сенью и не отходил от него ни днём ни ночью.

Цыганка догадалась, что это дерево выросло из косточки рыбы, очень обозлилась и, прибегая ко всяким уловкам, стала уговаривать царя срубить дерево, мол, пока не срубят дерево, царевич её не полюбит, а раз он её не полюбит, она навсегда останется некрасивой.

Поверил ей царь и приказал срубить дерево. Цыганка сожгла по кусочкам всё дерево и успокоилась.

Но когда рубили дерево, одна щепка отлетела и через ердик упала в дом к бедной старушке. Этого цыганка не заметила, хотя пристально следила, чтобы ни одной щепки от дерева не осталось.

Старухе щепка приглянулась, и она прикрыла ею кувшин.

Старушка была очень бедна и жила трудом своих рук. Рано утром она поднималась, ходила по домам, пряла, убирала, а вечером возвращалась к себе. Когда на следующее утро старушка, как всегда, пошла по своим делам, щепка спрыгнула с кувшина и обернулась красивой девушкой — вновь стала Ехегнуи, но теперь она была в скромном и красивом платье.

Ехегнуи взяла веник, чисто всё подмела, убрала, разожгла огонь, сварила обед, и к вечеру, к приходу старухи, спряталась в уголочке. Старушка, увидев, что всё убрано, подметено, обед сварен, очень удивилась:

— Кто это всё мог сделать? — сказала она. — Дверь была заперта, никто не мог войти, быть может, вошли через ердик? Но кто бы это ни был, он сделал доброе дело, зла мне не причинил, хоть бы так было всегда.

Ехегнуи услышала слова старухи, поняла, что та довольна, кашлянула и тихо вышла из укрытия. Красота девушки восхитила старушку. Девушка обняла её, расцеловала и сказала:

— Ты будь мне матерью, а я тебе — дочерью.

— Я буду очень рада, — ответила старуха, — ты так прекрасна, словно неземная, лицо твоё излучает свет, и пока ты здесь, нам не нужно ни лампы, ни огня.

Сказав это, старуха стала целовать девушку и расспрашивать, кто же она?

— Не спрашивай меня, кто я, придёт время, узнаешь, а пока никому ни слова о том, что у тебя есть дочь, меня никто не должен видеть, кроме тебя. Приноси мне рукоделие, и я буду помогать тебе.

5

Слухи о прекрасном рукоделии Ехегнуи дошли до царского дворца. Царевич вызвал к себе старушку и заказал ей разное рукоделие. Вскоре старуха принесла все заказы, царевич посмотрел, удивился: они были выполнены так, словно не касалась их ни игла, ни рука человека.

— Слушай, старуха, неужели это твоя работа? — спросил царевич. — Ты должна мне сказать правду.

Старушка не смогла скрыть правду и сказала, так, мол, и так, у меня есть дочь, она всё это и делает. Царевич сказал:

— Я должен её видеть.

Старуха ответила:

— Хорошо, но разреши мне спросить её согласия.

— Очень хорошо, — согласился юноша, — но не медли с ответом.

Старушка рассказала девушке, что царевич хочет встретиться с нею. Девушка сказала:

— Хорошо, ты скажи ему, чтобы он пришёл не один, а вместе с отцом, матерью и своей невестой. Ты пригласи их на обед. Не бойся, я займусь приготовлением, они не останутся голодными.

Старушка сообщила об этом царевичу, и он, вняв просьбе девушки, взял отца, мать и невесту и отправился в гости к старухе.

Ехегнуи встретила их у дверей и с подобающими царю почестями пригласила гостей в дом. Все были восхищены ею. Что за красота, что за осанка, что за речи! Стан девушки был строен и гибок, как камыш, когда она говорила, слова сыпались из её уст, как жемчужины, когда она улыбалась, на её лице словно расцветали розы и фиалки. Царь сразу же узнал ту девушку, которую он видел, но ни слова не сказал. Царевич, хоть её не видел, но сердцем почувствовал, что она и есть его наречённая, а цыганка раньше всех узнала и стала ещё чернее и злей. Как только вошли в дом, она стала возмущаться:

— Куда вы меня привели? Разве подобает нам входить в такую хибару и видеть лицо этой сатаны?

Но никто не слушал её слов, вниманием и мыслями всех овладела Ехегнуи. Радости старушки не было предела. Видя, какое впечатление произвела на всех её дочь, что царь и царица сами готовы прислуживать девушке, старушка словно помолодела, обрела крылья: подлетала то к царю и что-то шептала ему на ухо, то к царице. Она говорила им, что её дочь — существо не земное, а сошедшее с небес, невиданное создание, что в её руках всё спорится. Все хвалили-расхваливали Ехегнуи. Наконец царь сказал:

— Прекрасная девушка, нам не наскучит твоя речь, а для того, кто будет жить с тобой, год пролетит как один день. Ты лучше скажи нам, кто ты, как попала сюда, кто твои отец и мать, где они живут?

Девушка ответила:

— Долгих лет жизни тебе, государь, я ничего не могу сказать о себе, но если вы разрешите мне, вашей покорной служанке, я расскажу вам маленькую сказку.

— Всё, что ты расскажешь, мы выслушаем с удовольствием, — сказал царь.

Ехегнуи принесла сначала сухую виноградную лозу и положила на стол, затем принесла очищенную, сырую куропатку на вертеле, положила рядом и сказала:

— Если всё, что я скажу, правда, то пусть куропатка изжарится без огня, а сухая лоза зазеленеет.

Все превратились в слух и стали ждать рассказа девушки.

Девушка начала: «У одного царя был сын. Когда он вырос и царь пожелал его женить, тот сказал:

— Отец, я женюсь, но моя невеста не должна быть рождена отцом и матерью».

Сказав это, девушка обратилась к куропатке:

— Так ли это, куропатка?

— Так, госпожа моя.

Затем девушка обратилась к лозе и сказала:

— Радуйся, лоза, наливайся соком!

Лоза зазеленела и начала цвести. А куропатка стала жариться, шипеть, как на огне. Девушка продолжала свой рассказ: «Делать было нечего, царь долго искал девушку, о которой мечтал сын, наконец, по совету старца, он срезал тростинку, бросил её в реку, и тростинка тут же превратилась в девушку. Она осталась в воде, стыдясь своей наготы».

— Так ли это, куропатка?

— Так, госпожа моя.

— Радуйся, лоза, наливайся соком!

Куропатка жарилась, а на лозе появился виноград. Цыганка поняла, что девушка сейчас расскажет о её коварстве, стала злиться и роптать, мол, ей жарко, она не может здесь оставаться, хочет идти домой.

— Ты слишком спешишь, — сказал царь, — сейчас повезём тебя, куда следует.

А девушка продолжала: «Девушка была нагая, не могла выйти из воды. Царь сказал ей:

— Жди здесь, я для тебя пришлю одежду, наденешь и приедешь во дворец. — Как только царь отошёл, откуда-то появилась девушка с лицом чёрным и уродливым, то ли арабка, то ли цыганка. Она обманула девушку, заманила её на берег, задушила, бросила в реку, а сама полезла в воду. Пришли слуги царя и отвезли её в невесты царевичу».

— Так ли это, куропатка?

— Так, госпожа моя.

— Радуйся, лоза, наливайся соком!

Цыганка вскочила с места, она больше не могла сдержаться себя:

— Это сатана, — закричала она, — и всё, что она говорит — ложь, всё это выдумывает, чтобы занять моё место.

— Хорошо, — сказал царь, — ты можешь идти. Слуги, отведите её домой и надёжно охраняйте до нашего возвращения.

Когда Ехегнуи кончила рассказ, куропатка уже изжарилась, а на лозе поспел виноград. Поели шашлык из куропатки, затем виноград. Ехегнуи повезли во дворец, семь дней, семь ночей праздновали свадьбу, а цыганку привязали к хвосту лошади и пустили. Зло осталось там, а добро — здесь.

ЗАНГИ-ЗРАНГИ

1

Жили муж с женой, были у них сын и дочь. Сын уже взрослый, а дочь ещё в пеленках. Едва ей исполнилось пять месяцев, как в их доме начали происходить странные вещи. Стали замечать, что, когда в доме не бывало никого, кроме грудного ребёнка, исчезали съестные припасы. Кувшин, наполненный молоком, оказывался пустым, кувшин с мацуном — тоже, в корыте не оставалось хлеба, в кринке — масла и недоставало ещё многого другого. Думали, к ним в дом повадился вор. Однако сын их предполагал иное, но никому ничего не говорил.

Однажды, когда никого не было дома, юноша спрятался в тёмном углу, и... что же он видит?! Его сестра-малютка встала, вмиг проглотила всю оставшуюся еду, кинулась к корыту, увидела, что там нет хлеба, но лежит тесто, набросилась на него и съела дочиста, затем кинулась туда-сюда, ничего не нашла и как невинный младенец тихо легла в колыбель.

Мать пошла разжигать тонир¹ и когда вернулась, чтобы раскатать тесто, увидела, что теста нет. Сын вышел из укрытия, отозвал мать во двор и рассказал о том, что видел своими глазами.

Мать не поверила, мол, этого не может быть.

Сын сказал:

— Ну, дело ваше, вот вы, вот ваша дочь, что хотите, то и делайте. Я в этом доме не могу оставаться — если она немного подрастёт, всех нас съест. Это — дэв, это — вишап, а не ребёнок.

И юноша ушёл из отчего дома. По дороге ему захотелось есть, хлеба у него не было, в кармане оказалось несколько сухих абрикосов. Достал их, поел, косточки закопал в землю. Из этих косточек потом выросло три дерева.

2

Юношу звали Татух. Пошёл он скитаться, хотел попасть в другую страну, но не встретил ни города, ни села. Увидел, что на пастбище пасутся овцы, и направился в их сторону. Подошёл и видит, что с овцами нет пастуха. К вечеру отара овец двинулась к своему загону, Татух пошёл за нею. Когда овцы дошли до загона, из пещеры вышли мужчина и женщина — оба слепые, ощупью подоили своих овец, в отдельную посуду отлили себе молока на ужин, покрошили туда хлеба и стали есть. Татух тихо подсел к ним и тоже начал есть. Слепцы не узнали, что у них появился сотрапезник, и, хотя на этот раз не наелись, не сказали ни слова. Это повторялось несколько дней. Однажды муж сказал жене:

— Слушай, жена, вот уже несколько дней я остаюсь голодным, молока столько же, что и всегда, но я не наедаюсь.

Жена на это сказала:

— А я-то думала, что ты стал есть больше обычного и поэтому я недоедаю. Значит, мы оба остаёмся голодными. Неужели кто-то ещё ест с нами?

— Наверно, так оно и есть. Я заметил ещё вот что: до сих пор загоняли своих овец мы, а теперь они сами заходят в загон, наверное, кто-то погоняет их. Знаешь, что? Когда во время еды я кашляну, ты сразу вытяни обе руки, а я с другой стороны сделаю то же самое, и если рядом с нами будет человек, мы его схватим.

Вечером за едой муж и жена сделали, как договорились, и схватили нашего Татуха.

¹ Тонир — печь в земле.

— Кто ты такой? — спросили они. — Почему скрываешься от нас?

Татух сказал:

— Я из чужих краёв, случайно оказался у вас, будьте мне отцом и матерью, а я буду вам сыном, буду вас оберегать, пасти овец.

— Очень хорошо, — ответили ему, — значит, тебя нам послал бог, у нас нет детей, будь нам сыном.

3

На следующий день отец наказал сыну:

— Слушай, сын, когда выведешь пасти овец, не гони их ни влево, ни вправо, а только к горе, что прямо напротив нас.

— Хорошо — сказал Татух, но наказ отца не выполнил. Он погнал стадо налево и набрёл на свадьбу дэвов. Собрались дэвы и с зурной и бубном праздновали свадьбу. Когда они увидели Татуха, схватили его, затащили к себе:

— Видишь, у нас свадьба, мы все заняты, ты должен для нас нарубить дров.

Татух согласился и, взяв топор, стал рассекать огромное бревно. Расширив трещину в бревне несколькими кольями, позвал всех дэвов, мол, бегите скорее сюда, я вам покажу невиданное чудо, чтобы ваше свадебное пиршество было ещё более пышным. Прибежали все дэвы, и даже жених с невестой.

— Ну, какое ты должен показать чудо? — спросили они.

Татух сказал:

— Вложите свои руки в эту щель, тогда я покажу чудо.

Все поспешно сунули руки в щель бревна.

Татух быстро вытащил колья. Дэвы стали жалобно вопить:

— Вай, вай, погибаем, что с нами сделал этот человек! Что за беда свалилась на нас!

Татух сказал:

— Это ещё начало, беда будет потом. Это вы выкололи глаза моей матери и отцу? Где вы их спрятали?.. Пока не отдадите глаза, не будет вам спасения.

— Да, да, вай, вай, — закричал один из них, не выдержав боли. — Они вон там, под тем кустом, возьми и освободи нас!

Татух пошёл, взял глаза и спросил:

— Глаза я нашёл, но как я должен их оживить?

— Глаза вложишь в глазницы отца и матери и проведёшь по ним платком нашей невесты, они сразу оживут.

Татух взял платок невесты.

— Ну, теперь освободи нас! — завопили дэвы.

— Я освободил бы вас, но кто поручится, что вы не отомстите мне и не разорвёте меня на мелкие кусочки. Нет, не надейтесь на это, нет вам спасения, оплакивайте свой чёрный день.

Свадьба дэвов обернулась трауром. Мольбы и слёзы не подействовали на юношу. Да и умно ли было бы их освободить? Наш Татух взял топор и всем им, от мала до велика, отрубил головы и очистил гору от коварных дэвов.

4

Вернувшись вечером домой, Татух вложил глаза слепцов в глазницы, провёл по ним платком дэвовой невесты, и они сразу прозрели. Обняли старики Татуха, расцеловали, не зная, как выразить свою безмерную благодарность и радость.

Этот случай придал Татуху храбрости, и на следующий день он погнал своих овец на гору справа. Как только он достиг вершины горы, услышал страшный рёв. Услышали рёв и овцы и, дрожа, попятились назад. Татух их не остановил, но сам захотел увидеть, что за зверь там ревет.

Пошёл он на этот рёв и видит — у входа в пещеру сидит неведомый ему зверь и ревет. Это был лев — не лев, тигр — не тигр, кабан — не кабан, но кто бы он ни был, это был зверь страшный, чем-то похожий на собаку, но в десять раз крупнее её.

Татух, спрятавшись за камень, исподтишка рассматривал чудовищного зверя, но тот, оказывается, ещё раньше заметил юношу.

— Эй, человек, — позвал зверь человеческим голосом, — мне надо родить, не могу сдвинуться с места, подойди, помоги мне, не бойся, тебе не будет вреда.

Услышав эти слова, Татух собрался с духом и сказал себе: «Кто говорит по-человечьи, наверное, и жалостлив, как человек, пойду помогу».

Когда Татух подошёл к зверю, тот сказал:

— Если рожу двойню, то тебя съем, если же одного — дарю тебе жизнь.

— Как знаешь, — сказал Татух, — будь что будет.

Первого родившегося детёныша Татух засунул в свою пастушью сумку, второго — также, а третьего, — увидев, что это последний, — положил перед зверем и сказал:

— Вот ты родил одного детёныша, разве стоило из-за этого так страшно реветь?

Зверь застыдил и сказал:

— Иди, я дарю тебе жизнь, и если пригонишь своих овец сюда, то можешь быть спокоен: тебе не будет никакого вреда.

5

Татух принёс домой ещё слепых щенят и стал кормить их овечьим молоком. Щенята выросли и стали ему верными псами. Татух одного из них назвал Занги, а другого — Зранги. Когда он шёл куда-нибудь, брал их с собой, а дома держал на цепи.

С тех пор прошло почти десять лет. И Татух захотел вернуться в свой дом, чтобы узнать, что стало с его родителями. Сказал об этом желании своим названным матери и отцу, они благословили его, надеясь, что он вскоре вернётся. Татух наполнил чашу молоком, поставил её на полку и сказал:

— Следите за молоком. Когда увидите, что оно изменилось в цвете — покраснело или почернело, знайте, что я нахожусь в беде, сейчас же отвяжите Занги и Зранги, они мне помогут.

Отправился Татух в дорогу, и доехал до того места, где когда-то он закопал абрикосовые косточки. Теперь здесь стояли три высоких и пышных дерева. Присел он под ними немного отдохнуть и вскоре продолжил свой путь на родину. Но какая там родина?!

Не было ни одной живой души, дома в деревне стояли целые, но жильцов в них не было. Татух ехал верхом на коне и был у него хурджин, наполненный едой на дорогу. Погнал коня прямо к своему дому и спешил. Вошёл в дом и, о чудо, увидел свою сестру, сидящей у очага, и никого больше. Сестра встала, обняла брата, приговаривая:

— Добро пожаловать, с приездом, мой братец, свет моих очей. Где ты был так долго? — сказала она и быстро побежала во двор.

Увидела коня на привязи с хурджином на спине. Весь хурджин вмиг проглотила и, вернувшись, спросила брата:

— Братец мой дорогой, ты приехал без хурджина?

— Да, — ответил Татух и сразу понял, что хурджин она проглотила.

Сестра ещё раз вышла во двор и съела одну ногу коня, а вернувшись, спросила:

— Братец мой дорогой, ты что — приехал на коне с тремя ногами?

— Да, — ответил Татух.

Сестра вышла и съела вторую ногу коня и, вернувшись, спросила:

— Братец мой дорогой, ты что — приехал на коне с двумя ногами?

— Да, — ответил Татух.

Сестра снова вышла, съела третью ногу коня и, войдя в дом, спросила:

— Братец мой дорогой, ты что — приехал на коне с одной ногой?

— Да, — сказал Татух, сердце которого сжалось от страха. «После того, как съест коня, она должна съесть меня. Что мне делать, как спастись?» — думал он.

Сестра вышла, съела четвертую ногу коня, снова вернулась в дом и спросила:

— Братец мой дорогой, ты что — пришёл сюда пешком?

— Да, сестрица моя, пришёл пешком и пешком должен вернуться, но не знаю, отпустишь меня или нет?

— Вай, да ослепнут мои глаза, братец дорогой, как я отпущу тебя? Вот уж сколько лет все глаза проглядела, ждала, что приедет мой брат, утолит мою тоску. Ты, наверное, голодный, подожди, пойду принесу тебе хлеба.

Как только сестра вышла, из-за угла дома выскочил петух и сказал Татуху:

— Слушай, парень, сестра твоя пошла точить зубы, чтобы съесть тебя. Спасайся, если можешь!

— Что же делать, я не знаю? — ответил юноша.

Петух сказал:

— Сними свою шубу, наполни пеплом и повесь, а сам скорее беги. Она вернётся, набросится на твою шубу, пепел засыплет ей глаза, пока она протрёт их, ты пройдёшь порядочное расстояние.

Юноша сделал так, как сказал петух, и убежал.

Сестра вернулась, увидела, что нет брата, заметила шубу, подумала, что это он, набросилась, как зверь, на шубу, разорвала её в клочья, распотрошила, пепел высыпался и забил девушке рот и глаза. Видя, что обманута, она пришла в ярость, быстро стряхнула пепел, протёрла глаза и побежала за братом.

Татух был уже довольно далеко, когда оглянулся и увидел, что сестра вот-вот его нагонит. Он ускорил бег, добежал до трёх абрикосовых деревьев и взобрался на одно из них.

Сестра, добежав, попыталась подняться на дерево, но не смогла, стала зубами грызть ствол и вскоре его перегрызла. Дерево упало на соседнее, и юноша вскарабкался на вершину второго дерева. Девушка стала грызть и это дерево. Оно тоже сломалось и рухнуло на третье. Девушка стала грызть последнее дерево.

В это время названные отец и мать Татуха посмотрели на оставленное им в чаше молоко, увидели, что оно покраснело, и сейчас же развязали Занги-Зранги. Верные псы сразу почуяли след своего хозяина, поняли, в какую сторону, по какой дороге он пошёл, и, делая огромные прыжки, вмиг добежали до него. Последнее дерево вот-вот должно было свалиться, когда подоспели псы. Как только Татух увидел их, закричал:

— Занги-Зранги, так растерзайте, так проглотите её, чтобы капнула лишь одна капля крови.

И звери так сожрали девушку, что лишь одна капля крови капнула на один листик с дерева.

Юноша спустился наземь. Занги-Зранги прильнули к его ногам и стали радостно скулить. Татух погладил их по голове, затем взял листик с каплей крови, сложил его, спрятал за пазуху и отправился в путь.

Много ль, мало ль они прошли, как встретили караван. Хозяин каравана увидел псов Татуха, они ему очень понравились, и он подумал: «Если эти подобные львам псы станут

моими, то мне не будут страшны никакие разбойники. Даже если будет сто грабителей, эти два пса расправятся со всеми».

Затем, обратившись к Татуху, сказал:

— Слушай, парень, отдай мне этих псов и возьми из моего каравана сколько угодно мулов с их поклажей.

— Даже если ты предложишь мне весь караван, их я не отдам, — сказал Татух.

— Значит, ты со своими двумя псами богаче, чем я с моим огромным караваном?

— Думаю, что это так, — ответил Татух. — Твой огромный караван не спасёт твою жизнь, даже наоборот, может стать причиной твоей смерти: если нападут разбойники, сначала убьют тебя, потом унесут твои товары. А моя жизнь в безопасности, пока со мной мои псы. Захочу, сию минуту с их помощью отниму у тебя весь твой караван. Но я не разбойник, чтобы сделать это.

Разговаривая так, они прошли порядочное расстояние, затем хозяин каравана сказал:

— Раз ты не отдаёшь мне своих псов ни за какую цену, я спрошу тебя о простой вещи. Если ты сможешь ответить — мой караван тебе, а если нет — твои псы мне.

Татух сказал:

— Я согласен, посмотрим, что ты спросишь.

— Вот, погляди на дубинку в моих руках: если узнаешь, из какого она дерева, мой караван тебе, а если не узнаешь, — твои псы мне.

— Очень хорошо, — сказал Татух и стал перечислять все знакомые ему деревья: — Кизил, мушмула, граб, бук, липа, клён, дуб... — и так назвал много деревьев, но всё не то.

— Значит, твои псы теперь мои, — сказал хозяин каравана, — отдай их мне.

— Подожди, я ещё подумаю, — сказал Татух. — Я знаю ещё одно дерево, название его у меня на кончике языка, но не могу вспомнить. Я уверен, что это именно то дерево.

В это время что-то у него за пазухой зашипело, и наконец явственно послышалось:

— Ш-ш-ш-чапки, ш-ш-ш-чапки¹. — Это произнесла спрятанная за пазухой капля крови.

— Нашёл, нашёл, — воскликнул Татух и, схватив дубинку, сказал, — это чапки.

— Ты прав, — ответил хозяин каравана, — ты заслужил мой караван.

— Весь караван мне не нужен, — сказал Татух, — я простой пастух, а не купец. Дай мне тюк одежды, пойду сосватаю для себя девушку, женюсь, этого мне хватит.

Хозяин каравана выбрал изысканные ткани, наряды и украшения для жениха и невесты, навьючил на одного мула и отдал Татуху.

Немного проехав, Татух почувствовал, что за пазухой у него что-то шевелится. Засунул туда руку и вытащил огромную змею. Капля крови превратилась в змею, и уже тянулась к горлу Татуха. Татух отшвырнул от себя эту змею, которая мгновенно стала расти и утолщаться, словно вишاپ, и позвал своих псов:

— Занги-Зранги, так растерзайте, так проглотите её, чтобы не капнула ни одна капля крови.

Псы так и сделали — не оставили и следа от девушки-вишапа.

Татух вернулся домой с мулом, навьюченным всяким добром.

Выбрал себе девушку, женился.

Они достигли своего счастья, да достигнете и вы своего.

1890

¹ Чапки — сведыня (редкая порода с твёрдой древесиной).

АСЛАН-БАЛА

1

Жил когда-то царь. Как-то один из царских охотников приходит к нему и говорит:

— Долгих лет жизни тебе, государь! Сегодня в нашем лесу я увидел удивительную вещь — львицу, а с нею ребёнка семи или восьми лет. Ребёнок и львица играли друг с другом, как мать и дитя. Хотел было сразить львицу стрелой, убить, но потом испугался, подумал, что могу попасть в ребёнка или же не убью, а раню львицу, и она нападёт на меня. Поэтому я тихо повернулся и ушёл.

Когда царь услышал это, он приказал, чтобы несколько тысяч человек окружили лес, убили или прогнали львицу, а ребёнка целым и невредимым взяли и доставили к нему.

Приказ царя был выполнен. Ребёнка взяли и привезли во дворец. Это был живой и красивый мальчик, глаза у него были большие, лоб высокий, волнистые, рассыпавшиеся по плечам волосы были расчёсаны когтями львицы, стан у него был тонкий, грудь широкая.

Десять человек с трудом смогли схватить его и связать, но многих он исцарапал своими длинными-предлинными ногтями. Бедняга был наг и нем, не умел говорить, а только рычал, как лев.

Убедившись, что держать его на воле невозможно, его привязали железными цепями и стали постепенно приручать. Его называли Аслан-бала, т. е. детёныш льва. А сын царя Вург, который с первого же дня его очень полюбил, дал ему имя Арсен. Вург ухаживал за Арсеном, кормил его, поил, давал всевозможную вкусную еду, которую тот ел за семерых. Вург в зеркале показал Арсену его изображение, чтобы он убедился, что он не лев, а человек. Потерявшая детёныша львица случайно нашла лишившегося матери грудного ребёнка и стала кормить его своим молоком.

За несколько дней Арсен очень присмирел и так привязался к Вургу, что полностью покорился ему. Вург освободил его от цепей, выкупал, причесал, постриг длинные ногти, надел на него такую же, как у него, одежду и научил его говорить, петь и ещё многому тому, что умел делать сам. Не прошло и трёх месяцев, как в Арсене не осталось никаких признаков дикости, и выяснилось, что он очень даровит и умён. Его слух, зрение, обоняние были развиты в десять, двадцать раз больше, чем у обычных детей. Его речь не была столь красноречива, как его сердце, которое молча говорило ему, что хорошо, а что плохо, что такое зло и что такое добро. Познание сердцем, то самое, что передаётся словами: «сердце говорит», «сердце тянется», «сердце не лежит», «сердце чувствует», вот это познание сердцем, которое учёные люди называют инстинктом, в Арсене было развито сверх меры, и он знал многое такое, чего даже не испытал.

Если Вург воспитал, обучил Арсена, то и сам многому научился у него. Вург развил речь, мысль Арсена, а Арсен закалил его тело и сердце. Арсен любил играть, бегать, любил горы, ущелья, леса, дом ему казался тюрьмой, и он брал с собой Вурга. Таким образом, насколько изменился Арсен, превратившись из дикаря в человека, настолько же изменился Вург, оказавшись на лоне природы: он стал сильным, ловким, бесстрашным и храбрым, забыл прежнюю робость. Так, благотворно влияя друг на друга, Вург и Арсен как бы обрели единое тело, пока не стало им по семнадцать-восемнадцать лет.

2

Однажды они вышли на прогулку к берегу реки. Навстречу шли девушки с кувшинами воды. Среди них оказалась и одна старуха с худым и морщинистым лицом. Проходя мимо Вурга, она косо посмотрела на него. Ему не понравился этот взгляд.

— Я должен разбить кувшин этой старухи, — сказал Вург и, не дожидаясь ответа друга, швырнул камень, попал в кувшин и разбил его, вода облила бедную старуху с ног до головы.

Старуха оглянулась и, увидев, что этот озорник сын царя, сказала:

— Как тебя проклясть, сынок?.. Увидеть бы мне, как тебя охватит пламя любви к Антес-Аннман¹, как ты сгораешь и мучаешься из-за неё, чтобы сердце моё утешилось этим.

3

Проклятье старухи, словно стрела ангела любви, вонзилось в сердце Вурга. Вург стал грустить, худеть. Если раньше он был неразлучен с Арсеном, сейчас в одиночестве скитался по горам, по долам, скорбел, плакал, звал Антес-Аннман, летел к ней всем сердцем и душой, воспевал её в песнях, просил её прийти ему на помощь. Антес-Аннман представляла в его мечтах в своей неземной красоте. В такие минуты он закрывал глаза, опускался на колени, восславлял её, приходил в такое восторженно-исступлённое состояние, что терял сознание.

Это, собственно, была и не любовь, а страстное вожделение, заветная мечта, сильнейшее желание, то чувство, которое только и может привести к достижению желанной цели.

Такое страстное желание может быть также у человека, стремящегося к учёбе, к приобретению знаний, к осуществлению зародившейся в нём великой идеи.

4

Для Арсена сердечная боль Вурга не осталась тайной. Он чувствовал и видел всё. Он считал это хорошим поводом как для испытания своей храбрости, так и для доказательства своей безграничной любви к Вургу. И вот однажды он нашёл его в лесу и сказал:

— Брат мой, я вижу, что ты изводишь себя. Почему ты скрываешь от меня свою беду? Какой же я тебе друг, если не исполню твоё заветное желание? Давай действовать! Лучше умереть с надеждой в борьбе, чем без надежды жить в бездействии. Проклятье старухи на самом деле было не проклятием, а прекрасным благословением. Без него ты бы не испытал такого сильного чувства и не мечтал овладеть прекрасной девушкой в мире...

Эти слова Арсена очень растрогали Вурга, он со слезами на глазах обнял и поцеловал его горячим поцелуем влюблённого юноши.

— Арсен джан, — воскликнул он, — как ты великодушен! Я не хотел, чтобы ты знал о моих страданиях и делил их со мной. В чём ты виноват? Кувшин разбил я, старуха прокляла меня, и мучиться должен я один. Но уже обессилел. И что я могу сделать без тебя? Я не могу ни о чём думать, не могу действовать. Отныне моё заветное желание, моя жизнь и смерть в твоих руках — ты должен вести меня.

— Не смерть, а только жизнь, — сказал Арсен. — Соберись с силами и не отчаивайся, мы вскоре пустимся в путь. Настало время проявить себя, показать, на что мы способны. Иначе к чему мы пригодны? Землю не пашем, скота не держим, и войны нет, чтобы воевать. Зачем же мы живём на свете? Я и сам не знаю. Эта бесцельная жизнь недостойна мужчины.

— Но разрешит ли мой отец? Как ему сказать об этом?

— Как-нибудь скажем. Знаю, что не разрешит, объяснит нам трудность нашего предприятия, невозможность достижения нашей цели, но, не дожидаясь нашей просьбы, сам же и укажет нам, куда идти.

¹ Антес-Аннман — невиданная-бесподобная.

5

Кроме Вурга, у царя была дочь, не уступающая красотой Антес-Аннман. Её звали Астхик. Она любила Арсена так же сильно, как Вург любил Аннман. Узнав о намерении брата, она убеждала отца, чтоб он не разрешил им совершить такое опасное путешествие.

— Разве кто-нибудь возвращался оттуда? — говорила Астхик. — Уговори их, чтобы они не делали этого. Где это слыхано, чтобы влюблялись в девушку, которую не видели? Это просто безумие и больше ничего.

Царь вызвал к себе обоих юношей и сказал:

— Мне всё известно. Очень сожалею, что сердцем моего сына овладела бредовая тоска, но отпустить вас не могу. Ради этой девушки погибли сыновья многих царей, были уничтожены целые армии, я сам участвовал в этих сражениях, шёл на помощь другим. Она живёт за семью горами, в Чёрной Крепости. У неё сорок братьев, один огромнее другого. Даже войско из сорока полков ничего с ними сделать не может. Вырвав с корнем по одному исполинскому дубу, они сметают войско с поля боя, как мы сметаем метлой солому с гумна. Не безумие ли это с вашей стороны — попасть в когти этих дэвов?

— Прости меня, царь-отец, что я смею спорить с тобой, — сказал Арсен. — Никакая сила в мире не может сравниться с волей бога. Сила в руках бога: кого захочет, он сделает сильным или слабым, даже могучего дэва превратит в беспомощного ребёнка. Ты говоришь, что многие сражались за неё, и не добились успеха, но был ли среди этих многих хотя бы один человек, вскормленный львицей? Кто мог внушить львице эту жалость ко мне, заботу обо мне, если не бог? Разве был среди тех, кто сражался за неё, хотя бы один человек, в которого какая-то старуха своим проклятием или благословением вселила любовь к Аннман? Почему не предположить, что между всеми этими явлениями существует невидимая связь, и все они так совпали, чтобы мы овладели тем, чего не добились другие?

— Ты очень умно говоришь, Арсен, — сказал царь, — ты можешь быть хорошим оракулом и тебе под силу любые чудеса, потому что твоё детство само по себе уже чудо. Но ты должен знать, что всё, что делают на земле жрецы или творцы чуда, они делают по воле и приказу царя. Да, ты можешь стать верховным жрецом, но не затем, чтобы обратить меня в свою веру. Моё слово закон.

— Отец, — заговорил Вург, — если я не поеду, я умру от этой боли. Я уже был бы мёртв, если бы не обнадеживающие уговоры Арсена. Если ты не разрешишь нам ехать, то я умру от отчаяния. Смилуйся надо мной, благослови нас и проводи в путь.

— Не верь, отец, — вмешалась Астхик. — Кто это умирал от любви? От безделия на него нашло безумие. Объяви войну царю Андасу, пусть пойдёт в бой, его бред развеется...

— Сестра, дорогая моя сестра! — вскричал Вург, бросив на Астхик взгляд, полный мольбы.

— Брат мой, дорогой брат, — ответила Астхик, бросив на Арсена взгляд, полный сострадания.

Вург понял, что его сестра также влюблена, и если ради его любви надо было уехать, то ради её любви надо было остаться здесь.

— Пошли, — сказал Арсен. — Мы вверимся божьей воле, как он распорядится, так мы и поступим.

6

— Решено, — воскликнул Арсен в присутствии Вурга, как бы говоря про себя, — надо ехать, непременно надо ехать... я не буду считать себя достойным любви Астхик, пока не исполню заветное желание её брата. Кто я, кто моя мать?.. Аслан-бала... пустой звук... Что я

сделал? Чем я подтвердил это прозвище? Чем доказал, что вскормлен молоком львицы?.. Нет, значит, не вскормлен я львиным молоком... Поехали, поехали Вург!.. Ещё не известно, кто из нас двоих влюблён сильнее и перед кем из нас стоят более трудные препятствия. Поедем, друг, поедем, обретём крылья любви и вознесёмся всё выше и выше... И будь что будет, когда мы окажемся уже в Чёрной Крепости...

Наши храбрецы пошли в оружейную, выбрали себе доспехи, взяли по одному волшебному дедовскому мечу, которым можно было разрубить и камень, и железо, оседлали коней и, сказав, что едут на охоту, умчались.

Потекли дни, но юноши не возвращались. Тогда только все поняли, куда они отправились.

7

За семью горами, в Чёрной Крепости братья Антес-Аннман устроили пышное торжество, потому что одержали большую победу: снесли головы семи дэвам и освободили из плена семь девушек. Их было всего семь братьев, хотя молва довела их число до сорока, и женились они на семи девушках, освобождённых из плена. Все были веселы и довольны, печальна была лишь их сестра — Антес-Аннман.

— Почему ты так грустна, сестра моя? — спросил старший брат. — У тебя семь братьев, и все семеро готовы сложить головы ради тебя, а теперь у тебя есть семь невесток, они готовы быть твоими служанками, хотя все они дочери великих князей и царей. Если что-либо тебя заботит, скажи нам — мы готовы исполнить любую, даже незначительную твою прихоть.

— Я и сама не знаю, почему я грустна, — сказала Аннман, — этой ночью мне приснился сон, наверное, от этого...

— Что же тебе приснилось? Скажи нам, — спросил старший брат.

— Во сне я видела двух спустившихся с неба ангелов — один красивее другого. У одного в руках был меч, а у другого — букет цветов. Один держал над вашими головами сверкающий меч, а другой протягивал мне свой благоухающий букет. Я была ещё во сне, когда услышала под моим окном щебет птички, которая пела: «Вург-Вург-Вург». При этом имени я проснулась, мне было не по себе, я чуть не лишилась сознания. Казалось, птичка называла имя того ангела, который подарил мне букет. Как он был красив, как красив!..

Сказала это сестра и со слезами на глазах удалилась, чтобы скрыть от братьев своё волнение и смятение.

— Наша сестра получила весточку, — сказал старший брат. — Если тот, кто дал ей эту весточку, придёт сюда, мы будем побеждены. Сверкание меча означает наше поражение.

— И, кажется, уже время, чтобы наша сестра обрела своё счастье, — сказал младший брат. — Хватит, сколько мы из-за этого пролили крови. Впредь тому, кто придёт, — почёт и уважение.

— В этом ты прав, — сказал третий, — но тот, кто придёт, может оказаться не Вургом, а кем-то совсем другим. Неужели мы должны отдать сестру за первого встречного?

— Нет, нет, — послышалось со всех сторон, — пусть над нашей головой сверкает меч, лишь бы сестра вышла за того, кого захочет.

Братья сказали так, но в сердце каждого из них закрался такой страх, какого они никогда не испытывали прежде.

Наши юноши шли ровно семь дней, встречали в пути и зло, и добро, рассказывали многим о цели своего путешествия, слышали об ужасных опасностях, но бесстрашно продолжали свой путь, пока не достигли границы Чёрной Крепости.

Чёрная Крепость находилась на покрытой лесом высокой горе. Недалеко от крепости, на усыпанной цветами долине, у родника они спешились.

— Ты собери хворост и разожги костёр, — сказал Арсен, — а я разок спущусь в глубь этого ущелья, может, раздобуду какую-нибудь дичь. Следов много, здесь хорошее место для охоты.

Арсен ушёл, а Вург вместо того, чтобы собрать хворост, стал срывать цветы и сделал букет. Вернулся Арсен с огромным кабаном на спине.

— Где же огонь? — спросил Арсен.

— Огонь в моём сердце, — ответил Вург. — Посмотри, какой красивый букет я сделал для моей Антес.

— Значит, не видя воды, ты уже приготовился плавать? Хорошо, тогда подойдём поближе к крепости и там разожжём костёр, чтобы нас скорее заметили. Посмотрим, что они нам скажут.

— Я тоже думаю, что так будет лучше. Будь что будет, и чем скорее, тем лучше.

Поднялись они до ограды крепости, разожгли огонь, кабана целиком насадили на длинный шест и стали жарить. Арсен всё это делал умышленно, чтобы их приняли не за простых людей, а за великанов.

Как только дым и пламя от костра поднялись высоко в небо, великаны заметили это, и послали одного из братьев узнать, что там происходит и кто это прибыл.

— Вот кто-то идёт, — сказал Арсен, — ты держись величественно, не двигайся с места, и при удобном случае прикажи мне что-то сделать, чтобы они поняли, что ты мой господин, а я твой слуга.

К ним шёл человек исполинского роста. Хотя Арсен и Вург тоже были здоровенными, но тот в сравнении с ними был великаном.

— Кто вы такие? — спросил великан издали.

Арсен жестом подозвал его, мол, подойди, посмотрим, чего ты хочешь.

Великан приблизился и, когда увидел, что они жарят целого кабана, его охватил страх, но он не показал своего испуга и стал сердиться, мол, как они осмелились охотиться за их дичью. Он наклонился, чтобы взять шест и отшвырнуть его, но Арсен схватил его за ворот и отбросил так далеко, что великан покатился, как колода. Разгневавшись, он встал и вцепился в Арсена. Арсен, уже испытавший силу великана, схватил того за уши, головой ударил о землю и поставил перед собой на колени. Вург, не желая оставаться безучастным, растянул крепкий кожаный пояс великана и связал его руки. Потом его привязали к толстому дереву, а сами сели за еду.

— Начало хорошее, — сказал Арсен, — посмотрим, каким будет конец.

Затем, обратившись к великану, сказал:

— Мы приехали к вам в гости, и вы так принимаете своих гостей? Хочешь, дадим тебе кусок мяса? На, поешь.

Он приблизил ко рту великана большой кусок мяса.

— А вы так угощаете ваших гостей? — спросил великан. — Развяжите меня и затем уже приглашайте к столу.

— Ну, а потом? Ты даёшь слово, что не убежишь и не позовёшь своих братьев? А даже если дашь слово, кто тебе поверит? Но чтобы ты убедился, что мы не плохие люди, посмотри на этот меч, одним ударом я мог бы снести тебе голову, но я дарю тебе жизнь,

потому что этого желает мой господин, он не дал приказа проливать кровь.

В это время они заметили, что идёт ещё один великан. Когда тот увидел своего брата привязанным к дереву, его охватил страх, но он был разгневан больше первого и, не спрашивая ни о чём, сразу же набросился на юношей. Арсен вышел вперёд, схватил и его за уши, поставил на колени и сказал:

— Сначала поклонись нам, мы не простые земные люди, а ваши ангелы смерти.

При этих словах великан стал дрожать подобно зайцу, угодившему в лапы охотничьей собаки. Этого ещё легче было привязать к дереву, рядом с братом.

Затем пришли третий, четвёртый — все семеро.

— Где ваши другие братья? — вскричал Арсен. — Пусть придут к вам на помощь.

— У нас больше нет братьев, — сказал самый старший, — нас всего семеро.

— Очень хорошо, — сказал Арсен, — какой вы нам дадите выкуп, чтобы мы освободили вас? Вы же видите, что ваша жизнь в наших руках и одного удара достаточно, чтобы снести вам головы.

И Арсен поднял над их головами свой сверкающий меч...

В это время до слуха Арсена донёлся голос:

— О, пожалейте, пожалейте моих братьев, это не вы победили их, а судьба.

Арсен оглянулся и увидел, что к ним идёт девушка с белым покрывалом на лице.

— Мне до неё нет дела, — сказал Арсен Вургу, — это твоя доля. Делай, что хочешь.

— О небо, помоги мне! — воскликнул Вург и с букетом в руках подошёл к девушке и, преклонив колени, сказал:

— О моя Антес-Аннман, возьми у меня этот букет, вместе с ним я отдаю тебе своё сердце и душу.

— Я приму этот дар, потому что вручает мне его Вург.

— Откуда ты знаешь моё имя, о моя любимая?

— Мне сообщили его птицы небесные, — ответила девушка и, откинув покрывало с лица, сказала:

— А вот мой дар тебе.

Видя красоту Аннман, Вург с трепетом в сердце едва смог обнять её и поцеловать, но и девушка лишилась сил, и оба упали без чувств.

— Мой брат вкусил сладость единственного счастливого мгновения человеческой жизни. Даже если после этого нас убьют, не беда, — сказал Арсен и со слезами радости на глазах подошёл к привязанным великанам и освободил их.

Великаны также были глубоко взволнованы, тем более, что они были уже подготовлены сном своей сестры. Один из них побежал домой, чтобы подготовиться к приёму гостей, другие окружили Арсена и, восхваляя его мужество, направились к дому.

А Вург и Аннман шли позади всех, часто останавливались, любуясь и восхищаясь друг другом и рассказывая о своих сновидениях.

Три дня великаны не отпускали наших храбрецов, каждый день устраивали новое весёлое празднество. Через три дня проводили их с большими дарами и приданым.

Когда они вернулись домой, царь устроил пышное пиршество, отпраздновали две свадьбы одновременно: Вурга с Антес-Аннман, и Арсена с Астхик. Во время этой свадьбы, как и на каждой свадьбе в сказке, также упало три яблока прямо с неба, но на этот раз яблоки предназначались не для тех, кто рассказывал и слушал. Одно было для веры и храбрости, второе — для надежды и добродетели, третье — для любви и силы.

АЗАРАН-БЛБУЛ

(Арабская сказка)

— О достолавный и досточтимый царь, — рассказывает царица Шехерезада своему мужу царю Шахриару, — до моего слуха дошло, что в древние времена, в давно прошедшие дни в Персии жил царь по имени Хосров-шах, которого всевышний одарил могуществом, молодостью и красотой и вселил в его сердце столь сильную любовь к справедливости, что во время его царствования даже козы и тигры жили в мире и пили рядом воду из одного ручья.

Этот царь, который хотел знать обо всём, что происходило в его столице, имел привычку прогуливаться ночью по городу в одежде чужеземца со своим визирем или с кем-нибудь из придворных.

И вот однажды ночью в том квартале города, где обитали бедняки, на одной из окраинных узких улиц он услышал молодые голоса. Вместе со своим спутником он подошёл к жилищу, откуда доносились голоса, и прильнул к щели в двери. Он увидел трёх девушек. Они сидели на циновке вокруг лампы и беседовали. Девушки были похожи друг на друга, как сёстры, и все были красивы. Но младшая своей красотой намного превосходила старших.

Старшая сказала:

— Я бы хотела быть женой царского кондитера, пекущего гату. Ведь вы знаете, что я очень люблю сладкие печенья, особенно те изумительные нежные пирожки с начинкой, которые называются «султанскими». Лишь кондитер султана может так прекрасно печь. Ах, сёстры, вот когда вы будете мне завидовать! Ведь я буду полнеть и хорошеть, и цвет моего лица станет нежнее и свежее.

Средняя сестра сказала:

— Я не очень тщеславна. Я бы хотела стать женой царского повара. Ах, если бы вы знали, как я хочу этого! Вот когда я буду иметь возможность отведать все те вкусные кушанья, которые едят лишь в палатах султана. Там подают печёные баклажаны, начинённые рисом и всякими специями. Когда я вижу, как несут полные подносы этих баклажан, сердце моё сжимается. С каким аппетитом я поела бы их! Конечно, я не забуду вас и часто буду приглашать в гости, если мой муж-повар разрешит, но он едва ли позволит делать это.

Высказав свои желания, старшая и средняя сёстры обратились к младшей, которая сидела молча, и с насмешкой спросили:

— Ну, а ты, красавица, чего ты хочешь? Не беспокойся, когда мы выйдем замуж за наших избранников, обещаем подобрать тебе мужа среди конюхов султана, или его слуг, чтобы ты жила неподалёку от нас. Но ты скажи сама, за кого хочешь выйти замуж. Посмотрим, что у тебя на уме.

Младшая сестра, стыдливо потупившись, дрожащим и нежным голосом, подобным журчанью ручейка, смогла лишь произнести: «О, сестрицы!». Сёстры, насмехаясь над её застенчивостью, забросали её вопросами и шутками и, наконец, принудили высказать своё желание. Та, не поднимая глаз, сказала:

— О мои сестрицы. Я бы желала стать женой нашего государя-султана. Я родила бы ему славных детей. Рождённые в нашем браке сыновья были бы достойны своего отца. А дочь, которую я хотела бы иметь, была бы подобна улыбке неба, часть её волос была бы золотой, другая — серебряной, каждая капля её слез превращалась бы в жемчуг, её смех звенел бы как золотые монеты, а её улыбка расцветала бы на губах, подобно бутону роз.

Султан Хосров-шах и его спутник, не желая, чтобы их заметили, перестали слушать и удалились.

Хосров-шаха очень заинтересовало всё, что он услышал, и ему захотелось исполнить желания девушек. Не говоря о своём намерении визирю, он приказал ему хорошо запомнить дом сестёр, чтобы на следующий день привести их во дворец. Визирь ответил, что он исполнит волю султана, и на следующий день привёл сестёр во дворец.

Сидя на троне, султан кивнул головой и сказал:

— Подойдите.

Они подошли, дрожа всем телом и стесняясь своей нищенской одежды, а султан сказал им, благодушно улыбаясь:

— Приветствую вас, о юные девушки! Сегодня счастье улыбнулось вам, ваши желания исполнятся, а каковы ваши желания, мне уже известно, потому что цари знают всё. Прежде всего исполнится желание самой старшей из вас: сегодня же ты станешь женой моего старшего кондитера. А ты, средняя, выйдешь замуж за моего старшего повара.

Сказав это, царь умолк, а потом повернулся к младшей сестре, сердце которой от страшного волнения, казалось, сейчас выскочит. Султан встал и, взяв её за руку, посадил рядом с собой и сказал:

— Ты царица, этот дворец — твой, а я твой муж.

Свадьба трёх сестёр состоялась в тот же день: свадьба царицы отличалась неслыханной роскошью, а у сестёр она была обычной, как у простых людей. Поэтому старшие стали ужасно завидовать младшей и замыслили навлечь на неё беду. Но они тщательно скрывали своё злое намерение и с притворной благодарностью принимали благодеяния сестры. Вместо того, чтобы удовлетвориться выпавшим им счастьем, они испытывали адские муки от зависти и ненависти к своей сестре.

Так прошло девять месяцев. В конце девятого месяца царица родила сына, красивого, как молодой месяц. Старшие сёстры по просьбе султана присутствовали при родах царицы, выполняя роль повитух. Они не испытали никакого сострадания к сестре, не тронула их и красота её сына, они решили погубить молодую мать. Они сразу же взяли новорождённого, бросили в корзину и спрятали, а вместо него положили дохлого щенка и, показав всем придворным женщинам, убедили их в том, что жена султана родила щенка. Когда эта весть дошла до слуха Хосров-шаха, взор его помрачнел, он впал в глубокую тоску, заперся в своей комнате, отошёл от государственных дел. Он чувствовал себя униженным, его сердце было разбито.

Что касается новорождённого, то тётушки бросили его в закрытой корзине в канал, протекавший недалеко от дворца. К счастью, в это время вдоль канала проходил управляющий садами Хосров-шаха и увидел качающуюся на воде корзину. Длинным шестом притянул он корзину, открыл её и, увидев красивого мальчика, удивился так же, как удивилась дочь фараона, обнаружив Моисея в тростниковых зарослях.

Управляющий садами был давно женат, и очень хотел иметь детей — и не одного, а двух, трёх. Но его желание, как и желание жены, не исполнялось. Они очень печалились из-за своей бездетности и одиночества. И поэтому, когда управляющий нашёл мальчика необычайной красоты, он несказанно обрадовался, взял корзину и побежал домой. Войдя в комнату жены, он взволнованно сказал:

— Мир тебе, о, жена моя, пусть этот ребёнок будет нам сыном, подаренным судьбой. — И он рассказал жене, как нашёл корзину.

Так они взяли мальчика и полюбили его как родного.

На следующий год бедная его мать, которую так безжалостно обманули и лишили ребёнка, родила второго сына, прекраснее первого.

Но старшие сёстры с лицемерным сочувствием, а на самом деле с лютой ненавистью, как и в первый раз, не пощадили новорождённого и, положив в корзину, бросили в канал. А всем придворным показали котёнка и уверили, что его родила султанша. И все очень уди-

вились и опечалились. А царь, опозоренный, несомненно предался бы яростному гневу, если бы он не верил в торжество справедливости. Сердце султанши было преисполнено горечи и отчаяния.

А что касается младенца, то хранитель счастья детей и на этот раз внушил управляющему садами, чтобы он, гуляя вдоль канала, опять заметил корзину. Как и в первый раз, управляющий спас мальчика и отнёс к жене, которая полюбила его как родного, и стала нежно заботиться о нём так же, как и о первом.

Жена султана родила третьего ребёнка. Её сестры, ненависть которых не унималась, и новорождённую девочку также бросили в воду. Но и её приютил управляющий садами, вырастил и воспитал вместе с её братьями.

Однако на этот раз, когда сёстры вместо новорождённой положили слепую мышь, султан, несмотря на свою добросердечность, не смог сдержать гнева и вскричал:

— Бог проклял мой род из-за этой женщины. Поистине она чудовище. Только смерть может освободить моё жилище от неё.

И он осудил султаншу на смерть. Приказал своему оруженосцу исполнить повеление. Но когда увидел слёзы и безграничную скорбь женщины, которую в глубине сердца любил, сжалился и, отвернувшись, велел запереть её в одной из отдалённых комнат дворца, где она должна была провести остаток жизни. И с этого дня он больше её и не видел. Бедная женщина, погружённая в скорбь, испытала всю горечь земной жизни.

А сёстры очень обрадовались тому, что произошло, их злоба была удовлетворена, и с этого дня они со спокойным сердцем стали есть изготавливаемые их мужьями вкусные печенья и кушанья.

А дни и годы текли с одинаковой быстротой как для правых, так и для виноватых, принося каждому, что было ему суждено.

Дети, которых усыновил управляющий шаха, выросли и поражали всех своей благовоспитанностью и красотой.

И звали одного из сыновей Фаридом, другого Фарузом, а девочку — Фаризадой.

Фаризада поистине была улыбкой неба. Часть её волос была из серебра, другая — из золота. Когда она плакала, упавшие на землю капли слёз превращались в жемчужины, когда она смеялась, то смех её был подобен звону золотых динаров.

Вот почему отец, мать, братья и все, кто её знал, называя её по имени, добавляли, «улыбающаяся, как роза».

Все удивлялись её красоте, уму, кротости, ловкости, её умению во время охоты держаться на коне, натягивать лук, метко бросать стрелы. Она восхищала своим вежливым общением, знанием разных наук.

Так росли дети управляющего царскими садами, а сам он, окружённый любовью и уважением, радуясь красоте своих приёмных детей, дожил до глубокой старости. Жена его, прожив отведённые ей судьбой годы, умерла раньше него. Её смерть причинила всем членам семьи такую печаль и боль, что они не захотели больше оставаться в доме, где покойная для каждого из них была источником добра, мира и счастья. Управляющий пошёл к султану и на коленях просил освободить его от должности, которую он занимал много лет. Султан огорчился, что должен расстаться со своим верным слугой, и с сожалением исполнил его просьбу. Освобождая его, он подарил ему прекрасное поместье недалеко от города с обширными полями, лесами, пастбищами, с роскошно обставленным дворцом, окружённым садами и рощей, где обитали всевозможные птицы, домашние и дикие животные.

Вот в это поместье и переселился добрый старик со своими названными детьми. Здесь же он и умер, окружённый их любовью и заботой. Ни одного родного отца не оплакивали так, как оплакивали старика его приёмные дети. И он унёс с собой тайну рождения этих детей, которая и ему была не известна.

В этом замечательном поместье продолжали жить юноши со своей младшей сестрой. И так как их воспитали в мудрой простоте и скромности, они были довольны своим положением и ничего не желали, кроме жизни в мире и любви.

Фарид и Фаруз часто уходили на охоту в леса и поля в окрестностях своего имения. А «улыбающаяся, как роза» Фаризада больше всего любила гулять по саду. И вот однажды, когда она готовилась пойти на прогулку, служанки ей сообщили, что какая-то старуха с печатью благости на лице просит, чтобы ей разрешили отдохнуть в тени этих прекрасных садов. Фаризада, сердце которой было исполнено отзывчивости, пожелала лично принять незнакомую старуху. Любезно угостила её, накормила, напоила и поднесла ей фаянсовое блюдо с отборными плодами, печеньем, сухими фруктами и сладостями. Затем, поддерживая старуху под руку, повела гулять по саду, послушать её мудрые речи. Когда дошли до самого пышного дерева, Фаризада усадила гостью в его тени. Слово за слово, и вот Фаризада спросила старуху — нравятся ли ей эти места?

После долгих раздумий старуха подняла голову и ответила:

— Да, госпожа моя, я всю свою жизнь бродила по странам аллаха и никогда мне не случилось отдыхать в столь чудесном месте. Но, моя госпожа, подобно тому, как ты единственная красавица на свете и равной тебе нет нигде, подобно тому, как солнце и луна — единственные светила на небе, есть три диковины на свете, и нет нигде ничего им подобного. И я бы желала, чтобы они были в этом прекрасном саду.

Фаризада очень удивилась, что в их саду недостаёт каких-то трёх диковинок, и сказала старухе:

— Будь милостива, добрая моя матушка, скорее скажи мне, чтобы я знала, что это за три бесподобные и неизвестные мне диковины.

Старуха ответила:

— О, моя госпожа, чем я могу отблагодарить твоё доброе сердце за радушие ко мне — бродячей старухе, если не тем, чтобы сказать тебе о них.

И после недолгого молчания старуха начала говорить:

— Так знай же, моя госпожа, что если бы первая диковинка была в этом саду, все птицы собрались бы сюда, чтобы видеть её и петь вместе с ней. Потому что все певчие птицы — соловьи, канарейки, жаворонки, горлицы и щеглы, и все бесчисленные пернатые мира признают её красоту и превосходство над ними. Это, о моя госпожа, Азаран-Блбул — Говорящая Птица.

— Если бы вторая диковина, о моя госпожа, была в этом саду, то ветер, заставляющий деревья петь, замер бы, чтобы слушать её, в домах замолкли бы струны тара, лиры и скрипки. И это потому, что и ветер, заставляющий деревья петь, и тар, и лира, и скрипка, о моя госпожа, признают её совершенство и красоту. Это Поющее Дерево. Ни зефир, нежно шелестящий листьями, ни лиры не способны издавать такие сладостные звуки, которые льются из уст тысяч невидимых листьев.

— А если бы третья диковинка, о госпожа моя, была в этом саду, все воды замерли бы, умолкли, чтобы смотреть на неё. И это потому, что все воды океанов и морей, родники, ручьи, реки, арыки, как в городах, так и в сёлах, признают её бесподобную красоту. Это — Златоструйная Вода.

Да, о моя госпожа, если одну каплю этой воды бросить в пустой бассейн, она вспенится, вздыбится, забьёт золотым снопом и не перестанет струиться и брызгать и никогда не перельётся через край бассейна. Струя будет неустанно взлетать и разбрызгивать свои золотые капли.

Этой золотой водой, прозрачной, как топаз, любит утолять свою жажду Азаран-Блбул, Говорящая Птица. Этой же золотой водой любят утолять свою жажду тысячи невидимых уст дерева.

Сказав всё это, старуха добавила:

— О моя госпожа, о моя царица, если бы все эти чудеса находились в твоём саду, как бы восхвалялась твоя несравненная красота, как далеко бы разнеслась слава о ней, о моя прекрасная госпожа, «улыбающаяся, как роза».

Фаризада, услышав рассказ старухи, воскликнула:

— О благословенная моя матушка, как прекрасно всё рассказанное тобой. Но ты не сказала мне, где находятся эти чудесные предметы.

— О моя госпожа, эти чудеса, которые достойны твоего взора, находятся в одном и том же месте на границе Индии. А дорога, ведущая туда, проходит за твоим поместьем. Если будешь посылать кого за ними, скажешь, чтобы он двадцать дней шёл по этой дороге, а на двадцать первый день пусть спросит первого встречного, где находятся Говорящая Птица, Поющее Дерево и Златоструйная Вода. Этот человек обязательно укажет ему их место.

Сказав это, старуха закуталась в чадру и удалилась, продолжая бормотать благословения. Она была уже далеко, когда Фаризада очнулась от глубоких раздумий, в которые её ввергла старуха своим рассказом. Она хотела вернуть её, догнать, чтобы узнать подробности об этих удивительных диковинках, спросить, каким образом можно их приобрести, но видя, что ту уже не догнать, стала вспоминать каждое слово старухи, чтобы сохранить в памяти. А в душе её стало расти желание овладеть этими чудесами, и как ни старалась не думать об этом, ей это не удавалось. Она беспрестанно повторяла: «Хоть бы один раз увидеть их!»

И стала она бродить по любимым уголкам и аллеям своего сада. Но эти места уже утратили в её глазах привлекательность, наскучили ей. А пение птиц, которым встречали певуньи свою госпожу, ещё более усиливало её душевную тоску.

И ясноликая Фаризада загрустила и стала плакать, и каждая слезинка остывала и превращалась в жемчужное зерно.

Наконец братья Фаризады вернулись с охоты и, не найдя её в жасминной беседке, где она обычно дожидалась их, огорчились её невниманием и стали искать сестру в саду. И когда они увидели её слёзы-жемчужины на песке, то сказали друг другу:

— Ах, как должно быть опечалена наша сестра, если пролила столько слёз? Но что явилось тому причиной?

И они пошли по следам сестры и нашли её в глубине сада всю в слезах. Они подбежали к ней, приласкали, желая развеселить её.

И сказали ей:

— О, Фаризада, любимая наша сестра, где розы твоей улыбки и золото твоего смеха? Ответь нам, сестра.

— Ах, мои братья!.. — только и воскликнула Фаризада и умолкла. Ей стало неловко продолжать. Впервые она должна была просить о чём-то братьев, ей было трудно высказать свою просьбу, но они настаивали:

— О наша любимая сестра, что так взволновало твою душу? Поведай нам своё горе, если не сомневаешься в нашей любви к тебе.

Фаризада решила наконец открыть им своё сердце и сказать всё:

— Ах, братья мои, я больше не люблю мой сад...

И начала плакать, и посыпались из её глаз жемчужины. Братья слушали молча, огорчённые, а она продолжала:

— Увы, я перестала любить мой сад, потому что нет в нём Говорящей Птицы — Азаран-Блбула, нет Поющего Дерева и нет Златоструйной Воды.

И не переводя дыхания она поведала братьям о доброй старухе и её рассказе.

Братья очень удивились тому, что услышали из уст сестры, и сказали ей:

— Дорогая сестра, успокойся и не плачь. Мы все эти чудеса добудем для тебя, даже если они будут находиться на недоступной вершине горы Каф. Но ты скажи, в какой стороне надо их искать?

И Фаризада, зардевшаяся оттого, что высказала свою первую просьбу, объяснила им подробно, где находятся эти диковины, и прибавила:

— Вот всё, что я знаю, больше ничего мне не известно.

И оба брата воскликнули в один голос:

— Сестра, мы отправляемся на поиски!

И сестра в страхе воскликнула:

— Нет, нет, не надо ехать.

Фарид — старший из братьев — сказал:

— Дорогая сестра, твоё желание для нас дороже всего на свете. Я старший, и я первый обязан взять на себя эту заботу. Мой конь ещё не рассёдлан, он довезёт меня до границы Индии, где находятся названные тобой три чуда. И я привезу их.

И обращаясь к Фарузу, Фарид сказал:

— А ты, дорогой брат, останешься с нашей сестрой, чтоб заботиться о ней.

Сказав это, он вскочил на коня, наклонившись, поцеловал брата и сестру, которая со слезами на глазах просила:

— Не уезжай, сойди с коня. Я не хочу видеть ни Говорящую Птицу, ни Поющее Дерево, ни Златоструйную Воду, лишь бы не расставаться с тобой, не тосковать по тебе.

Но Фарид ещё раз поцеловал её и сказал:

— Дорогая сестра, не тревожься, моё отсутствие продлится недолго, и с божьей помощью со мной не случится никакого несчастья. Но, чтобы ты не мучила себя тревогой, я дам тебе мой нож.

И он снял с пояса нож, рукоятка которого была украшена жемчужинами, упавшими из глаз сестры, когда она заплакала в первый раз, отдал ей и сказал:

— Этот нож подаст тебе весть обо мне. Время от времени доставай из ножен и смотри на лезвие. Если лезвие будет чистым, как сейчас, это значит, что я жив-здоров, если же оно потемнеет, знай, что со мной случилась какая-то беда, а если с него начнёт капать кровь, то можешь поверить, что меня нет в живых.

Сказав и, не желая больше ничего слышать, погнал коня во всю мочь по дороге, ведущей в Индию.

Он ехал двадцать дней и двадцать ночей по пустынным местам. На двадцатый день своего путешествия доехал до подножия горы, где были богатые пастбища и росло единственное дерево. Под деревом сидел престарелый монах. Лицо его было скрыто под длинными волосами и бородой. Борода была длинная и белая, как новочёсаная шерсть. Ноги и руки были чрезмерно худы. Ногти ног и рук очень длинные. Старец этот, несомненно, был отшельником, удалившимся из мира кто знает сколько времени тому назад.

И так как это был первый встретившийся ему человек после двадцати дней пути, Фарид спустился с коня и, держа его под уздцы, подошёл к отшельнику:

— Приветствую тебя, о святой человек, — сказал он.

Старик, видно, тоже ответил приветствием, но его голос звучал из-под густых усов и бороды так глухо, что Фарид ничего не разобрал.

Тогда Фарид стал думать: «Что мне делать, чтобы понять его речь? Ведь я должен продолжать своё путешествие согласно его совету». Он вытащил из котомки ножницы и, подойдя к отшельнику, сказал:

— О, достопочтенный, разреши мне немного позаботиться о тебе, поскольку ты погружён в святые мысли и нет у тебя времени заняться собой.

Видя, что старик не возражает, Фарид стал приводить в порядок его бороду, усы, брови, ногти. И словно омолодил старика лет на двадцать.

Старик почувствовал облегчение, на лице его появилась улыбка. Затем он заговорил голосом более чистым и звучным, чем голос ребёнка:

— Да снизойдёт на тебя благословение, сын мой, за твоё благодеяние, что ты оказал дряхлому старику. Кто бы ты ни был, о добродетельный путник, я готов помочь тебе своим опытом и советом.

Фарид поспешил ответить:

— Я приехал из далёких краёв на поиски Говорящей Птицы, Поющего Дерева и Златоструйной Воды. Можешь ли ты сказать, где я могу их найти, или что ты знаешь о них?

При этих словах старик от волнения уронил чётки и ничего не ответил.

Фарид спросил:

— Добрый человек, почему ты молчишь? Я спешу, конь мой взмылен, может простыть.

Отшельник наконец заговорил:

— Конечно, сын мой, я знаю, где находятся чудеса, которые ты ищешь, знаю и дорогу к ним. Но как я могу, сынок, после твоего доброго отношения ко мне позволить, чтобы ты подвергал себя страшным опасностям? Будет гораздо лучше, сынок, если ты поспешишь вернуться обратно в свою страну. Многие храбрецы пошли по этой дороге, и никто из них не вернулся.

Эти слова не привели Фариду в отчаяние, и он сказал:

— Добрый человек, ты только укажи мне путь, по которому я должен пойти, об остальном не беспокойся. Бог дал мне руки, которые смогут защитить меня.

Старик спросил юношу:

— Как могут твои руки освободить тебя от Невидимого, которое не схватить никакими руками, а само оно имеет сто раз по сто ловких, цепких рук.

Покачав головой, Фарид ответил:

— Достопочтенный отец, моя судьба неотделима от меня. Если я убегу от неё, она следует за мной, как моя тень. Поэтому дай мне совет, ведь тебе многое известно. Этим ты окажешь мне большую услугу и сделаешь доброе дело.

Видя, что юноша не отступится от своего намерения, старик опустил свою руку в мешочек и достал гранитный мячик. Отдав этот мяч Фариду, он сказал:

— Вот этот мяч поведёт тебя туда, куда ты хочешь. Оседлай коня, брось мяч. Он покажется впереди, гони коня за ним. И там, где мяч остановится, спустись с коня, привяжи узду к мячу, чтобы мяч не двигался до твоего возвращения. А сам поднимись на гору, там ты увидишь вокруг крупные чёрные камни и услышишь звуки. Эти звуки издают не вода, не ветры, это человеческие голоса. Они будут выкрикивать такие слова, от которых кровь стынет в жилах. Ты не должен обращать внимания, не должен слышать эти голоса. Но если ты испугаешься и оглянешься, станешь одним из тех чёрных камней, которых полно по дороге. А если сможешь не услышать их и поднимешься на вершину горы, там увидишь клетку, а в ней Говорящую Птицу. И скажешь ей: «Приветствую тебя, о Азаран-Блбул. Где Поющее Дерево, где Златоструйная Вода?» Говорящая Птица ответит тебе...

Сказав всё это, старик глубоко вздохнул и умолк.

Выслушав советы старца, Фарид вскочил на коня, со всей силой бросил гранитный мяч и погнал коня за ним. Красный мяч катился, подпрыгивая, не останавливаясь ни перед кочкой, ни перед ухабом. Конь Фариды — конь-молния — едва поспевал за мячом. Мяч и конь неслись так стремительно, пока не достигли первой скалы. Здесь мяч остановился.

Фарид слез с коня и, как сказал старик, привязал узду к мячу. Конь стал, как пригвождённый к месту, а Фарид начал подниматься в гору. Сначала он ничего не видел, но чем выше он поднимался, тем больше встречалось ему чёрных камней. Фарид не знал, что это

были некогда такие же юноши, как он, и их превратила в камни невидимая сила. Проходя мимо этих камней, он вдруг слышал такие крики, которых не слышал никогда в жизни. После первого завывания с одной и с другой стороны слышались страшные нечеловеческие вопли.

Эти стенания, как говорил старик, не походили ни на завывания ветра в пустыне, ни на шум низвергающихся в пропасть водопадов, ни на грохот несущихся с горных вершин потоков. Эти голоса доносились неведомо откуда. Отовсюду слышалось: «Чего ты хочешь?», «Держите его!», «Убейте его!», «Бросьте в пропасть!», «Ох, ох, ах, ах»... Голоса эти насмеялись над ним, а порой и ласково зазывали: «Красивый юноша, иди к нам, иди к нам»...

Но Фарид, не обращая внимания на эти крики, продолжал подниматься вверх. А шум всё усиливался, становился устрашающим. Иногда лица его касалось дыхание тех, кто кричал, они вопили слева, справа, спереди, сзади, и столь ужасающими, настойчивыми и угрожающими были их вопли, что Фарид дрожал помимо своей воли. Вдруг от внезапного и сильного вскрика, забыв наказ старика, он оглянулся. В то же мгновение поднялся кошмарный вой, а затем воцарилось глубокое молчание. Царевич Фарид превратился в чёрный базальтовый утес. А конь его у подножия горы — в бесформенную глыбу. Красный гранитный мяч, покотившись вниз, вновь вернулся к старику.

В день, когда с Фаридом случилась беда, Фаризада по привычке достала нож брата, который всегда носила у себя на поясе, и увидела, что блестящее ещё вчера лезвие потускнело и заржавело. И стала она стенать, кричать:

— Ах, любимый мой брат, где ты сейчас, что с тобой случилось? Горе мне, почему я отпустила тебя? О, как я несчастна и отныне презренна в своих же глазах!

На плач и причитания сестры прибежал второй брат — Фаруз, и стал утешать и обнадеживать её. Затем сказал:

— Сестричка, от судьбы не убежишь. То, что случилось с Фаридом, должно было случиться, где бы он ни был. Сейчас я должен ехать брату на помощь, я постараюсь привезти диковинки, которые ты желаешь иметь.

Фаризада стала умолять его:

— Нет, нет, не уезжай, если едешь за тем, чего желает моя презренная душа. Я ничего не хочу. Дорогой брат, если с тобой случится беда, я умру от горя.

Но плач и мольбы сестры не остановили Фаруза. Он оседлал коня. Прощаясь с сестрой, он отдал ей ожерелье из жемчужин. Это были жемчужины из слёз Фаризады, пролитых ею в детстве. Отдав ожерелье, он сказал:

— Когда эти жемчужины окаменеют и перестанут позвякивать, значит, моё тело также окаменело.

Фаризада, очень печальная, обняв брата, сказала:

— Дорогой мой брат, пусть бог хранит тебя от зла и беды! И да поможет он, чтобы ты вернулся вместе с нашим старшим братом.

Фаруз отправился по той же дороге, что и брат, и на двадцатый день доехал до отшельника, который сидел под деревом в той же позе, в какой видел его Фарид.

После обычного приветствия Фаруз сообщил о беде, случившейся с братом, и о цели своего приезда. Старик и его стал уговаривать отступить от своего намерения, но видя, что его нельзя убедить, отдал ему гранитный мяч, который привёл его к подножию зловещей горы. Здесь он оставил коня привязанным к мячу, а сам начал подниматься вверх по горе.

Идя той же дорогой, которой шёл его брат, Фаруз слышал те же вопли, но держался стойко. Однако на полпути он вдруг услышал: «Брат мой дорогой, не беги от меня». Этот голос обманул Фаруза. Думая, что его зовёт Фарид, он оглянулся и тотчас же превратился в такой же базальтовый утёс, как и его брат. Конь также окаменел, а мяч покотился назад и принёс эту весть старику.

Фаризада ни днём, ни ночью не выпускала из рук ожерелье, которое оставил ей брат. И вдруг она увидела, что жемчужины больше не двигаются, они слиплись и не отрываются друг от друга.

— О, бедные мои братья, вы стали жертвой моей глупой прихоти. Я найду вас и разделю с вами вашу судьбу.

И подавив в себе слабость, она надела одежду всадника, доспехи и отправилась по пути своих братьев, пока не доехала до знакомого нам старика.

Почтительно приветствовав старика, она спросила:

— О святой человек, отец мой, не встречались ли тебе два молодых всадника, которые шли искать Говорящую Птицу, Поющее Дерево и Златоструйную Воду?

Старик ответил:

— О моя госпожа, о ясноликая Фаризада, я видел их, дал им советы. Но, увы, их, как и до этого многих других, остановил в пути Невидимый.

Услышав, что святой старик называет её по имени, Фаризада очень смутилась, а старик продолжил:

— О прекрасная девушка, тебя не обманул тот, кто рассказал о трёх диковинах, в погоне за которыми сложили свои головы многие царевичи и княжичи, но он умолчал об опасностях, которым подвергаются те, кто ищет эти три чуда.

И старец рассказал, какие её подстерегают опасности, если она хочет найти своих братьев и три чуда. И Фаризада сказала:

— О святой отец, от твоих слов душу мою охватывает страх, она в смятении. Но как я могу отступить, если дело касается спасения моих родных братьев. О святой отец, услышь мольбы любящей сестры и укажи способ спасения братьев от колдовских чар.

Старик ответил:

— О Фаризада, дочь царя, вот тебе гранитный мяч, который поведёт тебя по их следу. Но освободить их ты сможешь лишь тогда, когда овладеешь тремя диковинами. И так как ты подвергаешь свою жизнь опасности только ради спасения своих братьев, а не затем, чтобы овладеть невозможным, то это невозможное может стать твоим пленником. Знай, о дочь царя, что ни одно человеческое существо не может противостоять воплям Невидимого. Поэтому, чтобы победить его, надо вооружиться силой, находчивостью и ловкостью, напрячь свой ум. Такая сила может одолеть Невидимого.

Сказав всё это, старик отдал Фаризаде гранитный мячик. Затем достал из-за пазухи немного шерсти и сказал:

— Этим клочком шерсти ты, Фаризада, одолеешь силы Невидимого. — Затем добавил:

— Приблизь ко мне голову, о Фаризада.

И она склонила свою голову с волосами наполовину золотыми, а наполовину серебряными. Старик сказал:

— Пусть дочь человека этим клочком шерсти победит все летающие в воздухе злые силы и все козни Невидимого.

Разделив шерсть на две части, он заткнул оба уха Фаризады. Сделал знак рукой, чтобы она шла. Фаризада отошла от старика, уверенно бросила мяч и поскакала за ним вслед.

Когда она дошла до утёсов у подножия горы, привязала коня к мячу и стала подниматься вверх, голоса уже вопили, но эти страшные завывания отдавались в её ушах едва слышным шёпотом или далёким жужжанием пчёл и потому не могли внушить страха.

Вот почему, опустив голову, Фаризада со спокойным сердцем продолжала подниматься по каменистым скалам, покрытым колючками, хотя была нежного сложения и привыкла ступать лишь по мягкому, мелкому песку аллей сада. Не ослабев и не утомившись, она дошла до вершины горы, где перед ней открылось обширное плоскогорье. Там, в центре его, она увидела подвешенную к золотому столбу золотую клетку. В этой клетке сидела

Говорящая Птица.

Фаризада от радости словно обрела крылья, подбежала к клетке и, схватив её за колечко, воскликнула:

— Птица, птица, вот я и поймала тебя, ты моя, уже не вырвешься из моих рук!

Больше не нужна была шерсть в ушах, Фаризада достала её и отшвырнула. Умолкли все устрашающие звуки, и настала очередь Говорящей Птицы.

И заговорил Азаран-Блбул, но это были не просто слова, а дивные сладкозвучные мелодии:

— Дева-роза, говори,
говори, Фаризада.
По тебе я тосковал,
ты пришла, и ожил я.

Не спасись мне от тебя...
Ах, послушайте меня,
звёзды, солнце и луна,
свет очей, Фаризада!
О себе не знаешь ты —
Я храню твои мечты.

Знаю я,
только я,
слишком,
слишком
знаю я
о тебе, душа моя.

Ах, алмазная луна,
золотое солнце, ах,
день и ночь,
ночь и день,
вы послушайте меня...

Так пела Говорящая Птица. И Фаризада настолько была очарована ею, что совершенно забыла о пережитых страданиях и, обращаясь к птице, сказала:

— О, Азаран-Блбул, о небесное чудо, значит, отныне ты моя, ты обещаешь мне это?

— Вас в свидетели беру,
горные вершины,
ровные долины,
мрачные теснины,
рощи и стремнины.

Ах, какие брови,
сумрачной ночей,
ах, какие очи,
ясных звёзд светлей.

Фаризада сказала:

— Очень хорошо, я верю тебе. А теперь скажи мне, где Поющее Дерево?

Азаран-Блбул песней сообщил, что Поющее Дерево уже виднеется на склоне горы. Фаризада посмотрела в ту сторону и увидела дерево такой исполинской величины, что под ним могла бы разместиться целая армия. И она сказала себе: «Неужели можно это огромное дерево вырвать с корнем и пересадить в мой сад?». Блбул понял сомнения Фаризады и сказал ей:

— Пересаживать всё дерево нет надобности, достаточно срезать маленькую веточку, посадить в твоём саду, и она превратится в такое же исполинское дерево.

Фаризада подошла к дереву и услышала его музыку, его сладкое пение. Ни зефир в садах Персии, ни индийская лютня, ни сирийская арфа, ни египетская скрипка никогда не издавали таких звуков, которые могли бы сравниться с хором тысяч звучащих листьев музыкального дерева. И когда Фаризада пришла в себя от восхищения, которым она была охвачена под впечатлением музыки, она оторвала от Поющего Дерева веточку и, обращаясь к Блбулу, спросила, где Златоструйная Вода.

Говорящая Птица показала на утёс нежно-бирюзового цвета, из-под него вытекал родник, сверкавший цветом расплавленного золота. Он был холодный, освежающий и такой кристальный, как самое чистое зеркало.

И вот, когда Фаризада овладела всеми тремя чудесами, она обратилась к Азаран-Блбулу и сказала:

— Моя птица, у меня есть ещё одна просьба, которую ты должна исполнить, потому что на самом деле я приехала сюда только ради этого. И овладела я тобой именно потому, что только благодаря тебе я могу достигнуть своей цели.

И Блбул ответил:

— Скажи мне, о дочь царя, чего ты желаешь, всё, что в моих силах, я готов исполнить.

Фаризада сказала скорбным голосом:

— Братья мои, благородная птица, братья мои... тебе, наверное, уже известно...

Услышав это, Азаран-Блбул растерялся. Он не имел права вмешиваться в дела, совершаемые Невидимым. Он был его верным подданным и сам зависел от него. Но потом он подумал, что теперь уже не принадлежит Невидимому, что теперь он служит своей новой госпоже, и всё, что в его силах, должен сделать для неё.

— Дева-роза, о, Фаризада,
окропи водой, живой водой,
златострунной влагой окропи
глыбы, что базальта тяжелей.
Это люди, славные юнцы,
несравненной силы храбрецы.
Окропи водой, живой водой...
В каждой капле, капле золотой
бьётся жизнь, как стебель молодой.
Окропи водой, живой водой...
Пусть очнутся от дурного сна,
о, моя царевна, о, весна,
окропи базальт живой водой...
Ах и ах, сто тысяч ах!
Ночь в агатовых лучах...
Звёзды ясные в очах...

Фаризада, держа в одной руке хрустальный кувшин, в другой — золотую клетку и Поющую Ветвь, стала спускаться с горы. И всюду, где встречала чёрный базальтовый камень, обрызгивала его златоструйной водой. Камень сразу же обретал жизнь и превращался в

красивого юношу. От её внимания не ускользнул ни один камень. Так она нашла своих братьев.

Пробудившись от каменного сна, Фарид и Фаруз подошли к сестре и обняли её. И остальные юноши, которые были сыновьями знатных людей, подошли к Фаризаде и поцеловали ей руку, говоря, что отныне они её рабы. И все вместе спустились к подножию горы, где Фаризада оживила и коней. Затем все направились к сидевшему под деревом старику, но старика больше не было, исчезло и дерево.

Здесь Фаризада спросила Блбула, что означает исчезновение старика.

Говорящая Птица ответила:

— Зачем ты хочешь снова видеть старика, о Фаризада? Он научил дочь человека тому, как она должна использовать клочок шерсти, чтобы победить зловещие голоса, ненависть, зло, возмущающие наши души и мешающие нам подняться ввысь. Его назначение состояло в том, чтобы научить людей земли справедливости и потом исчезнуть из мира. И он исчез. Отныне твоя душа будет спасена от зла, делавшего людей несчастными, потому что ты научилась противостоять злу — не слышать его голосов. Ты постигла значение душевного покоя, ведь он является матерью всяческого счастья.

Эти слова изрекла Птица именно в том месте, где некогда выросло дерево старого отшельника. И все были восхищены мудрой речью Говорящей Птицы.

Попутчики Фаризады продолжили свой путь, и постепенно их становилось всё меньше. Каждый, кто достигал границы своей страны, целовал руку Фаризаде, и, попрощавшись, удалялся. На двадцатый день Фаризада и её братья, живые, здоровые, доехали до своего дома, привезя с собой три диковины.

Первым делом Фаризада повесила клетку с Азаран-Блбулом в саду в одной из беседок — самой великолепной, отведённой для приёма знатных почётных гостей. Как только раздался голос Говорящей Птицы, все птицы сада словно замерли от удивления и восхищения и, будто сговорившись, собрались вместе, чтобы приветствовать новоприбывшую чудо-гостью. Среди них находился и здешний соловей, который также назывался блбулом, а из прочих птиц были перепел, жаворонок, скворец и канарейка и ещё те, кто худо-бедно тоже могли петь: голубь, горлица, ворона, сорока и ласточка. Птицы пели разными голосами, но все вместе в лад подпевали громкой песне Азаран-Блбула. Этим птицы как бы выражали свою преданность и покорность Говорящей Птице, и она, вдохновлённая их восхищением, показала всё свое мастерство.

Рядом с беседкой был мраморный бассейн, который служил Фаризаде зеркалом, она видела в нём свое лицо и прекрасные волосы — наполовину золотые, наполовину серебряные. В этот бассейн она налила каплю Златоструйной Воды. Золотая капля стала журчать, набухать и превратилась в сноп, который тысячей струек из золотых капель взлетал высоко вверх и вновь падал в бассейн. Разлетающиеся брызги были так прохладны, что зной и духота, нависшие над садом, спали.

Затем Фаризада посадила в саду маленькую веточку, и та сейчас же пустила корни, вытянулась, превратилась в исполинское дерево. И запело дерево, и с его песнями не могли сравниться ни звуки зефира в садах Персии, ни звуки индийской лютни, ни сирийской арфы, ни египетской скрипки. Чтобы слышны были эти божественные звуки, льющиеся из тысяч уст Дерева, вокруг воцарялась глубокая тишина, умолкали птицы, утихло журчание воды, зефир убирал своё нежное покрывало.

У Фаризады больше не было никаких причин для грусти и тоски. Она стала заниматься своими обычными домашними делами, сидя рядом с Говорящей Птицей, которая развлекала её мудрыми и интересными историями. В остальное время её занимали Поющее Де-

рево и Златоструйная Вода. Братья же днём занимались охотой, а вернувшись домой, проводили весёлые вечера со своей сестрой.

Однажды, когда Фарид и Фаруз ехали по узкому ущелью, где нельзя было сделать шаг ни влево, ни вправо, встретились они лицом к лицу с султаном, который со своими придворными направлялся на охоту. Братья спустились с коней и преклонили колени перед царём, опустив головы до земли. Султан очень удивился, видя в этом лесу юношей, одетых так богато, словно они были из его свиты. Он захотел увидеть их лица и приказал встать. Братья с достоинством поднялись и встали перед ним, выражая глубокое уважение к султану, который в восхищении долго разглядывал их с ног до головы, любовался их стройностью и красотой. Затем спросил, кто они такие и где живут? Сердце его было взволновано и как-то по-особенному тянулось к ним, как к родным.

Братья ответили:

— О царь всех времён, мы сыновья твоего покойного раба, твоего слуги, который управлял царскими садами. Наше жилище, подаренное тобой нашему отцу, находится недалеко отсюда.

Султан одень обрадовался, что познакомился с сыновьями своего верного слуги, но удивился, что до сих пор они не появлялись в его дворце и не вошли в его свиту. И когда он спросил их об этом, они ответили:

— О царь всех времён, прости нас, что мы до сих пор не воспользовались твоим великодушным покровительством. Причина в том, что у нас есть младшая сестра, заботу о которой отец перед смертью завещал нам, и мы не можем расстаться с ней.

Царя очень тронула братская любовь, и он ещё больше обрадовался, что встретил их, и сказал сам себе: «Никогда не думал, что в моём царстве могут быть двое юношей столь красивых во всех отношениях и лишённых тщеславия». И он пожелал посетить их дом и ближе познакомиться с ними. Об этом своём желании султан объявил братьям, которые очень обрадовались. Фарид поскакал вперёд, чтобы предупредить сестру.

Для Фаризады было непривычным принимать столь высокого гостя, и она растерялась и не знала, что делать. Она сразу же решила обратиться к своей советнице Говорящей Птице и сказала ей:

— О, Азаран-Блбул, султан хочет прийти в наш дом. Это большая честь для нас, и мы должны угостить его достойным его величия образом. Научи меня, что мы должны сделать, чтобы он был доволен нами.

Блбул ответил:

— О, моя госпожа, не надо приказывать поварихе готовить разнообразные блюда, потому что сегодня царю может понравиться только одно блюдо. Оно должно быть приготовлено из баклажан, начинённых жемчугом...

Фаризада удивилась и, думая, что птица неправильно её поняла, сказала:

— Птица, что ты говоришь? Как можно начинить баклажаны жемчугом? Это неслыханное блюдо. Если царь оказывает нам честь и желает у нас пообедать, это значит, что он хочет есть, а не глотать жемчужные зёрна. Ты, наверное, хотела сказать «баклажаны, начинённые рисом».

Но Говорящая Птица вскричала:

— Вовсе нет, вовсе нет, начинять надо жемчугом, а не рисом, не рисом, не рисом...

Фаризада, которая во всём верила Говорящей Птице, поручила старой поварихе приготовить баклажаны, начинённые жемчужными зёрнами, которых у них было много...

Между тем уже появился султан в сопровождении Фаруза. Фарид встретил царя у ворот сада и, взяв коня за узду, помог спешиться. А Фаризада по совету Блбула подошла к султану с закрытым лицом и поцеловала ему руку. Султан был восхищён её любезным приёмом и

тем благоуханием свежего жасмина, которое исходило от девушки. Он прослезился, вспомнив, что на старости лет остался бездетным. Затем, благословляя Фаризаду, сказал:

— Тот, кто оставляет после себя потомство, не умирает, а остаётся бессмертным. Ваш отец не умер, он ещё жив, потому что оставил таких детей. Живи долго, дитя моё, а теперь отведи нас к густому дереву, которое защитит нас от жары.

Фаризада и её братья проводили султана к Поющему Дереву у бассейна с Златоструйной Водой, где находилась и беседка с Говорящей Птицей. Здесь и усадили султана. Остановившись на минуту у бассейна и посмотрев на взлетающие вверх брызги студёной златоструйной воды, султан воскликнул:

— Какая чудесная вода, как приятно на неё смотреть!

В ту же минуту он услышал хор голосов Поющего Дерева и был весь захвачен божественной музыкой. Но как только он вошёл в беседку, ему показалось, что весь сад словно онемел. И вот в это время подал голос Азаран-Блбул:

Добро пожаловать, Хосров-шах,
Приветствую, приветствую,
Приветствую твой приход, Хосров-шах,
Приветствую, приветствую!

Как только Говорящая Птица поприветствовала приход султана, все птицы сада откликнулись эхом, повторяя:

Добро пожаловать, добро пожаловать!

Очарованный этими чудесами султан воскликнул:

— Это и есть обитель счастья, здесь человек не заболевает, не постареет и не умрёт. Это и есть земной рай. Я бы отдал всё царство за то, чтобы жить здесь с вами.

Затем он попросил рассказать об этих чудесах. Показывая на Поющее Дерево и Говорящую Птицу, Фаризада сказала:

— О них я расскажу, когда наш царь отдохнёт.

Сказав это, Фаризада пошла за блюдом с баклажанами и подала его царю.

Султан удивился, что ему подали его любимое блюдо. Но он удивился ещё больше, когда заметил, что баклажаны начинены жемчугом. И он сказал Фаризаде:

— Клянусь жизнью, ничего подобного я не видел никогда. Что это за новое блюдо? С каких это пор жемчуг стал заменять рис и фисташки?

И пока все молчали, не зная, что ответить султану, заговорила Говорящая Птица:

— О Хосров-шах, ты удивляешься, что может быть такое блюдо, но почему же ты не удивился, почему поверил тому, что царица Персии может вместо детей родить каких-то животных? Вспомни, о Хосров-шах, те слова, которые ты услышал однажды вечером из уст младшей из трёх сестёр: «О, мои сёстры, когда я стану женой султана, у нас будут славные дети. Сыновья мои во всём будут достойны своего отца, а дочь моя будет улыбкой неба. Её волосы с одной стороны будут золотые, а с другой — серебряные, её слёзы, когда она будет плакать, превратятся в жемчужные зёрна, смех — в звон золотых монет, а улыбка будет схожа с розой».

Султан, слушая слова Блбула, схватился двумя руками за голову и заплакал. Но Блбул вскоре отогнал его скорбь словами:

— О, Фаризада, откинь покрывало, пусть отец увидит твоё лицо...

Как только Фаризада откинула покрывало, её золотые и серебряные волосы рассыпались по плечам. Видя это, султан вскочил с места и громко вскрикнул:

— Это моя дочь, моя дочь!

А Азаран-Блбул воскликнул:

— Да, царь, это твоя дочь, а это — твои сыновья!

И так как ни сестра, ни её братья не знали тайны своего рождения, Азаран-Блбул здесь рассказал всё, чего не знал и сам царь.

Царь и его дети, слушая Говорящую Птицу, оцепенели от потрясения. Когда они очнулись, обняли друг друга, проливая обильные слёзы радости, и царь сказал:

— О мои дети, спешите часом раньше увидеть свою мать.

Но какими словами можно передать радость матери! Отвергнутая мужем, сторбившаяся, увядшая, она жила в отдалённом уголке дворца. Увидев своих детей, она словно воскресла из мёртвых и предстала в новом облиции — помолодевшая и ещё более красивая, чем когда-то.

А её сёстры, узнав всё это, не удостоились справедливой кары — в тот же день они умерли от злости.

И пусть зло останется там, а добро здесь.

1910

Сванес Шуманян

ГЛУПЕЦ

Жил некогда бедняк — сколько ни трудился, сколько ни мучился, а всё прозябал в нужде.

И до того он отчаялся, что однажды решил: пойду, дескать, поищу бога да разузнаю, скоро ли выбьюсь из нужды, а заодно и попрошу чего-нибудь.

Встретился ему по дороге волк.

— Здорово, братец человек, куда путь держишь? — спросил волк.

— Хочу дойти до бога, — ответил бедняк, — горем своим поделиться.

— Ну, коли дойдёшь до него, — говорит волк, — скажи: так, мол, и так, один голодный волк день-деньской рыщет по горам и долам, а поживиться нечем. Спроси, доколе ему сносить голод — раз уж создал ты его, изволь кормить.

— Ладно, — сказал человек и пошёл дальше.

Долго ли шёл он, коротко ли, встретила ему красивая девушка.

— Куда путь держишь, братец? — спрашивает.

— Хочу дойти до бога.

— Коль скоро увидишь его, — взмолилась красавица, — скажи: так, мол, и так, одна девушка, молодая, здоровая, богатая, не знает в жизни радости — как ей быть, как найти счастье?

— Скажу, — пообещал путник и пошёл дальше.

Встретилось ему дерево — иссохшее, хоть и стояло на берегу пруда.

— Куда путь держишь, странник? — спросило иссохшее дерево.

— Хочу дойти до бога.

— Замолви ему и за меня словечко, — попросило дерево. — Скажи: так, мол, и так, растёт дерево на берегу прозрачного пруда, а сохнет и зимой и летом — когда ж оно зазеленеет?

Выслушал это бедняк и пошёл дальше.

До той поры шёл, покамест не отыскал бога. Бог восседал под высоким утёсом в образе седоволосого старца.

Предстал бедняк перед ним и поздоровался:

— Добрый день.

— Доброго здоровья, — ответил бог. — С чем пожаловал?

— С тем пожаловал, чтобы ты всех людей одарял поровну, а не как сейчас: к одним благоволишь, о других и не вспоминаешь. Столько я маюсь, столько пота лью, а всё с хлеба на воду перебиваюсь. Иные же и в половину моего не работают, а живут припеваючи.

— Ну, ступай, теперь разбогатеешь, — сказал бог. — Дам я тебе удачу, иди блаженствуй.

— Вот ещё что, господи, — сказал бедняк и поведал о жалобах голодного волка, красивой девушки и иссохшего дерева.

Бог дал на всё ответы, бедняк поблагодарил его и отправился восвояси.

На возвратном пути встретилось ему иссохшее дерево.

— Что сказал про меня бог? — спросило дерево.

— Сказал, под тобою золото, оно не даёт корням уйти в землю. Покуда это золото не выруют, тебе не зазеленеть.

— Так куда же ты? Отрой золото — и тебе будет хорошо, и мне. Ты разбогатеешь, а я зазеленею.

— Недосуг мне, я спешу, — ответил бедняк. — Бог дал мне удачу. Надо поскорей отыскать её да и блаженствовать.

Потом встретила бедняку красивая девушка и стала у него на пути.

— Какую весточку мне принёс?

— Бог сказал, найди хорошего человека и заживи с ним в любви и согласии. Тогда и перестанешь грустить, будешь весёлой и счастливой.

— Коли так, ты и стань для меня этим человеком, — попросила девушка.

— Недосуг мне с тобой оставаться, бог дал мне удачу. Надо поскорей отыскать её да и блаженствовать, — сказал бедняк и заторопился.

На дороге дожидался странника голодный волк. Как увидел его издали, так и кинулся навстречу.

— Ну, что сказал бог?

— По дороге к богу мне, братец, встретились ещё красивая девушка и иссохшее дерево. Девушка спросила, отчего нет у неё в жизни радости, а дерево — отчего оно вечно сухое? Поведал я об этом богу, он и говорит: девушке накажи, пускай найдёт себе хорошего человека, тогда и станет счастливой, а дереву накажи: под ним золото, оно не даёт корням уйти в землю, как вырывают это золото, так и зазеленеет. Передал я им божий наказ, дерево и говорит: вырой, мол, золото и забери себе, а девушка: ты, мол, и есть мой избранник. Я им отвечаю: нет, милые, мне не до вас, бог дал мне удачу, надо поскорей отыскать её да и блаженствовать.

— А мне-то бог что наказал? — спросил волк.

— Велел передать: будешь рыскать голодным, доколе не сыщешь глупца. Как съешь его, станешь сыт.

— Где ж мне сыскать человека глупее тебя? — сказал волк и съел дуралея бедняка.

1894

БЕСХВОСТАЯ ЛИСА

То ли было это, то ли не было, жила старуха. Подоила старуха свою козу, поставила горшок с молоком наземь, а сама идёт за хворостом и сушняком — развести огонь и молоко вскипятить.

Откуда ни возьмись лиса, суёт голову в посудину — и лакать.

Старуха кидается к ней и отхватывает резак хвост.

Бесхвостая лиса отбегает в сторонку, взбирается на камень и жалобно просит:

— Бабушка, бабушка, отдай мне хвост, приставлю я его к месту, прилажу да побегу к подружкам. Пускай не говорят: где тебя носило, бесхвостая?

Старуха и говорит:

— А ты принеси мне молока.

Бежит лиса к корове.

— Корова-коровушка, дай мне молочка! Снесу молоко старухе, старуха вернёт мне хвост, приставлю его к месту, прилажу да побегу к подружкам. Пускай не говорят: где тебя носило, бесхвостая?

Корова и говорит:

— А ты принеси-ка мне травы.

Бежит лиса на луг:

— Луг-лужок, дай мне травки! Снесу траву корове, корова даст мне молока, снесу молоко старухе, старуха вернёт мне хвост, приставлю его к месту, прилажу да побегу к подружкам. Пускай не говорят: где тебя носило, бесхвостая?

Луг и говорит:

— А ты принеси мне воды.

Бежит лиса к роднику:

— Родник-родничок, дай мне водицы! Снесу воду на луг, луг даст мне травы, снесу траву корове, корова даст мне молока, снесу молоко старухе, старуха вернёт мне хвост, приставлю его к месту, прилажу да побегу к подружкам. Пускай не говорят: где тебя носило, бесхвостая?

Родник и говорит:

— А ты принеси кувшин.

Бежит лиса к девушке:

— Девушка, девушка, дай мне кувшин! Снесу кувшин к роднику, родник даст мне воды, снесу воду на луг, луг даст мне травы, снесу траву корове, корова даст мне молока, снесу молоко старухе, старуха вернёт мне хвост, приставлю его к месту, прилажу да побегу к подружкам. Пускай не говорят: где тебя носило, бесхвостая?

Девушка и говорит:

— А ты принеси мне бусы.

Бежит лиса к торговцу:

— Торговец, торговец, дай мне бусы! Снесу бусы девушке, девушка даст мне кувшин, снесу кувшин к роднику, родник даст мне воды, снесу воду на луг, луг даст мне травы, снесу траву корове, корова даст мне молока, снесу молоко старухе, старуха вернёт мне хвост, приставлю его к месту, прилажу да побегу к подружкам. Пускай не говорят: где тебя носило, бесхвостая?

Торговец и говорит:

— А ты принеси-ка мне яиц.

Бежит лиса к курице:

— Курица-курочка, дай мне яичек! Снесу яйца торговцу, торговец даст мне бусы, снесу бусы девушке, девушка даст мне кувшин, снесу кувшин к роднику, родник даст мне воды, снесу воду на луг, луг даст мне травы, снесу траву корове, корова даст мне молока, снесу молоко старухе, старуха вернёт мне хвост, приставлю его к месту, прилажу да побегу к подружкам. Пускай не говорят: где тебя носило, бесхвостая?

Курица и говорит:

— А ты принеси мне зерна.

Бежит лиса к молотильщику:

— Молотильщик, молотильщик, дай мне зёрнышек! Снесу зерно курице, курица даст мне яиц, снесу яйца торговцу, торговец даст мне бусы, снесу бусы девушке, девушка даст мне кувшин, снесу кувшин к роднику, родник даст мне воды, снесу воду на луг, луг даст мне травы, снесу траву корове, корова даст мне молока, снесу молоко старухе, старуха вернёт мне хвост, приставлю его к месту, прилажу да побегу к подружкам. Пускай не говорят: где тебя носило, бесхвостая?

Пожалел молотильщик лису и дал ей пригоршню зерна. Несёт лиса зерно курице, курица даёт ей яиц, несёт яйца торговцу, торговец даёт ей бусы, несёт бусы девушке, девушка даёт ей кувшин, несёт кувшин к роднику, родник даёт ей воды, несёт воду на луг, луг даёт ей травы, несёт траву корове, корова даёт ей молока, несёт молоко старухе, старуха возвращает ей хвост; приставляет лиса его к месту, прилаживает и бежит к подружкам.

КОЗЛЁНОК

Жила в дремучем лесу коза. И был у неё прехорошенький козлёнок.

Оставляла она его каждый день дома, а сама шла пастись. Попасётся вволю, а вечером с полным выменем возвращается. Возвращается, стучится в дверь, блеет и приговаривает:

Козлик чёрный мой,
Я пришла домой.
Я ходила по горам далеко,
Я копила для тебя молоко.
Отвори, и я малютку мою
Сладким-сладким молочком напою.
Козлик чёрный мой,
Я пришла домой.

Козлёнок тут же прыг и отворит дверь. Покормит его мать и опять идёт пастись.

Всё это тайком видит волк. Как-то вечером приходит он прежде козы, стучится в дверь и приговаривает толстым своим голосом:

Козлик чёрный мой,
Я пришла домой.
Я ходила по горам далеко,
Я копила для тебя молоко.
Отвори, и я малютку мою
Сладким-сладким молочком напою.
Козлик чёрный мой,
Я пришла домой.

Слушает козлёнок, слушает да и отвечает:

— Ты кто таков? Я тебя не знаю. Моя матушка не так приговаривает. У неё голос тонкий и милый. А у тебя голос грубый и хриплый. Не отворю я тебе дверь... Уходи! Не нужен ты мне...

Волк и ушёл.

Приходит мать, стучится в дверь:

Козлик чёрный мой,
Я пришла домой.
Я ходила по горам далеко,
Я копила для тебя молоко.
Отвори, и я малютку мою
Сладким-сладким молочком напою.
Козлик чёрный мой,
Я пришла домой.

Отворил козлёнок дверь, попил молочка и рассказывает матери:

— Знаешь, матушка, что случилось? Кто-то приходил, стучался в дверь и приговаривал:

Козлик чёрный мой,
Я пришла домой.

Отвори, говорит. А голос у него такой толстый! Так я испугался, так испугался... Не стал отворять, говорю: не нужен ты мне, уходи...

— Вот беда-то! Молодец, мой чёрненький, что не отворил, — сказала напуганная коза.
— Это приходил волк, приходил тебя съесть. Придёт в другой раз, смотри не отворяй! Уходи, скажи, не то матушка забодает тебя острыми своими рогами!

1907

ВОРОБЕЙ

То ли было это, то ли не было, жил воробей.

Как-то раз угодила ему в лапку заноза. Он и так, и этак — ничего не получается. Глядь — старуха за хворостом для тонира пошла, хлеб собирается печь. Он и говорит:

— Бабушка, бабушка, будь добра, вынь у меня из лапки занозу да растопи тонир. А я полечу, того-сего поклюю, жить-то надо.

Вынула старуха занозу, растопила тонир.

А воробей улететь-то улетел, да вернулся: отдай, дескать, мою занозу.

Старуха и говорит:

— Я её в тонир кинула.

Воробей стоит на своём:

— Отдай мою занозу, и всё тут, не то налечу, лаваш ухвачу и прочь улечу.

Дала ему старуха лепёшку лаваша. Ухватил воробей лаваш и улетел.

Летит он и видит: пастух пьёт пустое молоко. Он и говорит:

— Братец пастух, ты что ж это молоко без хлеба пьёшь? Возьми лаваш, кроши в молоко и ешь на здоровье. А я полечу, того-сего поклюю, жить-то надо.

Улететь-то улетел, да вернулся: отдай, дескать, мой лаваш.

Пастух и говорит:

— Я его съел.

— Нет уж, — говорит воробей, — отдай мне лаваш, и всё тут, не то налечу, овцу ухвачу и прочь улечу.

Пастух и отдал ему поневоле овечку. Воробей ухватил её и улетел.

Летит и видит: люди свадьбу затеяли, а мяса-то у них нет гостям подать. Он и говорит:

— Чего головы повесили? Возьмите мою овечку, нарежьте и пируйте на здоровье. А я полечу, того-сего поклюю, жить-то надо.

Улететь-то улетел, да вернулся: отдайте, дескать, мою овцу.

Ему говорят:

— Мы её зарезали да и съели.

Воробей стоит на своём.

— Нет уж, — говорит, — отдаёте мою овцу добром — отдавайте, не то налечу, молодую ухвачу и прочь улечу.

Ухватил молодую невесту и улетел.

Летит себе, летит и видит: идёт по дороге ашуг. Воробей и говорит:

— Братец ашуг, возьми-ка себе эту молодницу. А я полечу, того-сего поклюю, жить-то надо.

Улететь-то улетел, да вернулся: отдай, дескать, мою молодницу.

Ашуг и говорит:

— Молодица ушла домой.

— Нет уж, — твердит воробей, — отдай мою молодницу, и всё тут, не то налечу, твой саз ухвачу и прочь улечу.

Отдал ему ашуг саз.

Ухватил воробей саз, кинул на плечо и улетел. Потом присел на ветку, ударил по струнам и зачирикал:

Чик-чирик!
Заноза была — лепёшку дала,
Лепёшка была — овечку дала,
Овечка была — невесту дала,
Невеста была — мне саз дала,
Я саз достал и ашугом стал.
Чик-чирик,
Чик-чик!

Саз возьми и упади. Саз разбился, а воробей улетел. На том и сказке конец.

1907

СТРАННИКИ

Взлетел однажды петух на крышу — взглянуть на белый свет.

Вытянул что есть мочи шею, да так ничего и не увидел — мешала гора напротив.

— Братец Кучи, не знаешь, что там, за горой? — спросил он с верхотуры у прикорнувшего во дворе пса.

— Не знаю, — ответил Кучи.

— Так доколе же нам ни о чём не ведать? Пойдём поглядим на белый свет — каков он из себя.

А псу что, он не против. Сказано — сделано, двинулись в путь.

Шли они, шли, к вечеру добрались до леса. Там и устроились на ночлег. Пёс улёгся под кустом, а петух взлетел на макушку дерева. Заснули.

Спозаранок петух закукарекал.

Услыхал его лис.

«И как он только тут очутился? Ох и славный будет завтрак!» — подумал лис и заспешил на голос.

— Доброе утро, кум петух! Какими судьбами в наших краях?

— Решили поглядеть на белый свет, — ответил петух.

— Это вы здорово придумали! — сказал лис. — Сколько уже времени я ищу себе доброго спутника. Хорошо, что мы встретились. Ну, спускайся, не то припоздаем в дорогу.

— Я не прочь, — сказал петух. — Спроси моего товарища, коли и он согласен, спущусь и пойдём.

— Где он, твой товарищ?

— Под тем кустом.

«Товарищ у него, должно быть, тоже петушок. Вот мне и обед», — подумал лис и побежал к кусту. Но едва оттуда выбрался пёс, опрометью кинулся наутёк.

— Обожди, братец лис, не торопись! Что же ты за товарищ? Мы ведь уговорились! — закричал с макушки дерева петух.

1907

БРАТЕЦ ТОПОР

Пошёл один человек в дальние края на заработки. Очутился в деревне. Видит, народ в этой деревне дрова руками ломает.

— Братцы, — говорит, — отчего вы руками дрова ломаете? У вас что, топора нет?

— Что это за штука такая — топор? — спросили сельчане.

Достал человек из-за пояса свой топор, разрубил полено, наколот дров и сложил в стороне. Как увидели это сельчане, побежали по деревне, кричат наперебой:

— Идите поглядите, что братец топор сделал!

Пристали сельчане к пришельцу, упрасивали его, умоляли, чего только ему не дали и выменяли топор.

Выменяли топор — дрова по очереди колоть.

Первым делом взял его староста. Размахнулся и хватя себя по ноге! Бежит по деревне и вопит:

— Сюда, сюда, братец топор взбесился, за ногу меня укусил!

Собрались сельчане, схватили колья, окружили топор и ну его колошматить. Отколошматили, видят, топору всё нипочём. Забросали его кольями и подожгли.

Занялось пламя, разгорелся огонь. А как жар поослаб, разгребли кострище и видят, топор покраснел.

— Беда, — кричат, — братец топор осерчал! Поглядите, как раскраснелся. Откуда она на нашу голову, эта напасть? Что будем делать?

Думали, думали и решили подержать топор в темнице.

Отнесли к старосте на сеновал да и бросили. А сеновал битком набит; как бросили туда топор, вспыхнул огонь, пламя взметнулось чуть не до неба.

Перепуганные сельчане кинулись за хозяином: ради бога, потолкуй с братцем топором, образумь его!

1907

ВРАЛЬ

То ли было это, то ли не было, жил царь. Объявляет он по всей стране: «Кто соврёт так складно, что я скажу: это враньё, — тому отдам полцарства».

Приходит к нему пастух.

— Много лет здравствовать тебе, государь, — говорит. — Была у моего отца дубинка, он подымал её и перемешивал звёзды на небе.

— Ну что ж, — отвечает царь. — А у моего деда была трубка, он совал её в рот и прикуривал от солнца.

Опустил врун голову и ушёл.

Приходит к царю портной.

— Не прогневайся, — говорит, — государь, хотел прийти пораньше, да припоздал. Вчера весь день лило, молнии разодрали небо, сходил залатал его.

— Хорошее дело, — говорит царь, — да залатал-то плохо, нынче утром дождик был. Ушёл и портной.

Входит бедный крестьянин с мерой в руках.

— С чем пожаловал, человек? — спрашивает царь.

- Ты задолжал мне меру золота, вот я и пришёл.
- Мера золота? — изумился царь. — Враньё, ничего я тебе не должен.
- Коли враньё, отдавай полцарства.
- Нет, нет, ты верно говоришь! — спохватывается царь.
- А коли верно, давай меру золота.

1907

ЦАРЬ ЧАХЧАХ

То ли было это, то ли не было, жил бедный мельник.

Ходил он в драном тулупчике да побелевшей от муки шапке, а ютился в обветшалой своей мельнице на берегу речки. Пёк на угольях лепёшку, заедал куском сыра — тем и обходился.

Идёт он однажды пустить воду, возвращается, глядь — сыра-то нет.

Идёт в другой раз перекрыть воду, возвращается, глядь — лепёшки нет.

Кто это сюда повадился? Думает мельник, думает и ставит у входа ловушку. Подымается поутру и видит, угодил в ловушку лис.

— Так это ты, воровские твои глаза, слопал мой сыр и лепёшку? Я тебе сейчас задам! — говорит мельник и хватается за лом.

— Пощади меня, — взмолился лис. — Велика потеря — кусок сыра! Разве из-за этого убивают? Оставь меня жить, добрую службу тебе сослужу.

Мельник послушал да и отпустил его.

Бежит лис на помойку за царским дворцом, роется там, роется и находит золотой. Берёт его — и к царю.

— Много лет здравствовать тебе, государь! Не дашь ли нам свою меру? Царь Чахчах золотом разжился. Как измерим — вернём.

— Кто таков царь Чахчах? — удивляется царь.

— Ты его покамест не знаешь, — отвечает лис. — Это очень богатый царь. А я у него визирь. Будь добр, дай меру, измерим золото, там и узнаешь.

Берёт, сунёт в щель найденный на свалке золотой, а вечером отдаёт меру.

— Ох, — говорит, — насилу перемеряли.

«Неужто они и вправду этой мерою золото меряли?» — недоумевают царь. Тряхнул он хорошенько меру, и оттуда со звоном вывалился золотой.

Назавтра лис опять тут как тут: царь Чахчах, дескать, разжился самоцветами и жемчугами, не дашь ли нам свою меру, как измерим — вернём.

Берёт, отыскивает жемчужину, запихивает в щель, а вечером приносит меру обратно.

— Ох, — говорит, — и намаялись, покуда всё перемеряли.

Царь потрянул меру, оттуда выпала жемчужина.

Осталось только диву даваться: что же он за богатеи, этот царь Чахчах, коли золото, самоцветы и жемчуг мерою мерит!

Через несколько дней лис бежит к царю свататься: царь Чахчах, дескать, вздумал жениться, отдай за него свою дочь.

Царь чуть себя на радостях не потерял.

— Ступай, — говорит, — поскорее к свадьбе готовьтесь!

Лис побежал на мельницу, а в царском дворце с ног сбились, к свадьбе готовятся.

Побежал лис к мельнику с доброй весточкой: я, дескать, за тебя царскую дочь просватал, скоро к венцу ехать.

— Будь ты неладен, лис! — испугался мельник. — Что ж ты натворил? Царская дочь мне не чета. Ни денег у меня нет, ни дома, ни одежды. Как же нам теперь быть?

— Не бойся, я всё устрою, — успокаивает его лис и бежит к царю. Прибегает во дворец — и в крик: — Беда, беда! Царь Чахчах торжественно выехал из дому. По дороге напала на него вражья рать. Всех людей перебили, а добро унесли. Он один спасся. В теснине мельница стоит, там он и схоронился. Послал меня за одеждой и конём. Хочет быстренько сходить с невестой под венец, а тогда уж и врагу отомстит.

Царь немедля готовит всё, что нужно, даёт лису, а заодно снаряжает конный отряд — с почётом доставить зятя во дворец.

Отряд торжественно подъезжает к мельнице и выстраивается подле входа. Снимают с мельника тулупчик, облачают в царские одежды, усаживают на лихого скакуна. Кругом него вельможи, всадники путь прокладывают, всадники позади следуют — привозят его в царский дворец с великими почестями. А мельник, отроду не бывавший во дворцах, разинул рот, озирается по сторонам и знай разглядывает всех и вся.

— Отчего это он, братец лис, глаза на всё тарачит? Что тут за невидаль? — спрашивает царь. — Будто ни в доме хорошем не жилал, ни одежды не нашивал.

— Нет-нет, государь! — отвечает лис. — Просто он смотрит да прикидывает: куда, мол, этому богатству против моего богатства!

Садятся за трапезу. Подают яство за яством, а мельнику невдомёк — ни что есть, ни как есть.

— Что ж он не ест, братец лис? — спрашивает царь.

— Только подумает, какая беда с ним стряслась по дороге, ему кусок в горло не лезет, — со вздохом отвечает лис. — Тебе и не вообразить, государь, сколько добра у моего царя унесли и какое это для него бесчестье.

— Не горюй по пустякам, милый зятёк, чего в жизни не случается! — утешает мельника царь. — Нынче свадьба, попируем да повеселимся!

Вот они и пируют: едят и пьют, поют и пляшут — семь дней и семь ночей играют свадьбу. А лис на свадьбе кумом.

После этого отец даёт за дочь богатое приданое и торжественно провожает её с царём Чахчахом в путь.

— Я поеду наперёд, наведу в доме порядок, — говорит кум лис, — а вы езжайте следом.

И убегает. Бежит и видит: пасётся на выгоне огромное стадо.

— Чьё это стадо?

Ему и отвечают: Шах-Мара.

— Забудьте про это! — восклицает лис. — Царь на него прогневался, собрал войско, вот-вот будет здесь. Кто назовёт Шах-Марово имя, тому не сносить головы. Коли спросят, чьё стадо, говорите: царя Чахчаха. Иначе вам несдобровать.

Бежит лис дальше и видит: в долине между гор рассыпалась овечья отара.

— Чья это?

— Шах-Мара.

Он и этим пастухам наказывает то же самое.

Бежит дальше и видит: привольные поля, а на них жнецы жнут.

— Чьи это поля?

— Шах-Мара.

Он и жнецам наказывает то же самое.

Бежит дальше и видит неоглядный покос.

— Чей это?

— Шах-Мара.

Он и косарям наказывает то же самое.

Добегают лис до Шах-Марова замка.

— Эй, Шах-Мар! — кричит на бегу. — Сидишь как ни в чём не бывало, а тебе беда грозит! Царь на тебя прогневался, собрал большое войско. Тебя убьёт, имения твои разорит, камня на камне не оставит, а всё добро к рукам приберёт. Я у тебя однажды курочкой полакомился, доныне это помню. Я про хлеб-соль не забываю, вот и прибежал тебя остеречь. Собирайся наскоро, покамест царь не пришёл.

— Куда же мне деваться? — вопрошает перепуганный Шах-Мар, и вдруг видит: вдали на дороге клубится пыль — и впрямь царь близится.

— Беги, пока цел! Садись на коня, скачи из этой страны без оглядки и впредь носа сюда не кажи!

Шах-Мар мигом вскакивает на лучшего своего коня и мчится что есть духу в дальние края.

Следом за лисом едет свадебное шествие. Едет с зурнами и бубнами, распевает песни, а войско палит из ружей и кричит «ура».

Едет в золочёной карете и царь Чахчах с женой, и сопровождает их конная свита.

Подъезжают к выгону. Видят, пасётся огромное стадо.

— Чьё это стадо? — спрашивают всадники.

— Царя Чахчаха, — отвечают пастухи.

Едут дальше. Подъезжают к долине. Видят белых овец между гор.

— Чьи это? — спрашивают всадники.

— Царя Чахчаха.

Едут дальше. Подъезжают к привольным полям.

— Чьи это поля?

— Царя Чахчаха.

Все только диву даются, да и сам царь Чахчах того гляди умом помешается.

Едут они так следом за лисом и подъезжают к Шах-Марову замку.

Кум лис там уже похозяйничал, подготовился к встрече. Встречает кумовьёв, и пир начинается сызнова.

Здесь они тоже пируют семь дней и семь ночей, и кумовья отправляются домой.

Царь Чахчах, молодая его жена и кум лис поселяются в Шах-Маровом замке.

А до смерти напуганный Шах-Мар доныне бежит без оглядки.

1907

КУВШИН С ЗОЛОТОМ

Слыхал я от наших стариков, наши старики от своих дедов, а те — от своих, что жил некогда бедный землешец и был у него надел земли да пара волов.

Зимой волю этого бедняка-землешца околели. А по весне, когда пришла пора пахать и сеять, отдал он землю внаём соседу — у самого-то волов нет.

Пашет этот сосед, чувствует, лемех упёрся во что-то, и вытаскивает из пашни кувшин, битком набитый золотом. Бросил, не распрягая волов, — и бегом в деревню, к хозяину надела.

— Ты, — говорит, — в рубашке родился! В твоей земле кувшин с золотом, ступай возьми его.

— Нет, братец, он не мой, — отвечает хозяин надела. — Ты мне за землю платишь, пашешь тоже ты, стало быть, что в земле ни найдётся — всё твоё. Золото нашлось, и оно твоё.

Разгорается спор, один говорит: твоё, другой: нет, мол, твоё! Слово за слово, доходит дело до кулаков. Идут они со своей тяжбой к царю.

Услыхал царь про кувшин с золотом, и глаза у него заблестели. Он и говорит:

— Земля не твоя и не твоя, а моя, стало быть, и кувшин с золотом мой.

Идёт со своими людьми за кувшином. Открывают его, глядь — какое там золото, кувшин полон змей...

Разъярённый царь возвращается домой и приказывает казнить невежественных простолудинов, дерзнувших ему солгать.

— Много лет здравствовать тебе, государь! — кричат несчастные. — За что ты нас убиваешь? Ты плохо поглядел, там не змеи, а золото, золото!..

Царь посылает своих людей убедиться в этом. Те возвращаются и говорят: всё, дескать, верно, золото.

— Как же так? — изумляется царь. — Должно быть, — говорит, — я не рассмотрел хорошенько или заглянул не в тот кувшин.

Подымается и снова идёт за золотом.

Открывают кувшин — в нём опять полно змей.

Что за диво? Ломают головы, а понять не могут.

Велит царь созвать мудрецов.

— Растолкуйте, — говорит, — о мудрецы, что это за диво? Землепашцы нашли в своём наделе кувшин. Иду я — кувшин кишит змеями, идут они — в нём золото. Что бы это значило?

— Толкование таково, — говорят мудрецы. — Не во гнев тебе, государь, будь сказано, кувшин с золотом ниспослан беднякам-землепашцам в награду за честность и праведный труд. Они идут к кувшину за справедливою мздой и всегда находят золото, а ты идёшь отобрать чужое счастье, оттого и находишь взамен золота змей.

Царь супится, возразить-то нечего.

— Ну, хорошо, — говорит. — А теперь решайте, кому из двоих отдать золото.

— Конечно, хозяину надела! — подаёт голос пахарь.

— Конечно, пахарю! — восклицает хозяин надела. И спор затевается сызнова.

— Да перестаньте же вы! — утихомиривают их мудрецы. — Дети у вас есть — сын, дочка?

Оказывается, у одного из них сын, у другого дочь. И мудрецы предлагают поженить парня с девушкой, а золото отдать им. На том и порешили. Добрые люди довольны, перепалка прекращается, и начинается свадьба. Играют её семь дней и семь ночей, а кувшин с золотом, ниспосланный землепашцам в награду за честность и праведный труд, дарят молодым.

Добро, оно здесь, а зло — у жадного царя.

ХОЗЯИН И РАБОТНИК

Дай бог удачи и вам, и двум братьям! То ли было это, то ли не было, жили два брата-бедняка. Пораскинули они умом — что им делать, как быть, чтобы концы с концами свести. И надумали — младший дома останется, а старший наймётся в услужение, заработает денег и пошлёт брату.

Вот идёт старший к одному богатею и подряжается к нему в работники.

Срок определяют до той поры, покамест кукушка не закукует. И ставит богатея работнику неслыханное условие. Коли, говорит, до этого времени ты рассердишься, ты мне дашь тысячу рублей, я рассержусь — я тебе дам.

— Как же я дам тысячу рублей, если их у меня нету? — говорит работник.

— Не беда, взамен послужишь у меня задаром десять лет.

Парень и робеет из-за небывалого этого условия, и храбрится: что, дескать, случится-то? Чего от меня хотят, то я и сделаю, а сердиться не буду, вот и вся недолга. А коли сами рассердятся, пускай пеняют на себя, я ни при чём.

Ладно, говорит, я согласен.

Ударили они по рукам — и за дело.

Назавтра хозяин спозаранок будит работника и посылает в поле.

— Ступай, — говорит, — жни, пока светло, а как стемнеет, вернёшься.

Уходит работник, весь день жнёт, а вечером, усталый, возвращается. Хозяин и спрашивает:

— Чего пришёл?

— Солнце закатилось, вот и пришёл.

— Э нет, так не пойдёт. Я тебе сказал: пока светло, работай. Солнце-то закатилось, зато его брат выглянул, месяц. Чем он хуже светит?

— Как так? — опешил работник.

— Ну и ну, уже сердисься? — спрашивает хозяин.

— Да нет, что ты! Просто говорю: устал, передохнуть бы малость... — бормочет струхнувший работник и сызнова отправляется жать.

Жнёт он, жнёт, покуда и месяц не закатился. Да только закатился месяц, опять восходит солнце. Работник без сил валится на стерню.

— Пропади они пропадом, и твоё поле, и твой хлеб, и твои деньги! — бранится он в отчаянии.

— Что, сердисься? — откуда ни возьмись вырастает над головой богатея. — Коли сердисься, то уговор есть уговор. Потом не жалуйся, будто с тобой обошлись не по справедливости.

И условие вступает в силу: либо работник выкладывает тысячу рублей, либо служит задаром десять лет.

Попал работник в переделку. Тысячи рублей у него нет, иначе отдал бы, лишь бы развязаться с хозяином, а десять лет этакому аспиду навряд ли прослужишь. Думает он, думает, наконец оставляет богатею долговую расписку на тысячу рублей и возвращается несолоно хлебавши домой.

— Что стряслось? — спрашивает младший брат. И старший повесив голову рассказывает ему, что и как.

— Не беда, — говорит младший, — не горюй. Ты оставайся дома, теперь мой черёд.

И уже младший брат подряжается в работники к тому же богатею.

Богатея снова определяет срок, покамест кукушка весной не закукует, и ставит условие: если, дескать, работник рассердится, платит тысячу рублей или служит десять лет задаром, а если он сам рассердится, платит работнику тысячу рублей — и тот свободен.

— Мало, — возражает парень. — Коли ты рассердишься, даёшь мне две тысячи, коли я рассержусь, даю тебе две тысячи или служу у тебя задаром двадцать лет.

— Идёт, — радуется богатей.

Ударили по рукам, и младший брат становится работником у богатей.

Занимается утро, а работник и в ус не дует. Хозяин то туда, то сюда, а работник знай спит.

— Эй, парень, вставай же! Дело к обеду.

— Сердишься, что ли? — приподымает голову работник.

— Бог с тобой! — испуганно отвечает хозяин. — Просто говорю: пора бы в поле.

— Раз не сердишься, тогда ничего. А поле от нас не убежит.

Наконец работник встаёт, принимается потихоньку натягивать обувь. Хозяин и туда, и сюда, а тот всё обувается.

— Эй, парень, поживее поворачивайся!

— Ты сердишься, что ли?

— Да кто сердится, бог с тобой! Просто хочу сказать: опаздываем...

— Ну, это другое дело. А то уговор есть уговор.

Покуда работник обувается, покуда добираются они до поля, подходит пора обедать.

— Не время сейчас жать, — говорит парень. — Видишь, все обедают. Нам тоже поесть не грех, а там уж и за работу.

Садятся, обедают.

— Люди мы трудовые, — говорит после обеда работник, — надо нам немного вздремнуть. Так или не так?

Роняет голову на траву и засыпает до вечера.

— Вставай же ты, уже стемнелось! — выходит из себя хозяин. — Другие уже всё сжали, только наше поле и осталось... Будь неладен тот, кто тебя сюда прислал!.. Провались ты со своей работой!.. И угораздило же меня с тобой связаться!

— Ты часом не сердишься? — открывает глаза парень.

— Да кто сердится, бог с тобой! Я о том толкую, что стемнелось, пора домой.

— Ну, это другое дело. Пойдём. А то ведь ты наш уговор знаешь: кто рассердится, тот и платит.

Приходят домой, а там гости.

Посылают работника: ступай, дескать, зарежь овцу.

— Которую?

— Которая попадётся.

Работник и отправляется. Немного погодя богатейу говорят: торопись, работник всё твоё стадо перерезал! Богатей — опрометью из дому и видит: верно сказали, сколько было у него овец, работник всех перерезал. Хватается он за голову и ну орать:

— Бога над тобой нет, проклятый! Ты что натворил? Разорил меня, по миру пустил!

— Ты сказал: которая овца попадётся, ту и режь. Я пришёл, мне все попались, я всех и зарезал. Чем же я виноват? — как ни в чём не бывало отвечает работник. — А ты вроде бы сердишься...

— Бог с тобой! Просто жалко стало: столько добра ни за что пропало...

— Ладно, раз не сердишься, я ещё у тебя послужу.

Богатей раздумывает: что сделать и как сделать, чтобы избавиться от этого работника? Уговаривались они до той поры, покамест кукушка весной не закукует, а ещё только-только зима наступила, до весны ох как далеко...

Думает он, думает и придумывает выход. Отводит жену в лес, усаживает на дерево и наказывает ей куковать. Сам возвращается и зовёт работника: пойдём, дескать, в лес поохотимся. Только входят в лес, а жена с дерева голос подаёт: ку-ку, ку-ку.

— Эге, да тебе везёт! — говорит работнику хозяин. — Кукушка закуковала, ты своё отслужил.

Парень смекает, что хозяин хитрит.

— Да нет, — говорит, — где ж это видано, чтобы в такую-то пору, посреди зимы, кукушка куковала. Дай-ка я убью эту кукушку да погляжу на неё.

Говорит и наводит ружьё на дерево. Хозяин с криком падает перед ним на колени.

— Не стреляй ради бога! Будь проклят день, когда я тебя встретил! Что за несчастье на мою голову!

— Ты часом не сердисься?

— Да, братец, да, с меня довольно! Идём, что должен, то и отдам, только бы глаза мои тебя не видели! Моё условие, мне и платить. Недаром, оказывается, люди говорят: не рой другому яму, сам в неё угодишь.

Так богатей получил славный урок, а младший брат порвал долговую расписку старшего, забрал тысячу рублей и вернулся домой.

1908

УМНЫЙ И ДУРАК

Жили два брата — один умный, другой дурак. Умный заставляет дурака работать, измывается над ним. Столько измывается, что дураку становится невтерпёж, и однажды он не выдерживает: так, мол, и так, не хочу я, братец, с тобой жить, отделяюсь. Давай мою долю, и станем жить поврозь.

— Добро, — говорит умный. — Я задам скоту корм, а ты сгоняй его напоследок на водопой и приведи обратно. Которая скотина зайдёт в хлев, та будет моя, которая не зайдёт — твоя.

А на дворе зима.

Дурак соглашается. Гонит коров на водопой, приводит обратно. День студёный, зимний, озябшая скотина, едва добравшись до дверей хлева, норовит поскорее очутиться в тепле. Снаружи остаётся один только чесоточный бычок — трётся о брёвна, унимает зуд. Он-то и достаётся дураку.

Накидывает дурак на шею бычку верёвку и ведёт его продавать.

— Эй, бычок, шевелись! Эй! — покрикивает.

Проходит мимо развалин заброшенного дома. Дурак знай покрикивает: «Эй, бычок, пошевеливайся! Эй!» А развалины вторят эхом:

— Эй!..

Дурак останавливается.

— Со мной, что ли, говоришь? Да?

Развалины отзываются:

— Да...

— Бычка купишь? Обойдётся не накладно?

— Ладно...

— Сколько даёшь? А? Крикни опять...

— Пять...

— Сейчас даёшь их мне?

— Не...

— Тогда завтра приду. Где хочешь найди!

— Иди...

Дурак решает, что дело улажено, привязывает бычка у развалин и посвистывая возвращается домой.

Назавтра подымается ни свет ни заря и поспешает за деньгами. А бычка — бывает же такое! — ночью волки сожрали. Приходит дурак, глядь — возле развалин там и сям валяются кости.

— Так, — говорит, — зарезал и съел. Только и остались кости и рога.

— Ага...

— Жирный был вполне?

— Не...

Дураку становится не по себе — вдруг ему не отдадут обещанных денег.

— Меня, — говорит, — это не касается. Я продал, ты купил, и дело с концом. Выкладывай мои денежки, пять золотых. Отдашь, не согрешишь?

— Шиш...

Услыхав это, дурак свирепеет, хватая в руки палку и ну лупить по ветхим стенам. Раз бьёт, другой раз, третий — и вышибает из кладки несколько камней. И надо же такому случиться, давным-давно в этой стене был припрятан клад. Камни вылетели, и золото так и посыпалось к ногам дурака.

— То-то же, — говорит дурак. — Только здесь чересчур много. Ты мне должен пять золотых, остальные деньги твои. Мне чужого не надо.

Берёт и идёт домой.

— Ну что, продал бычка? — смеётся умный брат.

— Продал.

— Кому?

— Развалинам.

— А деньги-то они дали?

— Конечно, дали. Сперва хотели меня надуть, но я всыпал им хорошенько палкой, они и выложили всё, что у них есть. Я взял свои пять золотых и ушёл, а остальное так и валяется до сих пор.

И показывает брату золотой.

— Где эти развалины? — спрашивает умный, а глаза у него так и блестят.

— Ни за что не скажу. Ты ведь ненасытный, столько наберёшь да на меня нагрузишь, что хребет переломится.

Умный клянётся: я, мол, сам всё понесу, только покажи.

— Дай, — говорит, — мне всё что у тебя есть, и покажи, где остальное лежит. Ты ведь голый, ходишь в отрепьях, я тебе новую одежду куплю.

Как слышит дурак про новую одежду, отдаёт брату свои пять золотых и отводит его к развалинам заброшенного дома. Подбирает умный золото, уносит домой, становится богачом, а новой одежды брату так и не покупает.

Напоминает ему дурак о ней, напоминает, а как видит, что всё без толку, идёт жаловаться к судье.

— Господин судья, — говорит. — Был у меня бычок. Продал я его развалинам...

— Довольно, довольно, — прерывает его судья. — И откуда он только взялся, этот дурак? Бычка, видите ли, развалинам продал!..

И выпроваживает дурака.

Тот идёт жаловаться к другим, и все над ним потешаются.

Сказывают, доньине ходит бедолага дурак в отрепьях, жалуется каждому встречному, но никто ему не верит, все над ним потешаются, а умный брат — заодно со всеми.

ГОВОРЯЩАЯ РЫБКА

1

То ли было это, то ли не было, жил бедняк. Идёт этот бедняк и нанимается пособлять рыбаку. Зарабатывает за день несколько рыбин, несёт домой, тем они с женой и живут.

Ловит как-то раз рыбак красивую рыбку, велит работнику присмотреть за ней, а сам сызнава лезет в воду. Сидит работник на берегу, глядит на красивую рыбку, глядит и думает.

— Господи боже, — думает, — она ведь тоже живая тварь наподобие нас, так скажи, у неё, как и у нас, есть отец с матерью, есть друзья, она тоже что-то чувствует, знает радость и боль?

Стоило ему об этом подумать, как рыбка заговорила.

— Послушай, — говорит, — братец человек. Я заигралась с друзьями в речных волнах. Мне было весело, я позабыла обо всём на свете и угодила в рыбацкий невод. Как знать, мать, может быть, ищет меня сейчас и плачет, а друзья грустят. А сама я, ты видишь, мучаюсь, едва-едва дышу без воды. Мне хочется снова жить и играть вместе с друзьями в холодных и прозрачных волнах. Так мне этого хочется, так хочется!.. Будь милосерд, освободи меня, отпусти на волю...

Так говорит она слабым, чуть слышным голосом, насилу открывая пересохший рот.

Бедняку становится жаль рыбку, берёт он её и кидает в реку.

— Плыви, красивая рыбка, пускай не плачет твоя мать и не грустят друзья. Плыви, живи и играй с ними.

Рыбак осерчал и набросился на работника.

— Дурья голова! — кричит. — Я тут мокну в воде, ловлю рыбу, а ты мой труд насмарку пускаешь? Вон отсюда, чтобы духу твоего здесь не было! С нынешнего дня ты у меня не работник, ступай помирай с голоду.

Отнимает у него корзину с рыбой и выпроваживает прочь.

— Куда мне теперь идти, что делать, как жить? — размышляет опечаленный бедняк и ни с чем отправляется домой.

2

Размышляет бедняк о своей доле, и является ему на дороге Чудище в образе человека, и гонит оно перед собою славную корову.

— Здорово, братец! Ты чего голову повесил, о чём тужишь? — спрашивает Чудище.

Рассказывает бедняк о своих злоключениях: остался я, дескать, без заработка и ума не приложу, как нам теперь с женой прожить.

— Послушай, приятель, — говорит Чудище. — Дам я тебе на три года дойную корову. Будет вам с женой каждый день вдоволь молока, наедитесь досыта. А как минет три года, приду я к вам ночью с вопросами. Ответите на мои вопросы — корова ваша, не ответите — заберу вас обоих и, что захочу, то с вами и сделаю. Идёт?

«Так и так с голоду помирать, — думает бедняк. — Возьму-ка лучше корову, три года проживём, а там видно будет, бог милостив. Может, найдём какой ни есть выход, а может, и ответ дадим, как знать...»

— Идёт, — говорит бедняк и отводит корову домой.

Три года молока у них дома вдоволь, едят досыта, живут себе. И не замечают, как минуло время и наступает назначенный день — ночью придёт Чудище.

Сидят муж с женой на вечерней заре у дверей и думают — то ли какой ответ дадут они Чудищу, то ли о чём он их спросит. Поди знай, что у него на уме.

— Вот каково человеку связываться с Чудищем, доверяться Чудищу, брать у него подарки, — сетуют муж и жена, но что сделано, того не вернёшь, деваться некуда. А жуткая ночь уже на пороге.

В это время подходит к ним прекрасный молодой незнакомец.

— Добрый вечер, — говорит, — я странник. Уже темнеет, а я устал. Приютите меня на ночь.

— Отчего не приютить, братец странник, гость, он от бога. Да только не накликал бы ты на себя беду. Взяли мы у Чудища корову и уговорились, что будем от неё три года кормиться, а через три года придёт к нам Чудище с вопросами. Ответим — корова наша, не ответим — мы его пленники. Нынче настал назначенный срок, вот-вот придёт Чудище, а нам и невдогад, какие оно вопросы задаст. Что с нами ни станется, мы сами виноваты, а тебе-то зачем страдать?

— Ничего. Как вы, так и я, — отвечает чужеземец.

Так и решают, и гость остаётся.

Ровно в полночь в дверь стучатся.

— Кто там?

— Чудище. Мы ведь уговорились, вот я и здесь. Ну, отвечайте на вопросы.

А у мужа и жены язык со страху к гортани прилип, обмерли — и ни с места. Какие они ответчики!

— Не бойтесь, я буду отвечать вместо вас, — говорит молодой гость и подходит к двери.

— Я явился, — подаёт снаружи голос Чудище.

— И я явился, — отвечает из дому гость.

— Откуда же ты явился?

— Из-за моря.

— На чём?

— Верхом на хромом комаре.

— Стало быть, море маленькое.

— Ничего себе маленькое! Орлу с берега на берег не перелететь.

— Стало быть, орёл ещё птенец.

— Ничего себе птенец! Как раскинет крылья, их тень город укроет.

— Стало быть, городок-то невеличка.

— Ничего себе невеличка! Зайцу из конца в конец не пробежать.

— Стало быть, заяц крохотный.

— Ничего себе крохотный! Из его шкурки получится шуба, шапка и вдобавок обувка.

— Стало быть, кому их сошьют, ростом не вышел.

— Ничего себе не вышел! Прокукарекай у него на коленях петух, он и бровью не поведёт.

— Стало быть, он глухой.

— Ничего себе глухой! Ущипни косуля травку в горах, расслышит.

Чудище даже оторопь взяла, чует оно за дверью мудрую, отважную и неодолимую силу, нечего ему больше сказать, и оно тишком да молчком убирается, исчезает в полуночной тьме.

А муж и жена будто ожили — от радости на седьмом небе! Немного погода светает, и молодой гость поднимается, благодарит за ночлег и собирается в дорогу.

— Никуда мы тебя не пустим! — встают перед ним муж с женой. — Ты же нам жизнь спас, как нам с тобой расплатиться?

— Пустое! Мне пора.

— Скажи хотя бы, как тебя звать. Пускай и не воздать нам тебе вовек за твоё добро, будем знать, за кого молиться.

— Добро, оно никогда не пропадёт, хоть его в воду кинь. Я та самая говорящая рыбка, которой ты сохранил жизнь, — говорит незнакомец изумлённому хозяину и скрывается из виду.

1908

БЕЗРУКАЯ ДЕВУШКА

То ли было это, то ли не было, жили некогда сестра да брат. Сестра была до того красивая, до того нежная — ни дать ни взять луч света, и звали её Лусик-Светик.

Брат женился, привёл в дом жену.

Та видит, как все кругом любят Лусик, и в сердце к ней, будто змея, вползает зависть. Принимается она возводить на Лусик напраслину, что ни день доводит её до слёз...

Брат и так и этак старается порадовать сестру. То цветов ей принесёт, то фруктов, то платье понарядней.

И Лусик остаётся, какая была — добрая, красивая и всеми любимая.

Невестка от зависти того гляди лопнет, только и думает, как бы ей извести Лусик.

Думает она, думает, и однажды, когда муж уходит по делам, переворачивает всё в доме вверх дном, бьёт вдребезги посуду — разные там горшки да кувшины — и застывает, руки в боки, в дверях — дожидается мужа.

Завидела его — и в слёзы.

— Вот она, — голосит, — ненаглядная твоя сестричка! Всё наше добро загубила.

— Пустое, жена, не плачь понапрасну! Это дело наживное. Разбила посуду — новую купим, а вот если мы разобьём сердце Лусик — что тогда?

Жена видит, на этот раз не сладилось. И когда муж опять уходит по делам, выводит его любимого коня, угоняет подальше и становится, руки в боки, на кровле — поджидает мужа.

— Вот она, — голосит, — ненаглядная твоя сестричка! Увела лучшего твоего коня да и потеряла, разорила нас.

— Пустое, — говорит муж. — Ну, потерялся конь. Поработаю — куплю нового, а ведь новую-то сестру мне не купить.

Злая жена видит, что и на этот раз ничего не получилось, и бесится пуще прежнего.

Как-то ночью, когда все уснули, зарезала она своего ребёнка в люльке, а окровавленный нож тайком сунула в карман спящей Лусик.

И вот посреди ночи давай рвать на себе волосы, и царапать лицо, и кричать, и вопить:

— Ох, сыночек мой, сыночек!..

Домочадцы вскакивают, глядь — ребёнок убит в люльке. Замирают, ни живы ни мертвы от ужаса. У кого на такое рука поднялась?

Невестка и говорит:

— Как у кого? Кроме нас ни души здесь не было, чужие не заходили. Надо поискать. В чьём кармане окровавленный нож найдём, тот и злодей.

Никто ей не перечит. Ищут и... достают окровавленный нож из кармана Лусик.

Застывают на месте — что тут скажешь?

— Вот она, ненаглядная твоя сестричка! — вопит злая жена и царапает себе лицо: — Сыночек мой, сыночек...

Наутро разносится по округе новость. Народ негодует, требует суда, мать рыдает, требует суда, и красавицу Лусик тащат в суд. Судят её, признают виновной, отсекают руки, а потом заводят, безрукую, невесть куда и бросают в глухом лесу.

Одна-одинёхонька, безрукая, бродит Лусик по дремучему лесу. Бродит, покуда не издирает вконец одёжку о кусты да колючки и не остаётся в чём мать родила. Комары и мошки кусают её, а рук — отмахнуться от них, отпугнуть — нет как нет. И вот забирается она в большое дупло.

Как-то раз отправляется царский сын на охоту. Гончие собаки рыщут там и сям по лесу, окружают дерево и принимаются лаять.

Царевич и его приближённые думают, будто собаки напали на след зверя или же отыскали логово, и науськивают их.

— Не натравливай на меня собак, царевич! — подаёт голос девушка. — Я человек, а не зверь.

— Коли ты человек, выйди.

— Не могу. Я голая, мне стыдно.

Царевич спрыгивает с коня, снимает плащ и протягивает слугам — отнесите, дескать, девушке. Те относят плащ, набрасывают его на Лусик, и вот выходит из дупла такая красавица, какой и не вообразить. Царевич как увидел, так и обомлел.

— Кто ты, красавица, что делаешь в этом лесу и отчего забралась в дупло?

— В целом свете у меня один только брат. Целый свет от меня отвернулся, а брат бросил.

— Целый свет от тебя отвернулся, брат бросил, а я не брошу, — говорит царский сын, берёт Лусик с собою и везёт домой. Везёт он её домой и заявляет отцу с матерью: так, мол, и так, я на ней женюсь.

— Либо женюсь на ней, либо что-нибудь с собой сделаю.

Отец с матерью говорят:

— Неужто, сынок, на этой девушке свет клином сошёлся? Разве перевелись на земле царевны и дочери назиров да везиров, богатые, красивые? Зачем она тебе — голая, безрукая, безродная?

— Ах так...

Отец с матерью поневоле созывают самых умных в городе людей и держат совет: как быть, женить сына на безрукой этой девушке или не женить?

Умные люди и говорят:

— Муж счастлив с той женой, к которой у него сердце лежит. Должно быть, вашему сыну на роду написана эта девушка, недаром она ему полюбилась. Знать, сам бог так судил.

Услышав это, мать с отцом дали своё согласие. Семь дней и семь ночей праздновали свадьбу, и царевич обвенчался с красавицей Лусик.

Через некоторое время царевич уезжает в далёкую страну. Уезжая, наказывает домашним: как только жена родит, подайте мне весточку. С тем и уехал.

Проходит ещё несколько месяцев, и Лусик разрешается красивым, нежным, золотокудрым мальчиком.

Царь с царицей так рады, что и сказать нельзя. Пишут они сыну добрую весточку, дают письмо гонцу и отсылают его. И надо же такому случиться, по дороге гонец останавливается в доме брата Лусик и ночует там. А коротая вечер за беседой, возьми и расскажи хозяевам: так, мол, и так, вот что у нас произошло, сейчас везу царевичу добрую весточку.

Злая невестка тотчас же смекает что к чему. В полночь поднимается, вытаскивает у гонца из кармана письмо, бросает в огонь и, написав новое письмо, кладёт его на место. И вот что она пишет: так, мол, и так, ты уехал, а жена твоя разрешилась — родила щенка. Опозорились мы на весь белый свет, теперь вот и тебе восточку шлём. Напиши нам — как быть, что делать.

Гонец доставляет это письмо царевичу. Читает царевич, и становится ему так печально, так горько. Пишет он отцу с матерью: такое, видно, у меня счастье, что бог послал, то и моё. Храните дитя, покуда приеду, а жену мою не попрекайте.

Пишет всё это царевич, даёт письмо гонцу и отправляет обратно. На возвратном пути гонец опять останавливается у тех же хозяев, опять у них ночует.

Злая невестка сызнова поднимается в полночь, вытаскивает у гонца из кармана письмо царевича, бросает в огонь и, написав новое письмо, кладёт его на место. И вот что она пишет: так, мол, и так, кого ни родила моя жена, привяжите выродка к её груди и гоните обоих с глаз долой, чтобы, как скоро я вернусь, духу их в доме не было, не то что-нибудь с собой сделаю.

Получают отец с матерью это письмо и слов не находят от удивления.

— Как же так, — говорят, — он сам её привел, обвенчался с ней против нашей воли, а теперь пишет: гоните прочь...

Горюют они, печалются, жалость их одолевает, однако выполнять-то сыновний наказ всё равно надо.

Привязывают они младенца к материнской груди, благословляют сквозь слёзы и выпроваживают обоих из дому.

Идёт Лусик с младенцем, привязанным к её груди, и плачет. Пересекает глубокие ущелья, дремучие леса, безлюдные поля и оказывается в безводной, мёртвой пустыне.

Идёт она по этой пустыне, идёт, томимая жаждой, бог весть, долго ли, коротко ли, покамест не выходит к колодцу. Заглядывает она в колодец, и чудится ей, будто вода совсем близко. А едва наклоняется, чтобы напиться, ребёнок падает вниз. С криками мечется Лусик подле колодца и вдруг слышит за спиной голос:

— Не бойся, дочка, не бойся, достань его.

Оборачивается и видит перед собой старика с седой бородой до пояса.

— Как же, — говорит, — я, дедушка, его достану? Рук-то у меня нет.

— Достанешь, дочка, достанешь. Есть у тебя руки. Ну-ка протяни!

Лусик и вправду вытягивает руки и выхватывает ребёнка из воды. Оборачивается благодарить старика, а того и след простыл, нет его, словно и не было.

Оставив пока что Лусик с младенцем, о ком же мы теперь поведаем? Теперь мы поведаем о царевиче.

Возвращается царевич из чужедальних краёв, узнаёт обо всём и даже не входит в дом — прямо с порога поворачивает и пускается на поиски жены и ребёнка.

Ищет он их, ищет, здесь выспрашивает, там выспрашивает, и вот встречается ему человек.

— Добрый день!

— Доброго здоровья!

— Куда путь держишь?

— Ищу свою сестру.

— Полно тебе одному по свету бродить, пошли вдвоём. Ты ищешь сестру, а я жену и ребёнка.

Подружились они и пустились на поиски: год ищут, другой год ищут, третий год, а никого не находят. В конце концов царевич открывает на большой дороге караван-сарай, а

его товарищ перебирается туда же со всеми своими пожитками и женой: может статься, думают, кто-то из странников что-нибудь знает.

Как-то раз появляется у дверей этого караван-сарая нищая женщина с маленьким мальчиком.

— Давай позовём к себе нищую эту женщину и ребёнка. Нищие знают славные сказки и хорошо их сказывают. Расскажет она сказку, а мы с тобой, горемыки, ночь скоротаем.

А жена товарища против: мы сами, дескать, насилу здесь умещаемся, куда ещё этих бродяг вести.

Царевич упрашивает их, и вот пускают они нищенку с ребёнком. Мать притуляется под стеной, а мальчонка жмётся к матери. Царевич и говорит:

— Не спится нам, сестрица. Расскажи, будь добра, сказку или притчу, какую знаешь, глядишь, и ночь скоротаем.

— Не знаю я ни сказок, ни притчей, — отвечает нищенка, — зато знаю одну быль. Случилась на свете занимательная история. Коли хотите, расскажу.

— Ну что ж, рассказывай.

И нищая начинает:

— То ли было это, то ли не было, жили некогда сестра и брат. Брат женился, привёл в дом жену, женщину злую и завистливую.

Хозяйка бурчит из угла:

— Пошла выдумывать!

— Что с тобой, жена? — сердится муж. — Не мешай! Рассказывай, сестрица, рассказывай...

Нищая продолжает свой сказ:

— Сестра была девушка красивая и приветливая, все её любили. Брат, возвращаясь домой, всякий раз приносил ей гостинец: то цветок, то яблочко, то платье понарядней. А нет гостинца, непременно скажет ласковое слово. Завидует злая невестка, места себе не находит, всё думает, как бы извести славную девушку.

— Гляньте-ка, что несёт эта бесстыжая! — снова встревает хозяйка.

— Угомонись, жена, дай послушать человека. Продолжай, сестрица ну её!

Нищая продолжает:

— Злая невестка места себе не находит. Однажды побила дома посуду и свалила всё на безвинную девушку, другой раз угнала из дому и отпустила на волю любимого мужнина коня и обвинила золовку. Видит, всё без толку. Тогда зарезала в люльке своего ребёнка, а нож подсунула в карман спящей золовке.

— Замолчи, дрянь! — кричит хозяйка. — Где это видано, чтобы мать собственное дитя убивала?

— Что ты ей слова сказать не даёшь? — повышает муж голос. — Не слышишь разве, какая занятная история.

Нищая продолжает:

— Учиняют над безвинной девушкой суд, отсекают ей руки и заводят, безрукую, невесть куда... И бродит она, изгнанница, по неведомым лесам. Как-то раз тамошний царевич охотится в тех лесах, встречает красивую девушку и женится на ней. Потом уезжает царевич в дальние края. Уезжает он, а его жена разрешается золотокудрым мальчиком. Отцу посылают добрую весточку. По дороге гонец останавливается у брата безрукой девушки. Ночью злая невестка подменяет письмо и пишет царевичу новое: так, мол, и так, жена твоя разрешилась — родила щенка.

— Хватит с меня этих небылиц! Убирайся отсюда! — выходит из себя хозяйка.

— Успокой свою жену, братец, давай дослушаем, — просит царевич товарища. — Видишь, какая история.

Нищенка продолжает:

— Читает царевич подменное письмо, горюет, но всё ж таки пишет отцу с матерью: берегите, дескать, моё дитя, покуда я не приеду. На возвратном пути гонец сызнова останавливается в том же доме. Злая невестка подменяет и это письмо, а сама пишет: так, мол, и так, привяжите выродка к материнской груди и немедля гоните мою жену вон. Получают царь с царицей это письмо, изумляются, убиваются, однако делать нечего — как велено, так и поступают: привязывают младенца к материнской груди и выпроваживают сноху из дому.

— Откуда она взялась, эта собака? — вопит хозяйка.

— Довольно! — прикрикивают на неё муж и царевич. — Рассказывай, сестрица. Дальше? Что дальше?..

Нищенка продолжает:

— Дальше царевич возвращается домой. Узнаёт, что было на самом деле, поворачивает и едет на поиски жены и ребёнка. Встречает брата безрукой девушки. Тот тоже отправился искать свою сестру. Подружились они и стали искать вместе. Ищут, идут, а никого не находят. Открывают на большой дороге караван-сарай...

— Врёт она всё! — орёт хозяйка. Но муж и царевич не слышат её. Ждут как зачарованные, чем кончится сказ. А конец — вот он.

— Голодная и холодная, бродит изгнанница-мать с золотокудрым младенцем, и наконец, нищие и оборванные, добираются они до того самого караван-сарая. Муж и брат жалуют их, зовут в дом и просят рассказать сказку...

— Ох... — падает в обморок хозяйка.

— Лусик, милая, это ты?! — разом вскакивают царевич с товарищем. — Лусик!..

— Да, я ваша Лусик, вот мой брат, вот мой муж, вот мой золотокудрый сынок, а вот злая невестка...

Передашь ли словами, как радуются те, кто ищут друг друга и наконец находят?!

Что до злой невестки, её привязали к хвосту бешеной лошади, а лошадь отпустили на волю. Там, где капала кровь, выросли терновник и волчец, там, где пролились слёзы, образовалось озеро. В глубине этого озера видна колыбель со спящим младенцем, в изголовье у младенца нож. Сказывают, будто виден там ещё и монастырь, а в нём — коленопреклонённая женщина: она плачет и плачет, и нет её слезам ни конца ни края.

1908

НЕПОБЕДИМЫЙ ПЕТУХ

То ли было это, то ли не было, жил петух.

Рылся он в мусоре и нашёл золотой.

Взлетел на крышу и кричит:

— Кукареку, я денежку нашёл!

Услыхал царь, велел своим назирам да везирам: ступайте, дескать, отнимите у него деньги.

Пошли назирь да везирь и отняли.

Петух кричит:

— Кукареку, царь меня ограбил и разжился!

Царь даёт золотой назирам да везирам.

— Верните, — говорит, — ему, не то ославит нас на весь свет.

Вернули назирь да везирь петуху золотой.

Петух опять взлетел на крышу.
— Кукареку, царь меня испугался!
Царь осерчал, велел назирам да везирам:
— Ступайте, — говорит, — поймайте этого крикуна, сверните ему голову, отварите и подайте мне на обед. Съем, и дело с концом.
Поймали назирь да везирь петуха и понесли. Несут, а он кричит:
— Кукареку, царь меня в гости позвал!
Зарезали петуха, бросили в котёл вариться, а он кричит:
— Кукареку, царь мне жаркую баньку истопил!
Сварили петуха, подали царю, а он кричит:
— С царём застолье делю, кукареку!
Запихал его царь второпях в рот, а он из царёвой глотки кричит:
— Иду по узкой улочке, кукареку!
Видит царь, нет с петухом сладу, никак он не угомонится, и велит назирам да везирам обнажить мечи и быть наготове: как, дескать, закричит, рубите!
Назирь да везирь обнажили мечи и стоят наготове — одни по ту сторону, другие по эту.
Очутился петух у царя в животе и кричит:
— С белого света во мрак попал, кукареку!
— Рубите! — велит царь.
Взмахнули назирь да везирь мечами, рассекли царю живот.
Выбрался петух на волю, взлетел на крышу и кричит:
— Кукареку!

1909

МАСЛЕНИЦА

Жили некогда муж с женой.
Между собой они не ладили.
Муж обзывал жену душой, жена отвечала ему тем же, так вот и грызлись.
Купил однажды муж несколько пудов масла и риса, нагрузил работника и отправил домой.
Жена осерчала:
— Дурак, он и есть дурак! Куда тебе столько масла да рису? Поминки, что ли, по отцу справляешь или сына женишь?
— При чём тут отец, при чём сын? Плетёшь невесть что! Припрячь-ка лучше добро, это я для масленицы припас.
Жена утихомирлась, убрала масло и рис.
Проходит время, ждёт она, ждёт, а масленицы всё нет. Сидит однажды у дверей, видит, человек по улице поспешает. Её и осенило.
— Братец, — окликает, — обожди, братец! — Парень остановился. — Ты часом не Масленица?
Прохожий смекнул, что у женщины не все дома, и думает: поддакну-ка я, поглядим, чего ей надо.
— Ну да, сестрица, вот он я. Что скажешь?
— А то скажу, что мы к тебе в сторожа не нанимались! Подержали у себя твоё добро, и будет. Не совестно тебе? Отчего не заберёшь масло и рис?

— Не сердись, сестрица, я за ними и пришёл. Дом ваш никак найти не мог.

— Ну ладно, бери.

Пошёл человек куда ему указали, взгромоздил на себя масло и рис — и давай бог ноги. Возвращается домой муж, жена и говорит:

— Дождались мы наконец Масленицы. Пристыдила я его, унёс он свои мешки.

— Что за масленица, что за мешки?

— Те самые, с маслом и рисом... Гляжу, идёт по дороге, наш дом высматривает. Окликнула я его, выругала хорошенько, взвалил он всё на загорбок и унёс.

— Будь ты неладна, дубовая твоя голова! Одно слово — дура! Куда он пошёл?

— Вон туда.

Вскочил муж на коня и пустился вдогонку. Масленица оглянулся по дороге, видит, всадник коня погоняет. Не иначе, смекает, муж той женщины.

Настигает его всадник.

— Добрый день, братец!

— Доброго здоровья.

— Не проходил по этой дороге человек?

— Проходил.

— А что он нёс?

— Масло и рис.

— Ага, так и есть... Давно ли ты его видел?

— Давненько.

— Догоню я его?

— Куда тебе! Ты верхом, а он пешком. Покамест конь четырьмя ногами переступит — раз, два, три, четыре, — он двумя-то ногами — раз-два, раз-два. Ищи ветра в поле!

— Как же мне быть?

— Да уж как тут быть? Хочешь, оставь коня мне и беги на своих двоих. Может, и догонишь.

— Вот это верно.

Спешился муж, оставил парню коня и припустил по дороге. А как скрылся из виду, Масленица навьючил коня и двинулся в другую сторону.

Идёт муж, идёт, видит, всё понапрасну, и поворачивает обратно. Поворачивает обратно, видит, нету коня. Приходит домой. Сызнова начинается перебранка: муж попрекает жену маслом и рисом, она его — конём...

Доныне бранятся муж с женой. Он обзывает её дурой, она отвечает тем же, а Масленица слушает да посмеивается.

1910

ОХОТНИК ВРУНИШКА

На отцовские ли крестины, на матушкины ли именины собралось нас человек пять или шесть, взяли мы у кого что есть, и кто с ножом, кто с ружьём пошли на охоту. Стало быть, Ади, да ещё Уди, да ещё Чати, да ещё Мати, да ещё отец, да ещё я на охоту пошли...

По горам и долинам шли напрямиком, а где дичь была, шли тишком да молчком, а где страх разбирал, шли тайком.

Шли мы, шли без конца, вдруг видим три озерца — два иссохших, в третьем ни капли воды. В том озерце, которое безводно, плавают себе свободно — смотри-ка! смотри! — белые утки. Сколько их? Три — дведохлые, одна неживая.

- Ади, пали, бей!
- Ружья нет.
- Уди, пали, бей!
- И у меня нет,
- Чати, пали!
- Мати, бей!
- Не из чего бить...
- Как же нам быть?

Было у отца короткое и длинное полено. Опустился он на колено, прицелился, одолел страх — и трах-тарарах! Он стрельнул, я пальнул; только я пальнул, утка «кряк!» и распласталась, да как — каждое крыло с десятков локтей!

- Ади, нож!
- Ножа нет.
- У тебя, Уди?
- И у меня нет.
- Чати, режь!
- Мати, руби!
- Нечем рубить...
- Как же нам быть?

У отца был нож, да ни на что не гожд.

Стали резать утку негожим этим ножом. Ади резал, не прирезал. Уди резал, не прирезал. Чати не прирезал, Мати не прирезал, отец тоже не прирезал, а я то ли ногтями, то ли железом — прирезал.

Прирезал, наземь опустил, стою без сил. Какая там утка — буйвол! Ади на плечи взвалил — уронил, Уди уронил, Чати уронил, Мати уронил, отец тоже уронил. Я взвалил — не уронил. Не уронил, мы и пошли.

Шли мы и шли куда нелёгкая несла, вдруг видим три села — двух не разглядеть, в третьем ни единого дома. В третьем этом селе тут ищем — не найдём, там ищем — не найдём, наконец отыскали один дом, а в нём три старухи — две мёртвые, одна не дышит.

- Братцы, — говорим, — не сварить ли нам плов с уткой?

Старуха, которая не дышит, тут ищет, там ищет, наконец отыскала полрисинки и три котла — два дырявых, а у третьего котла дно выжжено дотла.

Налили воду в котёл без дна — сверху рис, а утка ушла вниз. Варили, варили, да вот беда: мясо с рисом выкипели, осталась вода.

Люди на охоте оголодали, накинулись на плов, будто век не едали: мелькали ложки, а в рот не попало ни крошки.

1910

БЕЗДЕЛЬНИЦА УРИ

Жила некогда женщина. Была у неё дочь, звали её Ури. Ленивая, ни к чему не годная, день-деньской была баклуши.

Ох, кругом работы разные,
Только все работы — грязные.
И куда себя мне деть?
Лучше дома посидеть,

На прохожих поглядеть,
Поесть и поспать,
А потом — опять...

Соседи прозвали её Бездельница Ури. Что до матери, та знай нахваливает дочку — всё-то она, дескать, может: и хлопок трепать да чесать, и сучить да прясть, и шить да кроить, и месить да печь, и стряпать да прибирать — словом, на все руки мастерица.

Дошли эти речи до одного молодого купца. Молодой этот купец и говорит: «Такая вот жена мне и нужна». Недолго думая, сватается он к Бездельнице Ури, венчается с ней и увозит к себе. Через некоторое время покупает он то ли десять, то ли двадцать тюков хлопка и даёт жене: я уезжаю в дальние края торговать, а ты вычеси этот хлопок и спряди. Как вернусь, продам — глядишь, и разбогатеет.

Да ведь бездельница, она и есть бездельница. Гуляет себе Ури, жевательную смолку изо рта не вынимает. Идёт однажды берегом речки и слышит, лягушки квакают:

— Ква... ке-кел... ква... пе-пел...

— Послушайте-ка, Кекел и Пепел, — подаёт голос Бездельница Ури. — Я вам, девушки, принесу хлопка, а вы спрядите. Ладно?

— Не-си, не-си...

Обрадовалась Бездельница Ури. Притащила хлопок, покидала в речку.

— Стало быть, вычешите и спрядите. Через денёк-другой я пряжу возьму, мы её продадим.

Через денёк-другой приходит.

Лягушки как квакали, так и квакают.

— Ква... ке-кел... ква... пе-пел...

— Кекел! Пепел! Несите, девушки, пряжу!

Лягушки квакать квакают, а пряжу не несут.

Ури пригляделась и заметила, что прибрежные камни и валуны сплошь затянуты зелёным мхом.

— Вон оно что! — говорит. — Глаза бы мои на вас не глядели! И хлопок вычесали, и пряжу спряли, и ковёр себе выткали! — Заслонила ладонью от солнца — и в крик: — Коли ковёр соткали, выкладывайте деньги за наш хлопок! — Кричит, а сама входит потихоньку в воду. Вдруг чувствует под ногой что-то твёрдое. Вытаскивает из воды, глядь — кусок золота. — Благодарствуйте, — говорит, — Кекел и Пепел!

Сунула золото за пазуху и заспешила домой. Вскоре и муж покончил с торговыми своими делами и вернулся. Вернулся и видит на полке увесистый слиток золота.

— Откуда это золото, жена?

Ури и объясняет: так, мол, и так, продала хлопок Пепел и Кекел, вот и весь сказ.

Дай вам бог радоваться так, как обрадовался муж. Зовёт он тещу, подносит ей подарки и благодарит, что вырастила такую умную, ко всему сноровистую и работающую дочь. Не нахвалится женой, собирает угощение, и садятся они пировать.

А теща женщина смекалистая, уразумела, что тут что-то нечисто, испугалась, как бы зять не дал дочери нового дела и не докопался до правды. В разгар веселья влетает в комнату оса и ну жужжать. Тёща встаёт и кланяется осе.

— Добро пожаловать, тётушка! — говорит. — Давно я тебя не видела, как поживаешь? Мыслимое ли дело столько работать, вконец ведь себя извела!..

Зять опешил и говорит:

— В своём ли ты, матушка, уме? Где это видано — осу тётушкой величать?

А теща в ответ:

— Ах, сынок, от тебя ли, родного человека, скрывать? Никакая это не оса — это моя тётка. Очень уж она, бедняжка, работящая была. От зари до зари работала, рук не покладала — надорвалась, ссохлась вся, малюсенькой стала. Такой стала малюсенькой, что осой обернулась. Это у нас в роду. Очень мы работящие. Только вот ссыхаемся от работы, а там недолго и осой обернуться.

Как услышал это зять, с лица спал от испуга. Отныне, говорит жене, я тебе палец о палец не позволю ударить, не то станешь ещё наподобие тётушки осой.

1911

У ВЕСЕЛЬЧАКА ВЕСЕЛЬЯ НЕ УБУДЕТ

1

Правил некогда в городе Багдаде халиф Гарун аль Рашид. И любил Гарун аль Рашид бродить переодетым по своей столице, вызная, что в ней делается. Идёт он как-то ночью в одежде дервиша глухим закоулком. Слышит, доносится из бедняцкой лачуги музыка и песни. Остановливается и, недолго думая, отворяет, разбираемый любопытством, дверь. Отворяет дверь и видит: в лачуге пусто, хоть шаром покати, а на циновке у очага сидят хозяин и музыканты. Перед ними убогая трапеза, а они играют, поют и веселятся.

— Мир вам, весёлые люди! — приветствует их дервиш и кланяется хозяину дома.

— Добро пожаловать, дервиш-баба! Заходи, гостем будешь. Отведаем вместе чего бог послал, и порадуемся, — приглашает хозяин. Дервиша усаживают, и пирушка продолжается.

За полночь хозяин расплатился с музыкантами. Когда они ушли, дервиш спрашивает:

— Как тебя звать, братец?

— Гасан.

— Не взыщи за вопрос, братец Гасан: каким ремеслом ты занимаешься и много ли зарабатываешь? Живётся тебе, как я погляжу, весело.

— Веселье, оно недорого стоит, дервиш-баба, — отвечает хозяин. — На любые гроши можно жить в своё удовольствие. Я башмачник, починаю обувь, доход у меня невелик. По вечерам половину того, что заработал за день, трачу на житьё-бытьё, а другую половину — на музыкантов, ты их видел. Сидим себе, веселимся. А пошлёт бог гостя наподобие тебя — совсем хорошо.

— Дай тебе господь радости, братец Гасан! А если вдруг не станет у тебя скудного этого заработка — что тогда?

— Отчего же не станет, дервиш-баба?

— Взбредёт, скажем, халифу в голову запретить башмачное ремесло...

— Можно подумать, у халифа нет больше забот, кроме как сживать со свету башмачников! И что мы ему худого сделали? Да и вообще: случится беда, тогда и помозгуем. А покамест, дервиш-баба, давай-ка на боковую. Бог милостив, у весельчака веселья не убудет. Жизнь, она такая: как пошло, так и идёт.

— Дай-то бог! — сказал дервиш, и они легли.

2

На рассвете дервиш ушёл. Немного погодя по улицам и площадям Багдада разнеслись зычные выклики глашатаев, возгласивших указ халифа: отныне лавки башмачников

должны быть закрыты, и никто не вправе кормиться этим ремеслом. А послушникам сечь головы.

Бедный Гасан! Отняли у него шило, отвесили оплеуху, вытолкали взашей из крохотной лавчонки, а дверь заколотили.

Вечером халиф Гарун аль Рашид, опять же в одежде дервиша, отправляется бродить по городу. Снова проходит он тем закоулком, где живёт весельчак Гасан.

И снова доносятся из Гасановой лачуги музыка и песни. Гарун аль Рашид отворяет дверь.

— Это ты, дервиш-баба? Здравствуй! Милости просим, присаживайся.

Рассаживаются они и до полуночи едят и пьют, поют и играют — словом, веселятся.

В полночь музыканты получили, что им причитается, и распрощались. Хозяин и гость остались вдвоём.

— Знаешь, дервиш-баба, что случилось?

— Что же?

— То самое, о чём ты говорил давеча. Халиф издал указ и запретил наше ремесло.

— Да что ты! — удивляется гость. — Где же ты тогда добыл денег на нынешнее застолье?

— Попался мне на глаза глиняный кувшин, я и стал продавать воду. Половина того, что заработал, пошла на житьё-бытьё, другая половина — на музыкантов. Вот и повеселился.

— А вдруг халиф и воду продавать запретит — что тогда?

— Да чем же мы ему досадили, разносчики воды? И чего ради мне ломать над этим голову? Вот запретит, тогда и помозгую. Не бойся, братец, непременно найдётся кусок хлеба и крыша над головой, чтобы я повеселился.

— В добрый час, Гасан! — сказал дервиш и ушёл.

3

Наутро глашатаи оповестили весь Багдад: так, мол, и так, халиф Гарун аль Рашид повелевает разбить кувшины разносчиков воды и в клочья изодрать их бурдюки, ибо вода дарована богом и никто не вправе торговать ею.

Бедный Гасан! Не успел он набрать воды, как у него разбили кувшин, и зашагал он несолоно хлебавши восвояси.

Вечером халиф снова оделся дервишем и отправился бродить по городу. Снова подходит он к лачуге весельчака Гасана, и снова там звучат музыка и песни. Гарун аль Рашид отворяет дверь.

— Это ты, дервиш-баба? Милости просим, проходи, присаживайся. Попируем, день продлим, а ночь скоротаем. Повеселимся, дервиш-баба, веселье, оно лучше печали.

— Что да, то да, веселье лучше! Всем умирать, кто может, пускай веселится, — откликается дервиш и подсаживается к Гасану.

Ночью певцы получили, что им причитается, и распрощались. Дервиш и хозяин остались вдвоём.

— Братец Гасан, что я слышал! Говорят, будто халиф запретил торговать водой. Неужто правда?

— Истинная правда, дервиш-баба! Поразбивали наши кувшины. Ты, братец, оказался настоящим пророком, что ни скажешь, всё исполняется.

— На какие же деньги ты опять пируешь?

— По-твоему, дервиш-баба, на деньгах свет клином сошёлся? Заработать нетрудно. Подрядился я помогать одному ремесленнику. Половину того, что получил за день, потратил на житьё-бытьё, другую половину — на музыкантов. Вот и веселюсь. Какая у человека душа, так он и живёт.

— Ей-богу, человеку с такой душой, как у тебя, место во дворце! — восклицает дервиш.

— Ну, дервиш, все твои слова исполняются в точности! Вдруг исполнятся и эти?!

— Отчего бы им и не исполниться? Нет на свете ничего невозможного, — ответил дервиш.

На том и расстались.

4

Спозаранок в дверь Гасановой лачуги забарабанили служилые люди:

— Здесь ли живёт весельчак Гасан?

— Это я, — отвечал удивлённый хозяин.

— Именем халифа — следуй за нами.

Ведут Гасана прямо во дворец. Объявляют, что халиф берёт его на службу. Наряжают в придворные одежды, подвешивают к поясу меч и ставят на часы у дворцовых ворот. Проторчал Гасан у этих ворот весь день. А как стемнелось, выпроводили его домой и ни гроша не заплатили: утром, говорят, сызнова явишься и станешь на часы.

Вечером халиф Гарун аль Рашид оделся дервишем и отправился бродить по городу.

Подошёл он к Гасановой лачуге. Прислушался. Что за притча! Снова доносятся оттуда музыка и песни, Гасан снова пирует. Гарун аль Рашид отворил дверь.

— Это ты? Входи же! Ах, дервиш, дервиш, дай тебе бог здоровья! Исполнились давешние твои слова, халиф взял меня на службу во дворец.

— Да что ты!

— Господь свидетель.

— Должно быть, хорошо заплатили?

— Куда там! Ни гроша не дали. Выпроводили домой с пустыми руками.

— Так откуда ж у тебя деньги на эту пирушку?

— Присаживайся и слушай. Подвесили мне к поясу меч. Иду я вечером домой и думаю: людей мне, что ли, убивать? Вот и продал булатный клинок, а вместо него заказал себе деревянный. Сунул его в ножны — и домой. А на деньги от клинка устроил пирушку. Ну что, дервиш, славно я придумал? Лучше веселиться, чем пугать людей мечом.

Дервиш рассмеялся.

— Славно-то оно славно. А вдруг завтра халиф велит тебе: отсеки, дескать, голову преступнику. Что тогда, Гасан?

— Типун тебе на язык, горевестник дервиш! — осерчал Гасан. — Что ты ни говоришь, как на грех, исполняется. Нет бы сказал что-нибудь хорошее.

Гасан не на шутку встревожился. На сердце у него скребли кошки, и он всю ночь не сомкнул глаз.

Не зря боялся Гасан. Назавтра халиф и впрямь призвал его к себе и торжественно, перед всем двором повелел отсечь голову преступнику.

— Обнажи меч и отсеки ему голову!

— Много лет здравствовать тебе, великий государь! — в ужасе проговорил Гасан. — Я отроду никого не убивал, я не смогу... У тебя при дворе много искусных воинов — повели им.

— Я повелеваю тебе! — сдвинул брови халиф. — Промедлишь ещё мгновение, лишись головы сам. Обнажи меч!

При этих словах бедолага Гасан шагнул к преступнику, простёр руки ввысь и взмолился: — Господи боже, тебе ведомо, кто прав и кто виноват. Если этот человек виновен, дай мне сил снести ему голову единым ударом! Если же он безвиновен, обрати мой меч в деревяшку!

Сказал и выхватил меч... Деревяшка! Придворные в изумлении воззрились на чудо. И здесь халиф Гарун аль Рашид расхохотался, открыл правду и поведал своим придворным всё как есть.

Те тоже вдоволь посмеялись и воздали хвалу обоим — и весельчаку Гасану, и халифу. Смелся даже несчастный преступник — он стоял на коленях и, вытянув шею, дожидался казни. Халиф даровал ему жизнь. Что до Гасана, то он объявил его своим любимцем и пожаловал ему важный сан, чтобы тот жил в трудах и не знал нужды, веселился и учил других радоваться жизни.

РАЙСКИЙ ЦВЕТОК

Жил некогда на свете купец. Была у него дочь, и звали её Цахик — цветок. Она и впрямь была как цветок — такая нежная, такая милая, такая красивая.

Отец души не чаял в дочери. Собрался он как-то в чужедальние края и спрашивает:

— Чего тебе привезти, дочка?

— Привези мне райский цветок.

— Хорошо, — говорит, — привезу.

Отправляется он в путь, ездит из страны в страну, торгует. А покончив с делами, принимается искать райский цветок, чтобы подарить дочери. Тут про него спрашивает, там про него спрашивает — никто слыхом не слыхал, что это такое, райский цветок, и где он растёт.

Встречает в конце концов одного старика. Тот указывает ему дорогу: пойдёшь, говорит, по этой дороге туда-то и туда-то и найдёшь свой цветок. Только опасайся, говорит, Белого дэва, он его стережёт.

Отец, он и есть отец. Как говорил старик, так он и идёт. Долго ли идёт, коротко ли, добирается наконец до того места, где растёт райский цветок. А едва потянулся к нему, подымается вихрь, подымается ураган, а с ним вместе возникает откуда ни возьмись чудище. Человек не человек, зверь не зверь, но рычит наподобие зверя.

— Ты зачем сорвал мой цветок? Тебе за это смерть!..

— Смерть... Смерть... — отозвалось всё кругом.

Купец в страхе падает перед чудищем наземь.

— Прости, — говорит, — о могучий! Дочке хотел приятное сделать.

— Прощу, — рычит чудище в ответ, — коли ты отдашь мне свою дочь.

— Хорошо.

— Раз хорошо, дарю тебе жизнь. Ступай. И запомни, как только гора напротив вашего дома побелеет, я приду за Цахик. Это будет мой знак.

Это чудище и было Белым дэвом.

Возвращается купец домой. Дочка с радостью выбегает его встречать, бросается на шею. Отец целует её, протягивает райский цветок, а обо всём, что с ним приключилось, и о своём уговоре с Белым дэвом — ни звука. Ни звука-то ни звука, но сам только про это и думает, и снедает его тоска. Чем больше проходит времени, тем сильнее он тоскует. Встаёт как-то поутру, глядь — гора напротив их дома побелела. Тут он и заплакал. А как стали его выспрашивать, не смог больше таиться и поведал об всём: так, мол, и так, я слово дал, вскорости Белый дэв придёт за Цахик.

— Не беда, отец, — говорит Цахик, — не плачь. Я пойду с Белым дэвом, будь что будет.

А Белый дэв тут как тут — ломится в дверь и рычит:

— Где Цахик, где она?.. Отдайте мне её!

Рычит, и от ледяного его дыхания дрожат деревья и темнеет всё окрест — куда уж там людям тягаться с ним! Вывели они Цахик, принаряженную, красивую, с райским цветком в руке, и дали Белому дэву, а тот нагнал на неё со зловещим посвистом и жутким рёвом холод и темь, подхватил крыльями вихря и унёс в мгновение ока. Унёс он её в бездонную пропасть в расщелине Масиса. Там, в бездонной той пропасти, в неприступном, объятom стужей и мраком краю стоял его хрустальный чертог. Из этого чертога и спускался он на землю, овевал мир морозом и ужасом, подхватывал и уносил всё живое, что попадалось ему на пути. Унёс и заточил в хрустальном своём чертоге и прекрасную Цахик.

И потянулись месяц за месяцем. Как-то раз в начале весны, когда Белого дэва не было дома, девушка решила бежать. Воротился дэв, а Цахик-то и нет. Взъярился он, собрал всю свою колдовскую силу и, завывая как вихрь и свистя словно змей, кинулся в погоню. Девушка между тем добежала до подножия Арагаца. Оборачивается и видит — настигает её Белый дэв. Настигает, ох, настигает — упаси её бог и помилуй! Кричит она от страха, зовёт на помощь. Едва позвала, бог распахнул перед нею дверь. Вошла она в недра горы, и дверь прямо перед носом у Белого дэва захлопнулась.

Ярится дэв пуце прежнего, бьётся широченными своими крыльями о вершину Арагаца и рычит:

— Где Цахик, где она?.. Отдайте мне её!

Пусть он себе здесь рычит, мы пойдём следом за Цахик да поглядим, что же с нею стало, когда вошла она в волшебную дверь.

Входит Цахик в волшебную дверь, оказывается в райских кущах и слышит тысячеголосую песню:

В золочёном гробу, в изумрудном дворце,
Злою силою замороженный,
То ли жив, то ли мёртв — ни кровинки в лице —
Спит Ари, от всего отрешённый.
Так и будет, пока не рассеет она
Эту силу волшебную злую,
С новой жизнью и новой любовью, нежна,
Храбреца не оплачет, целуя.

Цахик идёт и идёт, а сад внезапно наполняется ликующим гулом, и отовсюду доносится радостная песня:

Вот пришла его царица
Из неведомой земли.
Скоро к жизни возродится
Царь Ари-Арманели.
Скоро встанет, улыбнётся
Наш Ари-Арманели,
Чтоб опять светило солнце
И опять цветы цвели.
Колдовство твоё слабеет,
Лютый враг, Белый дэв.
Снова жизнь зазеленеет,
Всей землёю завладеет.

И впрямь, идёт Цахик — и что же видит? Посреди сада — изумрудный дворец, во дворце — золочёный гроб, а в гробу — прекрасный юноша, то ли жив, то ли мёртв, спит, едва дыхание теплится. Видит это Цахик, сжимается у неё сердце, мочи нет терпеть, и слёзы сами льются из глаз. Наклоняется она и целует юношу. Слёзы капают юноше на лицо, он открывает глаза и вдруг встаёт — стройный, как явор в раю.

Он, этот юноша, и был Ари-Арманели.

— Кто ты, красавица, — спрашивает Ари-Арманели, — и как здесь очутилась?

Цахик поведала про то, что с ней приключилось, про то, как стала она пленницей Белого дэва, и про то, что он гонится теперь за нею.

— Слышу, слышу страшный его голос, — говорит Ари-Арманели. — Он и меня заколдовал, погрузил несколько месяцев назад в этот похожий на смерть сон. И так — каждый год. Я остаюсь заколдованным, покуда кто-нибудь не рассеет его чары. Ныне их рассеяла ты. Сейчас я буду биться с ним.

Как сказал, так и сделал. Взял меч-молнию и вышел. Стали лицом к лицу две враждебные силы и схватились в роковом поединке. Крушат друг друга, разят друг друга — всё смешалось, и не понять, где небо, где твердь. Грохочет в тёмных тучах Белый дэв, грозно сверкает меч-молния в руке Ари-Арманели, и сотрясается, ходуном ходит земля. Наконец разбитый и поверженный Белый дэв, плача и захлёбываясь слезами, урча и шумя потоками, сызнова убирается в мрачное своё царство, в бездонную пропасть на Масисе, и запирается в своём хрустальном ледяном чертоге. И мир достаётся прекрасному победителю.

И начался в долине Аракса чудесный, дивный праздник. Ари-Арманели и Цахик обвенчались. И природа щедро явила на свет свои несказанные красоты, и слились воедино гомон и щебет, трели и песни неисчислимых пичуг и птах, и выиграло и возликовало всё живое и сущее, и поверх всего вознесла волшебную свою арку семицветная радуга, а над нею сияло и улыбалось миру животворное весеннее солнце.

И этот праздник повторяется каждый год, потому что каждый год Белый дэв околдовывает юношу Ари-Арманели и похищает прекрасную Цахик.

1911

ХРАБРЫЙ НАЗАР

1

То ли было это, то ли не было, жил никчёмный человечиска, звали его Назаром. Был этот Назар неумёха и лодырь, а вдобавок и трус — такой трус, что в одиночку шагу не ступит, хоть ты его убей. День-деньской тенью ходил за женой: она за порог, и он за порог, она домой, и он туда же. Оттого и прозвали его Трусишка Назар.

Однажды ночью вышел Трусишка Назар с женой во двор. Вышел он во двор и видит: луна на небе сияет, ночь светлая, ясная. Он возьми и скажи:

— Ах, жена, в такую ночь только караваны грабить... Сердце меня подзадоривает: ступай, ограбь шахский караван из Индии, то-то поживишься...

Жена ему:

— Сиди-ка лучше да помалкивай. Тоже мне грабитель нашёлся!

А Назару всё неймётся.

— Ты что же это, вздорная баба, не даёшь мне караван ограбить да поживиться немного?! Мужчина я или не мужчина? Не смей мне перечить!

Разошёлся не на шутку, а жена шмыг домой и дверь за собой захлопнула.

— Будь ты неладен, трусишка этакий! Ступай грабь караваны.

Остался Назар под дверью. Стоит, от страха ни жив ни мёртв. Просит жену, умоляет отворить дверь и впустить его, а та ни в какую. Отчаялся Назар, притулился у стены и дрожмя дрожа сидел там, покамест не рассвело. Вот уж и солнышко припекает, а разобитый Назар всё ждёт, что жена сама придёт за ним, ждёт и думает свою думу. День летний, знойный, мухи осатанели, а Назар до того ленив, что ему и нос лень себе утереть, — вот мухи к нему и липнут. Досаждают — мочи нет. Наконец, поднимает Назар руку и хлоп себя по лицу. Хлоп себя по лицу, мухи так и посыпались.

— Это ещё что? — изумился Назар.

Попытался он сосчитать, сколько мух убил одним ударом, да не получается. Сбился со счёта и решил, что не меньше тысячи.

— Вот так-так, — говорит. — Я, оказывается, мужчина хоть куда, а доныне знать про это не знал. Коли я могу единым махом прибить тысячу живых тварей, что ж я тогда от бабы-то ни на шаг?

Поднимается — и напрямик к сельскому попу.

— Благослови, отче.

— Благослови тебя господь, сын мой.

— А тебе ведь, батюшка, и невдомёк...

Поведал Назар о своей доблести, а под конец заявил, что не след ему сидеть возле жены, а раз так, есть у него просьба: пусть батюшка напишет про его подвиг, чтобы люди узнали о нём и он не позабылся в безвестности. Поп шутки ради и напиши на тряпичном лоскуте:

Храбрым Назаром зовётся не даром
Тысячу бьющий единым ударом.

И протянул Назару.

Назар цепляет тряпичный этот лоскут к концу палки, прилаживает к поясу обломок зажавелого меча, взбирается на соседского осла — и в путь.

2

Покидает он деревню и оказывается на дороге. Едет и сам не знает, куда она его ведёт.

Едет он, едет, оборачивается и видит — деревня-то далеко. И разбирает его страх. Чтобы приободриться, затягивает он песню, сперва под нос, а потом в голос разговаривает сам с собой, понукает осла. И чем дальше едет, тем сильнее одолевает его страх, а чем сильнее одолевает его страх, тем громче он горланит, орёт и вопит. Следом за ним и осёл поднимает рёв. Напуганные этими криками и рёвом, птицы снимаются с деревьев, зайцы разбегаются по кустам, лягушки кидаются из камышей в воду.

Назар вопит пуще прежнего, а едва въезжает в лес, ему мерещится, будто из-за каждого дерева, из-за каждого камня, из-за каждого куста вот-вот выскочит и набросится на него зверь или разбойник, и принимается он орать благим матом — избави бог услышать.

И надо ж такому случиться, в эту самую пору идёт себе по лесу крестьянин и ведёт под уздцы кобылу. Слышит страшный этот ор и застывает на месте.

— Ох, — говорит, — видно, конец мой настал. Не иначе разбойники.

Бросает он кобылу, сворачивает в лес и бежит во весь дух, ног под собою не чуя со страху.

Везёт же тебе, Храбрый Назар!

Вопит Назар во всё горло, а подъезжает поближе, глядь — стоит на дороге осёдланная лошадь, ни дать, ни взять его поджидает. Слазит он с осла, забирается на осёдланную эту лошадь — и дальше.

3

Долго ли Назар ехал, коротко ли — о том ему одному ведомо, только очутился в селе: ни он села в глаза не видел, ни село его. Куда пойти, к кому ткнуться? Из одного дома доносится звук зурны, туда он и направляет кобылу. Отворяет дверь и попадает на свадьбу.

— Добрый вам день!

— И тебе того же, добро пожаловать! Милости просим!

Милости просим да милости просим — гость, он от бога. Ведут Назара с его знаменем и усаживают на почётное место во главе застолья. Видел бы ты, чем его потчуют, — каких яств, какого питья здесь не было!

Гостям на свадьбе любопытно — кто он, странный этот незнакомец. Один старик в конце стола толкает в бок соседа — кто, дескать, таков? — тот толкает своего соседа, так и толкают друг дружку, покамест черёд не доходит до попа — он тоже сидел на почётном месте. Поп с грехом пополам читает на знамени гостя:

Храбрым Назаром зовётся недаром
Тысячу бьющий единым ударом.

Читает и в страхе повторяет соседу, тот другому, другой третьему, третий четвёртому, и так — до самых дверей, и вот уже вся свадьба о том только и толкует, что новый гость — непобедимый герой:

Храбрым Назаром зовётся недаром
Тысячу бьющий единым ударом.

— Он самый — Храбрый Назар, — восклицает какой-то пустозвон. — Сильно изменился, я его спервоначала и не признал.

Тут же находятся люди, которые рассказывают о славных Назаровых подвигах, о давнем с ним приятельстве и проведённых вместе деньках.

— Отчего же у такого человека нет при себе ни одного слуги? — недоумевают иные.

— Такой уж у него обычай, не любит странствовать со слугами. Я его как-то спросил, а он и говорит: на что мне слуги, мне весь мир слуга.

— Отчего ж у него тогда пристойного меча нет, ржавую железяку к поясу прицепил?

— В том-то как раз и ловкость: так ударить ржавой этой железякой, чтобы разом прибить тысячу. С хорошим мечом любой удалец не пропадёт.

Поражённые гости подымаются на ноги и пьют за здоровье Храброго Назара. А первый среди них умник произносит перед Назаром речь: давно мы, дескать, слышаны о великой твоей доблести, мечтали взглянуть на твоё лицо и сегодня счастливы видеть тебя здесь.

Назар только вздыхает и машет рукой. Народ перемигивается: нас, мол, не проведёшь, неспроста он вздыхает и рукой взмахивает...

И пировавший со всеми ашуг мигом складывает песню и поёт:

Милости просим, побудь среди нас,
Гордый орёл наш и свет наших глаз,
Счастливы быть мы с тобою сейчас!
Храбрым Назаром зовёшься недаром,
Тысячу бьющий единым ударом.

Ты украшаешь наш праздничный пир,
Ты прославляешь собою весь мир,
Тех защищаешь, кто беден и сир.
Храбрым Назаром зовёшься недаром,
Тысячу бьющий единым ударом.

Ты наш властитель и наш господин.
Будем служить мы тебе, как один,
Чтобы избегнуть суровых годин.
Храбрым Назаром зовёшься недаром,
Тысячу бьющий единым ударом.

И захмелевшие гости разбредаются по домам, разнося по всему свету весть: едет тот,
кто

Храбрым Назаром зовётся недаром
Тысячу бьющий единым ударом.

Рассказывают они про его удивительные подвиги, описывают грозный его облик. И люди повсюду нарекают новорождённых именем Храброго Назара.

4

Покидает Назар свадьбу и снова пускается в путь. Едет, едет и достигает зелёного луга. Отпускает кобылку попасть на зелёном этом лугу, втыкает знамя в землю, а сам ложится в его тени вздремнуть.

Почём ему было знать, что в том краю живут семеро братьев-великанов, атаманы семи разбойничьих шаек. Это были их владения, а крепость их стояла на макушке ближней горы. Смотрят великаны сверху — заехал на их землю человек и спешивается. Смотрят и удивляются: что это за удалец такой и о скольких он головах, коли бесстрашно улёгся посреди их луга, а лошадь пустил пастись? У каждого из братьев-великанов была сорокалитровая¹ булава. Берут они сорокалитровые эти булавы и идут. Подходят поближе и что же видят? Пасётся кобыла, рядышком спит человек, в головах у него знамя, а на знамени написано:

Храбрым Назаром зовётся недаром
Тысячу бьющий единым ударом.

Ну и ну, Храбрый Назар! Великаны прикусили языки и обмерли. А ты как думал, молва, которую разнесли после свадьбы охмелевшие гости, долетела и до них. Стоят перепуганные братья и дожидаются, когда наконец Назар проснётся. Просыпается Назар, открывает глаза, видит перед собой семерых страшных великанов с булавами на плечах, и душа у него уходит в пятки. Прячется он за своё знамя, а сам дрожит будто осиновый лист. Как заметили великаны, что Назар переменялся в лице и пошёл мелкой дрожью, — ну, думают, осерчал, того гляди прибьёт одним махом всех семерых. Бух перед ним на колени и умоляют:

— Храбрым Назаром зовёшься недаром!
Тысячу бьющий единым ударом,

мы слышали грозное твоё имя и мечтали увидеть тебя. Теперь твоя нога ступила на нашу

¹ Лидр — мера веса.

землю, и мы счастливы. Мы, семеро братьев, верные твои слуги. Вон, на макушке горы, наша крепость, а в ней наша красавица сестра. Умоляем, окажи нам милость, будь нашим гостем, отведай нашего хлеба...

Тут Назар мало-помалу приходит в себя и садится на коня, а великаны, шагая впереди с его знаменем в руках, торжественно провожают его в крепость. Провожают в крепость, а там чествуют Назара царскими почестями и так восхищаются его подвигами, так славословят его, что красавица сестра в него влюбляется. Стоит ли говорить, каким почётом и уважением окружён он отныне?

5

В эту пору появляется в тех краях тигр и нагоняет на людей ужас. Кто убьёт тигра, кому это по плечу? Храбрый Назар и убьёт, ясное дело. Кто ещё осмелится выйти против тигра? Вся надежда на него: на небе бог, на земле Храбрый Назар.

Услыхав про тигра, Назар кидается наутёк — хочет убраться восвояси, а народ кругом думает: торопится тигра убить. Суженая удерживает его: куда ты, дескать, безоружный бежишь, возьми оружие и ступай. Приносят ему оружие, чтобы новый подвиг укрепил громкую его славу. Берёт Назар оружие, уходит. Идёт в лес, взбирается на дерево и хоронится среди ветвей, лишь бы ему не видеть тигра, а тигру не видеть его. Жмётся Назар к стволу, трясётся со страху. А треклятого тигра нелёгкая принесла, как на грех, точнёхонько под это дерево. Приходит он, стало быть, и ложится.

Как увидел Назар тигра, в глазах у него потемнело, кровь в жилах похолодела, руки-ноги ослабели, и — бах! — он валится на зверя. Тигр вскакивает с места, а Назар, ополоумев со страху, цепляется за его спину. Во всю прыть несётся ошалелый тигр с обезумевшим Назаром на спине, несётся по горам и долам куда ноги несут.

Смотрят люди — что за диво, Храбрый Назар верхом на тигре мчится.

— Эгей, сюда! Гляньте, Храбрый Назар оседлал тигра, будто лошадь. А ну-ка и мы за ним.

И, воспрянув духом, с криком и гиком окружают тигра — кто с кинжалом, кто с ружьём, кто с камнем, кто с дубинкой — и убивают его.

Опамятовался Назар и пошёл чесать языком:

— Жаль, — говорит, — зря вы тигра убили. Насилу коня себе подыскал. Ездить бы на нём и ездить...

Достигает весть крепости. Мужчины и женщины, весь народ от мала до велика высыпает навстречу Назару. Складывают про него песню, поют:

На ратной тропе
Нет равных тебе,
Ты послан всевышним нам в дар,
О Храбрый Назар!

И тигра ты вмиг
Как сокол, настиг,
Как молния или пожар,
О Храбрый Назар!

По лесу гоня,
Из тигра коня
Ты сделал, отважен и яр,
О Храбрый Назар!

Так славься ж, кто нас
Избавил и спас
От страшных напастей и кар!
О Храбрый Назар!

И обвенчали Храброго Назара с красавицей невестой, сестрой великанов. Семь дней, семь ночей играли свадьбу, славили песнями царя и царицу.

Новый месяц ясно светит
Над горою, над горой.

Новый месяц ясно светит —
Это ты, Назар-герой.

Солнце новое сияет —
Это чья отрада, чья?

Солнце новое сияет —
Это милая твоя.

Царь наш красен, ох, прекрасен,
Красен взор его и ясен,
И красна его корона,
И красны подушки трона.
И царица-молодица
С красным солнышком сравнится,
Словно солнышко она —
Столь прекрасна, столь красна.

И лучится красный свет.
Царь с царицею, привет!
Будьте здоровы, будьте здоровы:
Долгой жизни вам и славы!

6

А к этой девушке, скажу я тебе, сватался царь соседней страны. Как узнал он, что красавица досталась не ему, а другому, созвал рать и пошёл войной на семерых братьев.

Идут семеро великанов к Храброму Назару: так, мол, и так, начинается война. Отвешивают земной поклон и ждут приказов.

При вести о войне Назара охватывает ужас, выбегает он сломя голову из дому, чтобы побыстрее убраться восвояси. А народ думает: хочет немедля напасть на вражью рать. Заступают ему дорогу, хватают за руки, упрашивают: куда же ты, мол, без оружия и доспехов, да ещё в одиночку, жить, что ли, надоело?

Приносят оружие и доспехи, а жена умоляет братьев: не пускайте безрассудного в своей отваге Назара идти на врага одному. И летит из уст в уста молва, а лазутчики доносят её и до недруга: дескать, Храбрый Назар без оружия и доспехов в одиночку рвётся на поле брани, насилиу его удержали, чтобы снарядить в подмогу ему войско.

На поле битвы подводят к Назару лихого скакуна, усаживают в седло. Воодушевлённое войско раздражается громогласными кликами: «Да здравствует Храбрый Назар! Смерть врагу!» — и готово выступить вслед.

Почуя никудышного наездника, скакун под Назаром ржёт и, закусив удила, во весь опор мчится вперёд, напрямик на вражью рать. Храбрый Назар пошёл в атаку, думают воины, кричат «ура!» и бегут, исполненные смелости, в сечу. Видит Назар, что не сладить ему с конём, того гляди свалится, и хватается за первое попавшееся дерево, а дерево — надо же такому быть! — гнилое, и здоровенный что твоё бревно сук остаётся у него в руке. Вражья рать, наслышанная о Назаровой мощи, и без того порядком робела, а как увидела эту самую мощь своими глазами, и вовсе потеряла голову. Поворачивает — и наутёк.

— Спасайся, кто может! Храбрый Назар скачет, деревья с корнями вырывает!

Счёту нет, сколько врагов полегло в тот день, а кто уцелел, сложил оружие к ногам Храброго Назара и присягнул служить ему не за страх, а за совесть.

С кровавого побоища возвращается Храбрый Назар в крепость великанов. Народ радуется победе и, несказанно ликуя, встречает своего героя приветственными возгласами и здравицами, песнями и музыкой. Девушки подносят ему цветы, достойные мужи произносят речи. Такой Назару почёт, такая слава, что у него голова кругом идёт.

Осыпают его почестями, провозглашают государем и усаживают на царский трон. Становится Храбрый Назар царём, а братьев-великанов делает важными вельможами. Глядь — весь мир у его ног.

Сказывают, он и доныне здравствует и царит, Храбрый Назар. А когда затевают при нём речь об отваге, уме и божьем даре, он знай посмеивается.

— Какая, — говорит, — отвага, какой ум, какой божий дар! Вздор всё это. Везение — вот что нужно. Повезёт тебе — и радуйся!

И сказывают, он и доныне радуется, Храбрый Назар, и смеётся надо всем на свете.

1912

СМЕРТЬ КИКОСА

Жили бедняки, муж и жена, и было у них три дочери.

Работал однажды отец, захотелось ему пить, он и послал старшую дочку за водой. Взяла дочь кувшин и пошла к роднику. У родника росло высокое дерево. Поглядела девушка на дерево и задумалась: «Выйду я в свой срок замуж, и родится у меня сынок, и назовём мы его Кикосом. Заберётся Кикос на это дерево да и упадёт. Расшибётся о камень и умрёт».

— Ой, Кикос, горемычный ты мой!..

Села она под деревом и ну причитать:

Замуж я пошла,
Сына родила
С шапкою волос,
Назвала Кикос.
С дерева упал он,
И уже не встал он...
Ой-ой-ой-ой-ой!
Горемычный мой!

Ждёт мать дочку, ждёт, а её нет как нет. Посылает она тогда среднюю дочь.

— Ступай, — говорит, — взгляни, отчего сестра не идёт.

Средняя дочка и пошла.

Как завидела её старшая сестра, так и заплакала в голос:

- Погляди, погляди, злосчастливая тётушка, что случилось с твоим Кикосом!
- С каким таким Кикосом?
- Да ты что!

Замуж я пошла,
Сына родила
С шапкою волос,
Назвала Кикос.
С дерева упал он,
И уже не встал он...
Ой-ой-ой-ой-ой!
Горемычный мой!

— Ой, Кикос, бедный ты мой! — закричала средняя сестра, под села к старшей и запричитала с ней вместе.

Ждёт мать дочек, ждёт, а их нет как нет. Посылает она тогда младшую.

— Сбегай, — говорит, — взгляни, что там с твоими сёстрами стряслось. — Ушли и пропали.

Вот и младшая дочка пошла. Подходит, глядь — сидят сёстры у родника и заливаются слезами.

— Чего это вы плачете?

А старшая и говорит: так, мол, и так,

Замуж я пошла,
Сына родила
С шапкою волос,
Назвала Кикос.
С дерева упал он,
И уже не встал он...
Ой-ой-ой-ой-ой!
Горемычный мой!

— Горе твоей тётушке, Кикос, горе мне! — зарыдала младшая, под села к сёстрам и закрыла лицо руками.

Ждёт мать дочек, ждёт, а их нет как нет. Делать нечего, пошла сама.

Как завидели её дочери, запричитали пуще прежнего:

— Погляди, погляди, злосчастливая бабушка, что случилось с твоим внуком.

— Какой такой внук? Да что стряслось-то?

Старшая дочь и говорит: так, мол, и так, матушка,

Замуж я пошла,
Сына родила
С шапкою волос,
Назвала Кикос.
С дерева упал он,
И уже не встал он...
Ой-ой-ой-ой-ой!
Горемычный мой!

— Горе-то какое, Кикос, родной ты мой! — ударила себя по коленям мать, под села к дочерям и запричитала с ними вместе.

Муж видит: ушла жена за дочками и тоже будто в воду канула. Схожу-ка, думает, взгляну, что там приключилось, отчего как ушли они друг за дружкой, так и застряли?

Встал и пошёл.

Как заприметили его жена с дочерьми, так и заголосили что было мочи:

— Погляди, погляди, злосчастный дедушка, на своего Кикоса! Бедный Кикос!

— Какой такой Кикос? Что с вами?

Старшая дочь и говорит: так, мол, и так, отец,

Замуж я пошла,
Сына родила
С шапкою волос,
Назвала Кикос.
С дерева упал он,
И уже не встал он...
Ой-ой-ой-ой-ой!
Горемычный мой!

— Ой, Кикос, горемычный ты наш! — ударили себя по коленям мать и дочери и запричитали.

Отец был умнее их всех.

— Вот глупые, — говорит. — Чего вы тут расселись и слёзы льёте. Причитай не причитай, Кикоса не воротить. Подымайтесь, пошли домой. Позовём людей, отпоём Кикоса, справим по нему поминки. Слезами горю не поможешь. Так уж заведено: кто родился, тот и помрёт.

И что ты думаешь? Всего-то и было у них добра — вол да немного муки. Закололи они вола, испекли хлеба, позвали людей, отпели в церкви Кикоса, справили поминки, а там и успокоились.

1913

ПРО НЕДОТЁПУ ФАНОСА

Жил некогда бедняк, звали его Фаносом. Славный был человек, но за какое дело ни возьмись, всё получалось шиворот-навыворот и выходило ему боком. Оттого и прозвали его Недотёпа Фанос. Добра у него было всего ничего: пара волов, телега да топор.

Запрягает он как-то раз волов, берёт топор и отправляется в лес по дрова. Приезжает в лес и думает: срубишь дерево, а сколько с ним ещё мороки — шутка сказать, взгромоздить такую махину на телегу. Подгоню-ка я лучше волов к дереву, а как срублю, оно и ляжет куда надо.

Сказано — сделано.

Поставил он упряжку возле большущего дерева, сам зашёл с другой стороны, топор в руки и рубить: трах-тарарах. Долго ли рубил, коротко ли, ему одному ведомо. В конце концов дерево со скрипом накренилось, рухнуло вниз, в щепы разнесло телегу, а волов придавило насмерть. Фаноса даже оторопь взяла. Как теперь быть? Берёт он топор и тащится, почёсывая затылок, восвояси.

Идёт Фанос берегом озера. Видит, плавают по озеру дикие утки. Чего, говорит, нос вешать, ну, дал маху, с кем не бывает? Убью-ка я лучше уточку да отнесу жене. Говорит он это, примеривается и швыряет в уток топор — хоть одну, мол, зашибёт. Утки всполошились, закрикали — и врассыпную: кто в камыши, кто вовсе улетел, а топор упал посреди озера, пошёл ко дну, и нет его.

Стоит Фанос на берегу и раздумывает. Теперь-то как быть? Стаскивает с себя одежду, складывает её, а сам лезет в воду за топором. Идёт, идёт, видит — глубоко, чего доброго потонешь, и поворачивает вспять.

И бывает же такое — покамест Фанос забирался всё глубже, по берегу шаггал прохожий. Видит, у воды брошена одежда, а Фаноса за камышами не приметил. Подобрал одежду и пошёл своей дорогой.

Вылазит Фанос из воды, видит, нет одежды. Переминается с ноги на ногу и думает: «Вот незадача, господи боже! Куда нагишом пойдёшь?»

Дождидается он темноты. А как стемнелось, подымается и идёт в деревню. Подходит к деревне и говорит себе: как же я, мол, перед домочадцами появлюсь в чём мать родила? Разговоров не оберёшься. Схожу лучше к брату, оденусь, а там уж и к жене.

Поворачивает — и к брату.

А брат — не везёт, так не везёт! — созвал той ночью гостей, пируют, веселятся. Приоткрыл Фанос дверь — поглядеть, что за шум, а кому-то почудилось — пёс, он и швырни ему обглоданную кость; кость угодила Фаносу в глаз и выбила его.

Фанос взвыл от боли и отпрянул от дверей; сбежались на крик собаки — ого, мечется в потёмках голый человек! — и набросились на него со всех сторон. На лай высыпали люди, видят, улепётывает кто-то нагишом, а за ним собаки. Ясное дело, думают, чёрт!

С гиком и свистом, гоготом и бранью носились они за ним, наступая на пятки, покуда не загнали в чащу леса. Покусанный собаками, голый, охромелый, с выбитым глазом, насили унёс бедняга Фанос ноги да так и сгинул.

Назавтра по деревне пополз слух, что Фанос пропал. Поехал, мол, в лес по дрова и был таков. Сельчане собрались и двинулись всем миром на поиски; придавленных волов и поломанную телегу нашли, а хозяина нет.

Там ищут, тут ищут, выпрашивают, выпытывают, наконец находят у одного Фаносову одежду.

— Эй, приятель, как она у тебя очутилась?

Тот и отвечает: так, мол, и так, братцы, лежала одежда на берегу озера, я её и взял.

Пошли на озеро, обшарили всё вдоль и поперёк, зовут: «Фанос! Фанос!» — нету Фаноса.

Стало быть, решили, утонул.

Воротились домой, отпели Фаноса в церкви, устроили поминки. Жена малость попричитала, поплакала, посокрушалась, а после вышла сызнова замуж и уехала.

1914

Аветик Исаакян

ЧТО ВСЕГО НУЖНЕЕ?

Когда-то в одной из чудесных стран Востока жил-был умный и справедливый царь. Он имел трёх сыновей.

Вышло так, что этот царь состарился и решил передать ещё при жизни управление страной тому из своих сыновей, кто окажется более способным к такому трудному делу.

И потому однажды он призывает их к себе и говорит:

— Дорогие дети мои, вы видите, что отец ваш состарился и долее не в силах царствовать. Я сразу отрёкся бы от престола, если бы исполнилась одна моя мечта, которая уже давно владеет душой. И вот объявляю: кто из вас умудрится исполнить это желание, тот получит мою корону и будет править моим народом.

— Да живёт долго наш любимый отец, воля его для нас священна! Однако что это за желание такое, которое не удалось осуществить даже нашему премудрому родителю?

— Видите вон то громадное хранилище? Я всегда мечтал наполнить его тем, что на свете всего нужнее и что сделало бы мой народ счастливым. Так вот — кто из вас сможет наполнить моё хранилище этой самой нужной на свете вещью, тот пусть и удостоится короны. Возьмите же из моей казны сколько надобно и отправляйтесь в путь, — надлежит вам порознь обойти города и страны и всюду искать то, что всего нужнее. Даю вам сроку три раза сорок дней.

Сыновья приложились к руке отца и отправились в путь.

Три раза сорок дней переезжали сыновья царя из города в город, из страны в страну; перевидали они немало совсем других людей, совсем других нравов и в положенный срок предстали перед отцом.

— Добро пожаловать, дети мои дорогие! Ну как, нашли вы самую нужную вещь? — спрашивает царь.

— Да, нашли, дорогой отец, — отвечают сыновья.

И они, вчетвером, тут же отправились к хранилищу, возле которого уже толпились все придворные и множество народа.

Царь отпер двери хранилища и обратился к старшему сыну:

— Чем ты наполнишь, сын мой, это громадное хранилище? Той ли вещью, что на свете всего нужнее?

И старший сын достал из кармана горсть зерна, протянул отцу и сказал:

— Хлебом я наполню это громадное хранилище, дорогой отец. Что для людей нужнее хлеба? Без хлеба никому не обойтись. Я много постранствовал, немало всякого повидал — и говорю: нужнее хлеба ничего нет.

Отец обратился к среднему сыну:

— Чем ты наполнишь это громадное хранилище? Той ли вещью, что на свете всего нужнее?

И средний сын достал из кармана горсть земли, протянул отцу и сказал:

— Землёй я наполню это громадное хранилище, дорогой отец. Что для людей нужнее земли? Не будь земли, не было б и нашего хлеба. Без неё не обойтись. Я много постранствовал, немало всякого навидался — и говорю: нужнее земли ничего нет.

Царь обратился к младшему сыну:

— А чем ты наполнишь это громадное хранилище? Той ли вещью, что на свете всего нужнее?

Младший сын решительно подошёл к дверям хранилища, шагнув через порог, достал из кармана свечку, ударил огнём по кремешку, высек искру и зажёл трут, затем и свечку. Всем показалось, что свечку он зажёл для того, чтобы лучше разглядеть хранилище.

— Чем же, дитя моё? — нетерпеливо повторил отец.

— Светом наполню я это громадное хранилище. Много я постранствовал, где только не побывал, — нужнее света ничего не нашёл. Всего нужнее свет. Не будь света, не было б на земле самой жизни... Я много постранствовал, посмотрелся разных чудес — и понял: для людей нужнее всего свет знания, ибо только он может научить разумно править миром.

— Честь и хвала тебе! — воскликнул обрадованный отец. — Ты вполне заслуживаешь короны и скипетра, так как ты наполнишь светом царство своё и души людей.

— Да живёт долго наш молодой премудрый царь! — восторженно прокричали все придворные и весь народ.

1904

У СОЛНЦА

На людной улице, где жили одни богачи, сидел, прижавшись спиной к стене большого дома, оборванный мальчик; то и дело он протягивал руку за подаванием.

Была ранняя весна, близкие горы уже зеленели, и красное солнышко смотрело на землю ещё приветнее.

По улице взад и вперёд сновали прохожие, и никто как будто бы не видел, не замечал несчастного сироту.

Когда солнце начало мало-помалу закатываться за близкие зеленеющие горы, внезапно подул сильный ветер, и маленький бездомный оборвыш стал мёрзнуть.

— Ах, красное солнышко, доброе солнышко, только ты давало мне тепло, куда же ты уходишь? Не оставляй меня одного — здесь так холодно... Нету у меня ни матери, ни отца, куда и к кому я теперь пойду? Я к тебе хочу, возьми меня с собой, милое солнышко...

Так говорил про себя этот мальчик, и горькие слёзы катились по бледному его лицу. А люди шли, каждый торопился к себе домой, и никто не видел и не слышал его, никто и не хотел видеть и слышать его...

Солнце зашло за гребни гор и больше не показалось.

— Доброе солнышко, я знаю, ты ушло к своей маме... Я знаю, ваш дом вон за той горой, и я приду к тебе... Сейчас, сейчас приду...

Дрожа от холода, порой держась за стены домов, долго ли, коротко ли шёл мальчик к солнцу, наконец выбрался за город и стал взбираться на гору. Трудно было лезть по крутому, каменистому склону, обессилевший мальчик больно ударялся то ногой, то рукой о камни, но каким-то чудом он продолжал подниматься всё выше и выше.

Опустился на землю вечер, и зелёная гора вся заволочлась чёрной пеленой. И над её вершиной заблистали звёзды, словно манящие, радующие глаз огоньки.

Дул, завывая в ущельях и между скал, пронизывающий ветер, иногда в воздухе пронеслись чернокрылые летучие мыши.

Мальчик бесстрашно и упорно шёл вверх, и вдруг он услышал лай собак, а немного погодя — раздавшийся вблизи громкий голос:

— Кто ты? Куда ты идёшь?

— Я путник, иду к солнцу, скажи, где его дом, близко или далеко?

Из темноты выступил с горящей лампой в руке какой-то человек и сказал:

— Ты очень устал, наверное, и голоден, пойдём ко мне. Отец и мать у тебя, видно, люди дурные, если среди ночи ты здесь оказался.

— Нету у меня отца и матери, сирота я бездомный.

— Пойдём, сынок, пойдём ко мне, — повторил этот добрый человек и, взяв мальчика за руку, повёл его к себе домой.

В жалкой лачуге, куда они вскоре вошли, вокруг очага сидели трое детей и их мать. В примыкавшем к жилищу скотном дворе теснились овцы. Хозяин дома был пастухом.

— Дорогие мои дети, — сказал хозяин дома, — я привёл к вам мальчика, который будет вашим братом. Теперь у меня не трое сыновей, а четверо. Тот, кто кормит троих, прокормит и четверых. Подойдите же и поцелуйте вашего нового братца.

Жена пастуха первая подошла к мальчику, обняла его и по-матерински расцеловала. Подошли и дети — поочерёдно почмокали его в щёки, как брата.

Мальчик от радости плакал, поплачет, перестанет, и опять — в слёзы.

Потом, возбуждённые, растроганные, они сели за стол, потом мать постлала детям постель и уложила их рядом с собой. Мальчик был очень утомлён, заснул, как только закрыл глаза.

Во сне он блаженно улыбался, ему снилось, будто он уже у солнца и будто обнял его и, счастливый-счастливый, сладко спит.

Вдруг от радостного волнения, переполнившего сердце, мальчик проснулся — и видит: не солнце он обнял, а братьев своих и крепко-крепко держит мать за руку.

И мальчик понял, что дом, где ему так тепло и отрадно, как раз и есть дом солнца.

1905

СКАЗКА

В давние времена жил на свете рыцарь — красивый и стройный, как юный тополь, выросший на берегу ручья.

Был он храбрым и добрым. Дни и ночи, склоняясь к шее златогривого скакуна, мчался он по узким тропам и широким дорогам, выручал взывавших о помощи, порой жалел даже притеснителей.

Он был добр ко всем и ко всему, настолько добр, что конь его на своём пути не замутил копытами кристальную воду ключей, не затапывал цветы и травы.

Раз, летя на своём скакуне по склонам гор, встретил он чудное озеро, залюбовался им и в чистом-пречистом его зеркале увидел лик прекрасной девушки. Неописуемо красива была девушка — с ясными и тихими, как лунные ночи, глазами, с огненными, как горящие под солнцем волны, рассыпанными прядями волос. Она сидела в высокой мраморной светёлке и вышивала.

Не была ли красавица одной из тех наяд, что живут на дне озёр в хрустальных чертогах?

И юноша-рыцарь, охваченный страстным желанием, пришпорил своего коня и ринулся в глубь озера; но чуть спустя они вынырнули из воды: юноша быстро достиг дна, но ни светёлки, ни девушки там не нашёл.

Грустный, поникший, стоял перед озером рыцарь, и когда волны улеглись и озеро снова сделалось зеркальным, он увидел в нём лишь горы, могучие горы с белыми гребнями и лёгкое синее небо. И тогда юноша понял, что ему явилось только отражение прекрасной девушки, которое принёс с собой и погрузил в эти воды некий волшебный луч из мира грёз... Но где искать её — саму красавицу, и можно ли её найти?

И юноша больше не смотрел в зеркало — лик вожденной девушки теперь сиял в его душе.

И потерял он покой.

И, припадая к шее своего коня, день и ночь носился он по родным и чужим пределам, ища желанную. И он долго искал её, долго и тщетно.

И однажды, после долгих и тщетных поисков, спешился юноша на берегу реки, охватил руками голову и, сокрушённый, отчаянный, стал рыдать.

— Отчего ты плачешь, милый юноша? — спросили волны. — Иль отец твой в плену? Или мать тяжело больна?

— Другое у меня горе, волны мои светлые. Увидел я раз девушку одну, жемчужину редкую, но не знаю, где её искать. Не проходила ли она здесь?

— Увы, мы часто бываем далеко от берега, но цветы, что вокруг тебя, всегда здесь, спроси у них, — прошептали волны.

— Цветы мои прелестные, опьянил меня аромат одной волшебницы, благоуханной, как вы. Не проходила ли она здесь?

— Не видели мы её, милый юноша. Спроси у жаворонка, он мог заметить её сверху.

— Жаворонок, сладкоголосый жаворонок, не видел ли ты где мою девушку, которая дороже мне самой жизни?

— Нет, милый юноша, — отвечал жаворонок, — я вижу только солнце, а на землю почти не смотрю: некогда. Спроси у ветра, он издали прилетает, мог встретить её.

— Ветер, странствующий ветер, — взмолился юноша, — ты издали прилетел, не встречалась ли тебе девушка, по которой тоскует моё сердце?

— Ах, бедный юноша, — отвечал ветер, — я видел её за тридевять земель в тридесятом царстве. Она сидела в высокой светёлке и вышивала. Я слышал её вздохи — она горюет о юном рыцаре... Лети же к ней, ока ждёт тебя.

Юноша тотчас вскочил на коня и помчался — быстрее стрелы. Семь дней и ночей нёсся он всё вперёд и вперёд, миновал семь морей, и в один прекрасный день, когда утренняя заря золотила облака неба и вершины гор, увидел, наконец, сверкающий чертог и в нём знакомую светёлку.

Дворец был обнесён высокой и мощной стеной, юноша обошёл вокруг этой стены, — единственные ворота, обитые железом, были заперты.

Обезумев от нетерпения, вздёрнул он коня своего на дыбы, конь рванулся вверх и, перелетев через стену, встал у открытого входа во дворец.

Но у входа во дворец сидели привязанные на цепь сторожевые — свирепый тигр и огромный дикий баран; перед тигром лежало сено, а перед бараном мясо. Животные, мучимые голодом, зло посверкивали глазами, и кто отважился бы пройти между ними? В мгновение ока они разорвали бы смельчака.

Остриём копья рыцарь придвинул сено к барану, а мясо к тигру. И когда благодарные животные дали ему дорогу, он быстро взобрался по каменной лестнице вверх и вбежал в роскошные покои дворца.

Везде было пустынно, он перебежал из зала в зал, из галереи в галерею, наконец наткнулся на узкую слоновой кости дверь, открыл её — и увидел девушку, которую искал. Девушка сидела на украшенном алмазами стуле, наклонив огненные пряди волос, похожие на горящие под солнцем волны. Она плакала. Юноша подошёл к своей возлюбленной, бросил меч свой к её ногам и опустился на колени.

— О, чудо! Неужели ты и есть тот рыцарь, которого я видела в своих снах? Да, это и вправду ты, — зазвучал нежный голос девушки. — Но как ты проник сюда? Даже птица, даже ветер вольный не могут перелететь через ограду этого дворца.

— Любовь к тебе придала мне сил, открыла меня, и вот я стою перед тобой и жду твоих повелений.

— Но как ты полюбил меня, юноша? Ты ведь никогда не видел меня!

— Я видел тебя в своей душе, на земле, в небесах. Я люблю тебя давно-давно, и жизнь моя принадлежит одной тебе.

— О, если я так сильно любима тобой, уведи меня отсюда как можно скорее... Я ждала тебя, — проговорила девушка и зарделась.

— Скажи, любовь моя, а почему ты здесь, в этом дворце? И почему ты плачешь?

— Неужто не знаешь?.. Мой отец — владыка этой страны — пожелал, чтобы я согласилась стать женой ненавистного человека, которому он подвластен. Я воспротивилась, и вот — наказана: бессердечный родитель запер меня в этом пустом дворце, — здесь только я, несколько немых служанок да привязанные на цепь у входа во дворец ужасный тигр и огромный дикий баран... И сегодня — последний день моей неволи, сегодня тот безжалостный царь прибудет вместе с моим отцом сюда и силой увезёт меня к себе... И тогда — я умру, если мы не успеем уйти...

Юноша утёр слёзы девушке, поцеловал ей руку, и они выбежали из светёлки. Тигр и дикий баран выпустили их во двор, немые служанки стояли как остолбенелые. Затем он вскочил на своего коня, посадил девушку, прижал её к груди — и конь помчался.

И мчались они не день, не два, а дорога их пролегла над горами, морями, долинами, над реками и ущельями.

Явились отец и грозный царь с отрядом своих воинов, увидели, что девушки нет, и, не добившись от немых служанок ответа, покинули, взбешённые, дворец, поскакали искать беглянку.

Они расспрашивали о ней попадавших им в разных местах путников и караванных погонщиков, но те разводили руками.

Через некоторое время всадники достигли большой реки, и отец обратился к ней:

— Ответь мне, река, не проходила ли мимо тебя дочь моя? Скажешь правду — золотою радугой опояшу тебя.

Девушка и юноша пронеслись как раз над этой рекой, но река утаила правду.

— Мы только что тут оказались, спроси у цветов, что на берегу, они всегда здесь, — глухо прошумели волны.

— Ответьте, цветы, дочь мою вы не видали? Скажете правду — жемчужными бусами обернётся на вас роса.

Цветы видели, но они тоже утаили правду.

— Спроси вон жаворонка, он везде бывает.

— Послушай, птица, — обратился отец к парящему над ним жаворонку, — не видел ли хоть ты дочь мою? Скажешь правду — совьют тебе шёлковое гнёздышко вместо твоего соломенного.

Жаворонок тоже видел девушку и юношу, но промолчал, улетел и растаял в лучах солнца.

И после долгой-долгой погони, отчаявшись в успехе поисков, отец и царь возвратились назад.

1910

УМНИКИ ГОРОДА НУКИМА

Был когда-то город по названию Нуким. Название известно, а где он был-находился — никто не знает.

В Нукиме было страшно холодно — в году две зимы, одно лето.

И вот однажды с шумом-гамом хлынул народ потоком к домам нескольких отцов города и возопил:

— В этом городе жить больше невозможно, — замерзаем, люди добрые, замерзаем! Надо идти к царю! Пойдите и скажите от нашего имени — пускай сделает так, чтобы у нас было два лета и одна зима, иначе мы здесь не останемся.

— Воля народа священна, — сказали отцы города, самые умные из горожан и, поразмыслив, решили — немедля отправиться к царю на поклон, и, дабы задобрить царя, взять ему в виде подарка от жителей Нукима мошну золота.

Находят они длиннющий такой шест, заостряют этот шест, отчего он стал похож на копьё, привязывают мошну к острию и, прокричав: «Царь, где ты там, идём к тебе!» — пускаются в путь.

Вот идут эти посланцы города через попутный городишко, видят: один лавочник какие-то красные штуковины продаёт, на языки пламени смахивают. Поглазели посланцы на это диво, как зачарованные, и спрашивают у лавочника:

— Что продаёшь-то, братец?

Тот отвечает:

— Перец.

В жизнь не видывали они перца, не слыхивали этого слова.

— Едят его? — спрашивают у лавочника.

Тот отвечает:

— Едят, а как же.

— Тогда взвесь нам немного.

Старший посланный откусил кусочек перца, обжог себе рот, да так, что из глаз потекли слёзы, кинул перец другому, попробовал и тот, едва не задохнулся, кинул третьему, попробовал и четвёртый.

Побросали посланцы перец и, проклиная лавочника, не зная, как остудить обожжённые рты, с заплаканными глазами, двинулись в путь.

Вот идут они через следующий попутный городишко, видят: стоят перед лавочником плоские корзины, а в них — кучки неведомо чего.

— Что продаёшь-то, братец? — спрашивают.

— Виноград, — отвечает лавочник.

В жизнь не видывали они винограда, не слыхивали этого слова.

— Едят его? — спрашивают.

— И ещё как! — отвечает лавочник.

— Ну взвесь нам немного.

Расплатились, съели посланцы виноград — просто объедение!

И благословляя лавочника, и облизываясь, пошли дальше.

Проходят они через следующий попутный городишко, — видят: один лавочник торгует кусками чего-то белого.

— Что продаёшь-то?

— Сахар.

— Сахар?.. Не видывали, не слыхивали...

— Едят его?

— Ещё как!

— Ну взвесь нам немного.

Расплатились, похрупали весь этот сахар — просто объедение!

Шли, шли посланцы своей дорогой, незаметно наступила ночь, остановились они, воткнули копьё в землю, а сами улеглись вокруг него и вскоре захрапели. Располагаясь на ночлег, о золоте и не подумали: мыслимо ли дело, чтобы вор взобрался на самую макушку копьё и взял привязанную к ней мошну?

Как на грех, шёл ночью по этому месту путник, увидел спящих вокруг воткнутого шеста нескольких людей, посмотрел вверх — на острие что-то висит. Выдёргивает этот шест, открывает кошницу, — глядь, а в ней золото. Высыпал путник золотые в свой хурджин, взамен насыпал кошницу песком и камушками, привязал её к острию, воткнул шест в землю — и был таков.

Утром умники города Нукима встают и снова пускаются в дорогу. Узнавая от встречных, правильно ли они идут, доходят наконец до стольного града. У городских ворот садятся отдохнуть и сосчитать, сколько они потратили денег.

Старший посланный говорит:

— Красная штукавина, которую мы пробовали и передавали друг другу, — один сребреник, штукавина, которую сам бог создал, а мы взяли и уплели — один сребреник, а то, что было белее снега и слаще материнского молока, — два сребреника...

Подсчитали, истраченные денежки разделили поровну между собой и пошли встали прямо у ворот дворца. Стража тотчас сообщает придворным, а придворные сообщают царю, что из города Нукима явились посланцы. И царь велит позвать их.

Посланцы, кланяясь, подступают к царю. Старший протягивает ему кошницу и говорит:

— Да живёт долго наш царь! Мы от жителей города Нукима пришли к тебе с поклоном, эта кошница с золотом — от них же, царь... В нашем городе очень холодно — в году две зимы, одно лето. Если ты не сделаешь так, чтобы у нас было два лета и одна зима, знай, в нашем городе мы не останемся!

Остальные посланные кивком головы подтверждают слова старшего.

Царский казначей, который принял кошницу, наклоняется к царю и шёпотом говорит ему на ухо, что в кошнице вместо золота песок и камушки.

Царь задумывается: с умыслом принесли эти люди вместо золота песок и камушки или же по наивности? И чтобы испытать их, велит он поставить перед ними поднос, полный чёрных слив, перемешанных с чёрными жучками.

Посланцы с жадностью набрасываются на яство, старший и говорит:

— Братцы, давайте-ка сперва съедим те, которые с ножками, а то разбегутся, безногие и без того наши.

Царь определил меру их разума и, обратившись к ним, сказал:

— Возвращайтесь домой, пока доберётесь, там как раз ещё одно лето настанет.

— Царствуй вечно! — сказали самые умные жители города Нукима и, весёлые-превесёлые, отправились восвояси.

1940

Вртанес Таназан

ЛУР-ДА-ЛУР

(Курдская поэма)

Где-то у дивных берегов Сев-Джура и жил Асо.

Он слыл красавцем и храбрецом в своей стране. Никому не по плечу было с ним тягаться. Разбойникам и в голову б не пришло на его стадо позариться, а волки не смели подходить к его овцам. Насколько Асо на добро добром отвечал, настолько же был неумолим ко злу.

Хорош да пригож был славный Асо, словно восходящее солнышко. Девушки той страны по нём с ума сходили. А как он на свирели играл! С её звуками только б ангельские голоса сравнились — такие пленительные и такие задушевные! Заунывно звучала свирель, звенела, точно журчащий ручеёк, заливалась, точно влюблённый соловей.

И человека, и зверя завораживала, влекла свирель, и заслушивались ею, не хотели пропустить ни единой трели.

Усаживался Асо на макушке утёса и всматривался в необъятный окоём; внизу, у его ног, извивалась-петляла речка Сев-Джур, говорливый ветерок ласкал ему лоб.

И брался Асо за свирель и играл.

Надо было видеть, как овцы, эти несмышлёные твари, отрывали мордочки от травы и, забывшись, тянулись к свирели.

Асо мог камни заставить вздрогнуть, волны Сев-Джура взволновать, растревожить ветер, усмирить природу — всё и вся мог оживить Асо, вызвать зависть у самих ангелов.

Вот какой был Асо.

Как же могли удержаться овцы, не увлечься его песнями?

Асо не трогался с места и подзывал к себе овец звуками свирели.

Свирель играла «Берик», когда овцы паслись, «Хозат»¹, когда купались в речке, а звуки «Клича овец» пригоняли их к Асо.

Как только долетала до овец песня Асо, они сразу же, сквозь любые преграды, устремлялись к нему.

Так и жил Асо безмятежно, оторванный от людей, обласканный природой и защищённый горными склонами. Был он счастлив, будто князь, был любим своими овцами и был влюблён в свои песни.

Но вот однажды увидел Асо единственную дочь аги. Увидел и полюбил.

Писаной красавицей была Залхе: стройная, как чинара, с колдовскими глазами, дугообразными бровями, нежными щёками.

Залхе тоже заметила Асо и полюбила его. Закручинился Асо. Былой удали и веселья как не бывало. День-деньской бродил он вокруг дворца, хотя овцам там негде было пастись. Асо не сводил глаз с башни, жалобно пела его свирель, он вкладывал в мелодию своё сердце и проливал горькие слёзы.

Истомилось сердце и у Залхе. Украдкой смотрела она в окно, наблюдала за Асо, не пропускала ни единого звука его свирели. Не ела, не пила, измаялась Залхе.

Оба они знали, какая пропасть их отделяет — не могла дочь аги стать женою пастуха.

¹ «Берик», «Хозат» — названия курдских пастушьих песен.

Но любовь — божья искра, неугасимая и яркая. Она может через всё пройти, везде и всюду загореться.

Любовь не знает ни расстояний, ни различий.

Ага был догадливый и страшно хитрый. Он вмиг проведал о любви Асо. Рассердился, рассвирепел ага, хотел убить дерзкого пастуха, но в нём заговорил здравый рассудок: ни к чему было порочить честь дома, зря проливать кровь безродного пастуха.

Что люди скажут, если узнают, что за его дочерью чабан увивается? Надо было отделаться от Асо хитростью, так, чтобы он самовольно отошёл от Залхе. Завлечь бы Асо в такую ловушку, чтоб он взял и навсегда покинул бы эти края.

Задумался ага, и так и этак прикидывал — и нашёл выход.

Послал он за Асо, велел привести его.

— Знаю, Асо, — сказал злой ага, — знаю, что любишь мою дочь. Говорят, ты храбрый юноша и на свирели хорошо играешь. Выдам я за тебя дочь, но с одним условием. Слышал я, что у тебя послушные и покорные овцы, манит их твоя свирель и они сами идут к тебе.

Видишь ту высокую башню? Я велю приставить к ней деревянную лестницу, ты сядешь на верхнем её конце, стадо же останется внизу. А условие вот какое: если ты игрой на свирели сможешь поднять по лестнице овец, то бери дочь себе в жёны, живите на здоровье. А если не сможешь, опозоришься, то немедля соберёшь свои пожитки и уйдёшь отсюда восвояси. Знай, пастух не пара дочери аги, выкинь это из головы.

Асо улыбнулся, отвесил глубокий поклон.

— Воля твоя, ага, — сказал он, — согласен с твоим условием.

Распорядился ага возвести деревянную лестницу. Было у неё девяносто девять ступенек. Втайне от Асо ага сломал одну из ступенек посередине лестницы, затем приладил так, чтобы ничего не было заметно, но достаточно было слегка коснуться ступеньки, чтоб она отошла назад, образовав прорезь длиной в один газ¹.

Овцы таким образом ни за что б не взобрались наверх.

Какой же злой был ага и какой спесивый!

Подстроил он ловушку, усадил Асо на лестнице, у самой башни, а Залхе — на балконе и сказал пастуху:

— Вот и Залхе, чтобы тебя подбодрить. Выполнишь моё условие, получишь её.

Залхе увидела Асо, улыбнулась ему, засмушалась и знак ему подала. Смекнул Асо, что любит его Залхе. Возликовало сердце Асо, он шапку заломил, взял свирель, поднёс к губам и начал играть.

Воспряли горы-ущелья, встрепенулись деревья, вздрогнули камни. Сам злой ага почувствовался, а взволнованная Залхе чуть было не вскочила, не кинулась к лестнице, не припала, точно овечка, к ногам Асо.

Зашевелились овцы, приблизились к лестнице и начали друг за другом взбираться наверх, к башне.

— Ло-ло-ло², пастух Сев-Джура, ты можешь смягчить горы-ущелья, задобрить зверей, всколыхнуть камни и деревья. Почему же ты, пастух, так сглупил, поверил аге? Почему поднялся на башню? Лучше б ты во чреве матери остался, Асо.

Лучше б ты не видел этой жизни, где развелось столько ага. Лучше б не видел сияния солнца, которое спалило тебя, волн Сев-Джура, что захлестнули тебя, зыбкой трясины, что завлекла, засосала тебя.

¹ Газ — мера длины, равная 112 см.

² Ло-ло — припев курдских песен.

Ло-ло-ло... Какой же курд бессердечный, что над любовью потешается! Неужели он потерял совесть, забыл о боге? Почему беднягу Асо сделал добычей шайтана, почему мир божий поверг в тоску? Ло-ло...

Овцы всё поднимались, пленённые звуками свирели, и теснились, расталкивая друг друга, позабыв, что внизу под ними пропасть. Вскинув мордочки к Асо, они поднимались вверх по лестнице.

Мир как зачарованный взирал на пастуха и его стадо. Злой ага застыл на месте, а Залхе склонилась, подавшись вперёд, простёрла руки к Асо и крикнула:

— Я твоя, Асо! Твоя навеки! Я люблю тебя, люблю так, как не любила Лейла Меджнуна. Я люблю тебя, люблю, как не любит бабочка огонёк, соловей — розу, божий мир — солнце, цветок — землю!

Ты — мой огонёк, моя роза, моё солнце и моя земля!..

Слушал Асо, сердце у него млело, и он играл сильнее и громче.

Добрался козёл-вожак до ловушки, учуял, что смотрит смерти в глаза, но, замороженный, шагнул на сломанную деревянную ступеньку.

Пошатнулась ступенька, раздалось бляение, и красавец-вожак, кружа в воздухе, полетел в пропасть и разбился о камни.

Сердце упало у Асо: «Ах, мой славный вожак!» — вскрикнул он с горечью, но, взглянув на Залхе, позабыл о вожаке, взялся за свирель и заиграл.

Овцы увидели постигшую вожака участь, остановились, хотели было повернуть обратно, но, влекомые свирелью, устремились вверх.

Приготовилась к прыжку овца, что шла впереди, попятилась, вскинула передние ноги и сорвалась с места. Послышалось её бляение, и она последовала за своим вожакем.

— Ах-ах, ни за что загубил мою овечку! — застонал Асо.

Взглянул на Залхе и позабыл об овце, заиграл вовсю на свирели.

Ещё одна овца попыталась перепрыгнуть, и ей это почти удалось, но, ударившись о переднюю ступеньку, она отскочила, закружилась и с жалобным бляением полетела в пропасть.

— Прыгайте же, мои милые овечки! — пел Асо. — Смелее, мои густошерстные ягнята, идите же к вашему хозяину!

Овцы больше не продвигались, отступали назад.

Рассердился Асо — он так и не разглядел коварной щели.

Всю любовь, всю душу вложил он в свою песню, и переливчатые чудесные трели очаровывали всё вокруг... но овцы отступали назад. Стыдно стало юноше, еле жива была отчаявшаяся Залхе.

Переменил Асо мелодию.

Он и сам не ведал, о чём теперь пела свирель.

Притих ветер, замерла речка, смолкло всё.

Кто не слышал песни «Лур-да-лур»? Она растопила не одно чёрствое сердце, приводила в благоговейный трепет любящие сердца; она сводила с ума влюблённых девушек, которые, потеряв голову, кидались в объятия возлюбленного.

Дивная была песня, всем песням песня.

В ней слышались голоса ангелов, звенела душа Асо.

Подались овцы вперёд, и многие из них угодили в пропасть.

Подался вперёд и Асо, наклонился, увидел щель между ступеньками.

Понял Асо, в чём дело, обернулся к аге.

Яснее ясного, что Залхе потеряна для него, а, стало быть, потеряна и сама жизнь.

Подалась вперёд и Залхе, взглянула на агу, потом на Асо.

Яснее ясного, что Асо потерян для неё, а стало быть, и сама жизнь потеряна.
Наступила тишина.
Смолкли, растаяли в воздухе последние звуки «Лур-да-лура».
Вдруг... раздался крик.
И два тела, кружась в воздухе, полетели в пропасть... и разбились в обнимку друг с другом.
То были Асо и Залхе...

В ЧЁМ СИЛА?

В далёкой Индии жил некий царь, который очень любил строить высокие дома, дворцы и мечети, разбивать парки, возводить башни и пирамиды. Но он любил не только строить, но и самолично следить за работой тружеников, воодушевлять их, раздаривать подарки, часами простаивать и разглядывать постройки.

Однажды царь вместе с визирями наблюдал в сторонке, как работники, сгорбившись в три погибели да обливаясь потом, поднимаются с камнями вверх к постройке, и заметил он, что один из них без посторонней помощи вскидывает себе на спину огромные камни и легко и весело, распевая песни, без передышки взбирается наверх.

Не скажешь о нём: косяя сажень в плечах, и силачом не назовёшь, однако когда другие кряхтели под тяжёлой ношей, когда здоровяки да верзилы едва ноги переставляли, хмурые и невесёлые, он ловко и расторопно взваливал на закорки камни и, запевая да улыбаясь, шёл наверх.

Царь был поражён, удивились и великие визири. Что это за человек, который выполняет самую тяжёлую работу с улыбкой да с песней на устах и не издаёт ни единого стона и вздоха? В чём его сила, источник жизнерадостности и выносливости? Откуда столько энергии в его щедедушном теле, почему он сноровистее, неужёмнее и сильнее тех, кто здоровее и мужественнее его?

— Скажи, о визирь, — обратился царь к главному советнику, — растолкуй-ка нам, в чём сила этого работника, в чём секрет его радушия и стойкости? Отчего такие дюжие молодцы кряхтят да вздыхают от лёгкой работы, а этот, такой хилый и невзрачный, всегда бодрый и хваткий?

Визирь глубоко задумался и ничего не смог ответить.

— Может, вы скажете, мои советники? — обратился царь к остальным визирям. — Тот, кто откроет этот секрет, будет моим любимцем и другом.

Но как угадать то, что одному богу ведомо да самому работнику?

— Мой повелитель, — заговорил один из визирей, — распорядись, пусть дадут ему более тяжёлую работу, посмотрим, будет ли он и на сей раз распевать и с лёгкостью камни ворочать? Может, он намного сильнее, чем кажется на самом деле?

И царь велел, чтобы работник установил для одной из каменных колонн пьедестал.

Работник подошёл, оглядел огромный камень, произнёс имя всемогущего господя, улыбнулся и, нагнувшись, одним рывком сдвинул камень к подножию колонны. Затем вытер залитое потом лицо, запел, как обычно, и, приподняв колонну, установил под ней пьедестал.

Все обомлели. Тут что-то не так, спору нет, этот неказистый работник наделён таинственной силой, которой, по-видимому, были обделены и царь, и его визири.

Царь подозвал силача-умельца, дал ему денег, похвалил и поинтересовался:

— В чём твоя удаляя сила, добрый человек?

— Не знаю, царь, — ответил удалец, — знаю только одно, что счастлив я, что нет у меня горя — весело работаю и весело живу...

Царь опять ничего не понял и велел визирям собрать совет и разгадать: в чём сила работника?

Пока умнейшие головы царства думали-гадали, старейший из визирей, который слышал слова работника, испросил разрешения удалиться и до самого вечера наблюдал за работой Хасана (так звали работника), потом подошёл к нему и выразил желание быть его гостем.

— Мой повелитель, — сказал Хасан, — я человек бедный, живу в хибарке, пристало ли тебе входить в мой дом и разделять со мной жалкий ужин?

— Ничего, сын мой, я хочу увидеть твою хибарку, твою жену, детей, поглядеть на твоё житьё-бытьё: вправду ли нет у тебя забот и ты счастлив, всегда ли так жизнерадостен и дружен с песней?

И Хасан повёл старого визиря к себе в дом. Навстречу им вышла прелестная молодая женщина, которая приветливо улыбалась и держала на руках малыша, вылитого ангелочка. Она обняла мужа, нежно поцеловала, вручила ему ребёнка и радушно ввела их в дом, накрыла на стол и так усердно и обходительно угощала, так была ласкова с мужем, что старый визирь расчувствовался, чего с ним в жизни ни разу не случилось.

Когда все весело поужинали, отец взял малыша, стал играть с ним, резвиться, и хибарку огласил беспечный детский смех, что вконец покорило визиря, а хозяйка дома, любящая, преданная и прекрасная жена, с такой заботой и теплотой развлекала уставшего мужа, что великий визирь восторженно воскликнул:

— Бог свидетель, пророк свидетель, я не встречал ещё такой обходительной и любящей жены!

— И такого заботливого мужа, — добавила жена, склонив голову на грудь Хасана, — он любит меня, мы с мужем счастливы и довольны; житейские неурядицы обходят наш дом, чураясь любви и согласия; у нас не приживается горе, с нами не в ладах хворь — любовь наш лекарь, любовь наш спаситель...

— Бог свидетель, женщина, — заговорил визирь, — пророк свидетель, что ты, женщина, права: нет более надёжного лекаря, более великого источника вдохновения, чем любовь, светлая, искренняя и верная, одна её улыбка создаёт героев, долбит камень, рушит преграды, ей подвластен подлунный мир, перед ней пасуют горе и несчастья... Ты права, женщина! Теперь я понял, откуда берётся сила у твоего мужа. Любовь придаёт силу, любовь может горы свернуть, переделать мир, развеять все напасти, шипы обратить в розы...

Сказал так восхищённый визирь, отправился к всемогущему царю и всё как есть поведал ему.

Царь удивился и не поверил. Не знал он в жизни чистосердечной любви, ибо никогда не был любим и внушал людям страх, не изведал силы любви, ибо его не любили, а только льстили.

— Ты рехнулся, глупый старик! — воскликнул он. — Неужели тебе кажется, что сила Хасана в любви? Кто более меня любим? Ведь все как один угождают моим прихотям. Разве не у меня столько жён и столько детей? Не думаешь же ты, что никто из них не любит меня?

Старик поклонился и, боясь за свою жизнь, благоразумно смолчал.

— Ступай, ступай! — пренебрежительно удалил его царь. — Ты размечтался на старости лет... Скоро ты убедишься, что заблуждаешься. Вот велю, чтоб его жену с ребёнком доставили в мой гарем, и если она, как ты говоришь, прекрасна, то я заберу её себе, и ты увидишь, что это нисколько не убавит силы Хасана.

И царь так и распорядился.

Пять всадников моментально окружили хибарку Хасана, взломали дверь, ворвались ночью в дом, всё вверх дном перевернули и увели в гарем жену и ребёнка Хасана.

На следующий день царь чуть свет стоял на кровле строящегося дома, когда понурый Хасан со слезами на глазах пришёл работать.

Все поджидали Хасана. Он нагнулся, чтобы сдвинуть с места валун, и не смог, взялся за камень поменьше, но руки не слушались, ноги подкашивались — такой лёгкий камень, а не поддаётся.

Выпрямился Хасан, руки повисли, как плети, вдруг он скрючился, повалился на землю и жалобно и отчаянно простонал:

— Ах, нету сил моих больше...

КРУГЛЫЕ БОГИ

„Le veau d’or est toujours debout.
On ensence sa puissance.”

Гёте. «Фауст» (из оперы)¹

В глубоком подземелье, в самой преисподней, перед мрачным дворцом Вельзевула был великий переполох.

Всё пошло кувырком в аду. Толпы больших и малых чертей с воплями и визгами с разных сторон врывались на дворцовую площадь. Это надо было видеть, как вдруг неожиданно расступились огненные бездны, изрыгающие омерзительных чудищ, которые орали, горланили, точно буйно помешанные.

Сотрясались твердыни ада и выкидывали из своих недр всех чертей и чертенят, всех лицемерных, злых духов, которые в панике, топчась и пиная друг друга, теснились-толпились у дворца.

А каково было дьяволу, его приближённым и советникам, которые, обезумев от страха, прыгали через головы друг друга и норовили схорониться под тронем?

Волнение вспыхнуло давно. Гонцы, прибывшие со всех концов, приносили владыке ада беспокойные и безутешные вести, и растерянный Вельзевул созвал всех мудрецов и учёных мужей чужеземных царств испросить у них совета.

Тем временем прибывала и сгущалась толпа чертей и громогласно требовала, чтобы владыка вышел к ним, чтобы поспешил спасти их подземное царство от неизбежной опасности.

Но что же такое случилось? Землетрясение, наводнение или, может, переворот?

А произошло вот что.

Наверху, в мире людей, зародились какие-то новые веяния, которые разрастались, набирали силу: люди стали с ожесточением низвергать всех золотых и серебряных идолов, крушить их.

Низводя идолов, люди изгоняли из себя злых духов и с облегчением не только освобождались от сплетённых чертями пут, но и уничтожали всех служителей подземного царства с мечом равенства и справедливости в руках. Ещё чуть-чуть — и зло стало бы безоружным и беспомощным...

Сами посудите — как же преисподней и её обитателям не лишиться сна и покоя?

¹ Незыблем вечно золотой телец,
Его могущество возносят и поныне.

Сатанинское племя приложило все усилия, чтобы восстановить золотого тельца, вернуть ему былое величие. Оно придумывало всяческие уловки, чтобы сохранить неравенство людей. Черти даже вооружили одну половину человечества против другой, но всё равно потерпели поражение. Как только золотого тельца сбрасывали, черти, пришибленные и подавленные, полные ужаса, бежали не помня себя, и вот сейчас, вконец отчаявшись, были уверены, что пробил последний час преисподней.

Дьявол воочию видел, что пошатнулся трон, что песенка его спета и что с падением золотого тельца окончательно сгинут злые чары. Посему он созвал всех смышлёных духов ада на совет.

Но дни шли, наверху один за другим разбивались вдребезги золотые тельца, и злые духи в страхе и панике не находили себе места, а внизу великий совет не находил выхода. Тем временем толпа перед дворцом разрасталась и оглушала ад страшным гвалтом.

Наконец, Вельзевул, уставший и раздражённый, покинул совет, велел открыть ворота дворца и вышел переговорить со своими подданными.

Преисподняя взорвалась от ликующих возгласов чертей, когда они узрели грозное лицо дьявола.

Воцарилась гробовая тишина, и Вельзевул, представ перед застывшей в ожидании толпой, начал свою речь так:

— Дорогие черти, — сказал он, — наша жизнь на волоске; сегодня решается судьба нашего царства и каждого из нас; если мы ничего не придумаем, то в считанные дни наверху будут истреблены все золотые тельца, и, стало быть, придёт наш конец. Там, на поверхности земли, благодаря золотым тельцам, мы царствовали и благоденствовали. Однако нынче тельца преданы презрению и поруганию, им более не поклоняются, не приносят им в жертву чувства, мысли и думы. Это для нас убийственно. Золотых тельцов растоптали, оплевали и вывалили в грязи... Пошатнулся наш трон, разваливается наше царство, слабеет наше влияние. Мои советники и учёные мужи не находят спасения от грозящей гибели; одна надежда на то, что, может, среди вас найдётся светлая голова и выручит всех.

— Хорошенько запомните, — внушительным голосом продолжил он, — если кто из вас придумает, как вновь пробудить в людях былое почтение и уважение к золотому тельцу, тот не только прославится как бессмертный благодетель преисподней, но и станет моим наместником и наперсником, а имя его огненными буквами будет вписано в летопись преисподней... Итак, пораскиньте умом, мои смекалистые подданные, пошевелите мозгами, и мы выслушаем находчивого из вас. Но поспешите, ещё несколько дней — и будет поздно!

Так закончил свою речь Вельзевул и, мало уповая на смекалку своих подданных, потребовал завтрак.

Все черти, от мала до велика, обоего пола, повесив носы да приложив палец ко лбу, обмозговывали, как им выкрутиться из беды. Воцарилась мёртвая тишина. Разум чертей пребывал в родовых муках.

Едва Вельзевул кончил завтракать, как из тёмного угла выскочил маленький чертёнок, ловко перескочил через головы и предстал перед троном.

— Ваше подземное величество, — сказал он, — есть у меня одна идея.

— Ты это, паршивый чертёнок? — засмеялся дьявол. — Говори, что у тебя? Но, смотри, если выдашь какую-нибудь чепуху, я так тебя вышвырну отсюда, что ты, подобно человеческим добродетелям, рассыплешься и станешь навеки тенью.

У паршивого чертёнка от дьявольских угроз поджилки затряслись, и он заикаясь сказал:

— Ваше подземное величество, я подумал, что причина падения золотого тельца в одном-единственном человеке, который объявился нынче наверху и который... он...

— Ах вот как, — с издёвкой расхохотался дьявол, — ты так подумал, умник... Ты глуп и ещё не знаешь, что человек в одиночку не в состоянии по мановению волшебной палочки взбудоражить умы. Ты не знал этого, так пооди же поучись...

Вельзевул покрутил хвостом и так хлестнул им паршивого чертёнка, что тот и по сей день тенью мчится сквозь вечность.

Горькая участь этого чёрта образумила многих. Посему долгое время никто не осмелился подать голоса.

— Это ещё что такое, а?! — закричал Вельзевул, точно ошпаренный. — Притупились, что ли, чёртовы мозги?!..

Вдруг откуда ни возьмись из скопища чертей вынырнула чертовка, предстала перед царским тронem, отвесила глубокий поклон и сказала:

— Да продлится жизнь вашего подземного величества...

— Чего тебе, женщина? — рявкнул царь. — Если нашла выход, то выкладывай. Говори, но только не носи околесицу...

Чертовка улыбнулась и сказала так:

— Пусть меня постигнет участь человека, если моё предложение неразумно. Благодаря моей уловке человечество не только вновь станет почитать золотого тельца, но и приумножит в себе зло и наши старания не пропадут даром.

— Вот как? Тогда говори! Как нам быть?

— Во-первых, золотого тельца надо разбить на части, и, во-вторых, переделать.

— Говори яснее, женщина, — лицо владыки исказилось, — растолкуй свою мысль.

— Сию минуту, ваше подземное величество... До сих пор золотой телец был большой глыбой, и никто не мог его присвоить, как свою собственность. Теперь же надо его разбить на части, расплавить и выковать таких маленьких круглых божков, которых люди могли бы носить в карманах, складывать в кубышки, ко всему и подходить с их меркой и всё на них покупать — и любовь, и ум, и жизнь... Попробуйте, скажем, одному из десятка людей положить в карман горсточку этих круглых божков и вы увидите, как остальные девять вмиг с благоговением и подобострастием станут возвеличивать его... Таким образом золотой телец вновь восстановится в своих правах, и его будут так высоко чтить и так велико будет желание его заиметь, что люди начнут грызться, точно звери, и нам останется только жертвы подсчитывать да торжествовать...

— Слава преисподней! — зарокотал обрадованный Вельзевул. — И тебе слава, женщина! Пооди ко мне, ты станешь моей женой и моей достойной наместницей...

И моментально в адских печах начали усердно готовить несметное множество круглых богов. После чего черти проникли к людям и каждому из десяти набили карманы этими богами.

Влияние жёлтых круглых богов не преминуло сказаться. Неимущие, движимые какой-то таинственной силой, останавливались, когда мимо проходил состоятельный человек, и с подобострастием и благоговением кланялись ему.

Преисподняя же и её духи ликовали, ибо вскоре наверху люди начали грызться, точно звери, зло возросло и распространилось, принося подземному миру новые жертвы...

С этого дня золотой телец, преображённый в круглых маленьких богов, пользуется в обществе людей величайшим почтением, а это на руку злему духу, который процветает и оскверняет всё самое светлое, самое доброе...

РУЧЕЁК

Далеко на Востоке, кажется, в Индии (в легенде ничего об этом не говорится), жил могущественный и богатый царь. Жил он, как и все восточные владыки, в роскоши и славе, а подданных своих держал в нужде и нищете, лишь бы только изобилие в его дворце и женщины в его гареме не убывали, да приближённые и князья вкушали радость счастливой жизни.

Были у царя дворцы один другого просторнее, были пышные сады один другого краше, а он по-прежнему возводил новые хоромы и сажал новые саженцы, не щадил сил своих подданных, которые трудились в поте лица.

Говорят, что царь любил без конца строить дворцы и сады только для самого себя, для собственного удовольствия. Ведь ничего не могло помешать царю. Разве недоставало ему земель? Слава богу, добрая половина земель царства была отведена ему на охотничьи уголья, дворцы и сады для женщин и придворных.

Разве мало было рабочих рук? Слава богу, силы и труд подданных находились в его власти. Захоти, он из их трупов выложил бы стены и их кровью замесил бы раствор.

Так бы и сделал. Чего только не делали восточные владыки!

В один прекрасный день царь надумал разбить до того огромный и великолепный парк, что его нельзя было бы пройти из конца в конец за один день, а в самом парке должна была быть тьма-тьмущая плодов, птиц да зверей, и за ними должны были ухаживать и присматривать, чтобы всё это радовало его и в любую минуту было бы под рукой.

Как надумал, так и сделал. Согнал своих подданных на облюбованные земли, и закипела работа — из далёких краёв велел царь доставить деревья, выделил уголья, возвёл разные постройки... Шли годы, всю силу страны царь использовал лишь для своих прихотей.

Наконец парк зашумел-зацвёл во всём своём великолепии и необъятном раздолье. Добытая под землёй вода бежала по каналам и поливала парк; прохладой обдавали водопады; ласкали слух бесчисленные звонкие фонтаны, радовали глаз большие чаши прекрасных озёр.

Преисполненный гордости, царь обходил этот чудный уголок и наслаждался творением человеческих рук.

Но вот однажды с далёких неведомых гор пожаловал ручеёк — бог весть, как и откуда его занесло, — разбежался он, пробился к землям могущественного царя и понёсся по призывному царскому парку.

Уведомили царя о новоявленном госте.

Весть царя позабавила.

— А что, — сказал он, — добро пожаловать, моих забот поубавится — пусть течёт ручеёк и поливает парк.

Пропустили ручеёк, открыли ему путь, чтобы он протекал через парк, поливая саженцы, с журчанием приникая к траве, колокольчиками рассыпаясь среди цветов.

Но послушайте, что дальше произошло.

Незванный гость принялся помаленьку разрастаться. Он исподволь превратился в полноводную речку, и в один прекрасный день изумлённый царь и царедворцы увидели, что скромный гость из дальних краёв разлился по всему парку, захлестнул собой водопады и фонтаны и, выбравшись из парка, подался поливать земли царских подданных.

— Вай! — воскликнул царь. — Распоясался гость, ишь как его разнесло, границ не различает!

Гость и вправду разрастался, мчался по парку во весь опор и помаленьку заливал всё окрест, окружая постройки и деревья озерцами, топил их, сокрушал и порывался вперёд — поливать поля и сады подданных.

В то время, как царские дворцы и сады сносило потоком, жизнь простолюдинов от того же потока процветала.

Царь не на шутку рассердился. Но чем больше он сердился, тем быстрее ручеек разрастался в речку.

— Гоните прочь этого незваного гостя! Выставьте его с моих земель, из моего царства!

Повелевать, конечно, легче всего, но вот как пресечь дорогу реке, которая неслась стремглав и безудержно прибывала, заливая земли вдоль и поперёк?

Царь велел во что бы то ни стало выдворить ручеек-речку с его земель, чтобы уберечь дворцы и имущество от наводнения.

Собрались придворные и князья, полководцы с войсками, попытались повернуть вспять русло реки, возвести против течения высокие заслоны, ослабить её силу, рассеять-раздробить поток на мельчайшие струйки. Но когда ручеек добежал до заслона, поток воды взбук, взвился, разнёс преграду в пух и прах и яростно помчался дальше, затопляя дворцы и сады...

Тогда царь отправил посланников в соседнюю страну.

— Из твоей страны, — велел он передать тамошнему царю, — пожаловал к нам бесстыжий гость-ручей, который сначала был мал, а потом разросся и нынче наводнит всю нашу землю, разрушил дворцы. Либо прегради ему путь, либо отведи русло, направь в сторону пустыни.

Услышал это соседний царь и рассмеялся; повёл он посланников показать свои земли и сказал:

— Сами поглядите: этот же ваш гость наводнит, разрушил и мои дворцы; попытался и я изменить его русло, построил заслоны, но ручей разрушил все преграды, и нынче залил мои дворцы, стал властелином моего царства. Не в моих землях его истоки, чтобы я их закрыл и вывел бы за пределы царства: ручей прибыл из других краёв, с гор, что по ту сторону моей границы.

Тогда могущественный царь послал людей в другую страну, потом ещё дальше, но так и не смог добраться до истоков ручейка, которые были в далёких неведомых горах, а в пути он всё прибывал, наводнял встречные царства, сокрушал дворцы и оживлял поля.

Легенда не упоминает, как кончилась та история, но гласит, что могущественный царь возвёл гигантские заслоны, перегораживающие ручеек, но тот их снёс-смёл со своего пути.

Чем больше ставилось заслонов, тем сильнее был натиск ручейка, он уносил с собой и разрушал дворцы, дома богачей.

И если вместо дворцов и парков могущественного царя нынче остались одни лужи и болота, то тут постарался маленький ручеек, который несётся из неведомых краёв, пробивая себе дорогу, разрастаясь в речку и распространяя своё владычество.

Преграды и заслоны не только не укрощают его, но ещё больше раззадоривают и подхлёстывают. Он обычно не только заливает дворцы, но и сносит сады, парки, погружает на дно всё, что принадлежит царям и богачам.

ВИШАП

1

Давным-давно, наверное, тысячелетия назад, высоко в горах забил чистый, бурный источник, вылился в реку, побежал поливать земли у подножия, покрывая их пышными лесами, тучными нивами и цветущими лугами.

На берегах этой речушки процветала похожая на маленький городок деревня. Весь тот край утопал в садах и лесах, жил богато и счастливо, его жители на равных пожинали блага, которыми их одаривал источник.

Долго-долго, наверное, тысячелетия, чистый и бурный источник не высыхал, не прерывался и не убывал, только река весной становилась полноводнее, чуточку мутнее, но обычно в любое время дня ни разу не мелела, не замедляла бег, резвилась у берегов, обдавая их прохладой и влагой.

Но вот однажды...

Однажды глухой ропот пронёсся по берегам реки. Люди засуетились, столпились, спустились к реке, пригляделись, прикинули и нашли, что вода начала убывать.

Хотя и понемногу, но заметно отходила вода от берегов, и её не хватало на поливку всех полей и лугов. Продлись так и дальше, через несколько лет вода не только убыла, но и вовсе исчезла бы.

Как бы тогда крестьяне сводили концы с концами? Уже начали высыхать поля, увядать сады, поубавился урожай, леса не росли и луга не радовали глаз пышной шёлковой зеленью.

Вся местность оказалась на краю гибели, надо было что-то придумать, предотвратить исчезновение воды.

Но прежде всего предстояло разведать и выявить причину этой напасти.

И вот собрались крестьяне на совет и решили, разбившись на группы, подняться в горы, отыскать источник и осмотреть все притоки, которые питали реку.

То была большая река. Исконные её истоки уходили далеко к глухому и крутому горному хребту; по пути с других склонов в неё вливалось около четырёх-пяти крупных ручейков, а у подножия, в глубоком ущелье, превратившись в полноводную реку, она неслась дальше.

Одна группа крестьян двинулась к основному источнику; другая спустилась в ущелье, предполагая, что, может, с гор скатились валуны и запрудили реку, отвели воду в другую сторону.

Третья группа зашагала вдоль русла реки вверх, к расщелинам горного хребта, две другие, вооружившись лопатами и кирками, отправились очищать истоки притоков, полагая, что их или занесло песком, или же завалило камнями.

Тем временем на глазах у сельчан, дожидавшихся в долине весточки, вода в реке не только не прибывала, но стала заметно уменьшаться.

Изнурительными, непроходимыми тропами шли люди вдоль ручьёв. Но не встретили ни скатившихся вниз валунов, ни свернувшего с пути русла. Бросалось в глаза другое — ручейки сузились, но куда исчезала вода, как и по каким лазейкам уходила — никто не смог понять.

На пятнадцатый день поисков все группы сошлись у истока реки и стали держать совет.

— Очевидно одно, — заговорил кто-то, — вода в реке убывает, но как и куда она девается, остаётся загадкой.

— Мне кажется, — сказал второй, — что под ручьями образовались воронки и поглощают воду.

— В таких случаях должны быть водовороты или ещё какие-либо признаки, — возразил кто-то другой, — но ничего подобного нет.

— Да, но воды становится всё меньше, и народ ждёт неминуемая беда.

— А что если неизвестные злоумышленники ловко соорудили в подземелье каналы, по которым и крадут воду? — высказал предположение умудрённый опытом крестьянин.

— Не похоже.

Долго ещё они спорили-препирались, высказывались за и против, выразили массу догадок. Предлагали нелепые, наивные средства, но сразу же отвергали их; не имело смысла в течение года ценой невероятных усилий накапливать воду для поливки полей. Река тем временем непрерывно мельчала и могла вконец высохнуть.

Во время горячих споров какой-то юноша, который слыл среди соотечественников сумасбродом-чудаком да мастером на нелепые выдумки, неожиданно выкрикнул:

— Послушайте, братцы, что я скажу! Не потому и не поэтому убывает вода. Это всё вишاپ, он обосновался в горах и потихоньку осушает наши живительные родники. Это всё вишاپ — вот где разгадка!

Грянул дружный хохот, и сумасброда осыпали градом насмешек.

Но он невозмутимо и уверенно стоял на своём:

— Уверяю вас, братцы, это вишاپ, он обосновался в наших горах и скоро осушит всю воду, вот увидите! Поглощая воду, он будет расти, а значит, усилится и его жажда, и, оказавшись без воды, он придёт, чтобы напиться нашей крови...

Так говорил сумасброд, и сельчане не только осмеяли, но и поколотили его и потребовали, чтобы он прекратил нести околесицу.

Но юноша упрямо выкрикивал:

— Вишاپ это, братцы, вишاپ, говорю вам! Докопайтесь до истоков и сами увидите; проникните в самые глубины, разведайте и тогда поймёте... Вишاپ родился, несмышлёные братья, родился от нас самих, от нас родился...

— От нас родился?! — воскликнул рассерженный деревенский голова. — От нас, говоришь? А скажи-ка, чудак-человек, скажи нам, кто та женщина, что разродилась вишапом? Да и с чего вдруг, как родила?

Все хохотали, потому что никто ещё не слышал, чтобы от людей могли рождаться вишапы и чтобы эти вишапы, поглотив целую реку, могли бы податься к людям и напиться их крови.

— Говори! — крикнули сумасброду сельчане, — послушаем, может быть, твоя мать родила этого воображаемого вишапа, если только его породила не твоя безумная башка. Говори же, что его породило?

— Ваш пот... — сказал чудак и ни слова больше не проронил.

Да и стоило ли говорить? Ничего кроме вздора от него не услышишь: вишاپ, рождённый из пота, надо же! Такая ересь была курам на смех, а уж благоразумных и выдавших виды крестьян и почтенных старейшин деревни и подавно развеселила.

2

Вот какая взбрела людям в голову мысль о вишапе.

Река уже наполовину высохла и вскоре превратилась бы в крохотный ручеёк, а крестьяне, знай себе, смеялись над воображаемым вишапом и исчезновение воды объясняли каким-то природным явлением.

Недаром говорят: «Дурак в воду камень кинет, десятеро умников не вытащат». Так оно и случилось. Догадка о вишапе — как ни насмехались над ней разумные люди — завладела умами. Годы спустя, когда огромная река сузилась до крохотного ручейка, когда деревня,

равная цветущему городку, наполовину опустела, а сады, поля и луга зачахли, — не перевелись ещё чудачки, которые виновником исчезновения воды считали вишапа.

Мало, правда, но встречались ещё такие чудачки. Не сразу укореняется в народе какая-либо идея, но если уж приживается, то не так-то легко бывает изжить её.

В конце концов нашлись добровольцы, которые решили отправиться к истокам, проникнуть вглубь, проверить, существует ли вишап, и если да, то прикончить его, воскресить угасающий край, вернуть ему былую кипучую жизнь. А тот чудак, который был ещё жив и всё ещё твердил о существовании вишапа, взялся возглавить крестьян и вступить в единоборство с чудовищем.

Вся деревня вышла их провожать. Кто потому, что приходился отцом или братом смельчакам, многие же потому, что их заинтересовал этот поход к вишапу.

Искатели тронулись в путь, шли они долго, днями-неделями, и добрались до основного источника воды — к подножию тех суровых и отвесных скал. Они сложили свои лопаты и кирки, сели и задумались, как быть дальше.

Увидел чудак, что сели люди судить да рядить, встал посреди них и сказал:

— О нет, братья, не время сейчас отдыхать, не время думу думать, когда вишап ещё жив. Всё и так ясно. Родился вишап, который осушает нашу воду и обрекает нас на жажду. Надо начать копать, выйти на вишапа и отрубить ему голову — что может быть проще? Подымайтесь и беритесь за дело!

— Но надо, — заговорил кто-то, — считаться и с нашими силами, — а разделаемся ли мы с вишапом? Может быть, он такой громадный и такой могучий, что разом всех нас проглотит?

— Да, — сказал чудак, — когда он только что родился, то прикончить его было гораздо легче. Но он уже много лет живёт и разбух от нашей воды. У него теперь и брюхо больше, и прожорливая пасть шире, трудно будет уничтожить его и обойтись без жертв и кровопролития.

— Вот видишь, — сказал кто-то из крестьян, — стало быть, надо хорошенько подумать, прикинуть и подготовиться к схватке с этим чудовищем.

— Да, но пока вы будете прикидывать-взвешивать, вишап наберётся сил, осушит всю воду и обречёт нас на жажду. Он растёт и крепнет с каждым часом, даже с каждой минутой.

— Ну и что, — возразили многие, — всё равно надо подумать, обмозговать...

И продолжали размышлять.

Чудак остался один. Никто его не послушался, его спешку сочли смехотворной.

Тогда он взял лопату и кирку, пробрался к недрам горы и принялся за поиски.

Крестьяне, рассевшись в сторонке, улыбались, наблюдая за работой чурака.

— Если там и вправду засел вишап, — сказал кто-то, — он во что бы то ни стало одним дыханием сгубит этого сумасброда.

— Вот будет потеха! Посмотреть бы, как перекосятся у него лицо, когда он нарвётся на вишапа.

А чудак всё рыл и рыл. От ударов его кирки гудела гора, вздрагивала земля. Из недр скалы доносилось глухое рычание, и чем чаще становились удары, тем явственнее оно слышалось.

— Чудище! — воскликнули перетрусившие крестьяне и попятились назад.

— Будьте осторожны, — предостерег один из них, — лучше встанем подальше и посмотрим, как вишап обойдётся с нашим сумасбродом.

— Вишап разорвёт его в клочья! — сказал второй.

— В два счёта его растерзает — слышите, какой рёв доносится из-под земли?

Рычание вишапа и впрямь становилось громче и свирепее.

Чудище разгневалось оттого, что человек проник в глубь земли и потревожил его.

Но чудака-человек продолжал долбить. Его кирка разбивала валуны, огромные глыбы и острым концом врезалась в логово чудища.

И так до самого вечера, без передышки долбил и рыл чудака, сыпал ударами кирки.

А когда сгустились сумерки и он добивал последнюю неподатливую глыбу, его почти оглушили яростные вопли вишапа.

Крестьяне с ужасом и трепетом наблюдали издали, и никто не осмеливался сделать шаг вперёд, прийти на помощь чудаку. Каждый боялся за свою шкуру, хотел быть подальше от опасности, даже если б пришлось навсегда лишиться воды, нищенствовать и бедствовать.

Когда от мощного и тяжёлого удара кирки скатилась последняя глыба, перепуганным крестьянам предстала уродливая, жуткая голова чудища, которое, приникнув пастью к источнику воды, поглощало её, разбухая и тучнея на глазах.

Вода, которая чуточку ещё струилась, стекала из пасти вишапа, смешавшись с омерзительной слизью.

Когда вишап увидел вставшего над его головой сумасброда с киркой в руках, зарычал, завращал бычьими глазами и оглушительно пророкотал:

— Уйди, безумец, не то уничтожу тебя! Таких, как ты, смельчаков я заглатывал ещё тогда, когда Каин убил Авеля... Ступай, пока я не стёр тебя в порошок, глупец! Такие, как ты, чудаки находят меня, но уничтожить не могут. Покончить со мной в силах только вон та масса, которая в ужасе трясётся у моих ног...

И снова приник к воде.

Сумасброд поднял кирку, изо всей мочи покрутил ею и метнул с размаху, целясь в голову чудища.

Кирка взвилась-полетела и лишь царапнула чудище по голове, но, с силой стукнувшись о ближайšie валуны, разнесла их на куски, камни попали в наблюдавших крестьян и ранили их.

Крестьяне разволновались, разозлились, набрали камней и забросали ими сумасброда.

Вишап разразился громовым хохотом:

— Видали, люди, видали: эти безумцы ополчаются против меня, а вредят только вам. Забросайте камнями их, они же ваши враги, они вас сбивают с толку. Я же — ваш кормилец, ваш благодетель. А поскольку вы пришли меня задобрить, то обещаю, что буду к вам благосклоннее, жаждой не замучу: из моей пасти стекает столько воды, чтобы удовлетворить ваши нужды, не дать вам умереть...

Трепещущие от страха крестьяне смиренно выслушали сердобольную речь вишапа.

Они забросали камнями чудака-безумца, погнали его в горы, а потом, встав на колени перед вишапом, поблагодарили его и, счастливые, вернулись в деревню.

— Обещаю, — присовокупил вишап, — не оставлять вас без воды, я чуточку опущу уголки губ, если уж очень начнёт мучить вас жажда.

Обещание своё вишап, надо воздать ему должное, исправно выполняет по сей день. Он уголки губ опускает и облегчает участь тех, кто, мучимый жаждой, готов лишиться рассудка.

С того дня народ чтит вишапа как своего благодетеля, возводит в его честь храмы, а восстающих против него чудаков загоняет в горы, к самой вершине...

Тут бы и сказке конец, если б не надо было об одном случае поведать.

В один прекрасный день какие-то люди объявили, что во сне им приснилось, будто близок конец вишапа и они видели убийцу чудища.

Убийца будто был великаном в кожаном переднике, с мозолистыми могучими руками, и держал он огромный молот.

Рассказывали ещё, будто тот великан в кожаном переднике широкими шагами шёл к чудищу, и вишап, услышав его шаги, съёжился и попытался уйти-спрятаться поглубже... Словно боялся...

ДЛЯ ЖЕЛУДКА

(Легенда)

На вершине чёрной, причудливо иззубренной горы, под прикрытием далёких облаков, на самой каменной макушке, у края бездонной теснины свил себе гнездо быстрокрылый орёл.

Потомственный владелец горных высей, он обитал там испокон веков, одним взмахом крыльев пересекал бездны, восседал над голыми и огромными скалами и никогда, из поколения в поколение, не спускался вниз и даже не ведал о низинной жизни.

Охотники внизу знали об орле. Изредка, когда в прозрачном поднебесье поблёскивали гребни гор и хрустальная синева тенью ложилась на далёкие долины, охотники замечали тёмную точку, которая плавно устремлялась к солнцу, прорезая завесу облаков и, неподвижно обозревая глубины бездны, вновь взлетала к вершине.

И вздумали охотники поймать того орла с высоких гребней гор, замыслили спустить этого отшельника с вершин в низину, лишить его высей, довести до дна бездны, заставить лизать подножия скал.

Орлу всё это было невдомёк так же, как любой горе неизвестно о бездне, гению — о кознях ничтожества, голубю — о существовании змеи.

Попытались охотники смастерить ступеньки и уступ за уступом одолеть горы; попытались стрелами и пулей сбить орла, однако не сумели ни к гнезду подобраться, ни стрелой и пулей задеть его.

Попытались оцепить горную вершину, подстеречь орла и неожиданными вылазками застать его врасплох, но величественно, гордо и высоко парил он и над ними, и над пулями, презрительно отвернув голову, как бы насмехаясь над рождёнными ползаты, пренебрегая их жалкими потугами.

И вот тогда произошло то, к чему обычно прибегают в этом мире, чтобы приземлить орла, укротить льва, подрезать крылья полёту мысли, подавить мятежные и возвышенные души, — к истреблению.

Охотники отыскали свежую падаль и куски её разложили то там, то тут на уступах горы, сверху вниз, и таким образом получилась лесенка, которая нижним концом упиралась в трясину.

Орёл увидел это, долго колебался, не хотел спускаться вниз, но... он был голоден, и кинулся к первому куску, вонзил в него когти и с наслаждением съел.

Первый шаг толкнул его опуститься ещё на один шаг, затем он сделал и третий, и четвёртый шаг...

Охотники удовлетворённо посмеивались: исполин спускался воздать должное желудку и, низведя своё величие до нужд желудка, скатывался вниз по трупам...

Так день ото дня и приземлялся орёл; не парил он более в заоблачных высях, не был уже недостижимой точкой для стоявших внизу охотников. Лёгкость насыщения стала подавлять в нём тягу к высокому парению, он реже и реже взмахивал крыльями и, наконец, отучился летать и начал подпрыгивать.

И вот величественный исполин с распростёртыми крылами вырождался в гнусную тварь, шея у него раздалась, нагуляв трупный жир, живот раздулся, глаза осоловели.

А поскольку орёл тучнел, то и не порывался вовсе летать. Поскольку опускался всё ниже, — а чем ниже, тем обильнее был корм, — то он находил естественным и перемену в себе, и своё снижение, позабыл и даже пренебрегал вершиной, и ему уже нравились низины, тяжёлый воздух, гладкое пространство...

Охотники посмеивались: исполин спускался воздать должное желудку, и низведя своё величие до нужд желудка, скатывался вниз по трупам...

Глаза, которые привыкли видеть в недостижимом прозрачном поднебесье поблёскивающие гребни массивных гор, над которыми реял величественный орёл, глаза, которые восхищались, наблюдая в хрустальной синеве плавное парение этого исполина, — в один прекрасный день обнаружили орла в трясине, ожиревшего и обезображенного...

Не пули коварных охотников, а их грубые дубинки до смерти забили исполина, сошедшего с горных высей насытить желудок.

Спустя несколько дней из орла сделали чучело, которым украсили хоромы холёной свиньи...

Вот так скатился орёл с высоких вершин, и произошло это в тот день, когда он надумал для насыщения желудка сложить крылья и сделать первый шаг вниз...

ЗОХАК

(Персидская легенда)

1

Давным-давно, как гласит о том древняя персидская легенда, много-много веков назад явился в Иран и стал править страной некий властелин. Слыл он деспотом, безбожно жестокосердным, каких свет не видывал, и был порождением то ли знойных пустынь, то ли гнилых болот Ассирии.

Явился и стал царствовать. Свергнул с престола царя Джумшуда, расправился с мятежниками, потопил в крови ропот недовольства и взошёл на трон при пособничестве кучки льстецов.

С того дня Иран уподобился огромному кошмарному аду. Везде и всюду кровь и трупы, море слёз и скорби.

Отныне владыка страны и народа заявил о своей власти и над жизнью и смертью. Отныне не знали меры ни его прихоти, ни злодейства, ни низкие инстинкты. Иран, точно сиротливую ниву, растоптали, завалили кучей обломков.

Но вот что дальше было.

2

Не прошло и года со дня царствования деспота, как он нежданно-негаданно забеременел, и в родовых муках на его плечах появились два вишапа. То были омерзительные змеи, которые росли с каждой минутой, принимая обличье чудищ, фыркали-шипели да посвистывали, вселяя ужас и страх.

Деспот отныне стал неприкосновенной личностью. Два вишапа-телохранителя оберегали его особу.

Он никого больше не боялся и не сомневался, что его не посмеют свергнуть и не рискнут пренебречь его приказами.

Так оно и было. Если в каких-то людях и витал ещё мятежный дух, то рождение вишапов укоротило им языки. Если жила ещё надежда сбросить позорное ярмо, то телохранители подавили её. Обездоленный народ сник, ушёл в себя, стал приспособливаться и смирился со своей участью.

Деспота нарекли Зохак — но почему, легенда о том умалчивает, — нарекли Аждаак¹ Зохак.

3

Не по дням, а по часам и по минутам росли вишапы: головы — целые глыбы, пасти — с целую пропасть, когти — длиннющие, заострённые, туловища — извилистые и гибкие, и что в них было самое ужасное, так это бездонные и ненасытные желудки.

И вот приспела пора кормить вишапов, потому что они готовы были разделаться с деспотом, растерзать-заглотать весь царский двор.

Вишапов потчевали самой разнообразной растительной и животной пищей. Но они от всего отказывались и требовали только и только мозги.

Человеческих мозгов им хотелось, совсем ещё свежих и трепещущих. Без этого они не могли жить. Ни к чему они больше не притрагивались и требовали себе только мозги.

Останься они без мозгов хотя бы день, загрызли бы друг друга, загубили бы трон деспота.

Вот почему Зохак с царедворцами жили одной заботой — где бы раздобыть мозги.

Никаких трудностей в этом они не испытывали. Страна была густо населена. Ловили десятками и сотнями юношей и на глазах у вишапов разбивали черепа, вынимали мозги и скармливали их ненасытным вишапам.

Так вот и властвовал над страной деспот Зохак с двумя телохранителями, прочной опорой своего трона — чудовищными вишапами. Народ вишапов тоже окрестил. Вишапа с правого плеча назвал Бивр, с левого — Бур. На каком это было языке — зендском или пехлевийском — поди разбери...

4

Случилось то, чему суждено было случиться. Вскоре чудищ окружила целая армия царедворцев: поставщиков, раскройщиков черепов, укротителей ропщущих, рубак языков у жалобщиков, умелых охотников на свежие мозги.

В отдалённые концы страны были разсланы ловкие гонцы, которые денно и ночью пеклись о том, чтобы доставить мозги всесильному Бивру и чревоугоднику Буру. Хлопотали, чтобы их накормить-насытить, ублажить-умаслить да народ тиранить и за спиной вишапов набивать собственное брюхо.

Так и бывает обычно: где болото, там лягушки заводятся, тьма-тьмущая всяких гадов.

Мозги стали отныне самой лакомой пищей, поел — и сразу прибавил в весе. Выискивать мозги да разбивать черепа — вот он, предел мечтаний, вот единственная забава всего царского двора и его приспешников, от господ до слуг.

Отныне ни один молодой человек в необъятном цветущем Иране не знал покоя. Рано или поздно наступал черёд каждого, и росли горы черепов, и обоих вишапов кормили лакомыми кусками мозгов, а обедами наедались овившапившиеся царские приспешники.

Правда, были и строптивые, как гласит легенда, и они пытались заморить голодом Бивра и Бура и тем самым сломить их. Они нападали на ставленников вишапов, убивали

¹ Аждаак — предок вишапов.

их; погубили-убрали одного, второго, но не перевелись ни жестокие палачи, ни их приспешники. Убитых заменили новички, более безжалостные и более жадные.

Впоследствии, гласит та же легенда, приложив большие усилия, заговорщики нанесли несколько ударов Бивру, избили Бура. Но Бивра это только обозлило, и он потребовал больше мозгов. У Бура же от побоев разгорелся аппетит, и его потянуло к самым свежим мозгам...

5

Бесконечно долго изнывал так горемычный Иран, став пищей двух вишапов, жертвой прихотей чудовищного Зохака.

От солёной пустыни до берегов Белого моря (персидское название Каспийского моря) не нашлось бы дома, недосягаемого для кровожадного тирана или бесчинствующих приспешников вишапов.

Сыну иранца со дня его рождения надевали на шею опознавательное кольцо, что означало: не сегодня-завтра его мозг пойдёт в пищу Бивра или Бура.

Но вот в один прекрасный день — неизвестно когда и как — невыносимые страдания вылились в глухое недовольство.

Безропотная овечка превращалась в льва и, выставив когти, с рёвом сотрясала страну. Протест против двух вишапов, порождённый людскими мучениями, раздавался всё громче.

Со дня на день должны были схватиться два непримиримых врага.

Правда, одни отнеслись к своему положению как к персту судьбы и смиренно приспособивались, другие же, забрав жён и детей, спасались бегством, и в глуши лесов, то тут, то там, стали вспыхивать искры, и язычки огоньков потянулись друг к другу.

Разгораясь с новой силой, яркие искры разлетались по всем уголкам, охватили всю страну.

Где-то возникали волнения, где-то слышались горькие жалобы, где-то вспыхивал яростный протест, пробуждалась робкая надежда обрести свободу — и это открывало жертвам новые горизонты, утешало измученные сердца, зарождало в них веру.

Но какой толк от разрозненных, разбросанных там и сям искорок, от их вспышек в безбрежном поле острых и крепких колючек, пустивших вековые корни?

Подпалить колючки или поджечь каждую из них — не в этом спасение. Надо все искры собрать воедино, чтобы получились большие снопы, разящие яростно и молниеносно, чтобы пламя полыхало по необъятному полю колючек, выжигая и испепеляя их. Великое зло надо изживать на корню, уничтожать бесследно и навсегда.

Точно так высушивают гнилое болото, очищая воду от мерзких гадов.

Точно так поджигают сорняки одичалого поля, вырывают с корнем разросшиеся колючки.

Так же с помощью порабощённого народа сокрушают, стирают с лица земли разнужданных деспотов.

6

В то время, как весь Иран маялся-изнывал, был взбудоражен волнениями, в то время, как лилась кровь и росло недовольство, в дремучие прибрежные леса ещё только начала просачиваться весть о Зохаке и двух вишапах.

Там, в густых суровых лесах, проживал маленький трудолюбивый народ.

То была кучка мастеров на все руки — медников, жестянщиков, угольщиков, кузнецов, и среди них жил прославленный кузнец Фрейдун.

Мастера Фрейдуна простые люди Ирана знали хорошо. Хотя и многие годы проработал он кузнецом, но в нём ещё кипела сила.

От ударов его молота гудела наковальня, вздрагивал лес. Был он искусным и многоопытным мастером, крепким да двужильным.

Мастер Фрейдун был любимцем тружеников, их советчиком и покровителем. Мастер Фрейдун был их наставником и отцом.

Засучив рукава, с весёлой песней на устах раздувал он горн, ковал железо в кузнице, всегда окружённый семью сыновьями. Землекопам он поставлял лопаты, дровосекам — острые топоры, охотникам — колющие дротики и бердыши.

Он чувствовал себя счастливым у своего горна, с молотом в руках, подле славных сыновей. Дюжие молодцы, они, как и отец, могучими руками скручивали сталь, сгибали железо, ковали плуги да лемехи для трудового люда.

Щупальца Зохака ещё не проникли в тот лес, не всколыхнули покоя людей. Бивр и Бур, казалось, о них и слухом не слыхивали. Посыльные и приспешники вишапов — и те до сих пор сюда носа не казали.

Мастер Фрейдун понаслышке знал о вишапах. Знал и то, что Иран у деспота в ежовых рукавицах, и что его вишапы охотятся за свежими мозгами.

Знал мастер об этих слухах, но не верил рассказам невежественных и трусливых равнинных жителей, выдумавших глупую небылицу.

Не думал-не гадал старый Фрейдун, что когда-нибудь он или его сородичи, умелые мастера, окажутся во власти двух вишапов и чудища Зохака.

Не думал-не гадал, что не сегодня-завтра придёт и их черёд, что любимые сыновья станут пищей двух вишапов, осиротеет лес, замрут удары молота в кузнице, смолкнут песни, и всё вокруг превратится в развалины и пепелище, огласится душераздирающими стенаниями. Но ничего не ускользало от взора посыльных Бивра и Бура. Дошла очередь и до леса.

Однажды летним днём вооружённый отряд охотников за мозгами объявился в лесу и первым делом свернул прямо к кузнице Фрейдуна.

7

Обомлел старик, выронил молот из рук, когда узнал о требованиях Бивра и Бура, когда услышал указ чудовищного Зохака.

Суров был указ, суров и безоговорочен. Мастеровому люду надлежало без промедления сдать двадцать свежих мозгов, и первой должна была быть голова старшего сына Фрейдуна.

Отложил старик молот, посмотрел в глаза палачам. Неужели это правда? Змеи-чудища, стало быть, существовали, стало быть, в страну цепкой хваткой впились когти деспота Зохака, а сыновей Фрейдуна вместе с остальными уведят, чтобы перед вишапами размозжить черепа и наполнить их ненасытную утробу мозгами?

Ставленники вишапов не стали долго медлить, повалили на землю старшего сына Фрейдуна, заковали в цепи. Порыскав тут и там, отобрали двадцать храбрых юношей, связали их и под плач и причитания ускакали, увезли их с собой...

Увези-то увезли, но что после себя в лесу оставили, немудрено догадаться. Плач и причитания, скорбь и отчаяние. Не слышно было весёлых песен, не отзывался больше лес на удары молота, застыла, притихла жизнь. Оплакали люди свои и чужие потери, а потом собрались вокруг Фрейдуна спросить совета.

Но убитый горем кузнец понурил голову да потупил взгляд, руки повисли, как плети, ноги подкосились, и он сидел опустошённый перед своим горном. Подавлены были и шестеро сыновей, не в силах были ни плакать, ни сокрушаться.

Кузнечные меха обмякли, дотлевали угольки в горне, остывало, обугливалось раскалённое железо, не сверкала ни одна искорка, огонь припорашивало холодной золой.

Так было в лесу, а тем временем во дворце Зохака стоял пир горой. У юношей, доставленных из дремучего леса, поочередно разбивали череп и потчевали мозгами Бивра и Бура.

Свежие были мозги, трепещущие, кровавые. Довольны были оба чудища. Давненько не баловали их столь отменным лакомством. Охотникам за это полагалась надлежащая мзда, приспешники украшали себе грудь орденами.

Вкус новых мозгов чрезвычайно понравился Бивру, и он заявил, что отныне у него должна быть только такая пища.

А Буру мозг сына Фрейдуна показался до того питательным, что он категорически заявил: жить он сможет, лишь поглощая такие лакомые куски, добытые у трудового люда.

На следующий же день отряд охотников за мозгами снова отправился в тот самый лес и остановился у кузницы Фрейдуна.

Разговор был короток: у несчастного старика отобрали и второго сына, повалили на землю, заковали в цепи. Порыскав тут и там, захватили двадцать юношей и под плач и причитания поспешно ускакали, увезли их...

Увезти-то увезли, но что после себя в лесу оставили, немудрено догадаться. Вопли и проклятия, опустевшие дома, разгромленные мастерские...

Старый Фрейдун с разбитым сердцем горько зарыдал, но когда мастеровые, лишившие своих сыновей, обступили его и спросили совета, он так сказал:

— Мои бедные братья, мы с вами думали, что только мы властны над нашими детьми и над нашим заработком. Но вот лютый деспот и его телохранители-вишапы отняли у нас сыновей, опустошили наши очаги, обездолили матерей, посеяли слёзы и горе. Но как знать, насытятся ли они этими жертвами или пожалуют ещё и завтра, заберут наших сыновей всех до единого, раскроют им черепа, чтобы набить свою утробу мозгами?

Кто мог знать? Но вдруг все загорелись мимолётной надеждой: а что если вишапам и этого достаточно, что если к ним вернётся свобода и больше не будет жертв?

Что за наивность! Имели ли они хоть какое-то представление об утробах Бивра и Бура?

8

Старику Фрейдуну на третий день пришлось расстаться и с третьим сыном.

Юношу безжалостно повалили на землю, связали и увезли.

Кузнец хотел было запротестовать — раскричался-расшумелся, но ответом ему был удаляющийся хохот похитителей.

Хохот, ругань, свист бича — и посыльные вишапов под вопли и проклятия забрали юношей и увезли.

На следующий день пришёл черёд четвёртого сына. Отчаявшийся Фрейдун разрыдался, попытался упросить вишаповых прислужников, воззвать к их милосердию... но они избили его до полусмерти и увезли и пятого сына, и шестого...

Фрейдун понял, что не дожидаться ему милосердия, что не уймётся прожорливая утроба Бивра и Бура. Обезлюдил лес — жители либо становились жертвами вишапов, либо бежали-скрывались. Мастерские опустели, смолкли песни, замерли молоты на наковальнях, погас огонь в горнах.

Людское горе снова зачало Великое Страдание, породившее то грозное детище, которому предстояло нанести мощный удар и низвергнуть трон деспотии.

Вспыхивающие в стране искры неожиданно стянулись друг к другу, слились воедино в пламя и угрожающе поднялись над лесом.

Людское горе высушило слёзы старого Фрейдуна, и в глазах у него запрыгали искорки. В кузнице снова зажёгся горн, старый мастер повязал кожаный передник, взял в руки молот и запел грозную песню.

Среди ночи встrepенулcя, пробудилcя лес от его громовых призывов.

— Вставайте! Поднимайтесь, мастеровые люди! — крикнул он изо всей силы. — Поднимайтесь, мученики, пробил час — либо погибнем, либо снесём трон деспота.

Сказал так старый мастер, сорвал с себя передник, привязал его к древку, как знамя, в другую руку взял молот и двинулся вперёд.

Из конца в конец, от моря до моря пронёсся великий клич войны, трудящийся люд выбрался из укрытий, сплотился под кожаным передником-знаменем — возник большой грозный отряд, и при первом же натиске он разгромил палачей, ставленников вишапов, всех до единого и направился дальше.

Отряд трудовых людей, разбивший позорные цепи рабства, разрастался, тысячекратно пополнялся...

То был настоящий бешеный поток, он хлынул со всех сторон, разгромил все преграды, разбил, уничтожил все оковы и ринулся дальше семимильными шагами, а врезавшись в кровавую грудь деспотии, завыл, точно буря, и, разрастаясь, понёсся снежной лавиной.

Кожаный передник, рея знаменем, обошёл всю страну из конца в конец. Под ним собирались все труженики, все угнетённые-замученные...

И была в них сверхъестественная неотразимая сила, которой бывает наделён любой народ, преисполненный духом свободы.

Пал Зохак, пошатнулся позорный трон деспотии и сгинул навсегда. Пали Бивр и Бур, и в восходящих лучах света Иран вновь воспрял, ожил, вновь зазвучала песнь свободы.

Песнь, которую веками поют и будут петь, которая живёт и будет жить в веках.

9

Однако сказка ещё сказывается. Фрейдун, как гласит легенда, превратив кожаный передник в знамя, возглавил большую армию и очистил страну от разбойников и поработителей, настиг Зохака с вишапами, погнал их к горе Демавенд.

Здесь он заковал цепями чудищ и замуровал их в глубокой пещере.

Зохак и вишапы, гласит легенда, разъярились, стали сотрясать гору, хотели выбраться оттуда и снова бесчинствовать в Иране, но торчащее у входа в пещеру древко с кожаным передником и один только вид кузнеца Фрейдуна их утихомирили, пока однажды они не были схвачены и брошены в яму с кипящей серой и навсегда исчезли с лица земли...

Кожаный передник отделали драгоценными камнями и, как священное знамя, поместили в музей, завещали его грядущим потомкам...

ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ

Вы наверняка слышали, что персидские шахи любили, переодевшись, тайно покидать ночью дворец, бродить среди народа, разузнавать о его горестях, знакомиться с его житем-бытьём.

Так поступал и шах-Аббас, царь царей Ирана. Несколько ночей в неделю, переодевшись торговцем, паломником или чужестранцем, со слугой или в одиночку, шах-Аббас бродил по улицам и базарам, прислушивался к разговорам, жалобам и ропотам, и зачастую того или иного судью, хана или князя нежданно-негаданно постигала кара.

Однажды вечером великий шах вышел один из дворца. Он переоделся благочестивым бродячим дервишем, взъерошил волосы, повесил к поясу неизменную кокосовую миску — кашкуль, взял в руки секиру и явился на Исфаганский базар.

Лавки были уже на замке. Ночные стражи, съёжившись подле слабо мерцающих факелов, сладко дремали.

Шах-Аббас долго бродил, ко всему приглядывался и, когда проходил мимо одной из лавок, заметил внутри свет.

Разобрало его любопытство, прильнул он к щёлке и вот что увидел.

Это была лавка починщика старья — жалкий, убогий уголок. Тут валялось несколько пар поношенной обуви, кое-какие ржавые инструменты, потрёпанный, ветхий ковер, на котором сидел сам починщик. Но вот что было поразительно — перед починщиком был накрыт стол, на котором яства и напитки стоили вдвое дороже всей утвари лавочки.

Шах удивился.

«Тут скрыта какая-то тайна, — подумал он, — откуда у него такой роскошный стол?»

И шах решил выведать тайну. Он постучался секирой в дверь лавки и, прикинувшись дервишем, зашел:

— Да славится пророк Али! Дервиш я, о верующий,пусти меня, выдели долю дервишу.

— Прочь отсюда, дервиш! — крикнул из-за двери починщик. — Нет у меня ничего для тебя.

— Не криви душой, мусульманин, ты сидишь за трапезой, выдели долю дервишу.

Шах не уходил и столько пел, столько выпрашивал, что починщик вынужденно, ворча и проклиная всех дервишей, отпер дверь.

— Что тебе надобно, незнакомец? — рассерженно крикнул он. — Почему не даёшь мне спокойно пообедать?

— Ешь на здоровье, — сказал шах, подделываясь под дервиша, — но только я тоже голоден, позволь и мне присоединиться к обильной трапезе.

— Ладно, — сказал починщик, — входи и поешь, но только клянусь бородой пророка и мощной дланью святого Али, что если ты станешь приставать ко мне с расспросами, я сразу же выставлю тебя за дверь.

Шах молча вошёл в лавку, сел за стол, но ни к чему не притронулся.

— Ешь, дервиш.

— Нет, ни за что, — сказал шах, — я не могу отведать хлеба, если не знаю, как его добыли. Ты бедный починщик, в доме хоть шаром покати, а стол от яств ломится. Откуда у тебя всё это?

— Вон! Сейчас же вон отсюда! Ты не сдержал слова! Ты же обещал не задавать вопросов!

— Я? — шах улыбнулся. — Когда я обещал? Пророк свидетель, и не подумаю уходить, пока не получу ответа,

Починщику некуда было деваться, он немного поворчал, выбранился, но потом сказал:

— Ладно, какой уж тут секрет или чудо? Я день-деньской работаю не покладая рук, работа у меня ладится, а вечером — живу-то я один — люблю вкусно поесть и на всю дневную выручку покупаю себе еду.

Бесхитростная речь починщика старья очень позабавила шаха.

— Ты не бережливый, мусульманин, — сказал он, — а если вдруг захвораешь или работу потеряешь?

— Если захвораю, то и в еде нужды не будет, на то божья воля, а работу потеряю, другую найду. Люблю вкусно поесть, на аппетит не жалуюсь...

Шах рассмеялся:

— А если, — сказал он, — шах завтра запретит вдруг ремесло починщиков старья, тогда как же?

— Зачем зря беду накликаешь, дервиш? Зачем шаху запрещать бедным людям работать да хорошо есть?

— Кто его знает, шах есть шах, запретит, и всё тут. Что будешь делать?

Починщик почесал затылок и рассмеялся:

— Чудной ты какой-то, дервиш. Э, если шах запретит ремесло починщиков старья, то бог милостив, не помрём с голоду...

На следующий день и вправду шах-Аббас издал указ, который запрещал всем починщикам старья заниматься этим ремеслом.

Шах есть шах — запретил, и всё тут, осмелится ли кто спросить, за что и почему?

И вот, когда стемнело, шах снова переоделся дервишем, взял секиру и отправился на базар.

Он снова долго ходил-бродил и, когда подошёл к лавке починщика старья и заглянул через щёлку, то страшно удивился. Починщик как ни в чём не бывало сидел за столом, ел и весело распевал.

«Вот-те раз, — задумался шах, — надо выведать, откуда у него обед».

И он постучался в дверь.

— Да славится пророк Али! Впусти меня, о верующий, выдели долю дервишу.

— Прочь, сгинь, злой дервиш! — крикнул из-за двери починщик. — Ты зловецкий человек, прочь, пока я не разгневался! Ничего ты не получишь!

— Не криви душой, мусульманин, у тебя на столе вкусные яства, выдели долю дервишу.

Починщик не отпер двери. Шах просил, убеждал, настаивал на своём и, наконец, вошёл в лавку. Но опять к еде не притронулся и задал тот же вопрос.

— Ты бедный починщик, и шах запретил сегодня твоё ремесло, так скажи, мусульманин, откуда у тебя всё это? Не воровством ли ты занялся?

— Замолчи, дервиш-ага! — воскликнул починщик. — Меня Ахмедом величают, я сын порядочного отца и в жизни никогда не лгал и не воровал!

— Тогда растолкуй всё, мой добрый Ахмед.

— Какой же ты бессовестный, дервиш-ага, — рассердился починщик, — что делать с тобой, не знаю. Но я не люблю ссориться и ругаться — так вот слушай. Шах собрался выехать за город, и его слуги бросились ловить по улицам и базарам встречных мулов, сгонять их ко дворцу, чтобы навьючить пожитками шаха. Если хозяин мулов давал взятку, его мулов не трогали. Вижу такое дело, тут же разыскал себе знак ферраша¹, прицепил к шапке, к поясу привязал старый меч, что от отца моего остался, побежал по улицам, выискал мулов, пошумел, пригрозил, собрал взятки, но лишь столько, сколько нужно было на обед². Что поделаешь, на аппетит не жалуюсь...

¹ Ферраш — вооружённый стражник.

² В Персии взятка считалась не воровством, а заработком.

— Ловко у тебя получилось, Ахмед, — рассмеялся шах, — а если вдруг шах и на это запрет наложит? Что же тогда придумаешь для своего желудка?

— Опять ты раскаркался?! Что ж, запретит так запретит, бог милостив, не умрём с голоду...

На следующий день шах распорядился, чтобы объявили запрет на сбор мулов. Когда же стемнело, опять переоделся дервишем и явился к лавке Ахмеда.

Заглянул к нему через щёлочку и обомлел, увидев, что починщик, как и в прошлый раз, весело-беззаботно сидит за трапезой.

— Бог свидетель, этот починщик — волшебник. Как он раздобыл еду?

И шах постучался в дверь.

— Да славится пророк Али! Впусти меня, о мусульманин, выдели ещё раз долю дервишу.

Починщик узнал голос дервиша, вскочил с места, схватил старый башмак, швырнул в дверь и закричал:

— Прочь отсюда, убирайся, исчадь ада! Хватит, сколько ты зла напророчил! Ступай, ты и крошки не получишь!

— Не криви душой, Ахмед, — сказал шах, — перед тобой вкусная еда, выдели долю дервишу.

И до тех пор стучался, столько пел и просил, что починщик, человек и вправду сердобольный и добрый, отпер дверь, и дервиш вошёл в дом.

Шах опять к еде не притронулся.

— Как же так, Ахмед? — сказал он. — Ты бедный починщик, шах запретил твоё ремесло; прибегнул ты к хитрости, стал феррашем, но и тут не повезло. Скажи, мусульманин, как ты еду раздобыл? Не пошёл ли милостыню собирать?

— Замолчи, дервиш-ага! — рассердился Ахмед. — Я сын знатного отца, хотя и беден, лучше я с голоду помру, чем пойду просить милостыню! Так вот слушай, как я раздобыл себе эту еду. У моего отца был старый ржавый, но хороший меч, я отнёс его сегодня на базар, клинок продал, а рукоятку оставил на память и на вырученные деньги купил еду.

— Но вон твой меч...

— Да, просто к рукоятке мне приделали деревянный клинок. Вот тебе и вся разгадка.

Шах вволю посмеялся. Ахмед начинал ему нравиться.

Ничего больше не сказал шах, поел, выпил и дружелюбно расстался с Ахмедом.

На следующий день шах-Аббас сел на трон и повелел собрать и привести к нему всех, кто работал в городе феррашем, хотя бы в течение одного дня, причём в одежде ферраша и со своим мечом.

Вечером к шаху потянулась целая вереница феррашей и почтительно встала перед ним.

Шах-Аббас оглядел их: тут был и Ахмед со своим деревянным мечом, вложенным, конечно, в ножны.

Шах надумал поразвлечься. И когда чтение корана затянулось, шах внезапно поднял голову, сурово взглянул на всех, остановил взгляд на Ахмеди, сердито насупился и сказал:

— Ты! Тебя как звать?

— Ахмед, твой покорный слуга.

— Вот что, Ахмед, твой сосед рядом что-то подозрительно неспокоен, вынь меч из ножен и отруби ему голову!

Ужас обуял присутствующих. Ахмед растерялся, побледнел.

— Великий шах, — громко и чуточку паясничая выкрикнул он, — сосед мой очень тихий и смирный, не приказывай мне проливать невинную кровь.

— Что?! — пророкотал шах. — Ты осмеливаешься не выполнять моего приказа? Живо вынь меч и отсеки ему голову!

А в уме посмеивался над замешательством Ахмеда. Но он не учёл смекалки Ахмеда.

Починщик и расхваливал-возвеличивал шаха, и умолял-уговаривал его, а это ещё больше забавляло владыку.

— Руби! — закричал он. — Руби, а не то у самого голова отлетит!

Видит Ахмед, деваться ему некуда, и чтобы не осрамиться, пошёл на хитрость. Возвёл глаза к небу, помолился и громогласно заявил:

— О ты, праведный аллах и великий пророк, меня заставляют совершить нечестный поступок; если мой товарищ невинен, пусть же мой меч станет в ножнах деревянным!

И рывком вытащил меч. Все ахнули — меч был деревянным.

Владыка весело расхохотался и велел немедля дать Ахмеду должность судьи.

— Ахмед, отныне ты судья, помни о своём деревянном мече и каждый раз, когда засомневаешься в преступнике, взмолись к богу так, как взмолился нынче...

Говорят, что Ахмед до глубокой старости не расставался с деревянным мечом и ни разу не променял его на железный.

Когда же он умер, деревянный меч опустили с ним в могилу, и персидский поэт начертал на его надгробье такие слова:

Мир тебе, судья справедливый и добрый!
Обладал ты ненасытным чревом и в латаньи заплат умудрён был,
Но судил равной мерой — весы твои точными были,
И твой меч до конца деревянным остался.

Стефан
Зорьян

АЗАРАН-БЛБУЛ

1

Жил на свете жадный царь. И был у него огромный-преогромный сад, раскинувшийся прямо перед дворцом. Сад этот был сказочно красив, и любопытные съезжались со всех концов земли подивиться на это чудо.

Но даже те, кому выпадало счастье воочию увидеть эти пышные деревья, зелёную траву, благоухающие цветы, не верили своим глазам. Посреди сада, звеня, как колокольчик, взмывал ввысь фонтан, и его струи переливались всеми цветами радуги, ослепляя каждого, кто попадал туда.

В этом саду росло всё, что душе угодно, и видимо-невидимо всевозможных плодов. Однако царь и сам ни разу не отведал изумительных этих плодов и другим строго-настрого запретил.

Однажды к воротам сада подошёл нищий и попросил милостыню. Отроду не нарушавший царского наказа садовник никакой милостыни, как всегда, не подал, а взашей вытолкал нищего да крикнул:

— Убирайся прочь! Ишь чего захотел, полакомиться плодами из царского сада!

Обернулся нищий на эти слова и проклял сад:

— Да иссохнет он на корню и перестанет плодоносить! Да не видать вам во веки вечные ни деревьев в цвету, ни сочных плодов!

Не успел нищий закончить проклятия, как на глазах у всех сад преобразился: с крон опала листва, завяли деревья и кусты, пожухла трава, иссяк родник.

Узнал про это царь, и ярость обуяла его.

— Кто посмел проклясть мой сад?! Тотчас привести сюда нищего!

Разослали повсюду глашатаев. Нищего нигде не было.

Оседлали царские слуги коней и бросились во все концы страны.

Но нищего и след простыл.

— Что же нам теперь делать? — закручинился царь и спросил у мудрых старцев: — Как вернуть жизнь нашему саду?

Старцы ответили:

— Долгих лет жизни тебе, великий государь! Созови учёных и мудрецов своей страны, пусть подумают. Может, и посоветуют, как поступить, чтобы сад снова зазеленел.

Призвал к себе царь всех учёных и мудрецов. И явилась во дворец тысяча молодых мудрецов, и явилась тысяча белобородых старцев. Семь дней думали они, совет держали, семь ночей думали, совет держали, и вот что сказали царю:

— Долгих лет жизни тебе, государь! Возведи божий храм, да такой, чтобы его подпирала тысяча колонн и увенчивало сорок куполов и чтобы подобного ему не было на белом свете. Денно и ночью молись в этом храме богу, дабы он смилостивился и вернул саду свою благодать.

Царю пришёлся по душе этот совет, и велел он заложить основы божьего храма.

Созвал царь три тысячи камнебойцев — дробить камень, три тысячи камнетёсов — тесать камень, три тысячи каменщиков — стены класть.

И явился отовсюду рабочий люд, и принялся — стук-перестук! — дробить камни, таскать камни, тесать камни, стены поднимать.

И за три года построили мастера храм невиданной красоты, величественный, как само

божье слово, — тысяча колонн подпирала его и сорок куполов увенчивало.

Когда храм был готов, пришёл епископ с крестом и хоругвью, освятил его и благословил.

И вошёл в храм царь, и стал он молиться.

Едва произнёс царь первые слова молитвы, как в храме поднялась буря, и в её вихрях показался белый как лунь старик.

— Всё ты сделал, как надлежит, государь, — молвил он, — да одного недостаёт твоему храму...

Не успел удивлённый этим видением царь спросить, чего же недостаёт храму, как старик исчез — столь же неожиданно, сколь появился.

Наутро царь велел разрушить храм и построить заново, да так, чтобы всё было предусмотрено.

Храм разрушили и — стук-перестук! — построили за три года заново.

Освятили храм, вошёл в него царь, но едва произнёс он первые слова молитвы, как опять появился белый как лунь старик.

— Всё ты сделал, как надлежит, государь, — молвил он, — да одного недостаёт твоему храму...

И опять не успел царь спросить, чего же храму недостаёт, как старик исчез — столь же неожиданно, сколь появился.

Царь снова приказал разрушить храм и построить заново, да так, чтобы всё было как следует.

И разрушили храм, и за три года построили новый, и освятили, и снова вошёл в него царь.

Но едва произнёс он первые слова молитвы, как появился белый как лунь старик.

— Государь, — молвил он, — слов нет, храм твой — само совершенство, он источает свет, да одного недостаёт твоему храму...

Недолго думая, царь схватил старика за руку: «Скажи наконец, чего же ему недостаёт!»

— Государь, — молвил старик, — молитвою не вернёшь саду благодать, нужно...

— Что?! — нетерпеливо воскликнул царь. — Скажи, старик! Я не пожалею ни своих несметных сокровищ, ни золота, лишь бы снова зазеленел мой сад.

— Нет, государь, — покачал головой старик, — ни золото, ни сокровища, ни даже царский приказ тут не помогут... Твоему храму и саду нужен Тысячеголосый соловей — Азаран-Блбул.

— А где он обитает, откуда мне его взять, этого соловья? — обрадованно спросил царь.

— О государь, он далеко-далеко, за Сухую Сушью и Пустынной Пустыней, там, где не ходят караваны, не летают птицы и куда не ступала нога человека. Дорога эта полита кровью и покрыта человеческими телами, и ни одному живому существу, ни одному земнородному не удалось вернуться оттуда живым и невредимым, — промолвил старик и исчез.

И одолели царя горькие мысли. Сидел он в глубокой печали и думал, как же ему найти Азаран-Блбула и вернуть своему саду благодать. А время текло, день сменялся ночью, неделя — месяцем...

Думал царь, думал, и стал от горя чахнуть...

2

Было у царя три сына — Харин, Чарин и Арин. Два старших — любимцы отца — умные, а младшего все считали придурковатым. Старшие братья дружили с князьями да вельможами, а младший, Арин, водился со слугами, играл с их детьми, ходил на охоту, метал копье, оттого и не любили его в царском дворце.

«Дуракам закон не писан», — посмеивались над ним и позволяли играть с дворовым людом. День-деньской проводил Арин в хлеву и на конюшне, а то, что происходило во дворце, вовсе его не занимало.

Как только старшие братья заметили, что отец их не в духе, тут же преклонили перед ним колени.

— Не таись, отец, поделись своим горем, — смиренно молвили они. — Скажи нам своё желание, и мы его выполним.

— Горе моё велико, — проговорил царь и тяжело вздохнул. — Вы не в силах помочь мне, а желание моё неисполнимо...

— Открой нам свою душу, отец. Мы исполним твоё желание, хоть из-под земли достанем то, что ты хочешь...

Долго уговаривали царя сыновья, не выдержал он и всё рассказал: так, мол, и так, чтобы снова зазеленел наш сад, нужно найти Азаран-Блбула.

— Мы принесём его! — в один голос сказали Харин и Чарин.

— Он обитает далеко, дети мои, за горами, за долами, за Сухую Сушью и Пустынной Пустыней, там, где не ходят караваны и не летают птицы. Дорога к нему трудна и неведома.

— Мы найдём его, — сказали Харин и Чарин и встали. Надели они доспехи, взяли оружие, оседлали коней, прихватили немного еды и пустились в путь.

А Арин тем временем, ни о чём не ведая, играл в конюшне. Как услышал он, что братья в путь собрались, недолго думая, тоже надел доспехи, взял оружие, вскочил на коня и двинулся вслед за ними.

— Не беда, — решили братья, — станет нам прислуживать в пути.

И поехали они втроём.

Ехали они днём, ехали они ночью, держали путь на Сухую Сушь и Пустынную Пустыню, где не ходят караваны, не летают птицы.

Долго ли они ехали, коротко ли, очутились на перепутье трёх дорог и увидели там старика.

— Здравствуй, дедушка!

— Доброго здоровья, юноши.

— Скажи-ка, дедушка, куда ведут эти дороги?

— Вот эта, — сказал старик, — ведёт в Багдад, по ней народ толпами валит, толпами и возвращается. Другая ведёт в Хорасан, туда люди тоже идут толпами, но редко кто возвращается обратно. А вот третья дорога... опасная... Кто по ней пойдёт, тот навсегда пропадёт, и никому нет возврата из тех краёв.

Остановились братья и крепко задумались, какой им путь выбрать?..

— Давайте решим так: один из нас пойдёт в Багдад, другой — в Хорасан, — сказал Арин. — А я направлюсь туда, откуда никому нет возврата.

— Хорошо, — согласились братья, а про себя несказанно обрадовались: наконец-то они избавятся от этого придурка. Договорились братья ждать друг друга на этом перепутье, если кто раньше придёт, расцеловались на прощание, разошлись и пустились каждый своей дорогой.

Старший брат направился в Багдад. На полпути попался ему караван-сарай, остановился он и призадумался: «К чему мне понапрасну подвергать жизнь опасности? Останусь я здесь, найду себе дело. Авось не пропаду, проживу как-нибудь...»

Средний брат направился в Хорасан. Долго ли он ехал, коротко ли, одной дороге ведомо. Не раз попадал он в беду, пришлось ему продать коня, а потом и доспехи, проел он все деньги и гол как сокол добрался в конце концов до Хорасана и нанялся в баню слугой.

Оставим пока старших братьев, пусть они живут, как живётся, и обратимся к младшему брату — что о нём слышно?

Расставшись с братьями, ехал Арин долго-долго и достиг наконец Сухой Суши, Пустынной Пустыни, где не ходят караваны и не летают птицы. Всё здесь было красным-красно: земля, деревья, камни, а на ярко-алом небе горело багровое солнце.

Долго ли Арин шёл, коротко ли — знают только он да его конь, вдруг засверкал перед его глазами дворец. Дворец этот был сказочной красоты — весь в изумрудах и рубинах, яхонтах и алмазах. Он ослепительно сиял под лучами солнца, словно полыхало до самых небес пламя. И не было у этого дворца ни окон, ни дверей.

«Кто же тут живёт?» — подумал Арин. Поглядел вверх, потом вниз — нигде ни души. Вдруг откуда ни возьмись появилась девушка, красивая, как пери, как ясное солнышко, и окликнула его:

— Кто ты, бедный юноша? Мне жаль тебя... Уходи, пока не поздно, не ровен час вернётся Красный Дэв.

— Не пугай меня, красавица, — сказал в ответ Арин. — Пусти меня лучше в дом, накорми досыта, дай выкурить горькую трубку, а уж потом стражай Красным Дэвом.

— Послушайся доброго совета, юноша, — сказала красавица, трепеща от страха. — Уходи поскорее!

Но Арин и не думал уходить.

— Кто ты, сестрица? — спросил он. — Что ты делаешь в этом замке без окон и дверей? Кто привёл тебя сюда?

— О юноша, я пленница Красного Дэва, — сказала девушка со слезами на глазах. — Он пришёл в нашу страну, разорил её, выкрал меня из дома и взял к себе в плен. Уходи же поскорее из этой кровавой страны!.. Видишь, от крови тех, кого сожрал Дэв, всё вокруг покраснело — земля и небо, деревья и кусты, и даже ясное солнышко.

— Не уговаривай меня понапрасну, сестрица. Я не уйду отсюда, кто бы ни явился, и не оставлю тебя в беде. Я спасу тебя.

— О, господи, — заплакала девушка, — тебя ждёт верная смерть! Лучше уж мне остаться навеки пленницей, только бы ты сохранил свою молодую жизнь.

Долго уговаривала и упрашивала его красавица, но дурачок Арин не поддался на её уговоры.

— Раз так, — сказала девушка, — я спрячу тебя в замке, может, Дэв и не заметит.

— Ну, нет! — сказал юноша. — Я ведь ради Дэва и пришёл сюда. Ты только скажи, сестрица, откуда он появится.

Не успел он произнести эти слова, как раздался грохот, земля задрожала под ногами, и на вершине горы показался Дэв со своей добычей: в руках у него было два бревна, локтей по шестьдесят каждое, а между ними он зажал разную живность, зверей всех видов и мастей — тигров и львов, баранов и медведей, волков и лис, оленей и ланей. Всех их скопом волочил он в свою крепость. И вся округа оглашалась их душераздирающим воем.

Дэв надвигался, как бурная река, как всепожирающий огонь, и, ещё издали заметив юношу, прогремел:

— Кто ты, о земнородный, и как осмелился явиться в мою страну? Неужто не слышал про меня? Разве на твоём пути не попадались опустевшие сёла и города, доверху набитые костями ущелья? Впрочем, хорошо, что ты пришёл по доброй воле, давно я не пробовал человеческого мяса.

— Отпусти-ка несчастных этих тварей, — сказал Арин и спешился, — а там и потолкуем. Дэв расхохотался.

— Ах ты, ничтожество! — воскликнул он. — Ты ещё смеешь разговаривать со мной, который сожрал столько людей! И каких людей — храбрых, не чета тебе!

— Кто бы я ни был, пришёл по твою душу, — сказал Арин, отважно став перед Дэвом. Рассвирепел Дэв, из его пасти полыхнули огонь и пламя, бросил он всех зверей, что приволок с собой, и кинулся на юношу.

Замахнулся он бревном шестидесяти локтей в длину и ударил так, что затряслась земля и поднялась столбом пыль.

— Жалость-то какая! — посетовал Дэв. — Мокрое место от человека осталось, нечего на зуб положить.

— А ну, давай ещё! — слышался из клубов пыли голос Арина.

Дэв рассвирепел пуще прежнего.

Отошёл он подальше и, разбежавшись, хватил что было сил бревном, да так, что пыль снова за клубилась в воздухе и поднялась столбом над землёй.

— Вот жалость-то! — засмеялся Дэв. — Сгинул несчастный, будто его и не было. Хоть бы мизинец остался — на зуб положить.

— Ха-ха-ха! — слышался сквозь клубы пыли голос Арина.

Дэв не переносил смеха.

Смех совсем вывел его из себя, и он разъярился донельзя. Хватил двумя брёвнами разом. Дрогнули горы и ущелья, а клубы пыли поднялись столбом, затянули небосвод.

— Вот ведь жалость! — вздохнул Дэв. — Даже духу от него не осталось.

Пригнулся он к земле и видит: стоит перед ним Арин цел и невредим.

— Ну, теперь мой черёд, — сказал Арин и выпустил в Дэва стрелу.

Завопил Дэв страшным голосом, покатился по земле, выпуская из пасти дым, вместо пламени, и вскоре испустил дух.

Арин отрезал уши Дэва и освободил из плена девушку, заточённую в красной крепости.

Обрадовалась девушка, обвила его шею руками.

— Теперь ты мой, — говорит, — а я твоя, давай поженимся.

— Нет, — ответил Арин. — Мне надо идти дальше. Я должен найти Азаран-Блбула, чтобы наш высохший сад снова зацвёл.

— Не надо, не ходи, — говорит красавица, — это тебе не под силу. Женись лучше на мне, и станем жить, как люди живут.

— Нет, — сказал Арин, — ты будешь наречённой моего старшего брата. Я дал обет и должен его выполнить.

Обменялись они кольцами, и Арин снова пустился в путь.

Ехал он всё дальше и дальше по Сухой Суши, Пустынной Пустыне, туда, куда не ходят караваны, не летают птицы.

4

Долго ли он ехал, коротко ли — только ему известно да его доброму коню, и очутился в стране, где всё было черным-черно: чёрная земля, чёрные-пречёрные деревья и камни, чёрное небо, а солнца в тех краях и в помине не было.

Прямо перед Арином чернела крепость с наглухо закрытыми дверями и окнами. Едва держась на ногах от усталости, он спешился и постучался в крепостные ворота. На стук появилась девушка писаной красоты — ни есть не захочешь, ни пить, только на неё глядеть... Словно солнце засияло в чёрной этой крепости.

Подошла она, неслышно ступая, отперла ворота и стала на пороге.

— Доброго здоровья, красавица-пери, — сказал Арин и поклонился.

— Кто ты, юноша? — грустно воскликнула девушка. — Каким ветром занесло тебя сюда?! Уходи скорее подобру-поздорову, не то, не ровен час, появится Чёрный Дэв и разорвёт тебя на части.

— Пусти меня в дом, сестрица, — сказал Арин, — покорми досыта, дай выкурить горькую трубку, а уж потом стращай Чёрным Дэвом.

— Не жалко мне, добрый юноша, в дом тебя позвать, накормить да напоить, только уходить тебе надо поскорее, пока голова цела... Знаю, что победил ты Красного Дэва и прошёл через его страну, но здесь тебя ждёт испытание пострашнее... Чёрный Дэв пожирает людей без числа и без счёта, стирает с лица земли целые страны, обращает их в пепел. У Чёрного Дэва семь голов и семь пастей.

— Не беда, — говорит Арин, — кто родился на свет, когда-нибудь умрёт. Скажи-ка лучше, кто ты и что делаешь в чёрной этой крепости.

— Ах, добрый юноша, я пленница Чёрного Дэва, — сказала девушка, заливаясь слезами. — Он разорил и сровнял с землёй наш край, а меня полонил.

— Не плачь, красавица, — говорит Арин девушке, — я не оставлю тебя в беде. А сейчас покорми меня.

Несказанно удивилась девушка, услышав, чего он хочет, но пожалела его и позвала наверх.

Накрыла на стол, сели они, поели, попили, и вдруг крепость пошла ходуном.

— Что это? — спросил Арин. — С чего это дом задрожал?

— Ох! — испуганно вскочила девушка. — Это Дэв возвращается домой. Давай-ка я тебя спрячу.

— Прятаться я не стану, — говорит Арин, — я ведь ради Дэва и пришёл сюда.

Немного погодя, надвинувшись, как чёрная гора, показался Дэв. Был он о семи головах. Перед ним бежало несметное множество всевозможной живности. Дэв загнал всех в хлев и поднялся в дом. Увидел юношу и зарычал всеми семью пастями:

— Кто ты, о земнородный?! Птица на крыльях не залетает сюда, змея на животе не подползает, как же ты посмел явиться? Неужто не слыхал обо мне?

— Как не слыхать? — сказал Арин. — Я пришёл биться с тобой.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Дэв. — И когда же будем биться, сейчас или утром?

— Воля твоя, — ответил Арин.

Дэв и говорит: у них, мол, обычай — вечером гостя потчевать, а утром биться с ним.

— Будь по-твоему, — говорит Арин, — утром так утром.

Потолковали Арин с Дэвом о том о сём, поели, спать легли. Гостю отвели отдельную комнату.

Проснулся среди ночи Дэв и думает: «Раз он победил моего брата, Красного Дэва, стало быть, и мне надо его опасаться. Зачем ждать до утра? Съем-ка я его сейчас, и дело с концом. Семь лет не лакомился человечинной».

И, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, двинулся Дэв в комнату юноши.

Дом опять пошёл ходуном.

Юноша проснулся.

«Дэв идёт!» — мелькнуло у него в голове.

Вскочил он с места, выхватил меч и прижался к стене.

В комнату ввалился Дэв. В предвкушении еды из семи его пастей текла вязкая слюна.

Он с рыком бросился на кровать, где минуту назад лежал юноша, хотел проглотить его. Но как только он очутился на постели, Арин, не мешкая, взмахнул мечом и разом отсёк все семь голов Дэва.

Едва Арин обезглавил Дэва, взошло солнце и засияло над чёрным этим миром. Яркие солнечные лучи разбудили красавицу-девушку. Поднялась она с постели, увидела, что Дэва уже нет в живых, обвила шею Арина руками и сказала:

— Быть тебе вовеки непобедимым, храбрый юноша. Теперь я твоя, а ты — мой. Давай поженимся.

— Нет, — покачал головой Арин, — ты станешь наречённой моего среднего брата. Обменялись они кольцами. Арин спустился вниз, распахнул настежь ворота хлева и выпустил на волю всех зверей и птиц, пойманных Дэвом.

— Разбегайтесь по своим горам и лесам, — сказал он.

Повскакали животные с мест, обступили радостно юношу, а потом разбежались по своим горам, лесам, долам.

Три дня гостил Арин в крепости, а через три дня надел свои доспехи, взял в руки оружие, оседлал коня и сказал девушке:

— Ну, красавица, оставайся с богом, а мне в путь пора.

— Куда ты? — испуганно спросила девушка.

— Еду я, сестрица, за Азаран-Блбулом.

— Не езжай за ним! — воскликнула девушка. — Из тех краёв нет возврата. Не счастье, сколько людей туда ушло, но ни одна душа обратно не воротилась. Послушай меня, не подставляй под удар бедную свою голову.

— Я иду, сестрица, это решено. Мне надо найти Азаран-Блбула, чтобы наш сад снова зазеленел, — сказал Арин.

Сказал и снова пустился в путь.

И снова он ехал по Сухой Суши, Пустынной Пустыне, туда, куда не ходят караваны, не летают птицы.

5

Долго ли он шёл, коротко ли — одной дороге ведомо, и пришёл наконец в неизвестную страну. Куда ни погляди — развалины, покрытые человеческими костями. Куда ни ступи — отовсюду слышны душераздирающие стоны.

— Куда ты, глупец?!

— Куда ты, безумец?!

— За верной смертью идёшь...

— Возвращайся, пока не поздно, уходи скорей!..

Эти голоса неслись отовсюду. Конь под Арином испуганно шарахался, вставал на дыбы, кусал узду и дрожал всем телом, но Арин ни разу не остановился и не оглянулся назад.

— Вперёд, вперёд, мой Вороной, — говорил он, прищипывая коня.

И конь бежал вперёд, сопровождаемый стонами:

— Куда ты, безумец?!

— Куда ты, глупец?!

— Возвращайся, пока не поздно!..

— Ты ступил на землю сорокаглавого Белого Дэва!

Голоса неслись отовсюду, но юноша никого не слушал, и его конь безостановочно шёл вперёд.

Внезапно перед глазами Арина выросла белая крепость, а в ней дворец, сложенный из человеческих костей и черепов.

Остановился Арин перед крепостью.

Навстречу ему вышла девушка с золотыми волосами, рассыпанными по плечам, лицом, подобным весенней розе, и огромными, как солнца, глазами.

Вышла к нему девушка и сказала:

— Пропал ты, бедный юноша... Неужели ты не заметил, что дорога сюда усыпана человеческими костями? Возвращайся обратно, уходи, пока Белый Дэв не пробудился ото сна!

— Сестрица-красавица, — сказал Арин, — пусти меня в дом, досыта накорми, дай выкурить горькую трубку, а уж потом стращай Белым Дэвом.

— Как же мне тебя не пугать, отважный юноша? — вздохнула она. — Смотри, даже дворец сложен из человеческих черепов!

— А тебя он почему оставил в живых? — спросил Арин.

— Ах, юноша, я его пленница. Он стёр с лица земли нашу страну, сожрал моих родителей и сестёр, а меня силой привёз сюда... Уходи, бедный юноша, он вот-вот проснётся.

— Мне некуда идти, — сказал Арин. — Я к нему и шёл. Сходи-ка лучше разбуди его. Я буду с ним биться.

Отовсюду опять слышались стоны:

— Не сносить тебе головы, юноша!

— Найдёшь здесь свою погибель!

— Беги, пока не поздно, пока он не проснулся!

Сколько ни взывали к нему голоса, Арин, ни разу не обернувшись, ступил во дворец.

Ступил и увидел котёл о сорока ручках, в нём плов из сорока вёдер риса, а поверх него сорок кур.

Три дня у Арина маковой росинки во рту не было. Как увидел он плов — у него слюнки потекли. Сел Арин и поел досыта, вытер рот и встал.

Тут проснулся Дэв и спустился вниз.

— Чую, человеческим духом пахнет!.. Кто тут?

Пока до смерти перепуганная девушка собиралась ответить, Арин вышел из комнаты.

— Я, — сказал он.

— Ты кто такой? — удивился Дэв. — Сюда ни птица не долетает, ни змея не доползает, как же ты осмелился явиться ко мне?

— Я пришёл биться с тобой.

Белый Дэв сообразил, что прежде чем ступить на его землю, этот юноша убил его братьев, Красного и Чёрного Дэвов, и только потом явился к нему.

— Ладно, — сказал Дэв, — будь по-твоему, биться так биться. Но давай сначала перекусим.

Сели они за стол. Арин ни к чему не притронулся, а Дэв поставил перед собой котёл и вмиг очистил его.

— Ну, пошли, — сказал он.

Взял Арин свой меч, сел на коня, и направились они на площадь.

И опять понеслись отовсюду голоса:

— Горе тебе, бедняга!..

— Ни за что пропадёшь!..

— Кому быть первым, мне или тебе? — спросил Дэв.

— Тебе, — ответил Арин, — я же гость.

Отступил Дэв на сорок шагов и метнул в Арина свою булаву, словно обрушил огромную скалу.

Арин изо всех сил стегнул коня.

Метнулся конь вверх, и булава пролетела под ним. Дэв опять отступил и опять метнул булаву.

Конь снова взмыл над ней.

Рассвирепел Дэв, отступил ещё дальше и в третий раз метнул булаву.

И снова Арин изо всех сил стегнул коня.

И снова конь взмыл вверх вместе с седоком, и булава пролетела под ними.

— Ну, теперь мой черёд, — сказал Арин, — стань как должно.

Дэв от ярости долго не мог стать прямо, только рычал, выпуская из сорока пастей дым и чад. Наконец успокоился и стал перед Арином — белый, как гора Масис, огромный, как гора Масис, грозный, как гора Масис.

Отступил Арин на несколько шагов, разогнал коня, поднял меч, налетел, ударил с размаху, и покатались разом тридцать девять голов Дэва.

Покатались по земле отсечённые головы, да тут же стали отрастать новые.

Изумился юноша и снова взмахнул мечом. И опять покатались тридцать девять голов.

Но Дэв был жив, и головы у него снова отросли.

— Вот так да! — поразился Арин. — Неужто смерть его не берёт?

И тут из крепости послышался голос девушки:

— Не бойся, Арин, отсеки ту голову, что посередке, и больше не бей.

В третий раз сверкнул меч, и одним ударом Арин отсек ту голову, что посередке.

— Ударь ещё... — взмолился Дэв, извиваясь.

— Один раз меня мать родила, один раз и бью, — сказал Арин, вытер меч и направился во дворец.

Девушка обвила его шею руками, поцеловала и поблагодарила.

— А теперь, — сказала она, — я принадлежу тебе, а ты — мне.

— Хорошо, но мы будем принадлежать друг другу, когда я достигну своей цели, — ответил Арин.

Три дня он пробыл во дворце, вволю покутил и отдохнул.

На третий день встал он от стола, вздохнул и сказал:

— Я ухожу.

— Куда? — удивилась девушка.

— Наш сад стоит сухой и безжизненный, а я тут пирую. Мне нужно идти.

— Но куда? — переспросила она.

— За Азаран-Блбулом.

— Горе мне! — воскликнула девушка. — Кто идёт за ним, живым не возвращается.

— Я должен пойти. Я дал слово и обязан его выполнить. Мне нужно найти Азаран-Блбула, чтобы наш сад снова зазеленел.

Поняв, что ей не уговорить и не удержать Арина, девушка посоветовала, как найти Азаран-Блбула.

И направился Арин в страну Белого царя.

6

Долго ли он ехал, коротко ли — знают он да его конь. Прискакал он к самой границе Белого царства. Вдруг, откуда ни возьмись, набросились на него два белых пса, словно два диких зверя.

Бросил Арин им по лепёшке, занялись псы едой, а Арин продолжил свой путь.

Подъехал он к крепости Белого царя, огромной, неоглядной, — ни конца ей, ни края, а входов и выходов не счесть.

Вошёл Арин во дворец и, помня наказ девушки, притворил все открытые двери и отворил все закрытые.

Увидел он волка, перед которым лежала охапка сена, и барана, перед которым лежал кусок мяса.

И волк, и баран так исхудали от голода, что превратились в кожу да кости.

Переложил он еду: волку дал мясо, а барану — сено.

Пошёл Арин дальше, вдруг до него донеслись стоны, причитания и плач.

Приблизился он и услышал тысячеголосые стенания, да такие жалостливые и горестные, что Арин не выдержал и вышиб ногой дверь.

Из комнаты высыпало множество пленников, превратившихся в живые мощи. С радостными криками и благословениями они разбежались кто куда...

А наш Арин двинулся дальше и нежданно-негаданно очутился в ослепительно богатом зале из слоновой кости и золота. Там спал сам Белый царь. Он ужасно храпел. Его дыхание вырывалось из груди как дым из трубы, и всё вокруг содрогалось.

Арин подошёл и стал у его изголовья. Взглянул на царя, хотел было тут же убить его, но передумал: только бесчестный человек поднимет руку на спящего.

— Пусть себе спит, — сказал он и, приглядевшись, вытащил ключ из бороды царя.

Вытащил Арин ключ и пошёл дальше. Отпер дверь последней комнаты. Отпер и остался стоять у порога как вкопанный. Он увидел птицу с крыльями, словно сотканными из золотистого шёлка. Сверкающие перья птицы переливались всеми цветами радуги. Этим блеском и радужными красками ярко отсвечивала и переливалась вся комната.

Арин понял, что перед ним Азаран-Блбул — Тысячеголосый соловей.

Очарованный необыкновенным зрелищем, он на мгновение застыл на месте, но во время опомнившись, схватил клетку с птицей и выбежал из комнаты.

Не успел он переступить порог, как всё вокруг наполнилось голосами:

— Похитили! Похитили!..

— Похитили Азаран-Блбула!..

— Открытые двери, поймайте вора!

— Не станем мы его ловить, не станем! — отозвались открытые двери. — Мы устали быть закрытыми, а он нас отворил... Пусть себе уходит с богом, и пусть солнце освещает его путь...

— Закрытые двери, поймайте вора!

— Не станем мы его ловить, не станем! — отозвались закрытые двери. — Мы устали быть открытыми, а он нас притворил. Пусть себе уходит с богом, и пусть его жизнь будет радостна!

— Пленники, поймайте вора!

— Не станем мы его ловить, не станем ловить нашего освободителя! — ответили пленники в один голос. — Пусть себе уходит с богом, и пусть путь его будет усыпан цветами!

— Лови его, волк, лови!

— Не стану я его ловить, — сказал волк. — Я с голоду умирал, а он мне мяса дал. Пусть себе уходит с богом, и пусть лёгким будет его путь!..

— Лови его, баран, лови!

— Не стану я его ловить, — сказал баран. — Я с голоду умирал, а он мне сена дал. Пусть себе уходит с богом, и пусть солнце освещает его путь!..

— Ловите вора, ловите! — слышалось отовсюду.

Но никто не стал на пути Арина.

Вышел Арин из крепости, сел на коня и поскакал что было духу.

Долго неслись ему вслед тысячеголосые крики, но Арин, помня наказ девушки, заткнул уши шерстью и до самой границы ни разу не обернулся назад.

7

Долго скакал Арин с Азаран-Блбулом в руках и прискакал наконец к своей невесте.

Давайте вместе с ней порадуемся его возвращению. Обняла она жениха, поцеловала, и сердце у неё переполнилось радостью оттого, что он вернулся целым и невредимым. А узнав, что Арин достиг своего и добыл Азаран-Блбула, она обрадовалась ещё больше.

— Спой, милая птица, — попросил Арин, — пусть зазеленеют эти сухие горы.

Едва раздалась первая трель, как покрылось зеленью превращённое в пепел царство Белого Дэва, и сквозь зелёную листву донеслись голоса человеческих костей:

— Будь благословен, храбрый юноша, наконец-то на нас снизошёл покой.

— Собирайся в путь, — сказал Арин девушке. — Наш засохший сад ждёт не дожждётся Азаран-Блбула.

Собрали они все сокровища Белого Дэва, погрузили на верблюдов, а сами сели на коней и — дзинь-дзинь-дзинь! — двинулись к царству Чёрного Дэва.

Запел Азаран-Блбул, и зазеленело разрушенное царство Чёрного Дэва. Взяли они с собой наречённую среднего брата, навьючили на верблюдов все сокровища Чёрного Дэва и — дзинь-дзинь-дзинь! — двинулись к царству Красного Дэва.

Забрали с собой наречённую старшего брата, все богатства Красного Дэва и снова пустились в путь...

Долго шёл караван и достиг места, где братья расстались друг с другом.

На перепутье трёх дорог сидел тот же старик.

— Доброго здоровья, дедушка! — сказал Арин.

— Здравствуй, добрый юноша! — узнал его старик.

— Дедушка, не проходили ли по этой дороге мои братья? — спросил Арин.

— Нет, — ответил старик. — Ни одна живая душа здесь не проходила.

— Раз так, — сказал Арин, — присмотри-ка, дедушка, за этими девушками, а я пойду искать своих братьев.

— Ладно, — сказал старик, — присмотрю.

Прощаясь Арин со всеми и пустился в путь.

В каких только городах не побывал он, где только не искал своих братьев, но всё тщетно.

Наконец добрался до Хорасана и постучался к одному хорасанцу.

— Где в вашем городе обитают чужеземцы? — спросил он.

— Найти в нашем городе чужеземца — дело непростое, — сказал хозяин. — Но у нас для них построена церковь. Рано утром ступай в церковь, принеси в жертву пару волов, мясо свари, а потом позвони в колокола. Они узнают, что в церкви служба и жертвоприношение, и сколько ни есть в городе чужеземцев — мигом сбегутся. Если суждено тебе найти своих братьев, то только там.

Наутро, ещё затемно, купил Арин семь волов, велел их зарезать, сварить и зазвонил в колокола.

Услыхав колокольный звон, все жившие в Хорасане чужеземцы собрались в церкви. Арин сам раздавал им куски жертвенного мяса. Сотни людей прошли перед ним, но братьев среди них не оказалось.

Еда была уже на исходе, когда Арин за приметил в толпе среднего брата. Он отозвал его в сторону, дал кусок мяса и спросил:

— Узнаёшь меня?

— Нет, — признался тот. — Откуда мне тебя знать?

— А чем ты занимаешься? — спросил Арин брата. — И где?

— В бане, — ответил тот. — Из печи золу выгребаю.

Пошёл Арин вместе с братом к банщику.

— Рассчитайся с ним, — говорит, — я его с собой забираю.

— А кем он тебе приходится? — спросил хозяин.

— Братом.

— Какой ты мне брат? — удивился Чарин.

— Я Арин.

Чарин не поверил.

— Если ты мой брат, скажи, зачем мы ушли из дому?

— За Азаран-Блбулом, — сказал Арин. — Я его уже добыл.

— А где он? — спросил Чарин.

Арин рассказал брату, что оставил соловья у того самого старика на перепутье, где они расстались.

Тут уж средний брат признал младшего. Поздоровались они друг с другом, как положено.

Снял Арин с брата старую одежду, выбросил её на свалку, нарядил его во всё новенькое, и пустились они в путь.

Вдвоём нашли они старшего брата, сели на коней и поскакали на перепутье трёх дорог.

Прискакали и видят: невесты ждут их.

Показал Арин братьям Азаран-Блбула, познакомил каждого с его наречённой.

Но старший брат, Харин, обиделся. «Себе-то, — подумал, — выбрал самую красивую, а нам кто достался?»

Отдохнули они немного, поели-попили, поблагодарили старика, и их караван — дзинь-дзинь-дзинь! — снова двинулся в путь.

8

Есть ли на земле верность и постоянство? Что сильнее, любовь друга или же любовь брата? Кто, друг или брат, будет тебе предан всей душой?

Да будь ты и трижды мудрецом — всё равно не ответишь на эти вопросы.

Долго шёл караван и добрался наконец до синего моря. Прозрачные пенистые волны бились о берег. Бились о берег и неслышно, медленно и размеренно уползали назад.

День был жаркий.

— Давайте искупаемся, — сказал старший брат.

— Ну что ж, — согласились Чарин и Арин.

— Пусть наши невесты продолжат путь, — сказал старший брат, — а мы искупаемся и догоним их.

Девушки, взяв Азаран-Блбула, двинулись с караваном дальше. А братья разделись и полезли в воду.

Пенистые морские воды мерно бились о берег. Старший брат подплыл к среднему и сказал:

— Давай утопим Арина, а соловья отвезём отцу сами.

— Нет, — сказал Чарин, — как-никак он нам родной брат, жалко. Давай лучше свяжем его по рукам и ногам, выколем глаза, и пусть он тут остаётся.

— Это ты хорошо придумал, — сказал Харин.

Вылезли братья из воды, набросились на младшего, связали его по рукам и ногам, бросили наземь, выкололи глаза и, швырнув его одежду в воду, оставили беспомощного Арина на произвол судьбы.

Увидев братьев, девушки спросили:

— А где же Арин?

— Арин? — понурил голову старший брат. — Эх, зачем только мы полезли в море? Не иначе, чёрт попутал... Утонул наш Арин...

— Как мы ни старались, не смогли его спасти, — добавил печальным голосом средний брат.

Запричитали девушки, заплакали.

И больше всех горевала невеста Арина.

Успокоили братья девушек, утешили, и вскоре караван — дзинь-дзинь-дзинь! — снова тронулся в путь.

Караван был ещё на подступах к городу, когда до царя дошла весть, что сыновья возвращаются, и возвращаются не с пустыми руками — везут Азаран-Блбула.

Царь встретил сыновей со всеми почестями — во главе свиты, вооружённого войска и многочисленной толпы.

Поклонились друг другу отец и сыновья, а потом под звуки песен и торжественные возгласы вступили в столицу. Дома в городе опустели. На кровлях теснились люди. Даже дряхлые старики вышли на улицу, чтобы увидеть Азаран-Блбула.

— Слава храброму Харину!

— Слава храброму Чарину!

— Слава Азаран-Блбулу!

Войско и народ шумным бурным потоком направились в храм.

Поставили клетку с Азаран-Блбулом на возвышенность. Только тут царь спросил сыновей, куда подевался Арин?

— Он утонул в море, отец, — с печалью в голосе отвечали братья.

— А кто эти красавицы?

— Вот эта, — отвечал старший брат, — моя наречённая, другая — наречённая Чарина, а третья, — показал он на невесту Арина, — будет твоей служанкой.

— Нет! — сказала девушка.

Тут царь призадумался.

— Вижу, — сказал царь, — нет между вами мира и согласия. Ну да ладно. Тот, кто нашёл Азаран-Блбула, пускай заставит его спеть.

— Я! — шагнул вперёд Харин.

— Ты так ты, — сказал царь. — Пусть он споёт, и наш сад, спустя семь лет, зазеленеет.

Поднялся Харин на возвышенность.

Народ и войско снова возликовали, снова раздались рукоплескания и громкие восклицания:

— Слава Харину! Слава Харину!

— Слава Азаран-Блбулу!

Подошёл Харин к соловью, поклонился ему и сказал:

— Спой, Азаран-Блбул, и пусть наш сад снова зазеленеет.

Грустно тряхнула головой птица и не издала ни звука.

Шагнул вперёд средний сын, Чарин.

— Теперь ты видишь, отец, что Азаран-Блбула нашёл я.

— Ты так ты, — сказал царь. — Заставь его спеть, и пусть наш сад, спустя семь лет, зазеленеет.

Поднялся Чарин на возвышенность.

Народ и войско снова возликовали, снова раздались рукоплескания и громкие возгласы:

— Слава Чарину! Слава Чарину!

— Слава Азаран-Блбулу!

Подошёл Чарин к соловью, поклонился ему и сказал:

— Спой, Азаран-Блбул, и пусть наш сад снова зазеленеет.

И опять грустно тряхнула головой птица и не издала ни звука, смолкли смех и рукоплескания.

Народ стоял в растерянности.

А сад так и остался высохший.

Азаран-Блбул стал чахнуть на глазах, роняя свои изумрудные и рубиновые перья.

Пусть наши герои пока побудут здесь, а мы узнаем, как сложились дела у младшего брата, Арина.

10

Над морем, прозрачные волны которого бились о берега, пролетала стая белых птиц. Старая мать со своим выводком. Вытянувшись цепочкой, птицы низко летели над морской гладью. Их дорога пролегла в дальние края. Курлыча, они мерно взмахивали крыльями.

Летели они долго, а когда добрались до берега, птенцы вдруг запищали.

— Смотри, матушка, кто это лежит у воды?

Старая мать, повидавшая на своём веку много стран и знавшая много людей, сказала:

— Младший сын царя, детки.

— А почему он тут лежит?

Вещая птица сказала:

— Братья связали его по рукам и ногам, выкололи глаза и бросили на произвол судьбы.

— Бедняжка, как его жалко! — хором запищали птенцы. — Можно ли ему помочь?

— Отчего же нельзя? — сказала мать. — Я стряхну из своего крыла пёрышко, а он должен вложить выколотые свои глаза — они лежат рядом — в глазницы и провести по ним этим пером.

— А верёвки?

— Это уж ваша забота. Подлетите к нему, развяжите узлы и сорвите с него путы.

Подлетели птицы к Арину и принялись клювами развязывать и срывать верёвки, опутавшие его руки и ноги.

Высвободившись от уз, Арин нащупал свои лежавшие рядом глаза, вложил их в глазницы и провёл по ним птичьим пером.

И словно пробудившись от тяжкого сна, юноша широко распахнул ресницы и увидел белый свет. Поднялся Арин с земли и не успел даже поблагодарить своих спасителей — стая уже летела над пенистыми гребнями моря...

И направился Арин один-одинёшенек в город, где царствовал его отец. Но он был раздет и постеснялся явиться в таком виде во дворец.

«Наймусь-ка я слугой, заработаю денег, куплю платье, тогда и на людях не стыдно будет показаться», — решил он.

Пошёл Арин к пекарю.

— Доброго здоровья, хозяин, — сказал он. — Возьмёшь меня в работники?

— Возьму, отчего не взять, — сказал пекарь. — Мне как раз нужен слуга, таскать воду да колоть дрова.

Сговорились они, и стал Арин пособлять пекарю. Воду таскал, дрова колол, топил очаг — зарабатывал себе на кусок хлеба.

Так прошёл месяц. Однажды в городе поднялся страшный переполох, отовсюду доносились крики и плач.

Горожане в страхе разбежались кто куда.

— Что стряслось, хозяин? — спросил Арин.

— Живёшь себе не тужишь и ведать ни о чём не ведаешь, — сказал пекарь. — Белый царь собрал всех своих дэвов и осадил город.

— А чего это он вдруг явился? — сказал Арин.

— Чего да чего... вот дурень! Наши царевичи отняли у Белого царя Азаран-Блбула и привезли сюда. Вот он и явился — требует выдать злодея, который отнял у него соловья.

— Раз такое дело, — сказал Арин, — сходи-ка ты, хозяин, к царю да попроси у него лучшего скакуна. Сяду я на него и поеду держать ответ перед Белым царём.

— Гляньте-ка на него! — от души расхохотался пекарь. — Вот кто, оказывается, будет держать ответ перед Белым царём! Это дело царских сыновей. А ты всего-навсего голодранец.

Сказал это пекарь и, посмеиваясь, вышел.

За ним поспешил Арин.

Видит, скачет его старший брат Харин держать ответ перед Белым царём.

— Куда направляешься, царевич? — спросил Арин.

— Далеко, — сказал Харин. — Не видишь, голодранец, что Белый царь осадил город. Он требует того, кто отнял у него Азаран-Блбула.

Огрел Арина плетью и был таков.

11

Ехал Харин, ехал и очутился за городской стеной.

А как очутился за городской стеной, перед его взором предстало такое зрелище: всё поле белым-бело от белых шатров Белого царя, белого войска и белых коней. И отовсюду слышится шум, хохот дэвов, конское ржание.

Увидел это Харин, и сердце его сжалось от страха. Не мешкая, повернул он коня вспять, воротился в город, спешился и поспешил спрятаться подальше от людских глаз.

— Ох, пропал наш Харин, — сказал царь, увидев брошенного посреди улицы коня. — Теперь, Чарин, твой черёд держать ответ перед Белым царём. Ты привёз Азаран-Блбула, тебе и ответ держать.

Надел Чарин доспехи, взял в руки оружие, сел на коня.

Навстречу ему Арин.

— Куда собрался, царевич?

— Прочь с дороги, скотина! — крикнул Чарин. — Не слыхал, что Белый царь требует к себе того, кто отнял у него Азаран-Блбула? Я еду держать перед ним ответ. Прочь с дороги!

Огрел Арина плетью и поскакал дальше.

Прискакал он в поле, и такое зрелище перед его взором предстало: всё поле белым-бело от белых шатров Белого царя, белого войска и белых коней. И отовсюду слышится шум, хохот дэвов, конское ржание.

Чарин так и застыл на месте.

Со страха отнялся у него язык. Не мешкая, повернул он коня вспять и поскакал во весь дух в город. Бросил он коня, а сам схоронился подальше от людских глаз.

Белый царь ждал-ждал и, никого не дождавшись, снова послал гонца с грамотой: «В последний раз требую немедля выдать мне того, кто отнял у меня Азаран-Блбула. Иначе не пощажу здесь ни одной живой души, камня на камне не оставлю!..»

И снова скорбь и печаль завладели городом.

И снова страх обуял всех.

И снова народ пытался спастись бегством.

— Горе нам!..

— Погибель наша пришла!..

— Пропади пропадом этот соловей!..

— Чтоб ему света белого не видать, этому соловью!..

Арин колот тем временем дрова и, увлечшись работой, ничего не слыхал, ничего не видал. Вдруг видит, бежит хозяин и, не переводя духа, норовит залезть прямо в тониру.

Не выдержал Арин, рассмеялся.

— Что ты делаешь, хозяин?

— Тихо, дурья твоя голова! — цыкнул на него пекарь. — Не ровён час появится Белый царь, камня на камне тут не оставит. А ты себе дрова колешь...

— Белый царь? А что же царевичи, не держали перед ним ответ?

— Какой ещё ответ! Лучше подумай, дуралей, как свою шкуру спасти!

— Ну нет, хозяин, так не пойдёт, — сказал Арин. — Сходи-ка ты лучше к царю и скажи, пускай он даст мне коня. Я сам поеду к Белому царю...

— Убирайся, дурак! — крикнул в сердцах хозяин и забрался в тонира. — Царские сыновья и те ничего не смогли поделать, а ты-то кто?

Между тем народ толпами разбежался кто куда, проклиная и Азаран-Блбула, и его добытчика.

Как услышал это Арин, не выдержал. Сам явился пред очи царя, поклонился ему и сказал:

— Долгих лет жизни тебе, великий государь, прикажи дать мне коня — поеду держать ответ перед Белым царём.

Не узнал старый царь младшего своего сына.

— Ну что ж, — сказал он, — если хочешь, попытай счастья... Сходи сам в конюшню, выбери коня и, коли сможешь, держи ответ перед Белым царём.

— Долгих лет жизни тебе, великий государь, — сказал Арин, — давай с тобой уговоримся.

— О чём, смелый юноша?

— Коли удастся мне дать Белому царю достойный ответ и он уйдёт, не причинив нашему городу вреда, уступи мне на три дня царский трон. Кого захочу — помилую, кого захочу — судить буду.

Недолго думая, царь согласился и скрепил своё согласие подписью.

Положил Арин грамоту за пазуху, взял лук и стрелы, оседлал коня и поскакал.

Прискакал он в лагерь Белого царя.

А царское войско пирует: едят, пьют, смеются, кони ржут.

— Где тут ваш царь? — спросил Арин.

— Во-он там, в белом шатре.

Подъехал Арин к белому шатру. Зашёл и, не поклонившись, стал перед Белым царём.

Рассердился на него Белый царь:

— Ты почему не кланяешься?

— Не умею.

— Ладно, — сказал Белый царь. — Ты и есть младший сын царя?

— Да.

— Это ты украл моего Азаран-Блбула?

— Я.

— А ну-ка расскажи, как это тебе удалось?

Рассказал Арин всё, как было. Рассказал то, о чём я вам поведал.

— А теперь как украл, так и верни его обратно. Не то останется от вашего царства одно пепелище.

Засмеялся Арин.

— Ишь чего захотел! Держи карман шире! И не подумаю. Давай лучше биться!..

Цари терпеть не могут, когда им в лицо смеются.

Рассвирепел Белый царь, выпустил изо рта огонь и дым, чтобы испепелить юношу.

Но Арин натянул тетиву и выпустил в него стрелу.

Со свистом полетела стрела.

Закричал Белый царь страшным голосом и покатился по земле.

Страшный его крик переполошил всех, и дэвы — стар и млад — пустились наутёк, кто на коне, кто пешком.

Убрались они восвояси, в Сухую Сушь, Пустынную Пустыню, туда, где не ходят караваны и не летают птицы.

12

Весть о победе Арина достигла царя. Вышел царь навстречу Арину во главе вооружённого войска, огромной толпы народа и хора, который славил храброго юношу.

Шли Арин и царь навстречу друг другу, а встретившись, отвесили один другому поклон. Звуки труб, рукоплескания и ликующие возгласы толпы смешались воедино.

— Слава тебе, слава!

— Слава храбрецу!

Арин поднял на царя глаза.

— Не узнаёшь меня, отец?

— Нет, — сказал царь, — не узнаю.

— Я же твой сын, Арин.

Царь не поверил.

— Если ты и вправду мой сын, заставь Азаран-Блбула запеть, пусть наш высохший сад снова зазеленеет.

Войско и народ направились в храм.

Заключённый в клетке, зачахший и жалкий, сидел Азаран-Блбул в холоде и мраке.

Арин вошёл в храм, поднялся на возвышенность, стал перед Азаран-Блбулом, поклонился ему, а потом открыл клетку и, выпустив птицу на волю, сказал:

— Спой, Азаран-Блбул, и пусть наш сад снова зазеленеет...

И не успел он договорить, как соловей захлопал крыльями и запел.

И едва зазвучали его трели, как на глазах у всего народа высохший сад надел свой изумрудный наряд: распустились деревья и кусты, раскрылись цветы, воздух наполнился многоголосым хором давно умолкших птиц, и на их голоса пробились из глубины земли, сквозь камни новые ростки и новые цветы, и весело зазвенел фонтан.

И лишь тогда царь узнал младшего сына и обрадовался так, как не радовался никто на свете, а вместе с ним обрадовался и весь народ.

— Уговор дороже денег, отец, — сказал Арин. — Теперь я три дня буду править страной.

— Будешь, сынок, — сказал отец, — и не три дня, а всегда.

Сел Арин на царский трон и призвал на суд старших братьев.

Явились Харин и Чарин в царские покои и стали молить младшего брата простить их злодеяние.

— Как мне их наказать, отец? — спросил Арин.

— Воля твоя, сынок. Власть отныне в твоих руках.

— Вы меня не убили, значит, и я вас не казню. Вот моё решение: берите своих жён и уходите из нашей страны. И пока я жив, не вздумайте сюда вернуться.

Так решил Арин, а его братья, опозоренные и посрамлённые, оставили отчий дом, оставили свою страну и ушли с жёнами далеко-далеко, на чужбину.

Арин стал царствовать на отцовской земле. И сад, всегда недоступный народу, распахнул свои ворота перед каждым прохожим.

Созвал молодой царь весь народ до последнего нищего.

— Вам запрещалось входить в этот сад. Теперь он ваш. Пользуйтесь его дарами, и цветами, и плодами, и родниками. И да не будет на нашей земле нищих и бедняков, и да не услышим мы их проклятий!

Так повелел царь... И с этого дня весёлые толпы людей гуляли в царском саду под тенистыми деревьями, по густой бархатной траве, у весело бьющих фонтанов и студёных ключей, срывали плоды и наслаждались изумительным их вкусом.

А посреди сада Азаран-Блбул без усталости пел с раннего утра и до самой ночи.

1923

СВЕТАЩАЯСЯ ШКУРА

1

Было это или не было... Так давно это было, что уже и не верится, что жил когда-то мальчик-сирота и звали его Ошин. Когда Ошин подрос и стал соображать что к чему, то понял — живут они с матерью в ужасной бедности.

— Чем занимался мой отец, каким ремеслом? — спрашивает он как-то свою мать.

— Твой отец, сынок, был славным охотником, — отвечает мать. — Охотился в горах и лесах.

— Я тоже хочу стать охотником, матушка, — говорит Ошин. — Дай мне отцовские лук и стрелы, пойду поохочусь, принесу добычу и тоже буду кормить нашу семью.

— Нет, сынок, не надо, — возражает мать. — Отца погубило его ремесло, не хочу, чтобы ты пошёл по его стопам, не дам тебе ни лука, ни стрел. Займись-ка лучше другим делом.

Но не слушается Ошин материнского совета, находит припрятанные ею лук и стрелы и уходит на охоту: поднимается в поисках дичи в горы, спускается в долины.

Бродит он здесь и там до самого вечера, но дичи нет и нет, нечего принести домой, нечем обрадовать мать. Назавтра Ошин опять приходит домой ни с чем. На третий день он даёт себе слово: будь что будет, а с пустыми руками домой не вернусь. И снова до самых сумерек не попадается Ошину добыча. Но вечером, решив немного передохнуть, он спускается к морю и вдруг замечает среди волн ярко светящуюся точку, которая приближается к нему. Вот она оказывается совсем близко, и Ошин различает неведомого маленького зверька. Его шкура, переливаясь, сияет, словно солнечные лучи.

С минуту Ошин стоит как замороженный, но быстро берёт себя в руки, выпускает стрелу и, освежив зверька, приносит домой чудо-шкуру.

Когда он проходит по тёмной улице, набросив шкуру на руку, улицу заливают свет, будто наступил день.

Изумлённые этим колдовским зрелищем, люди окружают молодого охотника.

Тем временем первый нахарар¹ царя направляется во дворец. Увидав светящуюся шкуру, он подзывает к себе юношу.

— Отдай мне эту шкуру, — говорит он, — я тебе заплачу.

Юноша не соглашается.

— Не могу, — говорит он. — Люди мы бедные, нет у нас ни лучинки, ни свечи. Отнесу я шкуру домой, станет она по вечерам освещать комнату — и мать сможет прясть свою пряжу.

Как ни уговаривает нахарар юношу, тот стоит на своём. Не соглашается, и всё тут.

Подходит Ошин к своему дому и стучится в дверь.

— Отопри, матушка.

— Погоди, сынок, — говорит мать. — Зажгу лучинку и отопру.

— Не зажигай, матушка, я несу с собой свет.

¹ Нахарар — удельный князь.

Открывает мать дверь и, поражённая, застывает на месте: на руку сына накинута шкура, ярко, как днём, освещающая двор.

Ошин заносит её в дом, и дом озаряется светом. И тогда мать обеспокоенно спрашивает сына, не видел ли кто его с этой шкурой в городе.

— Первый нахарар видел, — говорит сын.

— И что же?

Ошин рассказывает матери, как нахарар просил у него шкуру, а он её не отдал.

Мать сокрушённо качает головой.

— Ох, сынок, — говорит она, — напрасно ты ему отказал. Теперь бойся его мести.

2

Материнское сердце не обмануло.

Утром, едва Ошин собрался на охоту, к ним — в такую-то рань! — явился человек.

— Ты и есть Ошин, сын старухи?

— Да.

— Собирайся, царь тебя зовёт.

«Какое царю дело до меня?» — удивляется юноша, направляясь в сопровождении царского слуги во дворец.

Приходит Ошин во дворец, кланяется царю.

— Скажи-ка, сынок, что ты вечером нёс в руках? — спрашивает его разнаряженный в пух и прах царь.

— Долгих лет жизни тебе, государь. Маленькую звериную шкуру.

— Шкуру-то шкуру, да не простую, а светящуюся... Правда?

— Правда, долгих лет жизни тебе, государь. Люди мы бедные, нет у нас свеч, вот и будет мать при её свете прясть свою пряжу.

— Ступай домой, сынок, и принеси эту шкуру во дворец.

Растерянный Ошин снова повторяет: мать, мол, при свете шкуры будет прясть по вечерам пряжу.

Рассердившись на юношу за дерзость, царь приказывает:

— Ступай сейчас же! А послушаешься, не сносить тебе головы!..

Возвращается Ошин домой удручённый и пересказывает матери свой разговор с царём.

— Чтоб ему пусто было, этому нахарару! Жаль, что он увидел у тебя светящуюся шкуру, — расстраивается мать. — Я как в воду глядела — не жди от него добра. Да что поделаешь, сынок?! Коли царь требует, надо отдать ему шкуру.

Скрепя сердце относит Ошин во дворец светящуюся шкуру.

Увидев это чудо, царь от удивления теряет дар речи. Хватъ шкуру и ну гладить её, и мять, и сворачивать — пытается понять, откуда это изумительное свечение. Потом он приказывает нахарару заплатить Ошину за шкуру. Тот уводит юношу подальше от чужих глаз, даёт ему один сребреник и отвечает две оплеухи.

Едва Ошин покидает дворец, шкура отчего-то перестаёт светиться.

— В чём дело? — удивляется царь. — Почему она не светится?

А первый нахарар, который невзлюбил Ошина и решил расправиться с ним, говорит:

— Долгих лет тебе жизни, государь! Хранить эту шкуру надлежит во дворце из слоновой кости. Она будет переливаться в нём всеми цветами радуги.

— Кому же это под силу — добыть столько слоновой кости? — спрашивает царь.

— Тому, кто принёс эту шкуру, — отвечает нахарар.

И снова посылают гонца за сыном старухи.

Идёт Ошин во дворец, а самому страшно: чего ещё понадобилось от него царю? Узнав о том, что надо добыть столько слоновой кости, сколько нужно для дворца, у него темнеет в глазах.

— Где же я её добуду, слоновую кость?..

— Это уж твоя забота, — говорит царь. — А не добудешь — не сносить тебе головы!

Опечаленный, юноша возвращается домой и рассказывает матери, что потребовал у него царь.

— Чтоб ему пусто было, этому нахарару! Жаль, что он увидел у тебя светящуюся шкуру, — сокрушается мать. — Но ты не бойся, — подбадривает она сына, чувствуя, что в его сердце закрался страх. — Пойди к царю и скажи: чтобы привезти слоновую кость, мне понадобится тысяча верблюдов, тысяча пудов соли, тысяча тюков немытой шерсти, тысяча кувшинов старого вина, тысяча работников, тысяча грузчиков, да ещё в придачу еды и припасов для всех на сто дней. И пусть всё это доставит мне первый нахарар на свои деньги.

Приходит Ошин во дворец и говорит царю: так, мол, и так. И царь приказывает нахарару: снаряди на свои кровные тысячу верблюдов, купи тысячу пудов соли, тысячу тюков шерсти, тысячу кувшинов вина, найми тысячу работников и тысячу грузчиков, да ещё обеспечь в придачу еды и припасов для всех на сто дней.

Удивляется нахарар царскому приказу, а делать нечего — приказ надо выполнять.

Но вот всё готово, и царь зовёт Ошина.

— Можешь отправляться...

А старуха-мать опять наставляет сына:

— Пройдёшь, сынок, со своим караваном трудный сорокадневный путь через горы и ущелья, и перед тобой раскинется дремучий лес, куда не ступала нога человека. В этом лесу есть большое озеро, куда сходятся на водопой слоны. Пускай твои люди выпустят из него воду, наполнят его вином и обсыплют солью прибрежные камни. Потом уйдите подальше и, притаившись где-нибудь, смотрите во все глаза. Слоны слижут с камней соль и, чтобы утолить жажду, напьются вина, опьянеют и повалятся наземь. Тут уж не зевайте — перебейте их на месте, а бивни вырежьте и привезите.

Так наставляет мать сына. Ошин целует ей руку, и — дзинь-дзинь-дзинь! — караван пускается в путь.

3

Не думайте, будто добыть слоновую кость так уж просто. Ничего подобного.

Сорок дней и сорок ночей бредёт караван, то по крутым горам, то по пустыне, и вырастает наконец перед ним дремучий лес, где не ступала нога человека, а деревья не слышали стука топора.

Подходит караван к большому озеру, в котором весело плещется и бьётся о зелёные берега прозрачная вода.

Ошин останавливает караван и делает так, как велела мать.

Тысяча работников пробивают дно и выпускают воду из озера, наливают вместо неё белого вина и затыкают отверстия немытой шерстью.

Тысяча работников сыплет солью прибрежные камни. Потом все уходят подальше и, притаившись, ждут.

Вдруг округа сотрясается. Дрожат от тяжёлого топота и треска сучьев и лес, и земля.

Это идут на водопой слоны. Вот они собираются на берегу озера, и берег на глазах темнеет от их исполинских тел. Слоны приближаются к озеру, раскачивая хоботы и то и дело поднимая их вверх, и встряхивают ушами, похожими на мешки...

Слоны принимаются слизывать соль с прибрежных камней, а потом всё стадо бросается в озеро.

То, что происходит дальше, вначале удивляет, а потом не на шутку пугает Ошина и его людей. С неистовой яростью слоны хлещут друг друга извивающимися, как змеи, хоботами, исступлённо бьются бивнями и наполняют лес страшными трубными голосами. И это продолжается до тех пор, пока, изнурённые и хмельные, они не валятся от усталости наземь.

Люди Ошина выходят из укрытия, нападают на спящих слонов, убивают их и, нагрузив верблюдов слоновыми бивнями, снова — дзинь-дзинь-дзинь! — пускаются в обратный путь.

Сорок дней и ночей бредёт караван обратно и наконец достигает города.

— Я привёз слоновую кость, — говорит Ошин царю.

Обрадованный царь приказывает первому нахарару отмерить Ошину пять горстей золота. Тот опять даёт Ошину один сребреник и отвешивает две оплеухи.

Ошин раздосадован, но и на этот раз не хочет жаловаться царю: вдруг царь ему не поверит.

А царь тем временем призывает к себе пять тысяч работников и тысячу мастеров. День и ночь, не покладая рук, они воздвигают дворец из слоновой кости, да такой изумительной красоты, что всякий, кто увидит его, забывает обо всём на свете, не надо ему ни есть ни пить, только бы глядеть на это диво.

В богато убранный дворец приносят чудо-шкуру, но она всё равно не светится.

Однако как только выносят её из дворца, она заливает своим ярким светом всю улицу. Стоит Ошину зайти во дворец, как шкура начинает сверкать и переливаться, но не успевает он выйти, её свечение тут же гаснет.

— Ну и загадка! — удивляется царь.

— Долгих лет жизни тебе, государь, — говорит первый нахарар. — Чего-то, видно, не хватает в твоём дворце.

— Да чего же тут может не хватать? — беспокоится царь.

— Хорошо бы разбить вокруг дворца пышный сад, в котором росли бы деревья и цветы со всех концов земли, а между ними били бы фонтаны, и услаждали тебя сладостными голосами с утра и до вечера птицы. Тогда шкура и засверкает...

Нахарар, как мы знаем, невзлюбил Ошина и хотел сжить его со света.

— Кому же под силу разбить такой сад? — спрашивает царь.

— Тому, кто достал светящуюся шкуру.

Царь снова зовёт к себе сына старухи и приказывает разбить вокруг дворца сад, в котором росли бы деревья и цветы со всех концов земли, струились разноцветные фонтаны и с утра до вечера услаждали слух птицы.

И даёт царь Ошину год времени.

Опечаленный, Ошин возвращается домой, но мать снова советует ему, как поступить.

— Не грусти, сынок, — говорит она. — Трудно исполнить желание царя, но надо постараться. Попроси у него тысячу работников и тысячу телег — придётся исколесить весь свет в поисках деревьев да цветов. И пусть всё это опять доставит первый нахарар.

Удивляется нахарар царскому приказу, а делать нечего — собирает всё золото и серебро, какое у него было, что недобрал — отнимает у народа, заготавливает припасы на тысячу человек, покупает волов, телеги, и всё это даёт Ошину.

И опять Ошин пускается в путь.

Разъезжает он по всему свету за деревьями, цветами и отвозит их на телегах.

Вместе с деревьями и цветами привозит он себе из далёкого края невесту, девушку невиданной красоты, какой в его стране никто не видал.

Принимается Ошин разбивать сад для царя.

Однажды утром, пробудившись ото сна во дворце из слоновой кости, царь слышит птичьих трели и журчание воды.

Выглядывает он в окошко и диву даётся: вокруг — куда ни кинешь взор — раскинулся зелёный, как изумруд, сад, спрятавшись в густой листве деревьев, сладкозвучно поют невидимые птицы, а между деревьями взмывают ввысь фонтаны, и их струи сверкают и переливаются всеми цветами радуги.

Восхищённый этим зрелищем, царь зовёт к себе первого нахарара и приказывает наградить сына старухи пятью горстями золота.

И снова нахарар уводит Ошина подальше от чужих глаз, даёт ему один сребреник и отвешивает две оплеухи.

И снова Ошин не жалуется царю.

Не жалуется, потому как считает свою невесту, девушку невиданной красоты, привезённую им из далёкого края, таким вознаграждением, с которым не сравнится никаким царским сокровищам и богатствам.

Невестой Ошина любитесь весь город. Прослышал о её красоте и первый нахарар. И когда царь, увидев сад, разбитый Ошином, делится с ним своей радостью и изумлением, нахарар говорит:

— Увидишь, государь, невесту этого юноши, ещё больше удивишься.

Царь любил не только красивые вещи, но и красивых женщин. Услышав слова нахарара, он тут же забывает и про сад, и про светящуюся шкуру и приказывает привести во дворец невесту Ошина.

Приказ царя исполняется немедленно.

Вот девушка стала перед ним, и царь не в силах оторвать от неё восхищенного взгляда. Ему кажется, что это не женщина, а светозарное чудо. Никогда в жизни ему не доводилось видеть ничего подобного. Высокая, полногрудая, с густыми блестящими волосами и лучистыми, как солнце, глазами, она сразу пленяет царя.

— Почему ты прячешь от меня эту красавицу? — говорит он Ошину, кое-как совладав с собой.

— Долгих лет жизни тебе, государь, — отвечает Ошин. — Это моя наречённая.

Царь снова смотрит на девушку, на её прекрасные волосы, лучистые глаза, белое лицо и говорит Ошину.

— Найди себе другую невесту, сынок, эта девушка останется в моём дворце, пусть засветится наконец шкура, которую ты добыл.

Девушка оказывается не только красивой, но и умной.

Видя, к чему клонит царь, она говорит:

— Государь, я бессмертна и должна выйти замуж за такого же, как я, бессмертного человека. Если этот юноша не станет бессмертным, я и за него не пойду.

— Но разве может человек стать бессмертным? — удивляется царь.

— Отчего же нет, государь? Есть на свете живая вода, если одну её каплю добавить в обыкновенную воду, а потом выкупаться в ней, то станешь бессмертным.

Услышав это, царь крепко задумывается.

Слова девушки поражают его. После долгих размышлений царь зовёт к себе первого нахарара, своих верных советников и спрашивает их, где можно достать живую воду.

Первый нахарар невзлюбил Ошина с того самого дня, когда юноша не уступил ему светящуюся шкуру. Человек он был злой и хотел сжить Ошина со света. Но на какие уловки он ни шёл, это ему не удавалось. Из любых переделок Ошин выходил цел и невредим.

Смекнув, что дело чревато опасностью, первый нахарар говорит:

— Государь, если кому и под силу привезти живую воду, то только сыну старухи.

И снова царь зовёт к себе Ошина.

На этот раз Ошин является во дворец не в духе и, толком не поклонившись царю, говорит:

— Чего тебе ещё нужно, государь?

Но царь и виду не подаёт, что недоволен поведением Ошина.

— Ошин, ты очень умный, смекалистый юноша, — говорит он ласково. — Ты должен привезти для меня живую воду. Я искупаюсь в ней и стану бессмертным...

Раздражённый, Ошин приходит домой и рассказывает матери и невесте о желании царя.

Мать в сердцах бьёт ладонями по коленям.

— Чтоб ему пусто было, этому нахарару! Это его проделки, — восклицает она. — Но что поделаешь, сынок, царский приказ надо выполнять.

И она объясняет Ошину, куда ему пойти и что делать.

— Иди семь дней и семь ночей. Когда придёшь на перепутье семи дорог, увидишь там седого как лунь старика. Он указывает дорогу путникам. Этот старик и расскажет тебе, где искать живую воду.

А девушка говорит:

— Это из-за меня, Ошин, царь велел тебе привезти живую воду. Я сказала ему о бессмертии, чтобы он оставил нас с тобой в покое. Не думала, что он пошлёт тебя за живой водой. Но раз уж так случилось, иди и ничего не бойся. Я шагу не ступлю из дому, пока ты не вернёшься. Я — твоя, а ты — мой. Но запомни, когда привезёшь живую воду, никому её не отдавай. Принеси её прямо домой.

Слова любимой девушки ободрили Ошина, и он отправляется за живой водой.

Семь дней и семь ночей идёт он и наконец оказывается на перепутье семи дорог. Видит, сидит там старик с седой по пояс бородой, высоким лбом и мудрыми глазами.

— Дедушка, — говорит Ошин, — укажи мне дорогу к живой воде и посоветуй, как добыть её, не то не сносить мне головы.

— Э-э, сынок, — говорит старик, — многие ходили за живой водой, но никто обратно не возвратился. Едва ли ты её добудешь. Да раз просишь, я скажу. Иди три дня по этой дороге. Если увидишь поутру, когда ещё прохладно, птицу, положи за пазуху и отогрей. А как поднимется солнце — выпусти на свободу. И если суждено тебе найти живую воду, то принесёт её отогретая на твоей груди птица и никто другой.

Благодарит Ошин старика и снова пускается в путь.

Идёт он день, идёт другой и рано поутру замечает съёжившуюся крошечную птичку. Она так замёрзла, что не в силах взлететь.

Ошин берёт замёрзшую птичку в руки, кладёт её за пазуху и продолжает свой путь.

Идёт юноша дальше. Тем временем восходит солнце. Становится теплее.

Почувствовав, что птичка отогрелась и шевелится у него за пазухой, Ошин достаёт её и кладёт на вытянутую ладонь. «Если отогрелась, пускай летит, если нет — снова положу за пазуху», — думает он.

Завидев тёплое и ясное солнышко, птичка взлетает с ладони, кружит над Ошином, словно вглядываясь в него, потом распрямляет крылья и взмывает высоко вверх, в небесную синь.

А Ошин продолжает свой путь. Он взбирается на вершину горы и видит глубокую расщелину, в которой бьёт ключом живая вода.

Смотрит Ошин в эту глубокую-глубокую расщелину, садится на камень и думает, что же ему предпринять, как достать оттуда живую воду.

Долго ли он думает, коротко ли, внезапно замечает — сверху что-то упало в расщелину. Удивлённый, Ошин пытается разглядеть, что же это такое. И вдруг из расщелины вылетает крошечная птичка...

Она подлетает к Ошину и выливает из клюва в кувшин немного живой воды, снова бросается в расщелину и снова приносит в клюве живую воду. И так до тех пор, пока кувшин не наполняется до краёв живой водой.

Тут только Ошин узнаёт птичку, которую он отогрел на своей груди. Он не успевает даже поблагодарить её, она взмахивает крыльями и взмывает высоко вверх, в небесную синь...

Не теряя времени, Ошин пускается в обратный путь.

Радости его нет предела, и потому время, проведённое им в пути, течёт незаметно.

Наконец он возвращается в свой город и приносит домой живую воду.

5

Весть о том, что сын старухи воротился с живой водой, достигает царя. Ликует царь, ликуют его придворные, а больше всех — первый нахарар. Вот как он размышляет: царь-то искупается в живой воде, но следом за ним искупаюсь и я и стану, как и он, бессмертным. А раз так, навсегда останусь первым нахараром.

А невеста Ошина думает иначе: если царь искупается в живой воде, тогда возьмёт её в жёны, и останется Ошин один-одинёшенек. Долго размышляет девушка, наконец решает, как надо поступить, и даёт Ошину совет, как обессмертить царя.

Немного погодя являются царские слуги и ведут его во дворец.

Царь принимает Ошина в радостном предчувствии и нетерпеливо спрашивает: как теперь быть? Должен ли он сам искупаться в живой воде, чтобы стать бессмертным, или его должен кто-то искупать?

— Долгих лет жизни тебе, государь, — говорит Ошин. — Это сделаю я. Только я могу искупать тебя в живой воде. Больше никто не умеет с ней обращаться.

— А когда? — спрашивает царь.

— Долгих лет жизни тебе, государь. Когда скажешь. Прикажи нагреть воды в самых больших котлах. Потом я капну туда живой воды.

Царь приказывает нагреть в огромных котлах воду, а заодно готовиться отпраздновать своё бессмертие.

Тут приходит первый нахарар и просит дозволения и ему искупаться в живой воде.

Царь любит первого нахарара, а потому спрашивает Ошина:

— Можешь ли ты обессмертить нас обоих?

— Долгих лет жизни тебе, государь, — отвечает Ошин. — Конечно, могу.

— Ступай, подготовься, — говорит царь нахарару.

Первый нахарар, не чуя под собой ног от радости, убегает домой. Ошин на глазах у царя и его приближённых капает в котлы прозрачную жидкость. Когда вода закипает, он просит царя раздеться и залезть в давяльню.

Всякому ясно, стать бессмертным не так-то просто, и человек готов ради этого на всё.

Царь раздевается и, рад-радёхонек, лезет в давяльню, и тут Ошин велит слугам лить на него кипяток из котлов.

Они так и делают.

Вскрикнув, царь тут же умолкает.

А Ошин закрывает давяльню железной крышкой и говорит:

— Пока царь становится бессмертным, мы ходим к нахарару. Обессмертим и его.

Идут они к первому нахарару и видят: тот загодя разделся, залез в давилню и с нетерпением поджидает Ошина.

Ошин опять капает в кипящие котлы прозрачной жидкости и велит слугам лить на нахарара кипятков.

Нахарар, как и царь, выкрикивает что-то и тут же умолкает...

Так в одночасье распрощались с жизнью оба недруга Ошина. А сам он становится полновластным хозяином дворца, который он воздвиг, и сада, который он разбил вокруг дворца, и женится на девушке, которую он привёз из далёких краёв.

А шкура, дотоле не сиявшая, озаряет теперь по ночам, как огромный светильник, каждый уголок дворца.

1938

ЧУДЕСНАЯ СВИРЕЛЬ

1

В давние времена, когда люди были куда злее, чем сейчас, жил один мальчик. Жил он впроголодь, но что ни день, усевшись на кровле своего дома, играл на свирели. Да так славно, что частенько и стар и млад соберутся вокруг него, слушают и нахваливают. «Божий дар!» — говорят.

Но мачехе всё это не по душе. Не любит она ни пасынка, ни его свирель.

— Что ты всё дудишь да дудишь? Голова трещит от твоей музыки, — сердится она и заставляет ребёнка работать — лишь бы он не играл да не собирал вокруг себя людей. — Сходи-ка лучше за водой... дай телёнку травы... сбегай поищи корову...

Мальчик послушно таскает воду, кормит телёнка травой, находит, наигрывая на свирели, корову, пригоняет её домой и, усевшись по привычке на кровле, играет на свирели: ду-ду-ду...

А мачеха злится, ругает его на чём свет стоит и снова заставляет работать...

Но мальчик как ни в чём не бывало выполняет все её поручения, а потом, усевшись на своё место, наигрывает любимые мелодии: ду-ду-ду...

Соседи собираются на звуки свирели, слушают и хвалят мальчика, не могут нахвалиться. А случается, молодые до того увлекутся, что, взявшись за руки, пускаются в пляс.

Слыша эти похвалы и глядя на пляски, мачеха и вовсе выходит из себя, уж и не знает, что бы придумать, как бы заставить мальчишку выбросить из головы злополучную свирель, а соседей отвадить от дома.

Видит она, что её старания ни к чему не приводят, пасынок, сколько его ни занимай, всё равно улучит время поиграть на свирели.

Поняв, что нет у неё другого выхода, злая женщина просит мужа куда-нибудь отправить мальчишку, да подальше, чтобы не видеть его и не слышать.

Но как ни любит муж свою жену, сына он тоже жалеет и не в силах выгнать его из дому.

— Ничего, потерпи, — говорит, — он ещё ребенок, вырастет, образумится. Ты его старайся не замечать.

Но мачеха всё не унимается, день и ночь думает она, как ей избавиться от пасынка.

Однажды, прикинувшись больной, женщина принимается громко стонать:

— Ой, мочи нет, ой, помру я!..

Не на шутку перепуганный муж, пуще смерти боясь снова овдоветь и остаться без хозяйки в доме, спрашивает, какая же хворь одолела жену и чем ей помочь, что облегчит её страдания?

— Скажи, милая, чего тебе принести, чего твоей душе угодно?

Притворно охая и ахая, жена говорит:

— Приснилось мне, будто есть такое средство. Только оно и спасёт меня... Моя жизнь в твоих руках, коли ты не захочешь...

— Что же это за средство? — спрашивает муж. — Ты только скажи, я всё найду, достану хоть из-под земли, лишь бы ты поправилась...

Не переставая стонать, жена говорит:

— За этим далеко ходить не надо.

— Что же это? Скажи, не томи.

— Обещаешь для меня сделать?

— Обещаю, — говорит муж.

— Поклянись, что не отступишься от своего слова.

Муж клянётся всеми святыми, клянётся могилами дедов и прадедов, выполню, мол, любое твоё желание.

Тогда жена говорит:

— Приснилось мне, что хворь как рукой снимет, едва пасынок исчезнет с моих глаз... Если его не будет — поправлюсь, если останется — умру.

Услышав это, опечаленный отец закрывает лицо руками и горько плачет, сожалея о своих клятвах.

Но слезами горю не поможешь, слово есть слово, раз дал клятву — выполняй. А не то, упаси бог, жена помрёт и останешься ты вдовый да неприкаянный... И решает отец избавиться от сына.

Проходит какое-то время, и он окликает сына:

— Пойдёшь со мной в лес?

— Пойду, отец, — прыгает от радости мальчик. Отец ведь сам решил взять его с собой! Он давно мечтал сходить с отцом в лес, но тот не брал: устанешь, мол.

— А что мы там будем делать?

— Я поймаю для тебя зайца, лису, пёстрых красивых птичек — всё, что захочешь.

— И то, что растёт в лесу на деревьях?

— Конечно, — говорит отец. — Я нарву тебе белых яблок, сочных груш, орешков, наберу шиповника, кизила...

Услышав это, мальчик уже не может усидеть на месте.

— Пойдём скорее!

Захватив узелок с едой, отец и сын пускаются в путь.

Приходят они в лес, но отец не даёт сыну перевести дух и полакомиться лесными дарами.

— Пошли дальше, там плоды слаще.

Он увлекает сына всё дальше и дальше. Мальчик просит:

— Отец, я устал, давай немного посидим.

Чуть передохнув, они снова углубляются в лес.

— Отец, нарвёшь мне яблок, поймаешь лису?..

— Пойдём дальше. Там и яблоки вкуснее и хвосты у лис попышней...

Заводит он сына в самую гущу, где стоят огромные деревья с густой листвой, а трава выше человеческого роста.

Отец развязывает узелок с едой и кладёт перед сыном.

— Поешь, сынок, — говорит он, — я скоро вернусь. Нарву для тебя яблок, поймаю лису.

Пройдя несколько шагов, он возвращается, обнимает и целует сына.

— С чего ты вдруг целуешь меня, отец? — удивляется мальчик.

— Будь умницей, пока я вернусь, — говорит отец и уходит.

Поев немного, мальчик складывает остатки припасов в узелок, садится на пенёк и принимается ждать отца.

Проходит час, другой, третий, а отца всё нет.

В сердце мальчика закрадывается страх, он кричит, зовёт отца, но никто не откликается.

«Видно, погнался за лисой и не слышит меня», — думает мальчик и, загрустив, достаёт свирель.

Он не помнит, долго ли играет, только замечает, что уже смеркается.

Мальчик поднимается с места и снова зовёт:

— Отец, отец!..

Тоненький его голосок разносится по лесу, но ответа опять нет. Тогда мальчик кладёт свирель за пазуху, берёт в руки узелок с едой и идёт искать отца.

— Отец, отец!.. — то и дело кричит он.

Но в ответ доносится только шелест листвы. Тьма постепенно окутывает деревья. Мальчик всё ещё надеется. Ему кажется, отец ушёл так далеко, что просто не слышит его голоса, но он непременно вернётся.

Тьма сгущается, а отца всё нет и нет.

Поняв, что отца ему так скоро не дожждаться и он остался в лесу один, мальчик решает спрятаться, укрыться от диких зверей. Он закидывает узелок с едой за спину, кладёт свирель за пазуху и, вскарабкавшись на высокое дерево, устраивается в его ветвях. Но он по-прежнему ждёт отца.

Вскоре он погружается в сон.

Просыпается мальчик уже утром.

И опять он не теряет надежды дожждаться отца.

Так проходит день, второй. На третий день, доев последний кусок хлеба, мальчик опять принимается играть на свирели: может быть, отец услышит и отзовётся.

Играет он любимые свои мелодии, играет долго, самозабвенно, и порою ему кажется, что он не где-то в лесу, а на кровле своего дома, а окружившие его тесным кольцом деревья — это соседские мальчики и девочки, только они почему-то не танцуют, как обычно, и не хвалят его.

2

Долго он играет, коротко ли, но вдруг, осмотревшись по сторонам, припоминает, что он на дереве, в лесу. Кидает взгляд вниз и в испуге отшатывается — под деревом, где он сидит, собрались звери всех видов и мастей: и медведь, и тигр, и волк, и лиса. Кого только тут нет! И все, поднявшись на задние лапы и задрвав морды, глядят на него.

Мальчика охватывает страх, но поняв, что дерево, на котором он сидит, слишком высокое и зверям никак до него не добраться, он приходит в себя и принимается громко играть, чтобы звери, испугавшись, разбежались.

Но не тут-то было. Как только звуки свирели становятся громче, звери, кто воя, кто скуля, каждый на свой лад начинают вторить ему, а потом... пускаются в пляс врозь, но затем, увлечшись и словно позабыв, что они друг другу враги, устраивают хоровод вокруг дерева, на котором сидит мальчик.

А мальчику чудится, что звери справляют свадьбу, и, забыв про свой страх, он играет всё веселее и всё больше воодушевляется.

Чем дальше, тем неистовее пляшут звери, повизгивая на все голоса и лязгая зубами в лад музыке.

Сердце мальчика обмирает от страха: вдруг они доберутся до него? Неожиданно до его слуха доносится мощный звук охотничьей трубы и собачий лай.

Охотничья труба и собачий лай приближаются, и вскоре мальчик с удивлением видит странно одетых людей.

Окружив пляшущих зверей, охотники с собаками нападают на них, кое-кого убивают наповал, а кое-кому удаётся спастись бегством.

Один из охотников внезапно замечает сидящего на дереве мальчика и предлагает ему спуститься.

Но мальчику страшно, он боится этих вооружённых и странно одетых людей и не хочет спускаться. В конце концов, сунув свирель за пазуху, он всё-таки слезит с дерева.

— Ты что тут делаешь? — спрашивает его главный охотник, одетый лучше остальных.

То ли от страха, то ли от смущения, мальчик не рассказывает о том, что с ним приключилось. Я, мол, живу на дереве и играю в своё удовольствие на свирели — вот и всё, что он говорит.

— А зверей ты не боишься? — спрашивает главный охотник.

— Нет, — говорит мальчик, — я играю, а они слушают меня и, случается, пляшут.

Главный охотник несказанно удивляется: надо же, звери не только не нападают на мальчика, но ещё и пляшут под его музыку! Сыграй, просит он мальчика, а мы с товарищами послушаем.

Мальчик охотно соглашается. Достав из-за пазухи свирель, он подносит её к губам. С первыми же звуками в душе мальчика что-то преобразается: словно оторвавшись от земли, он не чувствует, где находится и кто его окружает, так завораживает его чарующая песня свирели.

Но его игра завораживает и охотников. Свирель поёт и поёт, и они, положив оружие на землю, усаживаются — кто прямо на траву, кто на пень — и зачарованно слушают.

И откуда они берутся, эти звуки?.. На небесах ли рождаются или возникают из шелеста деревьев — кто знает! Охотникам чудится, будто ни птицы, поющие в царском саду, ни ключи, пробивающиеся в горах, не издают такого нежного журчания и шёпота, как свирель этого мальчика.

Много ли играет мальчик, мало ли, долго ли слушают его охотники — никому не ведомо, но когда мелодия затихает, главный охотник говорит:

— Мы тебя не оставим в лесу одного! Пойдём с нами.

Мальчик не соглашается.

Удивлённые охотники принимают расспрашивать его. В чём, дескать, дело? Переполненное горем сердце мальчика не выдерживает, и он с плачем рассказывает всё, что с ним приключилось.

— Стало быть, отец бросил тебя тут и ушёл? — говорит главный охотник. — Больше тебе нечего бояться. Мы возьмём тебя с собой, будешь жить у нас.

Эти слова подбадривают мальчика, он согласно кивает головой, но всё-таки опасается: случись что, нет на свете ни единой души, способной защитить его.

Долго ли они идут, коротко ли, приходят наконец в большой город. Множество красивых домов и всяческая невидаль повергают мальчика в изумление.

Они пересекают город из конца в конец и подходят к огромному саду за высокой каменной стеной. Мальчик не только в жизни не видел такого сада, но даже не мечтал увидеть.

Он смотрит на всё, разинув рот, и не знает, на что глядеть, а на что не глядеть, так много в городе нового и диковинного для него.

Когда же они оказываются в этом зелёном, как изумруд, саду, удивление мальчика достигает предела.

Перед ним вырастает огромный-преогромный дом в несколько этажей, а на каждом этаже помногу дверей и окон. Куда ни кинешь взор — всюду несказанная красота: деревья, цветы, фонтаны, статуи. Но мальчику странно: люди тут грустные — никто не улыбается, не смеётся.

Долгое время мальчик не может понять, где он очутился и что это за великолепный дворец. Узнав же, что дворец княжеский, а главный охотник и есть сам князь, мальчик и вовсе изумляется.

— Отчего тут все такие грустные? — спрашивает он.

— Оттого, что единственная дочь князя неизлечимо больна, — отвечают ему.

Так попадает мальчик в дом князя. Ему дают отдельную комнату: живи, дескать, здесь, ешь, пей, отдыхай в своё удовольствие.

— Можешь гулять в саду и делать всё, что тебе захочется, — говорят ему.

— А плоды можно с деревьев срывать? — спрашивает он.

— Можно.

— А цветы собирать?

— Можно и цветы.

Мальчику не терпится спросить, а можно ли ему поиграть на свирели, но, застеснявшись, он не решается. Догадывается, что в княжеском доме наверняка не до музыки — княжна больна, люди печалются...

3

Мальчик остаётся в княжеском доме. В первые дни он подолгу гуляет в саду, заглядывает в цветники, обживает новое место, знакомится с новыми людьми, лакомится плодами с деревьев, собирает букеты. Но однажды, соскучившись по своей свирели и позабыв, где находится, он достаёт из-за пазухи свирель и принимается играть.

Долго ли он играет, коротко ли, подходит к нему старый садовник и говорит:

— Не шуми, сынок, княжна больна.

— Извини, дедушка, а я и позабыл, — говорит мальчик и принимается расспрашивать садовника: что же это за болезнь такая, если даже на свирели нельзя поиграть.

— А мы и сами не знаем, — говорит старый садовник. — Столько тут врачей перебывало да знахарей... Никто не может понять. С того дня, как отец отказался выдать её за любимого, княжну одолела хворь. Чего только ни делали — не помогает. Оттого-то все тут грустные, но грустнее всех сам князь. Ты лучше играй в комнате, а в саду будь поосторожней. Вдруг больная услышит, сынок, и ей станет хуже.

Мальчик послушно прячет свирель.

Но на следующий день, гуляя в другом конце сада, посреди густых зарослей, мальчик, позабыв, как видно, наказ старого садовника, снова достаёт из-за пазухи свирель, садится под большим деревом и принимается играть.

Долго ли он играет, коротко ли, снова подходит к нему старый садовник.

— Сынок, я же просил тебя... Княжна больна, не дай бог услышит, совсем худо ей станет.

Спохватившись, мальчик собирается спрятать свирель, но тут из дворца выходит какая-то старуха.

— Это ты играл, сынок? — спрашивает она.

Мальчик кивает головой.

— Почему же ты перестал?

Мальчик объясняет, что старый садовник рассказал о болезни княжны, и ему не хочется нарушить своей игрой покой девушки.

— Нет, сынок, — говорит старуха. — Это верно, княжна больна, но, услышав звуки твоей свирели, она повеселела. Поиграй ещё, может быть, её больное сердце утешится?..

И мальчик, осмелев, снова подносит свирель к губам.

Играет час, второй, играет, позабыв о времени, пока не устаёт.

А устав, уходит в свою комнату.

Утром к нему стучится та же старуха.

— Сыграй и сегодня, сынок, утешь сердце бедной княжны.

Мальчик спускается в сад и начинает играть.

На этот раз его обступают княжеские слуги, слушают музыку и от души радуются.

Теперь он каждый день выходит в сад и час-другой играет на свирели. И вскоре замечает, что лица у людей стали куда веселей, теперь они не такие грустные, как раньше, сам князь и тот заметно повеселел.

— Что случилось, дедушка? — спрашивает мальчик старого садовника. — Отчего это все вдруг повеселели?

— Княжне полегчало, — говорит старик. — Твоя музыка исцеляет её.

Проходит десять дней, и однажды, когда мальчик по обыкновению играет на свирели в саду, под облюбванным им раскидистым деревом, к нему подходит прекрасная девушка в белом платье с распущенными волосами.

Смутившись, мальчик порывается спрятать свирель, но девушка кладёт руку ему на плечо.

— Не стесняйся, — говорит она. — Играй смелее, твоя свирель вернула меня к жизни.

Эта девушка и была княжна.

Мальчик продолжает играть.

Девушка слушает, и глаза её полны слёз.

Всплакнув, она успокаивается и уходит с улыбкой.

Глядя на княжну, радуются и слуги, и сам князь.

Теперь мальчик играет подолгу, а больной становится всё лучше и лучше.

Наконец она совершенно здорова, и князь на радостях соглашается выдать её замуж за любимого.

Свадьбу играют семь дней и семь ночей.

4

После этого слава о юном музыканте разносится по всей стране. Удивительный-де мальчик живёт у князя, игрой на свирели он исцеляет больных, смягчает жестокосердных.

И отовсюду, со всех уголков страны стекаются люди в город взглянуть на этого мальчика, услышать его свирель. И услышав её, больные исцеляются, а злые становятся добрыми...

И вот однажды приходят из села отец мальчика и его злая жена. После того, как мальчика увели из дома, мачеха по-настоящему занемогла и слегла в постель. Как только её ни лечили, ничего не помогало, и ей становилось всё хуже и хуже. Остались от неё кожа да кости. Прослышав, что кто-то игрой на свирели исцеляет больных, муж и жена собираются в дорогу, добираются до города и направляются прямо в княжеский дворец.

А там большое празднество. Во дворец съезжаются самые знатные люди страны со своими жёнами и детьми. Гости собираются в огромной, красиво украшенной зале.

Они собираются отпраздновать день рождения князя. В этот день, как и во время иных торжеств, по приказу князя ворота его дворца распахиваются настежь перед всеми. И каждый, кому охота, входит в эту залу поглядеть на князя и послушать игру юного музыканта.

На возвышенности рядышком сидят князь и княгиня, на них дорогие платья и сияющие драгоценности, а гости, сидя в креслах или собравшись группами, слушают мальчика, который самозабвенно играет на свирели, на своей чудесной свирели... Играет он так, что собравшиеся никак не могут понять, откуда льётся волшебная мелодия... Все завороченно слушают, в зале стоит мёртвая тишина, и слышны самые тихие, самые нежные звуки свирели...

И вот что происходит дальше.

В то самое мгновение, когда внимание собравшихся всецело поглощено музыкой, во дворец входят отец мальчика и мачеха. Их долго не пропускает дворцовая стража, боясь помешать музыканту. Как крестьянин ни просит, ни умоляет — он-де приехал издалека, жена его тяжело хворает, и ей, чтобы излечиться, надо послушать эту музыку, — стража непреклонна: нельзя, и всё тут!

Однако крестьянин настаивает и требует сообщить о своей просьбе князю. Побоявшись шума, стража уступает. Только, говорят стражники, пока музыка кончится, ведите себя тише воды, ниже травы.

И отец мальчика заходит с больной женой в дворцовую залу.

Заходят и застывают как вкопанные на пороге.

Их ошеломляет роскошь убранства, блеск и многолюдие. Такого они в жизни не видели, и в первое мгновение им кажется, что они попали в какую-то волшебную страну. И долго они ещё не могут прийти в себя, стоят растерянные, оторопелые.

Но когда отец бросает взгляд на играющего на свирели музыканта, он тотчас узнаёт своего пропавшего сына и, не удержавшись, кричит на весь дворец:

— Сынок, родной!..

Он кидается к мальчику, прижимает его к груди и целует.

В тот же миг его больная жена, тоже узнавшая музыканта и понявшая, какую славу и почести он снискал, издаёт слабое «Ах!» и замертво падает.

Все присутствующие — князь, княгиня, гости — приходят в замешательство. Поднимается шум. Каждому не терпится узнать, что же случилось...

Все с любопытством окружают крестьянина и засыпают его вопросами. Тот рассказывает им, какая беда свалилась на голову его сына.

Услыхав рассказ крестьянина, князь сердится на него и хочет наказать, но мальчик умоляет простить отца: во всём была виновата злая мачеха, а теперь зло наказано — её сердце не выдержало, она умерла.

Князь отпускает подобра-поздорову крестьянина в деревню, а его сына делает дворцовым музыкантом.

И доныне, говорят, звуками своей свирели мальчик избавляет людей от злобы и зависти и смягчает сердца жестокосердных.

1938

ЛЮБОВЬ

Если я скажу вам: то ли было это, то ли не было, — не верьте, ибо любовь была во все времена... Но такая любовь случается очень редко.

Жила некогда в одной деревне красивая девушка по имени Сиран. И славилась она не только красотой и полными огня глазами, но и добрым сердцем.

Втайне от родителей любила Сиран такого же, как она, прекрасного юношу Сирвана, и он, возвращаясь каждый вечер с охоты, приносил любимой цветы и, целуя её, шептал:

— Сиран, ты моя и будешь моей вовеки.

— Да, отвечала Сиран, — во веки вечные.

И были они счастливы, как могут быть счастливы только влюблённые.

Но порою над счастьем неожиданно нависает угроза. Сиран была до того красива, что ни один юноша не мог равнодушно пройти мимо неё. И вот однажды знакомый её отца из соседней деревни приходит сватать Сиран за своего сына.

— Я пришёл сорвать чудесный цветок, что растёт в вашем доме...

Отец Сиран, конечно же, догадывается, к чему клонит гость и что у него на уме; всё равно — хочешь не хочешь, — а за кого-то дочь отдавать придётся, так уж лучше пусть идёт в невестки к доброму знакомому.

Он даёт своё согласие и, позвав Сиран, сообщает ей: так, мол, и так, собираюсь выдать тебя замуж, жених твой живёт в соседней деревне.

— Но я люблю другого, отец, — говорит Сиран.

Любовь делает человека смелым.

— Не говори лишнее, дочка! Выйдешь замуж и будешь счастлива!

— Но он умрёт, отец, он наложит на себя руки, если я откажу ему.

— Ничего с ним не станется, дочка, — успокаивает её отец.

Грустит и плачет Сиран — и на виду у домочадцев, и уединившись. Но пойти против воли отца она не может. Его слово — закон для неё.

Вечером приходит на свидание Сирван; Сиран со слезами на глазах рассказывает ему, что произошло, и добавляет, что не вправе перечить отцу.

— Но я тебя так люблю, — говорит девушка, — так люблю, что в первую же брачную ночь убегу к тебе, чтобы развеять твою печаль.

Не в силах сдержать радость, юноша целует Сиран в лоб.

— Клянёшься?

— Клянусь, — говорит Сиран и тоже целует его.

И Сирван уходит утешенный: он будет ждать Сиран в первую брачную ночь.

А свадьба уже не за горами.

Не проходит и месяца, и отец выдает Сиран замуж. Свадьбу справляют богато и пышно. В повозке, сопровождаемой музыкантами, отправляет отец свою дочь в соседнюю деревню.

И тут тоже пир, тоже поют и пляшут... Но Сиран ни на минуту не забывает о возлюбленном, о Сирване.

А когда жених уводит её в спальню, красиво убранную по случаю торжества коврами, Сиран откидывает фату и, глядя ему в глаза, говорит:

— Я не могу сейчас остаться здесь. Прежде чем выйти за тебя, я любила другого и дала слово увидеться с ним именно этой ночью. Я должна сдержать своё слово и только потом стану твоей женой.

Услыхав эти странные речи, жених меняется в лице.

— Я не пущу тебя, — говорит он.

— Но я должна сдержать своё слово. Если ты меня не отпустишь — значит, совсем не любишь, и мне остаётся только покончить с собой.

Искренность невесты, её вспыхнувшее лицо и пламень очей не на шутку пугают жениха: такой ничего не стоит в самом деле наложить на себя руки прямо в ночь свадьбы. И, побоявшись позора, он соглашается.

— Хорошо, — говорит жених. — Пойдём, я тебя провожу.

— Нет, — говорит Сиран, — я пойду одна.

— На дворе поздняя ночь, идти одной опасно и страшно.

— Я не боюсь, — говорит Сиран.

Любовь делает человека бесстрашным.

Жених спрашивает:

— Когда вернёшься?

— Этой же ночью.

Сиран говорит так искренне и решительно, что жених, поверив, отпускает её.

— Я не лягу, я буду ждать тебя.

— Я вернусь до рассвета, — говорит Сиран.

И когда опьяневшие гости засыпают беспробудным сном, Сиран выходит из дому в белом подвенечном платье и направляется в село, к своему возлюбленному,

Опечаленный жених провожает её до околицы.

— Я подожду тебя здесь.

— Жди, — говорит Сиран и исчезает во тьме.

А ночь выдалась мрачная, беззвёздная. Но она не ведает страха и, подобрав подол своего длинного платья и откинув фату, идёт одна-одинёшенька, торопится в родную деревню, чтобы поскорее увидеть и утешить любимого Сирвана.

Бежит Сиран по тёмным полям, как занявшийся огонь, как белое пламя, не бежит, а летит. Боится, как бы её Сирван, отчаявшись в тщетных ожиданиях, не разуверился в ней или — хуже того — не сделал чего-нибудь с собою.

И спешит Сиран, задыхаясь, спешит доказать, что ни на минуту не забывала о возлюбленном, не чует под собой ног, даром что дорога вся в рытвинах и ухабах, вокруг непроглядная тьма, а небо над головой низкое и мрачное.

Любовь не признаёт трудностей.

Бежит Сиран, полуприкрыв глаза, ничего не видит, ничего не слышит и не чувствует, как прохладный ветерок треплет подол её подвенечного платья и фату... Бежит, переполненная любовью, и вдруг слышит во мраке чей-то окрик:

— Стой!..

Сиран кажется, что это жених зовет её: видно, пожалел, что отпустил, и теперь торопится вернуть невесту в дом.

Сиран ускоряет шаги.

Но когда окрик повторяется, она вглядывается в темноту и видит прямо перед собой трёх до зубов вооружённых мужчин, которые жадно смотрят на неё, как охотники на лань.

И пока Сиран приходит в себя, её хватают за руку.

— Пошли!..

— Куда ты ведёшь меня, братец? — спрашивает Сиран дрожащим голосом.

— Пошли со мной! — говорит мужчина.

— А кто ты, братец? — снова спрашивает Сиран.

— Я разбойник Аби. А это мои товарищи.

— Братец, милый, — говорит Сиран, — не задерживай меня. Я спешу. Мне нужно вовремя добраться до деревни, не то я опозорюсь перед своим возлюбленным. Если я опоздаю, он наложит на себя руки...

И Сиран со слезами на глазах рассказывает, как отец, не посчитавшись с ней, выдал её за другого, а она поклялась в первую же брачную ночь прийти к любимому — доказать ему свои чувства, утешить его и уберечь от безрассудного шага. Жених пожалел её и позволил повидать Сирвана, и вот она прямо из-под венца, не успев даже снять фату, спешит к возлюбленному...

Рассказывает Сиран, и плачет, и тревожится, потому что время идёт и любимый, того гляди, сочтёт её обманщицей и...

Разбойников растрогала красота девушки, искренность её слов и белый свадебный наряд, и они прониклись к ней сочувствием.

Любовь, настоящая любовь смягчает самые жестокие сердца.

— Коли ты такая честная девушка, — говорит атаман разбойников, — мы проводим тебя к твоему возлюбленному...

И Аби с товарищами провожают Сиран до деревни, до самого дома Сирвана.

И когда Сиран с бьющимся сердцем стучится в дверь Сирвана, она слышит печальный, отчаявшийся голос:

— Кто там?

— Это я, — отвечает Сиран, обрадовавшись, что Сирван жив-здоров. — Я пришла!..

Юноша открывает дверь и видит на пороге Сиран в белом подвенечном платье и фате.

— Ты убежала?

— Нет, жених сам отпустил меня.

Сирван удивляется:

— Отпустил?.. Как же так!..

— Это было моё условие. Я сказала, что дала слово в первую же ночь прийти к тебе.

— И он отпустил тебя? — переспрашивает поражённый юноша.

И тут Сиран поведала, какой разговор произошёл у неё с женихом и как он, сочтя священной данную его невестой клятву, позволил ей уйти, а затем и о своей встрече с разбойниками, о том, как они пожалели её и проводили до самого дома.

Растроганный юноша изумляется поступку жениха и разбойников; он молча склоняет голову и целует руку Сиран.

— Спасибо, что пришла. Сказать по правде, я не верил в это, не верил, что жених отпустит тебя... Но раз уж он сделал это, стало быть, он достойный человек. Пойдём же к нему, пойдём, не теряя ни минуты.

И юноша ведёт Сиран к её жениху; они идут той же самой дорогой, по которой девушка бежала к Сирвану.

Любовь, настоящая любовь возвышает человека.

Ещё затемно влюблённые достигают соседней деревни и на околице встречают жениха Сиран, который печально смотрит на дорогу.

Подойдя к нему, Сирван говорит:

— Как пришла ко мне Сиран чистой и невинной, такой я тебе её возвращаю. Ты благородный человек и достоин быть её мужем. Если ты отпустил её ко мне в первую же ночь в свадебном наряде, значит, у тебя доброе сердце. Так будь же мужем Сиран и моим братом.

Тронутый до глубины души, жених говорит:

— Если ты возвращаешь мне свою любимую такой же чистой и невинной, какой она к тебе пришла, значит, ты любишь её искренне и глубоко и достоин её руки. Так будьте же мужем и женой, а я стану вашим братом.

Так и случилось.

Сиран и Сирван становятся мужем и женой, а недавний жених — их братом.

И сельчанам обеих деревень остаётся лишь удивляться; никто не знает, что же случилось за одну только ночь, отчего всё так внезапно переменилось.

Любовь, истинная любовь глубока и непостижима...

ДУБИНКА

Давным-давно жил в нашей стране нищий дровосек со своей женой.

Заткнув за пояс топор, и намотав на руку верёвку, уходит дровосек в лес и день-деньской рубит деревья, колет дрова и тащит их домой, чтобы продать и прокормить семью.

Однажды замечает он под деревом корягу, огромную, в три обхвата. «Отменное топливо», — радуется дровосек и, вытащив из-за пояса топор, бьёт по коряге. Откуда ни возьмись перед ним появляется белобородый старик.

— Братец, — говорит он, — не разрушай мой дом. Вижу я, что человек ты бедный, возьми себе эту скатерть. Только смотри, не говори по дороге:

Скатерть, милая скатёрка,
Покажи себя, скатёрка!

Берёт дровосек скатерть и пускается в обратную дорогу, но на полпути задумывается: почему это старик не велел ему разговаривать со скатертью? Дровосека разбирает любопытство, и, не стерпев, он говорит:

Скатерть, милая скатёрка,
Покажи себя, скатёрка!

Едва он произносит эти слова, как на его глазах происходит чудо: скатерть сама собой разворачивается, и на ней появляются самые вкусные, самые замечательные яства и напитки.

Дровосек тут же усаживается, ест и пьёт в своё удовольствие, а наевшись, снова повторяет:

Скатерть, милая скатёрка,
Покажи себя, скатёрка!

И скатерть сама сворачивается.

Не чужая под собой от радости ног, прибегает дровосек домой.

— Эй, жена! — кричит он с порога. — Смотри, что я из лесу принёс. Скатерть — всем на удивление... Спрячь-ка её подальше и не смей говорить:

Скатерть, милая скатёрка,
Покажи себя, скатёрка!

Уходит дровосек из дому, а жена его места себе не найдёт: с чего бы это муж запретил ей разговаривать со скатертью? И вот, недолго думая, она говорит (жена не жена, коли мужа не слушается):

Скатерть, милая скатёрка,
Покажи себя, скатёрка!

Скатерть мигом разворачивается, и появляется на ней всё что угодно, разве только птичьего молока недостаёт. Наевшись и напившись до отвала, жена дровосека убирает скатерть и прячет её подальше.

Теперь муж и жена живут не тужат. Когда вздумается, вытаскивают скатерть, произносят заветные слова, скатерть мигом разворачивается, и на ней появляются всевозможные яства. Наевшись и убрав скатерть, муж и жена не могут нарадоваться своему счастью, ведь они вырвались наконец из горькой нищеты и забот о куске хлеба.

Но однажды дровосек говорит жене: у кого-де нашлась такая скатерть-самобранка, у того кой-чего ещё найдётся. Надо бы пойти, попытать счастья ещё разок.

Отправляется он в лес, отыскивает знакомую корягу и принимается бить по ней топором: стук-стук...

И снова перед ним появляется белобородый старик.

— Я тебе, братец, подарил скатерть, — говорит он, — чтобы ты оставил мой дом в покое. Зачем же ты опять стучишь? Ну, так и быть, раз уж пришёл, подарю я тебе ещё и маленький жернов. Но смотри, уходи и больше тут не появляйся...

— А на что мне этот жернов?

— Как появится в нём нужда, скажешь:

Жернов, жернов, милый жернов,
Покажи себя, мой жернов!

Приносит дровосек жернов домой и, как только произносит заклинание, жернов принимается вращаться и молотить муку. И столько из него высыпается муки, что жена дровосека не знает, куда её девать. Наполнив все свои мешки, она набивает ими дом, бежит за мешками к соседям, а потом начинает бойко торговать мукой. Но сколько она ни продаёт, мука из жернова всё сыплется и сыплется, и её всегда оказывается вдвое больше того, что продано.

Богатеет дровосек не по дням, а по часам, теперь в его доме огонь никогда не гаснет.

Однако проходит немного времени, и он опять призадумывается, не наведаться ли в лес, интересно ведь, что на этот раз подарит ему старик.

«Коли у него нашлась скатерть-самобранка и чудо-жернов, найдётся и что-нибудь получше», — решает дровосек.

Заткнув за пояс топор и намотав на руку верёвку, как и раньше, отправляется в лес разбогатевший дровосек. Находит он знакомую корягу и заносит над ней топор: стук-стук...

Тут же появляется белобородый старик.

— Опять явился? Скатерть я тебе подарил, жернов тоже, нет теперь у тебя нужды дрова колоть. Зачем же ты снова рушишь мой дом? Ну да так и быть, возьми эту курицу и больше меня не тревожь. Но смотри, не говори по дороге:

Ну-ка, милая несушка,
Покажи себя, несушка!

Берёт дровосек курицу и отправляется домой, но ему опять же не хватает терпения, и он говорит:

Ну-ка, милая несушка,
Покажи себя, несушка!

Едва он произносит эти слова, в ладони у него оказывается золотое яичко.

Несказанно обрадовавшись, дровосек торопится домой.

— Смотри, жена, что я принёс: это не курица, а настоящее сокровище.

Курица снесла столько яиц, что за один год дровосек сказочно разбогател. Заводит он прислугу, разбивает парки и сады, строит дома, похожие на дворцы, украшает их самой изысканной мебелью и чувствует себя наверху блаженства. А жена дровосека, которая прежде с утра до вечера с кизяком возилась, теперь ходит только в шелках да атласе, руки и пояс увешивает рубинами и кораллами, на пальцы надевает дорогие кольца. Мало того, разбогатев, вспылали супруги друг к другу новой любовью.

Но наступает день, и всё это уже не радует дровосека. Однажды он, как в былые времена, надевает старую одежду и, заткнув за пояс топор и намотав на руку верёвку, направляется в лес.

Находит он в лесу старую корягу, заносит топор и хватать по коряге: стук-стук...

Раз ударяет, другой, из коряги тотчас выскакивает белобородый старик и, зажав бороду в ладони, говорит:

— Ай-яй-яй! Опять ты явился рушить мой дом? Три добрых дела сделал я для тебя, а тебе всё мало... Раз так, прими от меня на память эту дубинку. Только смотри, не говори по дороге:

Дубинка, дубинка,
Покажи себя, дубинка!

Радости дровосека нет предела — старик и на этот раз не поспешил. Берёт он дубинку и торопится домой — обрадовать жену. Но на полпути, не утерпев, говорит:

Дубинка, дубинка,
Покажи себя, дубинка!

Едва он произносит эти слова, как дубинка выпрыгивает из его рук и, стукнувшись оземь, снова подскакивает. Дровосек нетерпеливо ждёт, когда же случится новое чудо? Что посыплется из дубинки?.. Однако дубинка, подскочив, охаживает дровосека ударами сначала по голове, а потом по спине и груди. Как ни уворачивается дровосек, как ни пытается поймать её — ничего не получается. Дубинка изо всех сил колотит его по ногам, по рукам, по спине, по голове...

В конце концов дровосек без памяти валится с ног.

Прохожие приводят его в чувство, поднимают и провожают до дому.

Но не новый богатый дом стоит перед ним, а старая лачуга. А в лачуге нет ни курицы, которая несёт золотые яйца, ни чуда-жернова, ни скатерти-самобранки.

Сидит в залатанной одежде жена и сучит нитки веретеном.

1938

ПАСТУХ-СУДЬЯ

Жили когда-то в нашей стране два купца. Одного звали Захар, другого Шакар. Собираются они как-то и уезжают из Армении во Францию — продавать товар. Но дела у них отчего-то не ладятся, товар не расходуется: то ли покупателя нет, то ли сноровки им не хватает. В торговле, как все знают, нужен не столько ум, сколько житейский опыт, да изворотливость. Но, видно, Захар оказывается ловчее: ему первому удаётся сбыть с рук товар и с барышом возвратиться домой. Другой же купец, Шакар, продал к этому времени едва ли половину своего товара и не может присоединиться к товарищу. Потому даёт он Захару драгоценный камень и говорит: «Передай этот самоцвет моей жене и скажи, что я вернусь, как только закончу свои дела».

Само собой, Захар обещает передать драгоценный камень жене друга, но, воротившись домой, и думать об этом забывает. А когда жена Шакара, расспрашивая о муже, интересуется, скоро ли тот приедет, Захар отвечает: он, дескать, жив-здоров, велел тебе кланяться, а вернётся, как только распродаст свой товар.

А про самоцвет — ни словечка. Франция, думает, страна далёкая, путь оттуда долгий и трудный, всякое может приключиться. Вдруг Шакар и вовсе не воротится домой, тогда самоцвет останется ему, Захару.

Проходит, однако, время, и купец Шакар возвращается на родину. Узнав от жены, что друг его Захар не отдавал ей драгоценного камня, он не стал думать да гадать, а прямоком

отправился к Захару выяснить, почему тот так поступил, зачем он оставил самоцвет себе? Может, Захар попросту его потерял и, постеснявшись признаться, надеется купить точно такой же, а затем уж вернуть.

С этими мыслями отправляется Шакар к Захару, но едва он в беседе упоминает про драгоценный камень, Захар, и бровью не поведя, клянётся ему всеми святыми: как, дескать, переступил порог родного дома, так сразу и отдал этот самоцвет твоей жене. Между тем, жена Шакара тоже клянётся и божится, что никакого самоцвета и в глаза не видала.

Пропажа драгоценного камня — это, конечно, большая потеря.

Долго препираются купцы, и Шакару ничего не остаётся, как отправиться вместе с женой к царю с жалобой на Захара.

— ...Прикарманил Захар наш самоцвет и не отдаёт...

Слух об этом доходит до Захара, и он покупает за деньги лжесвидетелей. Те являются к царю и заявляют, что собственными глазами видели, как Захар передал драгоценный камень жене Шакара.

— Долгих лет тебе, государь, мы это собственными глазами видели.

Царь отказывает Шакару да ещё укоряет его в том, что он оболгал честного купца, своего близкого друга.

— Подите прочь, — говорит он, — и больше не смейте являться ко мне с такими жалобами!..

Опечаленные муж и жена возвращаются в город, а вместе с ними пускается в путь и Захар со своими свидетелями.

По дороге встречаются они крестьянина. Тот спрашивает, кто они такие и куда держат путь. Захар и его свидетели не обращают на него никакого внимания, но хлебнувшие горя Шакар с женой рассказывают незнакомцу всё, что с ними приключилось.

Узнав, что царь не поверил Шакару, крестьянин уговаривает их сходить к сельскому судье.

— Он сразу во всём разберётся и рассудит, кто прав, кто виноват, — говорит крестьянин.

Услышав это, Шакар с женой предлагают Захару и его свидетелям пойти к этому сельскому судье, но те ни в какую не соглашаются.

— Виданное ли дело, обращаться после царя к какой-то деревенщине... Ты, стало быть, не веришь в справедливый царский суд?

— Верю, как не верить, — говорит Шакар. — Но ежели ты прав, чего тебе бояться? Не станет правый человек избегать суда. А раз ты избегаешь, стало быть, чувствуешь за собой вину.

Эти слова задевают Захара.

— Так и быть, пошли, — говорит он. — Поглядим, что новенького нам скажут. Вот я, а вот мои свидетели.

И все вместе отправляются к сельскому судье.

На краю поля, раскинувшегося неподалёку от села, видят они старого пастуха, которого плотным кольцом окружили сельчане. Из толпы время от времени выходит то один крестьянин, то другой и, став перед пастухом, выкладывают свою жалобу. А пастух, внимательно выслушав, в двух словах выносит свой приговор.

Видя, что судит людей простой пастух, возмущённый Захар и его свидетели не желают держать перед ним ответ и собираются продолжить свой путь. Не вызывает доверия этот пастух и у Шакара с женой. Они тоже подумывают уйти. Заметив это, пастух-судья сам поднимается им навстречу и спрашивает, что их сюда привело?

Захар и его свидетели с насмешками подталкивают Шакара: расскажи, мол, судье всё как есть, поглядим, как он рассудит нас.

Шакар нехотя, только потому, что не хочет обидеть пастуха, рассказывает, как он передал драгоценный камень своему спутнику, тот его прикарманил, а потом привёл лжесвидетелей и те поклялись царю, что своими глазами видали, как Захар вернул самоцвет его жене, отчего царь и отказал Шакару в просьбе.

— Хорошо, — говорит пастух. — Пусть свидетели подойдут ко мне. Вы видели этот камень?

— Да, — говорят свидетели.

— Ну что ж, — говорит пастух, — разойдитесь-ка вы, свидетели, в разные стороны и найдите что-нибудь, смахивающее на этот ценный камень величиной и цветом.

Тут уж свидетелям становится не до смеха. Думают они, гадают, что бы им такое отыскать — тот самоцвет они ведь и в глаза не видали. Но пастух-то этого самоцвета тоже не видал, успокаивают они себя, стало быть, что ему ни покажи — примет за чистую монету.

Разбредаются они в разные стороны и немного погодя возвращаются к пастуху-судье. Один несёт кусок сероватой древесной коры, другой круглый зелёный листочек, третий вытаскивает из кармана пуговицу.

Всё это пастух берёт у них и раскладывает перед собой.

Потом он велит Захару и Шакару сделать то же самое: разойтись по сторонам и поискать что-нибудь, смахивающее на злополучный этот самоцвет.

Захар и Шакар приносят небольшие, почти одинаковые куски песчаника.

Эти куски песчаника пастух тоже кладёт перед собой, а потом поднимает голову, и с укором вглядывается в смущённые лица Захара и его свидетелей.

— Видишь, как всё обернулось? — говорит он.

— Вижу, — отвечает сгорающий со стыда Захар.

— Как воротиться домой — отдашь драгоценный камень этому человеку, — говорит он Захару, а его свидетелей, пристыдив, отправляет восвояси.

Не проходит и дня, как весть о пастухе-судье доходит до царя.

Удивлённый мудростью пастуха, царь зовёт его во дворец, долго беседует с ним и, убедившись в его уме и смекалке, поднимается с трона и уступает его пастуху.

— Это место достойно тебя, — говорит царь.

Но пастух ни за что не соглашается.

— Долгих лет тебе, государь, но я соглашусь сесть на этот трон, если только ты прикажешь ослепить меня.

Изумлённый царь долго думает над словами пастуха, да так до самой смерти и не может их понять.

Конец 30-х гг.

ФИЛОС

Был у одного крестьянина сын-дуралей по имени Филос.

Как-то возвращается Филос с поля, находит на дороге иголку и бросает её в телегу — матери отвезти. Доезжает он до дому и спешит обрадовать мать: привёз, говорит, иголку. Но сколько ни ищет — никак не может отыскать.

— Вот дуралей! — корит его мать. — Коли нашёл иголку, воткни её в рубаху — на грудь или в рукав, а не бросай в телегу.

— Ладно, в другой раз так и сделаю, — говорит Филос.

Попадается ему однажды на глаза котёнок. Филос и так старается, и эдак — норовит прицепить его к рубахе и до того доводит беднягу, что тот, вконец измученный, подышает.

Приходит Филос домой и всё рассказывает матери.

А мать и говорит ему:

— Вот дуралей, позовёшь кошку: «кис-кис», она и побежит за тобой. А ты что наделал?..

— Ладно, в другой раз так я и сделаю.

Через день встречается ему заяц. Ласково и нежно подзывает его к себе Филос: «Кис-кис...» Но чем больше он старается, тем дальше убегает заяц.

Приходит он домой и всё рассказывает матери.

— Горе ты моё, — всплёскивает руками мать. — Заяца убивают палкой или выстрелом, а не подзывают к себе.

— Ладно, в другой раз так я и сделаю.

Является как-то Филос домой весь в слезах.

— Что случилось? — спрашивает его мать.

— Работаю я, значит, в поле и вдруг смотрю — телёнок, я и хватил его палкой, а у телёнка возьми и нога сломайся. Набросились тут на меня всадники и отлупили.

— Горе ты моё, — качает головой мать. — Телёнка грешно бить палкой... А коли встретишь жнеца — доброго здоровья пожелай.

— Ладно, в другой раз так я и сделаю.

Идёт однажды Филос, а навстречу ему толпа людей, и несут они покойника хоронить.

— Доброго здоровья вам, люди, доброго здоровья! — радостно кричит им Филос.

Хватают они его и хорошенько избивают.

Приходит Филос домой в слезах и рассказывает матери, что с ним приключилось.

— Ой, сынок, — говорит мать, — увидишь похороны, погрусти, поплачь и скажи: «Бог вас утешит, люди добрые...»

— Ладно, в другой раз так я и сделаю, — обещает Филос.

Проходит как-то Филос по деревне и видит: в одном дворе полно народу. Женщины пляшут, веселятся — свадьбу справляют.

Подходит Филос в самый разгар веселья, снимает шапку и с громким плачем говорит:

— Бог вас утешит, люди добрые!..

Тут его хватают и, надавав тумачков, выгоняют со двора.

А навстречу ему поп. Со страху, что и от того ему достанется, Филос с воплем пускается наутёк.

Но поп успевает напоследок огреть его палкой и продолжает свой путь.

Приходит Филос домой весь зарёванный и рассказывает всё матери.

— Ой, Филос, горе ты моё!.. — сокрушается мать. — Как увидишь попа, не мешкаяними шапку и скажи: «Благослови, святой отец».

— В другой раз так и сделаю.

Проходит немного времени, решает Филос отправиться в лес. Долго ли он бродит по лесу, коротко ли — вдруг навстречу ему выходит медведь.

И что же наш Филос?..

Увидав медведя, Филос, недолго думая, бац перед ним на колени и говорит:

— Благослови, святой отец, благослови!..

Ударив Филоса лапой и подмяв под себя, медведь усаживается на него.

Лежит Филос на земле, боясь шелохнуться.

Чует медведь, что человек под ним ни звука не издаёт и даже не шевелится, и убирается восвояси.

А Филос поднялся с земли и во весь дух пустился наутёк.

С того дня, говорят, Филос поумнел.

СЕРДЦЕ

Было это или не было, жил в нашем древнем городе Двине молодой князь по имени Алан.

Как-то раз созывает Алан во дворец товарищей по оружию и близких родичей и устраивает пир. Роскошные залы его дворца наполняются гостями, которым нет числа, песнями и музыкой.

Сам молодой князь в воинском одеянии с расстёгнутым воротом, рассыпав по плечам чёрные кудри, обходит столы и просит своих гостей веселиться от души, пить и есть в своё удовольствие.

И гости всласть едят и пьют, а гусаны, настроив инструменты и усевшись в большом зале на возвышенности, без усталости играют. Вместе с гусанами поют и гости, наслаждаясь яствами, от которых ломится стол.

Вино льётся рекой, один за другим осушаются серебряные кубки и чаши, тают на глазах кушанья, но стол наполняется новыми и новыми блюдами.

И вот в самый разгар веселья подзывает к себе князь верного своего слугу Антока и говорит:

— Сходи-ка в погреб, что в моём саду, и принеси для гостей вдесятеро больше вина... И следи, чтобы не иссякала на нашем столе еда.

Анток спешит исполнить приказ князя.

Однако на полпути он вдруг замечает лежащего на земле мертвеца; уставившись в небо широко раскрытыми глазами, мертвец словно взывает к милосердию и состраданию. Сердце Антока сжимается от жалости, он забывает о поручении князя, хотя ему и неизвестно, кто перед ним — друг или недруг, потом добывал этот человек свой хлеб или разбойничал, отнимая у других заработанное честным трудом. Забывает Анток приказ князя. Зовёт Анток священника, чтобы отпеть несчастного.

— А кто мне заплатит? — спрашивает священник.

— По всему видно, это человек безродный, — говорит Анток. — Будь милосерд, прочти заупокойную, схороним его по-христиански.

— Не стану я даром отпевать, — говорит священник.

— Возьми в уплату эту шапку и свивальник, — говорит Анток священнику.

На кладбище, наняв могильщиков, он со всеми почестями, будто родного, предаёт земле тело этого безвестного человека.

И только после похорон торопится исполнить наказ хозяина.

Но пока он добирается, день склоняется к закату. Передав приказ князя слугам в погреб, Анток задумчиво и печально направляется во дворец.

Всю дорогу ему не даёт покоя мысль, как оправдаться перед князем, чтобы тот простил его заслушание.

Ещё издали он замечает, что во дворце не слышно больше шума веселья и музыки, а хозяин — молодой князь — мрачно и взволнованно ходит взад-вперёд перед воротами.

Теперь Анток уже не сомневается, что князь возмущён и, стало быть, надо пасть к его ногам и просить о милости.

Заметив приближающегося Антока, князь обнажает меч и кидается к нему.

— Презренный, бесчестный человек, где вино, что я велел принести?! Ты загубил мне веселье, выставил перед гостями на посмешище!.. И теперь только кровью сможешь ты смыть навлечённый на меня позор!..

И с этими словами он с яростью опускает меч.

Не знающий жалости меч отсекает голову верному слуге.

Но в этот миг происходит нечто небывалое, отчего несказанно изумлённый князь забывает не только о содеянном, но и обо всём на свете. Крылатое существо, цепко схватив его за руку, говорит:

— Ты убил невинного и доброго человека, не удосужившись даже выслушать его. И искупить свою вину ты можешь, только отдав мне свою душу.

Эти слова повергают молодого князя в ужас, он просит и умоляет сжалиться над ним, не лишать жизни и обещает искупить свою вину покаянием и добрыми делами. Он говорит, что только-только женился, его ждёт молодая любящая жена: потеряв мужа, она может с горя наложить на себя руки.

— Смилуйся надо мной и моей женой! — говорит Алан.

И так он умоляет, так просит, что гора и та бы содрогнулась, камень и тот бы раскололся, а уж человек и подавно пожалел бы и изменил свой приговор.

Но ангел смерти непреклонен:

— Решено, — говорит он, — готовься! Даю тебе час времени!..

Видит Алан, что ангел смерти непоколебим, и, понутив голову, идёт к старому отцу; рассказывает ему без утайки всё, как есть: и что теперь ангел смерти требует взамен его душу, и как ему, Алану, не хочется умирать.

— Отец, — говорит он, — ангел смерти хочет забрать мою душу. Отдай ему взамен свою, спаси мою молодую жизнь. Ты ведь любишь меня.

— Верно, сынок, я люблю тебя, люблю безгранично, — говорит отец. — Но ведь я ещё не так стар... А нельзя ли откупиться от этого ангела смерти? Может быть, выменяем на золото чью-нибудь душу и отдадим ему?

Зачерпнув горсть золота, отец протягивает сыну, но Алан, не дослушав его, бежит к старшему брату.

— Брат, старший мой брат! — говорит Алан и рассказывает про своё горе. — Отдай свою душу вместо моей, спаси мою молодую жизнь. Ты ведь любишь меня, правда?

Слушает старший брат Алана и впадает в глубокое раздумье.

— А ты не можешь, — говорит он, — перехитрить этого ангела и взамен своей души отдать ему душу какой-нибудь твари?

Не дослушав брата, бежит Алан к друзьям, тем, кто не раз клялся отдать жизнь за него и уверял, будто готов умереть ради Алана.

Но друзья Алана, подобно отцу и брату, не соглашаются сохранить жизнь товарища ценой своей; и, опечаленный, потерявший надежду на спасение, бредёт он по дороге и вдруг вспоминает про мать: будь она жива, уберегла бы от смерти его молодую жизнь, отдала бы ангелу материнскую свою душу. Охваченный горестными мыслями, возвращается князь во дворец в ожидании своего часа. И тут жена, его молодая жена замечает печать безнадежной грусти на лице мужа.

— Отчего ты так печален, любимый, какое горе сдает тебя? — спрашивает она, обнимая мужа.

Алан рассказывает ей всё, рассказывает и то, как ради спасения своей жизни обратился к отцу, старшему брату, друзьям, но никто не откликнулся на его беду.

Полная сострадания, выслушивает его молодая женщина, а затем внезапно выхватывает из ножен меч мужа, рассекает свою белоснежную грудь и, вынув свою трепетную душу, протягивает её Алану.

Потрясённый Алан забывает и о своём горе, и об ангеле смерти. Как быть, что делать? Тут жена его бездыханно падает наземь, и, увидев это, он выбегает, моля о помощи.

Но поблизости никого нет. Алан с рыданиями бежит обратно и в изумлении застывает на месте, не в силах вымолвить ни слова, столь неожиданная картина предстаёт перед ним.

Как всегда нарядно одетая, его жена кружится по комнате, а лицо её ещё веселее и прекраснее, чем прежде...

Она кружится по комнате с радостной песней на устах, а увидев Алана, кидается к мужу и обнимает его. Восхищённый беззаветной любовью молодой женщины, ангел смерти вернул ей душу и снова вдохнул в неё жизнь.

1938

СОДЕРЖАНИЕ

С. Гуллакян. Армянские писатели и народные сказки	3
Г. АГАЯН	
Переводы Э. Налбандян	
Анаит	12
Одзаманук и Аревахат	45
Хитроумный ткач	54
Арегназан, или Заколдованная страна	59
Айцатур	97
Ехегнуи	105
Занги-Зранги	112
Аслан-бала	120
Азаран-Блбул	130
ОВ. ТУМАНЯН	
Переводы Г. Кубатьяна	
Глупец	158
Бесхвостая лиса	160
Козлёнок	162
Воробей	164
Странники	166
Братец топор	167
Враль	168
Царь Чахчах	169
Кувшин с золотом	173
Хозяин и работник	174
Умный и дурак	178
Говорящая рыбка	181
Безрукая девушка	184
Непобедимый петух	191
Масленица	193
Охотник врунишка	194
Бездельница Ури	196
У весельчака веселья не убудет	198
Райский цветок	203
Храбрый Назар	207
Смерть Кикоса	216
Про недотёпу Фаноса	219

АВ. ИСААКЯНПереводы **В. Баласана**

Что всего нужнее?	224
У солнца	226
Сказка	228
Умники города Нукима	232

В. ПАПАЗЯНПереводы **К. Халатовой**

Лур-да-лур	238
В чём сила?	243
Круглые боги	247
Ручеёк	251
Вишاپ	255
Для желудка	262
Зохак	264
Деревянный меч	273

СТ. ЗОРЬЯНПереводы **Н. Мкртчян**

Азаран-Блбул	280
Светящаяся шкура	307
Чудесная свирель	319
Любовь	330
Дубинка	334
Пастух-судья	338
Филос	342
Сердце	344

ISBN 5—550—009—7

Литературно-художественное издание
СКАЗКИ АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
Сборник

Заведующий редакцией **Г. С. Атрын**
Редактор **К. А. Карменян**
Художник **В. Ц. Топчян**
Худ. редактор **Дж. Е. Гаспарян**
Техн. редактор **А. Г. Севоян**
Контрольный корректор **И. Г. Егиазарова**

ИБ № 6249

Сдано в набор 25. 05. 88 г. Подписано к печати 3. 10. 88 г. Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. 18,48 усл. печ. л. 18,69 усл.-кр. от., 19,7 уч. изд. л. Тираж 200 000. (I завод 1 — 50 000): Заказ 1585. Цена 1 р. 90 коп.

Издательство «Советакан грох», Ереван-9, ул. Терьяна, 91.

Типография № 1 Госкомитета Арм. ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ереван-10, ул. Алавердяна, 65.

Сканирование, OCR — Айвазьян Владимир

